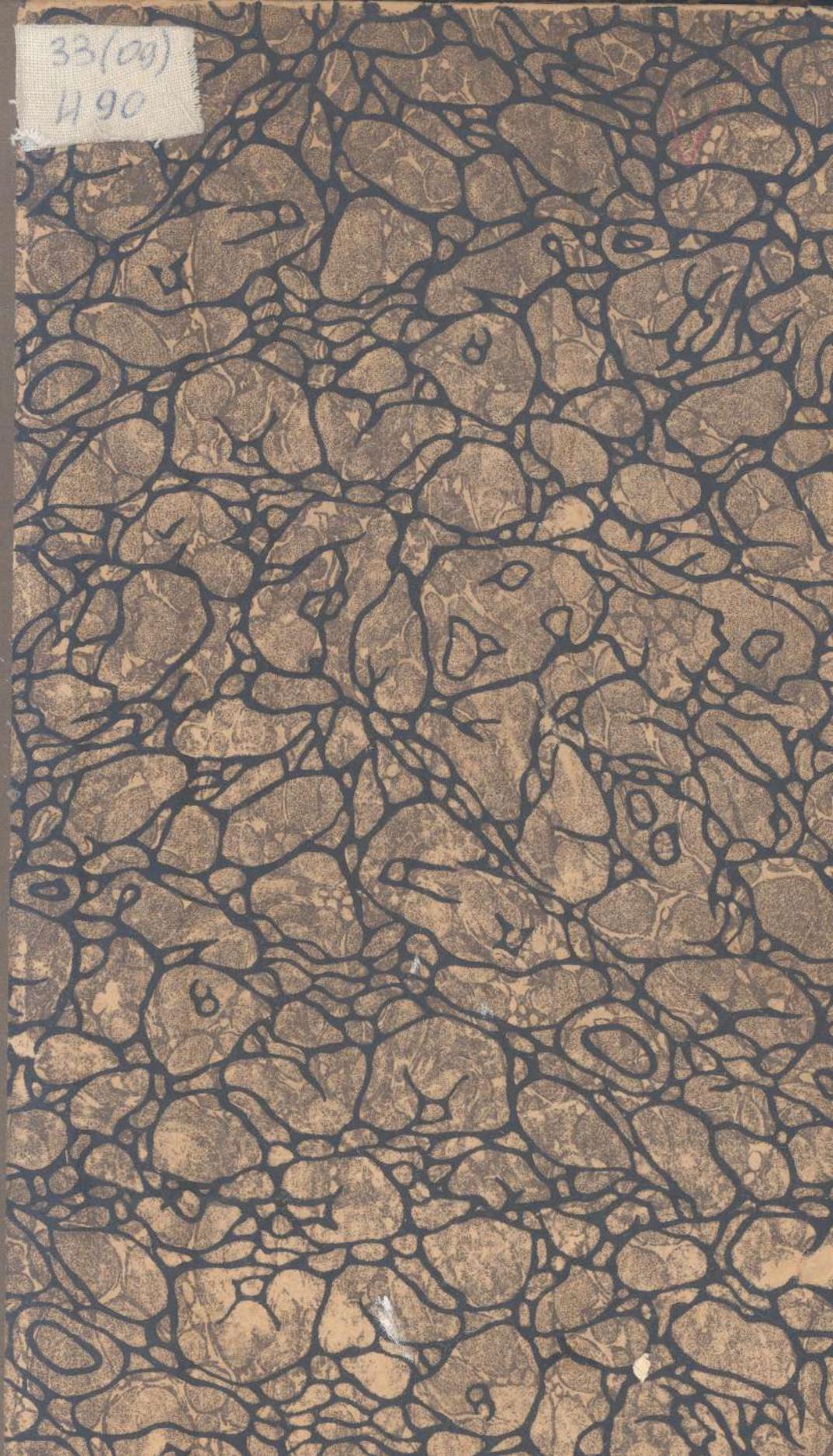

33(09)

1190

30689.

Н:

2

30689 03

Московский 33
Научный
Институтъ

Крушев

Въ память 19 февраля
1861 г.

33 (09)
и 90

Исторія экономической мысли.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. Я. Желъзнова и А. А. Мануилова.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Содержаніе. В. Я. Желъзновъ. Экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ.

КИЇВСЬКИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ
національного історико-філософського факультету
БІБЛІОТЕКА

Москва.

1916.

8

3003/8

Печатано согласно постановленію Ученаго Совѣта Московскаго Научнаго Института въ память 19-го февраля 1861 года.

Секретарь Совѣта *М. Шатерниковъ.*

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Стр.

Предисловіе . . . . . V—VIII

Введеніе. Общій характеръ экономическаго мышленія древнихъ грековъ. Цѣльность экономическаго міровоззрѣнія древнихъ грековъ.—Ихъ теоретическое мышленіе въ экономическихъ вопросахъ неразрывно связано съ общимъ морально-философскимъ міровоззрѣніемъ.—Излюбленный древними философами методъ изслѣдованія хозяйственныхъ явленій—построеніе „идеально-логическихъ“ типовъ, какъ положительныхъ (въ рамкахъ „государства-города“), такъ и отрицательныхъ (формы капиталистическихъ отношеній). 1

Глава первая. Черты государственнаго строя и хозяйственнаго быта древнихъ грековъ, имѣющія значеніе для пониманія ихъ экономическаго міровоззрѣнія. Аристократическій тонъ эллинской жизни.—Спартанскій государственный бытъ.—Простота жизни гражданъ, суровая дисциплина, физическая тренировка.—Передача хозяйственныхъ функций подчиненнымъ классамъ населенія.—Общіе обѣды и равенство образа жизни спартиатовъ. Но это—не демократическое равенство въ современномъ смыслѣ, а одинаковый режимъ воинствъ.—Аѳинская демократія.—Сисахеія Солона и ея значеніе для дальнѣйшаго развитія аѳинской демократіи.—Муниципально-политическая реформа Клисеена.—Разграниченіе гражданъ и не-гражданъ.—Организация государства-города поддерживала аристократическій духъ древнегреческаго государственнаго строительства.—Перемѣны въ хозяйственномъ бытѣ.—Идеаль древнегреческой хозяйственной организациі.—Ойкосъ героевъ гомеровскаго эпоса.—Ойкосъ мелкаго землевладѣльца въ изображеніи Гезіода.—Взглядъ Гезіода на трудъ и праздноств.—Земледѣльческія работы и морская торговля.—Отношеніе гомеровскихъ героевъ къ хозяйственному труду.—Военная добыча, какъ одинъ изъ главныхъ способовъ ихъ обогащенія.—Измѣненія хозяйственной жизни Эллады въ послѣ-гомеровское время.—Колонизація и развитіе торговаго обмѣна.—Изобрѣтеніе и распространеніе чеканенной монеты.—Новый духъ въ хозяйственной жизни.—Неправильность сближенія промышленныхъ формъ Греціи классической эпохи съ современнымъ капитализмомъ.—Древняя Греція не знала крупной промышленности въ современномъ смыслѣ.—Примѣненіе рабскаго труда.—Несовершенство промышленной техники.—Слабое развитіе болѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій.—Рабство было необходимымъ условіемъ античнаго капитализма и не стояло въ противорѣчій съ духомъ античной демократіи.—Рабство въ гомеровскую эпоху.—Расширеніе примѣненія рабскаго труда въ позднѣйшее время.—Торговля рабами.—Пользованіе трудомъ рабовъ въ крупныхъ промышленныхъ мастерскихъ.—Положеніе рабовладѣльцевъ въ общемъ строѣ жизни.—Общій тонъ жизни дается и въ классическую эпоху землевладѣніемъ и притомъ довольно умѣреннымъ по размѣрамъ.—Клерухин.—Сосѣдская ссуда (*ερανος*).—Система землевладѣльческихъ ойкосовъ составляла по прежнему господствующую черту хозяйственнаго быта Эллады 8

Глава вторая. Экономическія идеи Ксенофонта. Философская слабость Ксенофонта.—Ксенофонтъ—не мыслитель, а практикъ-организаторъ и наблюдатель живой дѣйствительности.—Опредѣленіе хозяйственнаго блага у Ксенофонта.—Понятіе субъективной цѣнности.—Ученіе о мѣнливости цѣнности и обмѣнѣ.—Взглядъ на значеніе измѣненій въ спросѣ и предложеніи.—Отношеніе къ хозяйственному труду.—Взглядъ на простой (ремесленный) трудъ.—Оцѣнка роли хозяина („хозяйскій глазъ“) 48

Глава третья. Хозяйство какъ элементъ государственной и индивидуальной жизни въ философской системѣ Платона. I. Раздѣленіе труда—принципъ общественной организаціи. Ученіе Платона объ идеяхъ.—Идеи, какъ реальныя сущности.—Припоминаніе.—Эросъ, какъ связь между земнымъ и вѣнечнымъ міромъ.—Красота жизненнаго творчества.—Единство идеи.—Идея добра.—Дуализмъ Платонова міровоззрѣнія.—Добро, какъ абсолютное начало.—Ученіе о добрѣ, развиваемое въ діалогѣ „Филебъ“.—Соединеніе въ идеѣ добра красоты, мѣры и истины.—Гармонія—высшій принципъ жизни.—Справедливость, какъ основная добродѣтель государства.—„Дѣланіе своего“.—Различіе душевныхъ (нравственныхъ) качествъ, какъ основа дѣленія общественныхъ классовъ.—Несогласованность ученія о государствѣ съ ученіемъ о добрѣ, какъ абсолютномъ началѣ.—Идеально-логическіе типы общественнаго устройства.—Положительныя: вѣкъ Хроноса.—Жизнь послѣ потопа.—Отрицательныя: тимократія, олигархія, демократія и тираннія.—Государство „Политія“, какъ положительный типъ общежитія при наиболѣе сложныхъ условіяхъ челоѵческаго существованія.—Раздѣленіе труда—принципъ организаціи идеальнаго государства.—Платонъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣленіе на классы правителей, стражей и занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, но въ качествѣ поясненія даетъ попутно подробную характеристику раздѣленія хозяйственнаго труда въ обществѣ.—Объясненіе происхожденія раздѣленія труда.—Добродѣтели отдѣльныхъ общественныхъ классовъ.—Верховная добродѣтель государства—справедливость.—Ея принципъ—„дѣланіе своего“.—Аналогія между добродѣтелями въ государствѣ и свойствами души отдѣльной личности.—Противорѣчіе въ ученіи Платона между характеристикой цѣльной личности и гражданъ идеальнаго государства, надѣляемыхъ преобладаніемъ какого-либо одного начала души. 74

Глава четвертая. Хозяйство какъ элементъ общественной и индивидуальной жизни въ философской системѣ Платона. II. Соподчиненіе жизненныхъ цѣлей. Умѣренность и аскетизмъ. Мѣсто матеріальныхъ интересовъ въ жизни челоѵческой личности.—Нравственная выработка личности требуетъ и соответственной внѣшней обстановки жизни.—Жизнь стражей въ идеальномъ государствѣ.—Запрещеніе частной собственности.—Общность женъ и дѣтей.—Единство мыслей и чувствъ.—Отличіе Платонова коммунизма отъ современныхъ социалистическихъ ученій.—Граждане низшаго разряда.—Личность и государство.—Аскетическій духъ жизни въ идеальномъ государствѣ.—Своеобразіе Платонова аскетизма.—Его оттѣнки въ различные моменты творчества философа.—Значеніе военныхъ заботъ для организаціи идеальнаго государства.—Борьба жителей Атлантиды съ объединенными эллинами.—Государство „Законовъ“.—И здѣсь основная идея—соподчиненіе жизненныхъ цѣлей.—Цѣль второго государства.—Война какъ необходимость, а не какъ цѣль въ себѣ.—Добродѣтели гражданъ.—Порядокъ благъ.—Внѣшнія условія жизни гражданъ второго государства.—Составъ и число жителей.—Имущественное и семейное положеніе ихъ.—Умѣренность—основная добродѣтель гражданъ.—Препятствія

образованію имущественныхъ неравенствъ. — Устраненіе богатства и бѣдности. — Главное занятіе гражданъ — военныя упражненія и образованіе. — Изъ хозяйственныхъ занятій гражданамъ разрѣшается только земледѣліе, а въ немъ — только управленіе. — Исполнительный трудъ передается рабамъ и чужеземцамъ (въ ремеслѣ и торговлѣ). — Регулированіе рыночнаго обмѣна и отношеній между ремесленникомъ и заказчикомъ. — Допустимыя неравенства въ движимомъ имуществѣ гражданъ (цензовая система) и участіе въ выборахъ должностныхъ лицъ. — Положеніе рабовъ. — Жизнь гражданъ. — Сиситии и военныя упражненія для мужчинъ и женщинъ. — Внутренніе стимулы гражданъ подчиняться установленному порядку. — Верховный совѣтъ какъ руководящій органъ государственной жизни. — Подчиненіе въ жизни гражданъ матеріальныхъ интересовъ болѣе высокимъ цѣлямъ. — Регулированіе распредѣленія продуктовъ во второмъ государствѣ. — Общій смыслъ идеальныхъ построений государственной организаціи у Платона. — Раціонализмъ цѣли, а не средствъ (потребленія, а не производства). — Значеніе вопроса о цѣли хозяйства для современной экономической науки и политики. 110

Глава пятая. Экономическое міровоззрѣніе Аристотеля. I. Хозяйственное благо и основанія его оцѣнки. Особенности философскаго міровоззрѣнія Аристотеля. — Чувственный опытъ какъ источникъ познанія. Идеализмъ Аристотеля. — Идея формы какъ конечной цѣли вещей. — Градація жизненныхъ формъ. — Цѣль человеческой дѣятельности. — Высшее благо. — Понятіе совершеннаго, искуснаго въ добродѣтели (*εὐδαιμόνεια*) человѣка. — Ученіе о серединѣ и срединности (*τὸ μέσον, μεσότης*). — Способность людей къ совершенствованію. — Созерцательная дѣятельность какъ высшее блаженство. — Послѣдовательный порядокъ благъ. — Хозяйственное благо. — Служебный, подчиненный характеръ хозяйственныхъ благъ (богатства). — Предѣлы моральнаго оправданія богатства. — Щедрость, какъ основная добродѣтель по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ. — Скупость (и жажда стяжанія) и расточительность. — Великолѣпіе. — Среднее состояніе какъ достаточная основа блаженной жизни. — Экономическая оцѣнка хозяйственныхъ благъ. — Разграниченіе экономики и хрематистики. — Въ нормальной хозяйственной дѣятельности блага выступаютъ больше стороною полезности, въ хрематистикѣ — мѣновой цѣнности. — Необходимый, согласный съ природою, и противоестественный мѣновой оборотъ. — Появленіе раціональнаго денежнаго обращенія какъ толчекъ развитію хрематистики (капиталистическихъ стремленій). — Безпредѣльность хозяйственной цѣли въ хрематистикѣ и разумный предѣлъ для нея въ экономикѣ. — Близость другъ къ другу обоимъ способамъ приобрѣтенія — источникъ заблужденій относительно нихъ. — Необходимость отчетливаго разграниченія моральной и экономической оцѣнки. 153

Глава шестая. Экономическое міровоззрѣніе Аристотеля. II. Нормальный хозяйственный составъ общества и цѣнность хозяйственныхъ благъ. Понятіе общенія (*κοινωνία*) у Аристотеля обнимаетъ разнаго рода соціальныя отношенія, въ томъ числѣ и хозяйственныя. — Происхожденіе государства. — Государство какъ высшая форма общенія, по природѣ предшествующая индивиду и инымъ формамъ общенія. — Ученіе Аристотеля о рабствѣ. — Рабъ какъ орудіе общей дѣятельности жизни. — Разграниченіе терминовъ *πολεμὸν* и *πράττειν, πόλις* и *πρῆξις*. — Рабство по природѣ и рабство по закону. — Аристотелевъ идеаль государства. — Критика предложенныхъ ранѣе проектовъ идеальнаго государства. — Возраженія противъ основной мысли Платоновой „Политикѣ“ объ единствѣ государства. — Себялюбие, какъ необходимое качество хо-

рошаго челоуѣка и гражданина.—Критика государства „Законовъ“.—Возраженія противъ проекта Фалея Халкедонскаго.—Недостатки лакедемонскаго государственнаго строя.—Набросокъ собственнаго проекта идеальнаго государства.—Государство должно быть общеніемъ свободныхъ и равныхъ.—Территорія и населеніе идеальнаго государства.—Система раздѣленія занятій въ идеальномъ государствѣ.—Свободные граждане, рабы и метѣки.—Освобожденіе гражданъ отъ всякаго хозяйственнаго труда.—Условія ихъ матеріальнаго обезпеченія—землевладѣніе и рабскій трудъ.—„Средній“ достатокъ гражданъ идеальнаго государства.—Методологическое значеніе двучленнаго дѣленія жителей идеальнаго государства для изслѣдованія экономическихъ отношеній.—Удачное упрощеніе постановки проблемы цѣнности.—Основанія и процессъ хозяйственной оцѣнки.—Значеніе полезности и размѣра запаса хозяйственныхъ благъ.—Отношеніе къ труду какъ фактору цѣнности.—Установленіе мѣнновой цѣнности.—Оцѣнка дающаго и получающаго.—Справедливость въ мѣнновыхъ отношеніяхъ.—Распредѣлительная и выравнивающая справедливость.—Выравниваніе въ добровольныхъ и недобровольныхъ дѣйствіяхъ.—Распредѣленіе благъ по социальнымъ и экономическимъ основаніямъ.—Равенство въ обмѣнѣ не есть тождество (талонъ, „око за око“).—Воздаяніе пропорціонально потребностямъ.—Роль денегъ въ сравненіи потребностей.—Функции денегъ.—Монета какъ мѣнновой знакъ.—Характеристика постепеннаго развитія денегъ въ „Политикѣ“.—Монета изъ цѣннаго матеріала и монета-знакъ.—Постановка денежной проблемы у Аристотеля.—Сходство съ ней ученія Маркса (при рѣзко-противоположномъ рѣшеніи самой проблемы).—Взгляды Аристотеля на экономическую дѣятельность, развертывающуюся въ рамкахъ капиталистическихъ отношеній.—Различное отношеніе къ ростовщичеству и монополіямъ.—Пониманіе Аристотелемъ „духа капитализма“.—Сліяніе экономической и моральной точки зрѣнія при изслѣдованіи нормальнаго уклада хозяйства.—Заключеніе. . . . .

Предлагаемый выпускъ образуетъ собою начало коллективнаго труда, слагающагося изъ двухъ главныхъ частей: 1) исторіи экономической мысли отъ классической древности до нашихъ дней въ ея послѣдовательныхъ завоеваніяхъ, отъ первыхъ попытокъ систематическаго размышленія надъ экономическими вопросами до современныхъ намъ теоретическихъ исканій, и 2) спеціальной характеристики смѣны экономическихъ направленій въ научной и общественной мысли Россіи. Все изданіе рассчитано на три тома, изъ которыхъ первые два будутъ посвящены общей исторіи экономическихъ ученій, третій—судьбамъ экономическихъ идей въ нашемъ отечествѣ. Каждый томъ составитъ изъ ряда монографій, располагаемыхъ въ хронологическомъ порядкѣ или—рѣже—систематическомъ (по школамъ и направленіямъ). Задача изданія—изслѣдованіе, а не популярная передача имѣющихся уже научныхъ выводовъ. И при томъ изслѣдованіе экономическихъ *идей*, а не хозяйственнаго *быта*, который затрогивается, лишь поскольку это необходимо для уясненія самихъ экономическихъ ученій, ихъ происхожденія и развитія. Каждый томъ будетъ выходить отдѣльными выпусками, по мѣрѣ накопленія матеріала, такъ какъ въ столь обширномъ изданіи нельзя рассчитывать на строгую согласованность въ работѣ. Но во всякомъ случаѣ недостающимъ пока частямъ будетъ сохранено ихъ мѣсто въ намѣченномъ планѣ, и каждый выпускъ будетъ носить соответственную нумерацію. Такъ, непосредственно слѣдующій за предлагаемымъ выпускъ (включающій въ себя статьи С. Н. Булгакова: „Основные мотивы философіи хозяйства въ платонизмѣ и раннемъ христіанствѣ“ и П. Г. Виноградова: „Экономическія теоріи средневѣковья“) будетъ названъ третьимъ, чтобы оставить мѣсто не представленной пока работѣ П. Б. Струве объ экономическихъ идеяхъ эпохи эллинизма и древняго Рима. Въ настоящее время детально разработанъ и почти цѣликомъ распределенъ между сотрудниками только планъ перваго и втораго томовъ, причѣмъ по сравненію съ обычными трактатами по исторіи политической

экономіи значительное мѣсто отводится въ первомъ томѣ характеристикѣ мало освѣщенныхъ пока раннихъ эпохъ въ развитіи экономической мысли, а во второмъ — новѣйшимъ теченіямъ, въ частности школѣ предѣльной полезности, математическому направлению и инымъ „маргиналистамъ“, а также современнымъ методологическимъ исканіямъ.

Обращаясь непосредственно къ содержанію предлагаемаго перваго выпуска, авторъ имѣетъ сказать въ оправданіе сравнительно обширнаго объема составленной имъ монографіи, что ему представлялось безусловно необходимымъ выяснитъ съ достаточной полнотой систему идей древнихъ грековъ классическаго періода, ибо она глубоко интересна не только сама по себѣ и въ той исторической обстановкѣ, въ какой она возникла, но и какъ исходный пунктъ, отъ котораго протягиваются безчисленные нити въ послѣдующія эпохи. Чѣмъ больше авторъ задумывался надъ проблемой исторіи экономической мысли, тѣмъ яснѣе обрисовывалось для него значеніе внимательнаго изслѣдованія идей древне-греческихъ философовъ. Историки политической экономіи до самаго послѣдняго времени, къ сожалѣнію, не достаточно уясняли себѣ и еще менѣе склонны были цѣнить любопытный фактъ, что уже на зарѣ систематическаго раздумья надъ экономическими вопросами сложилась необыкновенно цѣлостная, законченная въ себѣ система экономическихъ идей, гениально схватывавшая основы экономического знанія и связывавшая мысли о хозяйствѣ съ глубокимъ философскимъ и нравственнымъ ученіемъ. Чтобы подчеркнуть эту особенность системы экономическихъ идей древнихъ грековъ, авторъ назвалъ предлагаемую монографію ихъ „экономическимъ міровоззрѣніемъ“. Имѣя въ виду именно возсозданіе идей древнихъ какъ цѣлостной доктрины, образующей неотъемлемую часть ихъ философіи и морали, авторъ выдвинулъ въ своей работѣ на первый планъ ученія Платона и Аристотеля, предпославъ имъ въ качествѣ вступленія очеркъ взглядовъ Ксенофонта, сложившихся также въ общей атмосферѣ философскаго движенія классической эпохи, но менѣе глубоко проду-

манныхъ и обоснованныхъ. Для облегченія пониманія отправныхъ точекъ въ разсужденіяхъ названныхъ мыслителей въ началѣ работы дана краткая общая характеристика приемовъ ихъ мышленія и нѣкоторыхъ чертъ хозяйственнаго быта и общественнаго строя древней Эллады.

Излагаемая ученія изслѣдованы по подлинникамъ, въ частности творенія Платона по изданію Беккера, Аристотеля— по редактированному Беккеромъ же тексту въ изданіи Прусской Академіи, а также и по другимъ изданіямъ (Метафизика—Боница, Риторика—Рёмера, Политика—Иммиша, Ником. Этика—Гранта). Авторъ постоянно пользовался при этомъ имѣющимися русскими и иностранными переводами и комментаріями. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (очень немногихъ, и не по специально-экономическимъ вопросамъ) авторъ находилъ возможнымъ даже цитировать (изъ философовъ—только Платона) по русскимъ переводамъ. По большей же части и всегда, когда рѣчь идетъ о чисто-экономическихъ соображеніяхъ и выводахъ, авторъ считалъ себя обязаннымъ приводить слова цитируемаго писателя въ собственной передачѣ. Не будучи филологомъ, авторъ не считаетъ, конечно, предлагаемую имъ версію вообще правильнѣе и совершеннѣе, чѣмъ имѣющіеся переводы крупныхъ специалистовъ, но ему казалось совершенно необходимымъ найти наиболѣе точное выраженіе экономическимъ идеямъ, развиваемымъ древними. Въ этомъ отношеніи его часто не удовлетворяли переводы, выполненные выдающимися авторитетами въ области классической филологіи, но—по понятнымъ причинамъ—не настолько освѣдомленными въ экономическихъ теоріяхъ, чтобы для нихъ всегда была ясна мысль переводимаго отрывка или чтобы имъ было легко подыскать для ея передачи наиболѣе соотвѣтствующій техническій терминъ. Авторъ, конечно, далекъ отъ претензіи считать безупречнымъ предлагаемое имъ толкованіе и терминологическое выраженіе экономическихъ разсужденій древнихъ, но не видя иного исхода, долженъ былъ прибѣгнуть къ собственной попыткѣ, полагая при этомъ, что она могла бы быть не лишена интереса и для филологовъ и историковъ, подходящихъ къ тѣмъ же разсужденіямъ съ своихъ особенныхъ точекъ зрѣнія.

Авторъ всегда былъ горячимъ сторонникомъ единства научнаго изслѣдованія и убѣжденъ, что именно въ изученіи древнихъ больше всего могутъ сойтись на общей работѣ представители самыхъ разнообразныхъ, столь раздробленныхъ въ наше время, научныхъ специальностей. Автору не разъ приходилось жалѣть о недостаточности своей филологической и исторической подготовки, но онъ считалъ возможнымъ отстаивать сложившееся у него мнѣніе, даже когда оно шло въ разрѣзъ съ утвержденіями общепризнанныхъ авторитетовъ въ толкованіи древнихъ философовъ, если только для него была ясна экономическая сущность разсматриваемаго положенія и его связь съ общимъ строемъ идей даннаго мыслителя.

Предлагаемая работа была задумана авторомъ около десяти лѣтъ тому назадъ, и матеріаль для нея подготовлялся постепенно. Но окончательную обработку по разнымъ обстоятельствамъ приходилось откладывать, пока, наконецъ, не представилась возможность удѣлить ей необходимое время. Но нужно было спѣшить, чтобы не задерживать выхода въ свѣтъ дальнѣйшихъ частей предпринятаго коллективнаго изданія, и это не могло не сказаться какъ на содержаніи, такъ и на внѣшней отдѣлкѣ книги. Авторъ позволяетъ себѣ, однако, надѣяться, что при всѣхъ, живо сознаваемыхъ имъ, недостаткахъ его работы, попытка восозданія экономическихъ ученій древнихъ какъ цѣлостной системы возрѣній, быть можетъ, побудитъ пересмотрѣть и критически провѣрить многіе, неправильно установившіеся, по его убѣжденію, мнѣнія и предразсудки какъ о самыхъ этихъ ученіяхъ, такъ и объ экономическихъ системахъ болѣе поздняго времени и даже о нѣкоторыхъ современныхъ экономическихъ проблемахъ, стоящихъ на очереди дня.

Авторъ считаетъ долгомъ принести глубокую и искреннюю благодарность всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ появленію въ свѣтъ настоящей работы.

В. Ж.

Экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій характеръ экономическаго мышленія древнихъ грековъ.

Цѣльность экономическаго міровоззрѣнія древнихъ грековъ.—Ихъ теоретическое мышленіе въ экономическихъ вопросахъ неразрывно связано съ общимъ морально-философскимъ міровоззрѣніемъ.—Излюбленный древними философами методъ изслѣдованія хозяйственныхъ явленій—построеніе „идеально-логическихъ“ типовъ, какъ положительныхъ (въ рамкахъ „государства-города“), такъ и отрицательныхъ (формы капиталистическихъ отношеній).

Въ литературѣ исторіи политической экономіи часто встрѣчается незаслуженно-пренебрежительное отношеніе къ идейному наслѣдству, оставленному греческими мыслителями въ области изслѣдованія хозяйственныхъ явленій. Въ немъ видятъ, правда, отдѣльными блестящія мысли, не лишеныя интереса какъ случайное предчувствіе будущихъ выводовъ настоящей экономической науки, но къ которымъ нѣтъ особенной надобности восходить, устанавливая генезисъ идей, сталкивающихся въ современной научной работѣ. Характерны, напр., извиненія, высказываемыя авторомъ спеціальнаго изслѣдованія объ „экономическихъ теоріяхъ въ древней Греціи“, откровенно предупреждающимъ читателей, что съ точки зрѣнія современныхъ научныхъ интересовъ экономическія идеи классической древности представляютъ второстепенное значеніе. „Нѣтъ ни одного изъ насъ, кто былъ бы обязанъ чѣмъ-нибудь въ своихъ экономическихъ убѣжденіяхъ Платону и Аристотелю, не болѣе, впрочемъ, чѣмъ св. Томъ Аквинскому или Ник. Орезму... Можетъ показаться чрезвычайно безплоднымъ восходить очень далеко къ прошедшему, чтобы найти тамъ чаще всего нѣсколько смутныхъ идей, слишкомъ далекихъ отъ нашихъ, чтобы оказать намъ большую поддержку въ нашихъ современныхъ изслѣдованіяхъ“. И онъ находитъ оправданіе своей работѣ въ томъ, что для его современниковъ можетъ быть важнымъ выясненіе нѣкоторыхъ моральныхъ источниковъ политической экономіи¹⁾. Авг. Онкенъ въ своей извѣстной „Исторіи поли-

¹⁾ Aug. Souchon. Les théories économiques dans la Grèce antique. Paris 1898, стр. 6—8.

тической экономии до Ад. Смита“, перечисляя рядъ, по его мнѣнію, неправильныхъ утверженій различныхъ экономистовъ, кого надо считать первымъ основателемъ политической экономии, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ ставитъ мнѣніе, относящее моментъ возникновенія политической экономии „даже ко временамъ древности“. „Творцомъ этой науки выставляется иногда Аристотель, въ силу того, что съ его именемъ связанъ терминъ „экономика“¹⁾.

Не входя въ споры о томъ, кого считать „отцомъ политической экономии“, мы полагаемъ бы необходимымъ опредѣленно заявить съ первыхъ же строкъ настоящей работы, что по нашему глубокому убѣжденію мнѣнія греческихъ мыслителей по экономическимъ вопросамъ не утратили интереса даже въ свѣтѣ современныхъ теоретическихъ изысканій. Разсѣянные въ разнообразныхъ источникахъ, часто вкрапленные въ сочиненія, главной задачей которыхъ было выясненіе не спеціально-экономическихъ, а политическихъ, моральныхъ, философскихъ, эстетическихъ проблемъ, эти—на первый взглядъ—отрывочныя мысли на самомъ дѣлѣ объединены крѣпкой логической связью. Сопоставляя ихъ другъ съ другомъ, мы можемъ возсоздать изъ нихъ чрезвычайно цѣлостную систему, вполне опредѣленное, стройное экономическое міровоззрѣніе, въ извѣстныхъ отношеніяхъ болѣе послѣдовательное и законченное, чѣмъ теоретическія построенія новѣйшихъ экономическихъ школъ.

Это міровоззрѣніе складывается въ эпоху расцвѣта греческой философской мысли и наиболѣе яркое выраженіе находитъ себѣ въ трудахъ Аристотеля. Въ немъ своеобразно отразились реальныя экономическія и социальныя отношенія того времени. Экономическій строй Эллады V-го и IV-го вв. до Р. Х. ушелъ далеко отъ патриархальной простоты былыхъ временъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ сохранять—въ особенности въ экономически болѣе отсталыхъ государствахъ, какъ напр. въ Спартѣ, многія черты стараго быта. Переворотъ, внесенный въ хозяйственную жизнь развитіемъ торговыхъ оборотовъ и денежнаго хозяйства, не привелъ еще къ органической перестройкѣ стараго хозяйственнаго уклада, успѣвъ однако распатать сложившіяся отношенія. Кризисъ хозяйственной жизни тѣсно сплетался съ кризисомъ демократіи, вызывая у лучшихъ умовъ естественное чувство протеста и исканія новаго государственнаго и социальнаго устройства. Основа для построенія социальныхъ идеаловъ легко давалась самой жизнью. Древне-греческій міръ, при всей сложности его культурнаго развитія, требующей разграниченія послѣдовательно смѣнявшихся другъ друга періодовъ античной „древности“, античнаго

---

¹⁾ Авг. Ойкенъ. Исторія политической экономии до Ад. Смита. Перев. подъ ред. М. В. Бернацкаго. Спб. 1908, стр. 4.

„средневѣговья“ и античнаго „новаго времени“, зналъ въ сущность одну наиболѣе характерную и наиболѣе органическую эпоху, въ которой всего ярче выявились основныя черты эллинскаго духа: эпоху государства-города. Какъ ни мѣняли вѣянiя новой жизни старую аристократическую физиономiю общины землевладѣльцевъ-воиновъ, живущихъ тѣснымъ товарищескимъ кругомъ среди непрестанныхъ заботъ о войнѣ и боевой подготовкѣ, — идея сплоченной группы гражданъ, объединенныхъ общностью происхожденiя и культуры, поглощенныхъ прежде всего мыслью объ общегосударственныхъ интересахъ и въ особенности о внѣшней оборонѣ,—проникаетъ собой крупнѣйшiя творенiя мыслителей классическаго перiода и составляетъ основной мотивъ ихъ разсужденiй о смыслѣ и взаимоотношенiи хозяйственныхъ явленiй.

Идеаль лучшаго социальнаго строя, носившiйся передъ глазами древне греческаго философа, опредѣлялъ для него и методъ *теоретическаго* изслѣдованiя хозяйственныхъ явленiй. Эта особенность античной методологiи заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманiя. Было бы безплодно искать въ экономическихъ идеяхъ Платона и Аристотеля непосредственнаго отраженiя хозяйственнаго быта Эллады ихъ времени. Именно потому, что экономическiя теорiи и идеалы лучшаго устроенiя хозяйственной жизни органически врастаютъ въ общее философское мировоззрѣнiе древнихъ, они опираются на хозяйственную дѣйствительность, своеобразно воспринятую и переработанную въ ихъ собственномъ представленiи. Картина экономического быта, отъ которой отправляются въ своихъ разсужденiяхъ Платонъ или Аристотель, образуетъ, употребляя терминъ Макса Вебера ¹⁾, „идеально-логическiй типъ“ хозяйственной организаци, въ дѣйствительности никогда не существовавшей въ такомъ чистомъ видѣ, но построенной воображенiемъ изъ нѣкоторыхъ чертъ дѣйствительной жизни, усиленныхъ и логически закругленныхъ. Это излюбленный древними способъ изслѣдованiя общества, послѣдовательно примѣненный и къ изученiю хозяйственныхъ отношенiй. Важно отмѣтить, что при построенiи такого рода „идеально-логическxъ типовъ“ древнiе отбирали въ современной имъ и исторической хозяйственной дѣйствительности черты двоякаго рода: одни, отвѣчающiя „естественному“ въ ихъ глазахъ строю хозяйственныхъ отношенiй, сливающемуся съ политической организацией государства-города какъ общины гражданъ-воиновъ, и другiя,—характеризующiя собой „противоестественный“ укладъ хозяйства, имѣющiй цѣлью не простое удовлетворенiе нормальныхъ потребностей правильно сложеннаго общественнаго организма, а наживу, не встрѣчающую предѣла въ болѣе высокихъ жизненныхъ цѣляхъ, какъ бы довлѣющую самой

¹⁾ См. его извѣстный этюдъ въ Archiv für Socialwiss., XIX.

себѣ, т.-е. хозяйственный строй капиталистическаго типа. Въ разработкѣ проблемъ той и другой категоріи греческіе философы одинаково обнаруживаютъ большую пронизательность взгляда и глубину мысли, но, конечно, вопросы „естественнаго“ экономическаго строя изслѣдованы ими детальнѣе и поставлены въ тѣсную связь съ ихъ общимъ философскимъ и моральнымъ міровоззрѣніемъ. Вопросы второго рода затрогиваются ими болѣе бѣгло, но и здѣсь въ предлагаемыхъ ими разсужденіяхъ мы находимъ весьма стройную, послѣдовательно развитую систему (какъ антитезу первой).

Въ своемъ общемъ тонѣ экономическое міровоззрѣніе классическихъ мыслителей аристократично. Ихъ интересуетъ не самый процессъ хозяйственной дѣятельности, не усилія людей, направленные на борьбу съ природой, — специальное занятіе хозяйственнымъ, въ особенности ремесленнымъ, трудомъ вызываетъ у нихъ даже чувство нѣкотораго отвращенія, — они заняты одной главной мыслью, чтобы граждане-воины были обеспечены всѣмъ необходимымъ, въ предѣлахъ характернаго для древнихъ грековъ умѣренного образа жизни. Однако, было бы неправильно думать, что такое отношеніе къ трудовымъ процессамъ хозяйственной дѣятельности отражалось вообще неблагоприятно на изученіи хозяйственныхъ явленій. Какъ увидимъ ниже, односторонность взгляда давала греческимъ мыслителямъ возможность — при анализѣ основныхъ экономическихъ проблемъ — легче справиться съ нѣкоторыми трудностями, спутывавшими ходъ разсужденія позднѣйшихъ экономистовъ.

Въ методѣ изслѣдованія общественныхъ явленій у древне-греческихъ философовъ была одна характерная черта, выгодно отличающая ихъ отъ изслѣдователей позднѣйшихъ временъ, дѣйствовавшихъ въ условіяхъ чрезвычайно дифференцированной, раздробленной до мельчайшихъ деталей, научной работы: они старались прежде всего охватить предметъ въ его цѣломъ. Заинтересованные въ коренной реформѣ существующаго общественнаго строя, они подходили и къ теоретическому изученію его съ широкимъ общимъ взглядомъ, и только набросавъ возможно отчетливѣе основные контуры своихъ теоретическихъ построеній, обращались къ углубленію въ частности изучаемаго комплекса явленій. Отсюда — мы находимъ у нихъ рядъ глубоко продуманныхъ соціологическихъ обобщеній, образующихъ солидную основу для теоретическихъ системъ по различнымъ отраслямъ общественной жизни, отчасти подробно разработанныхъ уже ими самими, отчасти незатронутыхъ, или очерченныхъ только нѣкоторыми намеками. Слитность разсужденій древне-греческихъ философовъ, легко переходившихъ отъ экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ къ моральнымъ и эстетическимъ, — такъ непріятно дѣйствующая на нѣкоторыхъ современныхъ ученыхъ, привыкшихъ къ болѣе спокойной и

упорядоченной работѣ за прочными перегородками мысли,—имѣла и свою хорошую сторону. Теоретическое мышленіе древнихъ послѣдовательно и цѣльно. Ихъ экономическія и политическія разсужденія образуютъ живой, объединенный единой мыслью, комплексъ идей, логически тѣсно-связанный съ ихъ общимъ философскимъ и моральнымъ міровоззрѣніемъ. Впрочемъ, для нихъ трудно говорить отдѣльно даже объ ихъ моральномъ міровоззрѣніи; ихъ мышленіе едино во всѣхъ его составныхъ частяхъ и въ немъ созвучно укладываются всѣ отдѣльные элементы ихъ міропониманія, ихъ идеальныхъ чаяній и стремленій.

Озабоченные созданіемъ общественнаго строя, гдѣ граждане, оберегая цѣлость и независимость своей общины отъ чуждаго эллинамъ „варварскаго“ міра, въ то же время достигали бы вершинъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія, древне-греческіе мыслители не могли не задумываться и надъ экономическими основами такого преобразованнаго порядка. Заботясь о желательномъ, они внимательно приглядывались и къ сущему. Въ хозяйственной жизни людей, какъ бы она ни была устроена, ихъ поражала одна черта, которая опредѣляла для нихъ все остальное. Опириуясь съ матеріаломъ, доставляемымъ имъ хозяйственной дѣйствительностью, различные мыслители выдвигали на видъ то тѣ, то другія стороны ея, но у всѣхъ крупныхъ греческихъ философовъ классическаго періода было одно общее убѣжденіе, составлявшее исходный пунктъ ихъ теоретико-экономическаго анализа.

Они совершенно ясно сознавали, болѣе того: они живо чувствовали всѣмъ своимъ существомъ аксіоматическую истину, составляющую и до сихъ поръ фундаментъ всего экономическаго знанія,—объ извѣчной зависимости людей отъ окружающаго ихъ міра природы, иначе говоря, объ ограниченности запаса матеріальныхъ благъ, по сравненію съ удовлетворяемыми ими человѣческими потребностями ¹⁾. Это убѣжденіе давало имъ опредѣленный отвѣтъ на основной вопросъ экономической теоріи—о цѣнности хозяйственныхъ благъ. Отвѣтъ этотъ вполне гармонировалъ съ ихъ общимъ взглядомъ на общественныя отношенія и тѣсно связывался съ ихъ философскими и моральными идеями. Въ вопросе о цѣнности хозяйственныхъ благъ греческіе мыслители рѣшительно выдвигали наиболѣе близкую общему духу ихъ міровоззрѣнія точку зрѣнія полезности. Имъ и не было надобности считаться съ возможностью иныхъ точекъ зрѣнія, потому что теорія полезности давала для нихъ вполне закругленное, законченное рѣшеніе проблемы. Греческаго гражданина хозяйственныя блага интересовали преимущественно по ихъ назначенію, а не происхожденію; онъ

---

¹⁾ Яркое выраженіе этого чувства можно найти уже въ „Трудахъ и дняхъ“ Гезіода. См. слѣд. главу.

вполнѣ осязательно чувствовалъ зависимость въ своемъ существованіи и въ излюбленныхъ формахъ своей дѣятельности отъ извѣстнаго запаса матеріальныхъ благъ и въ этомъ видѣлъ основаніе для ихъ оцѣнки. Обеспечить государственный организмъ достаточными средствами существованія, которыя позволили бы ему безпрепятственно выполнять свое высокое назначеніе, при условіяхъ, устраняющихъ раздоры и несогласія между отдѣльными гражданами и группами гражданъ,—такова была, по убѣжденію передовыхъ людей того времени, задача хозяйственной организаціи. Умѣренность потребностей господствующаго класса, несложность примѣнявшейся военной техники и ограниченность другихъ общегосударственныхъ нуждъ перемѣщали центръ тяжести хозяйства отъ производства къ распредѣленію и потребленію. Какъ добывались необходимыя средства, казалось довольно безразличнымъ. Наилучшимъ способомъ, изстари оправдавшимъ себя въ качествѣ основы здоровой государственной жизни, представлялось землевладѣніе (и отчасти—военная добыча). Въ дѣйствительной жизни практиковались, однако, многіе иные способы пріобрѣтенія, значительно удалявшіе ее отъ этого идеала, въ особенности въ связи съ развитіемъ денежнаго оборота, когда обширная торговля и кредитъ открыли новые, почти неизвѣстные ранѣе, источники быстрого обогащенія. Недовольные такимъ преобразованиемъ экономической жизни, мыслители того времени пытались, однако, уяснить себѣ смыслъ новыхъ хозяйственныхъ формъ. Отсюда — попытки анализа основной сущности мѣновыхъ отношеній, приведшія къ ряду замѣчательныхъ теоретическихъ результатовъ. Изслѣдованіе мѣновой сдѣлки и мѣновой цѣнности, приводя къ самостоятельнымъ, весьма важнымъ теоретическимъ заключеніямъ, облегчало выясненіе сущности и роли денегъ. Теорія денегъ принимаетъ у Аристотеля законченный и до извѣстной степени вполнѣ „современный“ видъ, потому что она опирается на твердый фундаментъ его общей теоріи обмѣна. Въ этомъ отношеніи въ общемъ міросозерцаніи древнихъ мыслителей не лежало никакихъ препятствій, которыя затемняли бы ихъ теоретическій горизонтъ какъ при построеніи „положительныхъ“, такъ и „отрицательныхъ“ типовъ хозяйственныхъ явленій. Въ нѣкоторыхъ же отдѣльныхъ случаяхъ, напр. въ знаменитомъ ученіи о ростѣ, общее міровоззрѣніе мѣшало тому же Аристотелю подняться въ своемъ теоретическомъ изслѣдованіи надъ моральными антипатіями къ извѣстному складу вещей, и здѣсь мы находимъ у него прямое нежеланіе пойти вглубь вопроса при изслѣдованіи второго, „противоестественнаго“, по его выраженію, склада хозяйственныхъ отношеній. Онъ ограничивается простымъ отрицательнымъ теоретическимъ сужденіемъ, отвѣчающимъ его моральному отвращенію къ кажущимся ему уродливостямъ дѣйствительной жизни. Такъ, къ основному теоретиче-

скому ядру въ ученіяхъ Аристотеля и другихъ классическихъ мыслителей приростаю и некоторые инородные элементы, представлявшіе смѣсь моральныхъ сентенцій съ экономическими выводами узко-мѣстнаго и историческаго характера, особенно странную въ глазахъ новѣйшихъ экономистовъ, черпавшихъ свои наблюденія изъ окружающихъ ихъ явленій высоко-развитаго капитализма. Смѣшеніе въ экономическихъ ученіяхъ древнихъ столь разнохарактерныхъ элементовъ и служило, повидимому, главной причиною, скрывавшею отъ взгляда новѣйшихъ историковъ политической экономіи высокую теоретическую цѣнность оставленнаго ими наслѣдства. Но къ древнимъ нельзя подходить съ современнымъ методологическимъ масштабомъ. Ихъ приемы изслѣдованія общественныхъ явленій порой весьма примитивны и слабы, но это нисколько не умаляетъ высокаго теоретическаго интереса ихъ общей конструкціи, для которой тѣсная связь экономическихъ изслѣдованій съ общефилософскими и моральными построеніями была, наоборотъ, весьма плодотворна.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Черты государственного строя и хозяйственного быта древних греков, имѣющія значеніе для пониманія ихъ экономическаго міровоззрѣнія.

Аристократическій тонъ эллинской жизни.—Спартанскій государственный бытъ.—Простота жизни гражданъ, суровая дисциплина, физическая тренировка.—Передача хозяйственныхъ функцій подчиненнымъ классамъ населенія.—Общіе обѣды и равенство образа жизни спартиатовъ. Но это—не демократическое равенство въ современномъ смыслѣ, а одинаковый режимъ воиновъ.—Аѣнская демократія.—Спихаеіа Солона и ея значеніе для дальнѣйшаго развитія аѣнской демократіи.—Муниципально-политическая реформа Клисеена.—Разграниченіе гражданъ и не-гражданъ.—Организация государства-города поддерживала аристократическій духъ древнегреческаго государственнаго строительства.—Перемѣны въ хозяйственномъ бытѣ.—Идеаль древнегреческой хозяйственной организаціи.—Ойкосъ героевъ гомеровскаго эпоса.—Ойкосъ мелкаго землевладѣльца въ изображеніи Гезіода.—Взглядъ Гезіода на трудъ и праздность.—Земледѣльческія работы и морская торговля.—Отношеніе гомеровскихъ героевъ къ хозяйственному труду.—Военная добыча, какъ одинъ изъ главныхъ способовъ ихъ обогащенія.—Измѣненія хозяйственной жизни Эллады въ послѣ-гомеровское время.—Колонизація и развитіе торговаго обмѣна.—Изобрѣтеніе и распространеніе чеканенной монеты.—Новый духъ въ хозяйственной жизни.—Неправильность сближенія промышленныхъ формъ Греціи классической эпохи съ современнымъ капитализмомъ.—Древняя Греція не знала крупной промышленности въ современномъ смыслѣ.—Примѣненіе рабскаго труда.—Несовершенство промышленной техники.—Слабое развитіе болѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій.—Рабство было необходимымъ условіемъ античнаго капитализма и не стояло въ противорѣчій съ духомъ античной демократіи.—Рабство въ гомеровскую эпоху.—Расширеніе примѣненія рабскаго труда въ позднѣйшее время.—Торговля рабами.—Пользованіе трудомъ рабовъ въ крупныхъ промышленныхъ мастерскихъ.—Положеніе рабовладѣльцевъ въ общемъ строѣ жизни.—Общій тонъ жизни дается и въ классическую эпоху земледѣліемъ и притомъ довольно умѣреннымъ по размѣрамъ.—Клерухія.—Сосѣдская ссуда (ἔρανος).—Система земледѣльческихъ ойкосовъ составляла по прежнему господствующую черту хозяйственного быта Эллады.

Въ предыдущемъ было указано, что экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ, связанное крѣпкими нитями съ сложной тканью ихъ метафизики и этики, не было оторвано и отъ хозяйственной почвы своего времени. Хозяйственная дѣйствительность отразилась въ ученіяхъ философовъ не цѣликомъ, а нѣкоторыми, наиболѣе вышуклыми

чертами, необходимыми для построения хозяйственных „идеально-логических“ типовъ. Эти черты заимствовались древними мыслителями изъ разныхъ періодовъ эллинской исторіи (однако, почти исключительно изъ послѣ-микенскаго времени), но не въ безразличномъ и беспорядочномъ смѣшеніи, а въ видѣ наиболѣе чистыхъ и характерныхъ особенностей эллинскаго уклада жизни, намѣтившихся еще въ раннюю пору образованія греческихъ государствъ. Поэтому и намъ необходимо ранѣе характеристики теоретическихъ взглядовъ и идеальныхъ построений древнихъ воспроизвести, или лучше сказать, напомнить читателю важнѣйшія типическія черты эллинскаго общественнаго строя и хозяйственнаго быта, имѣющія значеніе для пониманія древне-греческаго экономическаго міровоззрѣнія.

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что для уясненія бытового фундамента идей классической эпохи намъ прежде всего и больше всего надо понять въ греческой общественной дѣйствительности ея аристократическій тонъ. Аристократизмъ—основная черта общественнаго быта древнихъ грековъ, органически сросшаяся со всѣми его формами, отъ патріархальныхъ временъ гомеровскаго эпоса до эпохи расцвѣта V и IV в.в. Какъ ни усложнялись политическія и хозяйственныя формы эллинской жизни, какія „классовыя противорѣчія“ въ ней ни возникали, она оставалась проникнутой аристократическимъ духомъ, правда, весьма своеобразнымъ, но выраженнымъ вполне опредѣленно и сохранившимъ поразительную устойчивость, несмотря на рѣзкія „смѣны временъ“. Эта черта эллинской дѣйствительности нашла себѣ отраженіе въ построенияхъ философовъ въ тѣснѣйшей связи съ характернымъ для древнихъ грековъ строемъ „государства-города“, сохранившимъ даже въ наиболѣе передовыхъ демократіяхъ поздняго времени рѣзкое дѣленіе жителей на гражданъ и не гражданъ. Далѣе, теоретическая мысль древнихъ не могла не находиться подъ воздѣйствіемъ также весьма существеннаго элемента эллинскаго быта—примѣненія рабскаго труда, не ослабѣвавшего, а наоборотъ усиливавшегося съ развитіемъ новыхъ хозяйственныхъ и политическихъ отношеній. Наконецъ, въ разсужденіяхъ философовъ не могли не отразиться развивавшіяся въ указанныхъ своеобразныхъ рамкахъ исконнаго эллинскаго быта новыя сравнительно явленія мѣноваго оборота и измѣненія въ профессиональной группировкѣ общественныхъ классовъ. Въ характеристикѣ этихъ сторонъ древней эллинской жизни мы желали бы ограничиться только фактами, твердо установленными въ имѣющейся специальной исторической литературѣ, причемъ намъ хотѣлось бы нѣсколько подчеркнуть свое толкованіе особенностей эллинскаго общественнаго быта и связаннаго съ нимъ соціальнаго міровоззрѣнія, не всегда совпадающее съ мнѣніями признанныхъ авторитетовъ въ области древней исторіи, но и не противорѣчащее установленнымъ ими

фактамъ, по отношенію къ которымъ намъ не пришлось натолкнуться на существенныя разногласія между специалистами.

Кругъ историческихъ явленій, интересующихъ насъ при изслѣдованіи эконолическаго міровоззрѣнія древнихъ грековъ, очерчивается періодомъ, открываемымъ передвиженіями и завоеваніями дорянъ и заканчиваемымъ выступленіемъ македонской монархіи. Именно со времени дорическихъ завоеваній складывается столь типичный для древнихъ грековъ строй государства-города, нашедшій себѣ наиболѣе яркое выраженіе въ дорическихъ государствахъ—Спартѣ и Критѣ.

Контрастъ между микенской культурой, съ ея пышностью и могуществомъ отдѣльныхъ „сильныхъ міра сего“ и простотой и суровостью спартанскаго быта настолько великъ, что въ немъ чувствуется, по справедливому замѣчанію Бузольта, какъ бы сознательная реакція противъ прежней эпохи ¹⁾. Этотъ контрастъ проступаетъ, хотя и въ меньшей степени, и въ государствахъ, населенныхъ эоійскими и іоническими племенами, сообщая всей культурѣ новой эпохи оригинальный отпечатокъ. Именно въ это время эллинскій духъ „нашелъ себя“ и выразилъ въ рядѣ великихъ твореній, включая сюда и особый укладъ общественныхъ отношеній. Историки дѣлятъ обыкновенно это время на средневѣковье, переходный періодъ и эпоху расцвѣта по основаніямъ, съ которыми нельзя не согласиться. Но съ точки зрѣнія изслѣдованія греческой экономической мысли важно подчеркнуть, что не смотря на крупныя перемѣны, происшедшія за это время въ политическихъ формахъ и хозяйственномъ бытѣ, включая и Аѣнскую демократію,—строй государствъ Эллады развивался въ общемъ въ направленіи, данномъ въ эпоху „средневѣковья“. Сравнительно косныя государственныя формы Спарты или Крита составляли въ глазахъ мыслящихъ людей того времени не простой архаическій пережитокъ, но какъ бы сохранный при веѣхъ наслоившихся на немъ уродливостяхъ и уклоненійхъ образецъ, по которому, съ тѣми или иными варіаціями, греки всегда стремились строить свое государственное зданіе. Такъ смотрѣли на критско-спартанскій строй величайшіе мыслители древности и намъ нѣтъ надобности подходить къ ихъ построеніямъ съ извиненіями и оправданіями, отыскивая въ ихъ творчествѣ мотивы протеста консерваторовъ и аристократовъ противъ злоупотребленій и крайностей демократіи. Было, конечно, и это, но основнымъ источникомъ построеній философовъ оставался живо ощущаемый ими національно-эллинскій идеаль государственнаго строительства, выраженный среди дѣйствительныхъ государственныхъ формъ съ наибольшимъ приближеніемъ въ учрежденіяхъ Спарты и Крита.

¹⁾ Georg Busolt. Griechische Geschichte. Bd. I. 2 Aufl., Gotha 1893, стр. 114.

Сущность государственного строя Спарты заключалась въ отождествленіи государства съ военнымъ лагеремъ, составленнымъ изъ небольшой группы привилегированныхъ граждаѣ. Имъ однимъ принадлежала власть и управленіе, одни они были выразителями и хранителями цѣлей и интересовъ государства. Все остальное населеніе—гелоты, даже періэки—имѣло подсобное значеніе, существовало ради необходимаго снабженія арміи, составляло ея „тылъ“, питающій ее нужными матеріальными средствами, а въ случаѣ надобности и боевыми резервами. Характерною особенностью этого государственнаго устройства было сосредоточеніе въ небольшой группѣ полноправныхъ гражданъ не только привилегій, но и обязанностей. Спартіаты отдавали всего себя на службу государству, и его привилегированное положеніе не обезпечивало ему привольной и беззаботной жизни. Государство требовало, чтобы онъ былъ хорошимъ солдатомъ и гражданиномъ и только въ эту сторону позволяло ему развернуть свои силы. Идеаль спартіата былъ узокъ, но вся его жизнь была проникнута стремленіемъ къ идеалу. Общія гимнастическія упражненія и общіе обѣды поддерживали въ рядовомъ гражданинѣ высокій духъ военнаго братства, а правила противъ стяжанія и роскоши не давали развиваться увлеченію матеріальными благами. Въ задачи первыхъ творцовъ спартанскаго государственнаго устройства входило, повидимому, полное отрѣшеніе гражданъ отъ хозяйственной дѣятельности, исключительное сосредоточеніе всѣхъ силъ на высшихъ государственныхъ интересахъ. Отсюда и обезпеченіе спартіатовъ на государственный счетъ землю (въ плодородной долинѣ Еврота) и приписка къ ней крѣпостныхъ (гелотовъ). Равенство отводимыхъ земельныхъ участковъ должно было гарантировать единство образа жизни и настроенія гражданъ. Ремесла и торговля предоставлены были неполноправнымъ свободнымъ жителямъ городовъ—періэкамъ, но и здѣсь накопленію богатствъ въ отдѣльныхъ рукахъ старались помѣшать затрудненіями обмѣна (знаменитыя „железные деньги“).

Единообразіе имущественнаго положенія гражданъ и умѣренность достатка диктовались условіями военной техники того времени. Мѣсто отдѣльныхъ героевъ, сражающихся на колесницахъ, заняли сплоченные ряды пѣшихъ тяжело вооруженныхъ латниковъ (гоплитовъ). Даже избранный отрядъ изъ молодыхъ спартіатовъ, составлявшій лейбгвардію царя, только по имени назывался „конницей“ (ιππείς), на самомъ же дѣлѣ въ историческое время слагался изъ пѣхотинцевъ ¹⁾.

Служба въ войскѣ требовала хорошаго запаса силъ, специальнаго воспитанія и постоянной тренировки. Слабосильные или недостаточно сложенные мальчики браковались при рожденіи, а тѣ, кто былъ при-

¹⁾ Busolt, указ. соч. I, 537.

знанъ годнымъ, отдавались въ раннемъ возрастѣ въ дѣтскія военныя школы, гдѣ ихъ подвергали суровой муштровкѣ и приучали терпѣть лишения. На двадцатомъ году молодой спартаецъ былъ уже готовъ къ дѣйствительной военной службѣ, могъ даже жениться, но долженъ былъ выдержать еще продолжительный стажъ (десять лѣтъ), пока наконецъ его вводили въ составъ дѣйствительныхъ гражданъ, обладающихъ всей полнотой политическихъ правъ и носившихъ характерное названіе „равныхъ“ (ἰσῶται). Но и здѣсь продолжалось то же самое. Та же тренировка и дисциплина, та же непрерывная лагерная жизнь. „Равные“ образовывали небольшія содружества (приблизительно въ пятнадцать человѣкъ) для общихъ обѣдовъ, въ которыхъ каждый былъ обязанъ доставлять положенное количество ячменной муки, сыру, вина и фигъ и опредѣленную сумму денегъ, а при жертвоприношеніи и охотѣ—части жертвенныхъ животныхъ и дичи. Общіе обѣды не только поддерживали духъ воинскаго братства, но и сообщали необходимую для войска нивелировку образа жизни, парализующую имущественныя неравенства, неизбежно проникавшія и въ спартацкое государство, несмотря на всѣ рогадки. Но это было именно равенство воиновъ, не имѣющее ничего общаго съ требованіями современнаго демократическаго равенства, что, повидимому, не вполне ясно для спеціалистовъ-историковъ древности. Такъ, Бузольтъ усматриваетъ въ учрежденіи общихъ обѣдовъ „соціалъ-демократическую черту“, потому что „богатые и бѣдные, знатные и маленькіе люди (geringe) обѣдали за однимъ и тѣмъ же столомъ и получали одинаковую пищу. Всѣ должны были чувствовать себя равноправными и равнообязанными членами гражданскаго союза и привыкать къ мысли, что они живутъ не ради своего дома и своихъ личныхъ интересовъ, но въ обществѣ и для общества“¹⁾. Но демократизмъ отношеній здѣсь необходимо понимать не въ современномъ смыслѣ всеобщаго участія въ общественномъ дѣлѣ (т. е. если въ государственныхъ дѣлахъ, то участія всѣхъ *подданныхъ* государства), а въ античномъ смыслѣ исключительнаго сосредоточенія общественныхъ (государственныхъ) дѣлъ въ рукахъ небольшого верхняго слоя гражданъ (въ данномъ случаѣ *спартиатовъ*, имѣвшихъ приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ людей), по возможности уравниваемыхъ другъ съ другомъ въ предѣлахъ этого замкнутаго круга. Пельманъ, вообще пожалуй болѣе другихъ историковъ склонный къ модернизированію древности, рассуждаетъ въ данномъ случаѣ осторожнѣе, примѣняя къ рассматриваемому учрежденію терминъ „государственнаго социализма“, ближе характеризующій его значеніе, но котораго также слѣдовало бы избѣгать по своеобразію античныхъ общественныхъ отношеній, для которыхъ термины современной со-

1) Busolt, I, стр. 544.

ціальної науки, вироботанні при изученні новітшихъ государственныхъ и общественныхъ формъ, оказываются часто мало подходящими ¹⁾. Дѣло, конечно, не въ названіяхъ. Сущность же спартанскаго строя, призывавшаго къ активной государственной жизни немногихъ и опредѣлявшаго ихъ существованіе прежде всего военными потребностями, изображается одинаково всѣми выдающимися историками древности, и въ частности и самими Бузольтомъ и Пѣльманомъ. Бузольтъ находитъ даже (по частному поводу, въ полемикѣ съ Низе объ институтѣ эфоровъ) очень мѣткое слово для обозначенія спартанскаго строя: „дворянская демократія“ (Adelsdemokratie). Онъ совершенно правильно указываетъ Низе, видящему въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ „первую демократію на греческой почвѣ“, что съ его точки зрѣнія „можно было бы разсматривать всякую олигархію, члены которой равноправны, какъ демократію“ ²⁾. Нужно только сдѣлать дальнѣйшій логическій шагъ и понять и настоящую античную демократію, какъ совершенно своеобразную политическую организацію, гораздо болѣе близкую къ „дворянской демократіи“ Спарты, чѣмъ къ демократіи современной Европы ³⁾.

Въ настоящее время историки, повидимому, единодушно сошлись въ мнѣніи, высказанномъ еще Аристотелемъ, что главнымъ дѣломъ Солона была „списахія“, или уничтоженіе долговъ. Какъ ни смотрѣть на эту реформу, детали которой все еще остаются неясными, несомнѣнно ея громадное значеніе для послѣдующаго развитія афинской демократіи, заключавшееся не только въ прекращеніи начавшей завязываться въ Атикѣ кабальной зависимости однихъ гражданъ отъ другихъ, но и въ предупрежденіи этого явленія на будущее время запрещеніемъ дачи взаимы „подъ залогъ тѣла“. Списахія обезпечила и за слабѣйшими элементами гражданскаго общества драгоцѣннѣйшее право личной свободы и тѣмъ провела кругъ, въ которомъ можно было производить дальнѣйшее уравненіе въ правахъ, въ смыслѣ участія во власти, управленіи и выгодахъ, доставляемыхъ государственнымъ союзомъ.

¹⁾ Р. Пѣльманъ. Исторія античнаго коммунизма и социализма. „Общая исторія европейской культуры“. изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Петроградъ 1910, т. II, стр. 33.

²⁾ Busolt, I, стр. 557—558.

³⁾ Только со времени уничтоженія рабства и крѣпостничества, говоря общѣе, съ прекращеніемъ личной зависимости однихъ подданныхъ государства отъ другихъ, государственный строй ставится на путь дѣйствительнаго демократическаго развитія и съ этой точки зрѣнія отсталыя политическія формы современной Европы можно считать болѣе высокимъ политическимъ типомъ по сравненію съ демократіями древности, такъ какъ въ нихъ заложены гораздо болѣе далекія возможности демократическаго развитія, и ихъ съ гораздо большимъ правомъ можно назвать „потенціальными демократіями“ въ современномъ смыслѣ слова, чѣмъ самыя развитыя демократіи древности.

Исторія афинской демократіи послѣ Солона и представляется постепеннымъ осуществленіемъ этой возможности. Афинская демократія была бы полной и походила бы на современныя демократіи, если бы волна уравненія въ правахъ докатилась до всѣхъ слоевъ населенія Аттики. Но за кругомъ, очерченнымъ сисахоей, стояли метеки и рабы.

Первое крупное логическое слѣдствіе Солоновой сисахоеи—муниципально-политическая реформа Клисѳена, уничтожившая родовое политическое дѣленіе Аттики и замѣнившая его территоріальнымъ, провела въ то же время—съ этой побѣдой демократическаго начала—рѣзкое дѣленіе между гражданами и не-гражданами. Она создавала, хотя и въ болѣе обширномъ и разнохарактерномъ кругу сравнительно съ общиной спартиатовъ, по существу такую же сплоченную группу гражданъ-воиновъ, живущую тѣснымъ замкнутымъ кругомъ ради цѣлости и величія государства. „Мелкая земская единица“ и основная ячейка всей государственной организаціи, созданной Клисѳеномъ,—демъ—должна была съ особымъ тщаніемъ заботиться о томъ, чтобы въ ея составъ входили только истинные афинскіе граждане. Членамъ дема велись списки (въ которые заносились молодые люди, достигшіе 18-лѣтняго возраста), причѣмъ время отъ времени списки эти ревизовались (діапсефизма). Неправильное занесеніе въ списки грозило включенію крупными непріятностями—вплоть до лишенія имущества и свободы. Отъ каждаго члена дема требовалась готовность всѣми силами служить государству, защищать его отъ внѣшнихъ враговъ, поддерживать установленный законами внутренній порядокъ, содѣйствовать его процвѣтанію и славѣ ¹⁾.

Послѣ реформы Эфіальта, завершившей развитіе афинской демократіи, афинскій демосъ не спѣшилъ привлечь въ свою среду посторонніе элементы, а еще ревнивѣе охранялъ заповѣдную грань между гражданами и не гражданами. Въ эпоху величайшаго расцвѣта афинской демократіи былъ изданъ законъ (такъ назыв. Перикловъ законъ 451/0 г.), по которому право гражданства принадлежало лишь тѣмъ, кто происходилъ отъ афинянина и афинянки ²⁾. Поэтому, на нашъ современный взглядъ, самый демократическій строй древности хранить въ себѣ ярко выраженныя аристократическія черты. И стремленія политическихъ и социальныхъ реформаторовъ того времени естественно тяготѣли къ старымъ традиціямъ „дворянской демократіи“, соединявшей въ себѣ привилегіи господствующаго класса съ демократическимъ равенствомъ его правъ и его быта.

Сила этихъ традицій станетъ намъ понятной, если мы примемъ

---

¹⁾ Любопытна клятва, приносимая вступающими въ демъ молодыми афинянами. См. В. Бузескулъ. Исторія афинской демократіи. Петроградъ 1909, стр. 85.

²⁾ Бузескулъ, указ. соч., стр. 167.

въ соображеніе, что древне-греческое государственное устройство при всемъ разнообразіи его формъ постоянно сохраняло одну общую черту, весьма характерную для эллинскаго общественнаго быта и государственнаго сознанія, именно, что оно замыкалось въ рамкахъ *государства-города*. Каковы бы ни были причины и условія, которыя привели къ группировкѣ населенія Эллады по городамъ-государствамъ, самый фактъ такой группировки общепризнанъ, и намъ достаточно здѣсь указать на его значеніе для формировація взглядовъ на организацію и задачи государства какъ средней, рядовой массы гражданъ, такъ и ея выдающихся представителей. Древніе греки ежедневнымъ наблюденіемъ окружающей ихъ общественной жизни привыкали видѣть въ государствѣ нѣкоторое „содружество“, сплоченную группу лицъ, объединенныхъ для всѣхъ явнымъ общимъ интересомъ. Каждый городъ рѣзко отмежевывался отъ сосѣдей, старался обезпечить себѣ возможное „самодовлѣніе“ даже и въ хозяйственной жизни при всѣхъ трудностяхъ, создаваемыхъ небольшимъ размѣромъ территоріи, а будучи вынужденъ все таки поддерживать внѣшнія сношенія, развивалъ экономическую политику, направленную къ охранѣ общаго государственнаго интереса, предпочтительно передъ какими-либо иными. Законодательства греческихъ государствъ не останавливались передъ регламентаціей частныхъ экономическихъ отношеній (въ особенности въ области снабженія населенія предметами продовольствія), и всякій гражданинъ ясно видѣлъ, что этого требовали жизненные интересы его „города“, дѣятельную часть котораго составлялъ и онъ самъ. Приобщеніе къ участию въ законодательствѣ широкихъ круговъ гражданъ, не исключая послѣднихъ бѣдняковъ, т.е. самое крайнее развитіе греческой демократіи, не распыляло городской общины и не превращало ея въ анархическую смѣсь индивидуумовъ съ ихъ личными интересами, а надъ всѣми этими отдѣльными побужденіями, какъ бы эгоистичны и своекорыстны они ни были, протягивало широкую защитную сѣть общаго государственнаго интереса, всѣмъ видимаго и понятнаго. Отсюда—неумирающая вѣра въ то, что государство можетъ сохранить „единую душу“, можетъ и обязано связать своихъ членовъ общимъ содружествомъ въ стремленіи къ единой для всѣхъ высокой цѣли. Въ кругу, очерченномъ государствомъ-городомъ для такого содружества, часто не все обстояло благополучно, граждане дѣлились на рѣзко-противоположныя группы по имущественному положенію, враждебныя другъ другу, вступавшія въ жестокую борьбу между собою, но въ этой борьбѣ мы напрасно стали бы искать чертъ современной „классовой борьбы“. Общественные классы древности складывались иначе, чѣмъ въ наше время, уже въ силу одного дѣленія жителей на гражданъ и не-гражданъ и существованія института рабства. Какія бы различія ни существовали между отдѣльными груп-

нами гражданъ, всё они, съ нашей современной точки зрѣнія, должны быть признаны однимъ классомъ, подобно тому какъ въ крѣпостную эпоху въ Россіи мы въ правѣ разсматривать дворянство, какъ замкнутый въ себѣ общественный классъ, несмотря на крупныя различія въ его отдѣльныхъ группахъ по занятіямъ, имущественному положенію, политическому вліянію и т. п. Самая рѣзкость столкновеній между отдѣльными группами гражданъ въ греческой демократіи имѣла своимъ источникомъ живое чувство единства гражданской общины. Между гражданами не должно быть различій по отношенію къ общимъ задачамъ государства; всё должно быть уравнено въ правахъ и всё должно быть обезпечено возможностью пользованія этими правами (отсюда и принципъ выдачи вознагражденія за участіе въ общественныхъ дѣлахъ). Отсюда также и притязаніе всѣхъ на участіе въ общихъ государственныхъ празднествахъ и сопровождающихъ ихъ церемоніяхъ и развлеченіяхъ („ѳеориконъ“).

Бѣда и тяжелая трагедія эллинской жизни поздняго времени заключалась не въ претензіяхъ крайнихъ демократическихъ элементовъ, а въ томъ, что греческое общественное сознаніе, за ничтожными исключеніями, не имѣвшими никакого вліянія на строительство жизни, не поднималось далѣе заколдованнаго круга небольшой привилегированной тѣсно сплоченной военно-политической общины. Поскольку такая община мыслилась въ наилучшей, возможной для нея формѣ, она предполагала полное освобожденіе ея членовъ отъ хозяйственныхъ заботъ и сосредоточеніе ихъ силъ исключительно на выполненіи первыхъ обязанностей гражданъ—военной обороны и участія въ законодательствѣ, судѣ и управленіи. Граждане должны были необходимо существовать за счетъ какихъ-то другихъ общественныхъ элементовъ, имѣющихъ подчиненное значеніе. Какъ ни изоцрялись греческіе мыслители въ изобрѣтеніи наиболѣе цѣлесообразнаго сочетанія господствующихъ и подчиненныхъ элементовъ общества, они не могли рѣшить задачи справедливаго устроенія государства, ибо при такой постановкѣ она вообще не допускаетъ рѣшенія. Мысль о возможности совмѣщенія въ государственномъ организмѣ военныхъ, политическихъ и хозяйственныхъ функцій безъ привилегій для однихъ и умаленія правъ для другихъ не укладывалась въ эллинскомъ сознаніи. Вопросъ пересматривался на разные лады, съ разнообразными попытками компромисса, но удовлетворительнаго рѣшенія не оказывалось, да и быть не могло, несмотря на высокій полетъ творческой мысли и нравственнаго одушевленія античныхъ соціальныхъ реформаторовъ.

Логическая стройность національно-эллинской государственной концепціи естественно нарушалась въ дѣйствительной жизни рядомъ разнообразныхъ вліяній, среди которыхъ первое мѣсто занимали хозяйственныя измѣненія, незамѣтно преобразовывавшія искони сло-

жившіяся отношенія и формы быта. Древній грекъ имѣлъ и здѣсь старинный идеаль организациі, бережно проносимый чрезъ бури и волненія историческихъ судьбъ, взятый также изъ жизни, выраженный въ ней широко и съ большимъ приближеніемъ, связанный съ нею глубокими корнями и въ позднюю эпоху эллинскаго развитія, несмотря на рѣзкія перемѣны, происшедшія въ хозяйственныхъ отношеніяхъ Эллады за долгій періодъ отъ VII до IV вѣковъ. Это былъ знаменитый „ойкосный“ строй хозяйства, не перестающій со времени Родбертуса привлекать къ себѣ вниманіе экономистовъ историческаго склада и еще недавно нашедшій новую блестящую характеристику и видное мѣсто въ Бюхеровой схемѣ. Здѣсь намъ нѣтъ надобности касаться полемики, возникшей по поводу вопроса о степени распространенности ойкоснаго хозяйства въ древнемъ мірѣ между Бюхеромъ и Эдуардомъ Мейеромъ, Белохомъ и другими специалистами-историками древности, потому что—съ точки зрѣнія поставленной нами себѣ задачи—намъ важно отмѣтить нѣкоторыя черты дѣйствительнаго хозяйственнаго быта, исходя отъ которыхъ древніе греки строили свой „идеально-логическій“ типъ хозяйственной организациі. А вѣдь никто не споритъ о томъ, что въ древней Греціи въ періодъ, отграничиваемый приблизительно X—IV вв. до Р. Х., ойкосное хозяйство не только существовало, но и занимало видное мѣсто въ хозяйственной жизни, не исключая и поздняго времени, съ его усложнившимися экономическими отношеніями. Поскольку древній грекъ думалъ о хозяйственномъ устроеніи, его любимой мечтой было хорошо налаженное земледѣльческое хозяйство съ примыкающимъ къ нему кругомъ домашнихъ работъ промышленнаго характера (пряденье, тканье, размальваніе зерна на ручныхъ мельницахъ). Строй такого хозяйства въ крупномъ масштабѣ ярко рисуется намъ Гомеровскій эпосъ, воспѣвающей по преимуществу жизнь богатыхъ и знатныхъ людей, „базилевсовъ“, верховъ аристократіи своего времени. „Домъ“ (ойкосъ) знатнаго человѣка представляется по преимуществу замкнутой хозяйственной организацией, гдѣ домашнее производство доставляетъ обильные продукты, потребляемые въ значительной части въ предѣлахъ дома, хотя бы и съ приглашенными друзьями и соратниками, гдѣ всего „полная чаша“ и гдѣ живутъ не скупясь, не жалѣя добра ни для себя, ни для гостей, ни даже для слугъ, которымъ въ богатомъ домѣ живется сравнительно привольно. Земледѣльческія работы ведутся подъ надзоромъ самого владѣльца или его управляющаго, домашнія—подъ руководствомъ и наблюденіемъ хозяйки дома (большая часть этихъ работъ выполняется рабынями) съ помощью опытной и облеченной хозяйскимъ довѣріемъ ключницы. Во дворцѣ царя феакійцевъ Алкиноя

2929/8

Київський Інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

„ . . . . . на лавках лежали покровы,
Тканые дома искусной рукою прилежных работницъ...
Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ руководѣльных
невольницъ:

Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,
Нити сучили другія и ткали, сидя за станками
Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ тополя“ ... 1).

Таковъ же домъ и самого Одиссея: на царской мельницѣ

„ . . . . . двѣнадцать
Было рабынь, и вседневно отъ ранняго утра до поздней
Ночи ячмень и пшено тамъ онѣ для домашнихъ мололи“ 2).

Внутри же самага дома, по докладу ключницы Эвриклеи,

„ . . . . . пятьдесятъ мы имѣемъ служанокъ-работницъ,
Разнаго возраста; заняты всѣ руководѣемъ домашнимъ;
Дергаютъ волну; и каждая въ домѣ свою отправляетъ
Службу“ 3)...

Въ сельскомъ хозяйствѣ, рядомъ съ рабскимъ, повидимому, широко примѣняется и наемный трудъ. И въ самомъ домѣ для нѣкоторыхъ сложныхъ работъ приглашаются странствующие ремесленники-искусники, которыхъ поэтъ ставитъ рядомъ съ художниками слова—пѣвцами, а также учеными врачами и гадателями, обозначая ихъ однимъ терминомъ „деміурговъ“, буквально—общественныхъ работниковъ:

„ . . . . . Приглашаетъ ли кто челоѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ приглашаютъ, кто нуженъ
на дѣло 4):
Или гадателей, или врачей, или искусниковъ зодчихъ,
Или пѣвцовъ, утѣшающихъ душу божественнымъ словомъ—
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земнородные люди 5)...

Яркая картина хода земледѣльческихъ работъ дана въ Илиадѣ при описаніи выкованнаго Гефестомъ щита Ахиллеса. Гефестъ

„Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханый паръ; на немъ землешапы
Гонятъ ярменныхъ воловъ; и назадъ и впередъ обращаясь,
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,

1) Одиссея Гомера, пер. Жуковского, Петроградъ. 1909, пѣснь VII, 103—108.

2) Одиссея, XX, 106—108.

3) Тамъ же, XXII, 421—424.

4) Это мѣсто передано Жуковскимъ неточно. Въ подлинникъ: οὐ δῆμοσροῖ ἕσασιν. Homeri Odyssea, ред. Dindorf-Hentze (изд. Teubner). XVII, 383.

5) Одиссея, пер. Жуковского, 382—387.

Вновь послѣшаютъ дойти до конца глубобразнаго пара...
 Далѣ выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву
 Жали наемники, острыми въ дланяхъ серпами блистая.
 Здѣсь полосой непрерывною падаютъ горетни густые;
 Тамъ перевязчики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ.
 Три перевязчика ходятъ за жнущими; сзади ихъ дѣти,
 Горетая быстро колосья, одни за другими въ охапахъ
 Вяжущимъ имъ подаютъ. Властелинъ между ними безмолвно,
 Съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ и душой веселится.
 Вѣстники одадь, подъ тѣнію дуба, трапезу готовятъ;
 Въ жертву заклавши вола, вокругъ него суетятся, а жены
 Бѣлую сѣютъ муку для сладостной вечера жнущимъ“¹⁾.

Дальше идетъ описаніе сбора винограда и пастьбы воловъ и овецъ. Ойкосъ знатнаго человѣка включалъ въ себя обычно и скотоводческое хозяйство, достигавшее особенно обширныхъ размѣровъ въ мѣстностяхъ, мало благоприятныхъ для земледѣлія. Такъ, у Одиссея

„Стадъ криворогихъ быковъ до двѣнадцати было, овечьихъ
 Также, и столько жъ свинныхъ и не менѣ козьихъ (пасуть ихъ
 Здѣсь козоводы свои и наемные); также на разныхъ
 Паствахъ еще здѣсь гуляетъ одиннадцать козьихъ особыхъ
 Стадъ; и особые ихъ стерегутъ на горахъ козоводы“²⁾

Свиной дворъ описанъ съ особой подробностью:
 Домъ, гдѣ жилъ свинопасъ Евмей,

„ . . . . стоялъ на высокоомъ, открытомъ и кругообзорномъ
 Мѣстѣ, просторный, отсюду обходный; его для свинныхъ тамъ
 Стадъ свинопасъ, не спросясь ни съ царицей, ни съ
 старцемъ Лаэртомъ,
 Самъ, поелику его господинъ былъ отсутственъ. изъ твердыхъ
 Камней построилъ; ограда терновая стѣны вѣнчала;
 Тынь изъ дубовыхъ, обтесанныхъ, близко одинъ отъ другого
 Въ землю вколоченныхъ кольевъ его окружалъ; на дворѣ же
 Цѣлыхъ двѣнадцать просторныхъ закутъ для свиней находилось;
 Каждую ночь въ тѣ закуты свиней загоняли и въ каждой
 Ихъ пятьдесятъ, на землѣ неподвижно лежащихъ тамъ было
 Заперто - матки однѣ для расплода; самцы же во внѣшнихъ
 Спали закутахъ и въ меньшемъ числѣ: убавляли, пируя,
 Ихъ женихи богоравные (самъ свинопасъ принужденъ былъ
 Лучшихъ и самыхъ откормленныхъ имъ посылать ежедневно);
 Триста ихъ тамъ шестьдесятъ борововъ налицо оставалось;
 Ихъ сторожили четыре собаки, какъ дикіе звѣри,
 Злобныя“³⁾...

Знатный человѣкъ могъ собирать за своимъ столомъ обширный кругъ близкихъ къ нему по положенію людей и щедро угощать ихъ, черпая исключительно изъ домашняго запаса. Хозяйству Одиссея,

¹⁾ Илиада, пер. Гнѣдича. Петроградъ 1913, пѣснь XVIII, 541—560.

²⁾ Одиссея, XIV, 100—104.

³⁾ Одиссея, XIV, 6—22.

выдерживающему упорный натиск громадной толпы жениховъ Пене-лопы, приходится трудно, но оно до самаго возвращенія Одиссея продолжается доставлять все необходимое для пышнаго пиршества. Для послѣдняго, рокового для жениховъ пира,

„Свинопасомъ Эвмеемъ пригнаны были три борова, самые
жирные въ стадѣ...
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада, откормленныхъ жирно,
..... пригналъ (козоводъ Мелантій) гостямъ на обѣдъ“...
Третій тутъ главный пастухъ подошелъ. .. коровникъ Филотій;
Козъ онъ отборныхъ привелъ съ нетелившейся, жирной
коровой“ 1).

Поэмы Гомера рисуютъ намъ жизнь богатыхъ и сильныхъ людей, не знающихъ гнета мелочей повседневной жизни, испытывающихъ, конечно, превратности судьбы и вынуждаемыхъ переносить порою тя-желыя страданія и лишенія, но главнымъ образомъ въ связи съ воен-ными неудачами и стихійными бѣдствіями, приписываемыми гнѣву боговъ. Жизнь рядового гражданина стараго патріархальнаго времени, времени греческаго „средневѣковья“, была трудна уже въ силу его малой имущественной обезпеченности и произвола и засилья знат-ныхъ. Въ обычной мирной долѣ положеніе мелкаго землевладѣльца, принужденнаго довольствоваться немногими рабами и батраками, тре-бовало крайняго напряженія силъ, оставляя его подъ вѣчнымъ стра-хомъ обидъ и притѣсненій со стороны сильныхъ людей и бѣдствій, происходящихъ отъ несчастныхъ случайностей. Повѣсть этой много-трудной жизни малоимущаго свободнаго человѣка, выбивающагося изъ силъ, чтобы выйти въ люди и зажить „по-благородному“, раз-сказываетъ Гезіодъ въ своихъ „Трудахъ“ (ἔργα). Въ этомъ отношеніи твореніе Гезіода продолжаетъ и дополняетъ поэмы Гомера, развивая то же самое міровоззрѣніе, но только съ другого конца, какъ выраженіе вѣрованій и чувствованій болѣе бѣдныхъ слоевъ общества и притомъ въ мирной обстановкѣ повседневной жизни. Основные идеалы здѣсь тѣ же; и эти люди ищутъ прежде всего довольства, покоя и почета, но они вынуждены считаться не только съ превратностями судьбы, но и съ давленіемъ и хищничествомъ сильныхъ, въ рукахъ которыхъ бѣднякъ бьется, какъ „соловей въ когтяхъ у ястреба“. Отсюда жалобы не на одни подстерегающія людей злыя стихійныя силы, но и на не-справедливость и засилье богатыхъ и знатныхъ. Въ этихъ жалобахъ нельзя видѣть протеста противъ общаго строя жизни, какъ въ Илиадѣ ругань Ферсита противъ вождей не служитъ выраженіемъ идеала иной военной организаціи. Но у Гомера жалобы людей „худородныхъ“ переданы съ явнымъ несочувствіемъ къ нимъ, и мы не можемъ хо-

1) Одиссея, XX, 162—186.

рошо уяснить себѣ ихъ значеніе ¹⁾. Тогда какъ вся поэма Гезіода составляетъ единый, цѣлостный „крикъ души“ малоимущихъ, мало-мочныхъ гражданъ, и мы видимъ въ обстоятельныхъ, доходящихъ до мелочей, наставленіяхъ Гезіода наиболѣе сокровенныя желанія и помыслы этихъ людей, обремененныхъ тяжелой борьбой за существованіе, но влекущихся въ концѣ концовъ къ тѣмъ же жизненнымъ цѣлямъ, какія ставятъ себѣ богатые и знатные.

Гезіодъ надѣется прежде всего на самого себя и на обычную мирную хозяйственную дѣятельность. Онъ представитель мелкаго сельскаго люда; у котораго достатокъ создается обработкой земли и выгоднымъ сбытомъ продуктовъ посредствомъ морской торговли. Лишь бы знатные люди ему не мѣшали, не оттягали бы у него земли, не закабалили бы его долгами и повинностями, и тогда, энергично работая, онъ достигнетъ довольства. Но его жизнь трудна, полна мелочныхъ заботъ, требуетъ энергіи и осмотрительности. Отсюда его поэма есть гимнъ труду, на который приходится возлагать всѣ надежды.

¹⁾ Фереитъ въ Илиадѣ является представителемъ рядовыхъ дружинниковъ, всегда подозрѣвающихъ вождей въ неправильномъ руководствѣ и несправедливомъ дѣленіи добычи. Но такъ какъ пѣвецъ убѣжденъ, что вожди (по крайней мѣрѣ, въ ихъ цѣломъ совѣтѣ) надѣлены достаточно высокой мудростью и въ общемъ справедливо распределяютъ добытое у врага, то онъ надѣляетъ Фереита отталкивающей внѣшностью и низменными моральными качествами, чтобы тѣмъ рѣзче отънѣть неосновательность подобныхъ подозрѣній.

„Всѣ успокоились, тихо въ мѣстахъ учрежденныхъ сидѣли;
Только Фереитъ межъ безмолвными каркалъ одинъ празднословный.
Въ мысляхъ имѣя всегда непристойныя многія рѣчи,
Вѣчно искалъ онъ царей оскорблять, презирая пристойность,
Все позволяя себѣ, что казалось смѣшно для народа.
Мужъ безобразнѣйшій, онъ межъ Данаевъ пришелъ къ Илиону:
Былъ косоглазъ, хромоногъ; совершенно горбатая сзади
Плечи на персяхъ сходились; глава у него подымалась
Вверхъ остриемъ, и была лишь рѣдкимъ усѣяна пухомъ.
Врагъ Одиссея и злѣйшій еще ненавистникъ Пелида,
Ихъ онъ всегда порицалъ, но теперь скиptronосца Атрида
Съ крикомъ прозвительнымъ онъ поносилъ.....
Что, Агамемнонъ, ты сѣтуешь, чѣмъ ты еще недоволенъ?
Кущи твои преисполнены мѣди, и множество плѣнницъ
Въ куцахъ твоихъ, которыхъ тебѣ Аргивяне избранныхъ
Первому въ рати даемъ, когда города разоряемъ.
Жаждешь ли злата еще, чтобы его кто-нибудь изъ троянскихъ
Конниковъ славныхъ принесъ для тебя, въ искушеніе сына,
Коего въ узахъ я бы привелъ, или другой Аргивянинъ?
Хочешь ли новой жены, чтобы любовью съ ней наслаждаться,
Въ снѣвъ одному заключившись?“ и т. д. и т. д.

Одиссею достаточно пустить въ ходъ свой скипетръ, отъ удара котораго „по хребту и плечамъ“ у Фереита вздувается „багровая полоса“, чтобы усмирить дерзкаго ругателя, подъ одобрительныя замѣчанія толпы. Илиада, II, 211—278.

Однако, было бы ошибкой представлять себѣ Гезіода именно вырази- телемъ трудового начала, какъ такового. Работать нужно, и онъ не отказывается отъ труда, самаго тяжелаго, но если можно, охотно пере- лагаетъ его на рабовъ, и въ душѣ его жива мечта о,—къ сожалѣнію, утраченномъ людьми, золотомъ вѣкѣ, когда можно было весело и изо- бильно жить, не трудясь. Гезіодъ воспѣваетъ трудъ, какъ первую обязанность, отъ вѣка возложенную на людей богами. Но онъ не яв- ляется энтузіастомъ труда самаго по себѣ; для него это необходи- мое средство „выбиться въ люди“, вести жизнь обеспеченную и неза- висимую отъ—всегда неприятной—помощи хотя бы и близкихъ людей. Его идеаль—крѣпкое мелкое рабовладѣльческое хозяйство, а не опи- рающееся исключительно или главнымъ образомъ на силы самого вла- дѣльца и его семьи. Гезіодъ рисуеъ намъ жизнь греческаго мелкаго или средняго землевладѣльца, охотно пользующагося трудомъ батра- ковъ, и притомъ лучше не свободныхъ, а рабовъ, и прямой аналогіи съ современнымъ „крѣпкимъ крестьянскимъ хозяйствомъ“ для описы- ваемаго имъ строя отношеній провести нельзя. Это—нѣчто среднее между мелкопомѣстнымъ помѣщикомъ и зажиточнымъ „одновор- цемъ“ въ русскомъ крѣпостномъ быту. Во всякомъ случаѣ этотъ строй хозяйства и связанное съ нимъ міровоззрѣніе ближе стоять къ аристократическимъ формамъ жизни греческой знати, базилевсовъ, и къ ихъ взглядамъ, чѣмъ къ быту трудящихся слоевъ нашего вре- мени и ихъ міровоззрѣнію.

Гезіодъ—сторонникъ прямыхъ путей въ жизни. Жизнь есть борь- ба, но бороться можно по разному. Уже въ самомъ началѣ своихъ „Трудовъ“ Гезіодъ отмѣчаетъ „два рода соревнованій, пребывающихъ на землѣ“. Одинъ—это страсть къ тяжбамъ, раздорамъ и враждѣ, дру- гой—соревнованіе въ трудѣ. Насколько первый родъ пагубенъ для людей, настолько второй благодѣтеленъ, ибо онъ побуждаетъ людей стараться другъ передъ другомъ и увеличивать трудами свое благосостояніе:

„Другая ревность есть, которая возбуждаетъ
Лѣниваго къ трудамъ, чтобъ потомъ лобъ смоча,
И въ изобиліи встрѣчая богача,
Спѣшилъ пахать, садить, умножить достоянье.
Сосѣди, чувствуя въ себѣ поревнованье
Другъ друга превзойти стараются въ трудахъ;
И такъ обиліе рождается въ домахъ.
Такая ревность есть для смертнаго полезна:
„Она источникъ благъ, она богамъ любезна“ 1).

1) Творенія Гезіода, переведенныя Павломъ Голенищевымъ-Кутузовымъ. Москва 1807, стр. 14. Переводъ Кутузова, вообще не вполне точный, довольно вѣрно пере- даетъ смыслъ этого мѣста. Въ подлинникѣ:

ἢ τε καὶ ἀπάλαμόν περ ὁμοῦς ἐπὶ ἔργον ἐγείρει
εἰς ἕτερον γὰρ τις τε ἰδὼν ἔργου χαρίζων

Почему же нужно работать? Здѣсь Гезіодъ высказываетъ мысль, лежащую въ основѣ всего греческаго экономическаго міровоззрѣнія. Міръ скудно надѣленъ хозяйственными благами. Боги *скрыли отъ людей средства къ жизни*. Если бы они были благосклоннѣе къ людямъ, то одного дня работы было бы достаточно, чтобы прожить цѣлый годъ безъ труда. Тогда не нужно было бы обжигать на огнѣ руль для торговаго судна и можно было бы освободить отъ работы воловъ и муловъ. Но Зевсъ, разгнѣвавшись на обманувшаго его хитраго Прометея, скрылъ отъ людей средства къ жизни и уготовалъ имъ тяжкія заботы ¹⁾. До того же было время, когда люди жили блаженно, наслаждаясь изобиліемъ и благополучіемъ, не зная труда. Это былъ изначальный, первый вѣкъ человѣческаго существованія, золотой вѣкъ, вѣкъ Хроноса. Въ это свѣтлое время плодородная земля сама собою приносила людямъ многіе и изобильные плоды (καρπὸν δ'ἔφερε χεῖδωρος ἄρουρα αὐτομάτῃ πολλόν τε καὶ ἄφρονον) ²⁾. За золотымъ вѣкомъ слѣдовалъ серебряный, когда люди забыли должное почтеніе богамъ, за

πλοῦσιον, ὅς σπεύδει μὲν ἀρόμεναί ἠδὲ φρεσίεν
οἶκον τ'εὖ θέσθαι, ζηλοῖ δέτε γείτονα γείτων
εἰς ἄφρον σπεύδοντ'· ἀγαθὴ δ'Ἔρις ἦδε βροτοῖσι.

Дальше, развивая, повидимому, эту же мысль о благотѣльномъ соревнованіи въ трудѣ, Гезіодъ вкладываетъ въ нее нѣсколько неприятный оттѣнокъ, заявляя, что „горшечникъ злится на горшечника, плотникъ на плотника, нищій завидуетъ нщему и пѣвецъ пѣвцу“:

Καὶ κεραμεὺς κεραμῆ κοτίζει καὶ τέκτωνι τέκτων,
Καὶ πτωχὸς πτωχῷ φθονέει καὶ αἰεὶδὸς αἰεῖδῳ.

¹⁾ *Ἔργα*, 20—26 (Hesiodica, изд. Ar. Koechly, Leipzig 1874).

²⁾ Это мѣсто неточно передано Голенищевымъ-Кутузовымъ. Привожу его въ подлинникѣ:

Κρύφαντες γὰρ ἔχουσι θεοὶ βίον ἀνθρώποισι·
ἐπιθιδίως γὰρ κεν καὶ ἐπιήματι ἐργάσσατο,
ὡς τέ σε κείς ἐνιαυτὸν ἔχειν καὶ ἀεργὸν ἔοντα·
αἰψὰ κε πηδάλιον μὲν ὑπὲρ κελνοῦ καταθεῖο,
ἔργα βοῶν δ'ἀπόλοιτο καὶ ἡμίονων ταλαεργῶν.
ἀλλὰ Ζεὺς ἔκρυψε χολωσάμενος φρεσὶν ἡσιν,
ὅττι μιν ἐξαπάτησε Προμηθεὺς ἀγκυλομήτης·
τοῦνεκ' ἀρ'ἀνθρώποισιν ἐμήσατο κήδεα λυγρὰ·

ἔργα, 42—49.

²⁾ *Ἔργα*, 109—119. Въ переводѣ Голенищева-Кутузова:

„Когда Сатурнъ владѣлъ ээпрною страной,
Вылъ посланъ отъ боговъ на землю вѣкъ златой,
Въ то время смертные безъ скорби, безъ печали,
Безъ нужды и безъ работъ дни сладко проводжали.
Земля была для нихъ пріятный, свѣтлый рай,
Безъ непогодъ, всегда сиялъ цвѣтущій май,
Бользни съ старостью имъ были неизвѣстны,
Вкушали въ дряхлости веселія прелестны

нимъ—мѣдный, съ страстью къ войнѣ, дальше вѣкъ героевъ и, наконецъ, наступилъ современный—желѣзный вѣкъ, въ которомъ „днемъ не прекращаются труды и бѣдствія, а ночью гибель: трудныя заботы даровали боги“¹⁾.

Въ этомъ-то вѣкѣ людей отягощаютъ взаимныя раздоры и тяжбы и тяжкій, неустанный трудъ ради матеріальнаго благополучія. Отъ тяжбъ и раздоровъ еще можно избавиться собственнымъ благоразуміемъ и счастливыми обстоятельствами, но отъ труда не уйдешь. Праздность, соединенная хотя бы съ удачей въ крючкотворствѣ и оттягиваніи имущества у родныхъ или сосѣдей, къ добру не ведетъ, потому что легко нажитое легко и проживается, и праздному предстоитъ послѣ кратковременнаго довольства испытать всю горечь нужды и униженія. И Гезіодъ убѣждаетъ своего брата Персея, польстившагося на легкое приобрѣтеніе богатства (неправедно оттягавъ имущество у брата, а затѣмъ— по беззаботности и нерадѣнію разорившагося и у него же получившаго пріютъ), оставить пагубную привычку къ праздности и обратиться къ упорному труду. Въ этихъ увѣщаніяхъ Гезіодъ находитъ энергичныя слова осужденія праздности и похвалы трудовой жизни. „Бездѣльному мужу вполне подобаешь голодь“ (λιμὸς γάρ τοι πάμπαν ἀεργῶ σύμφωρος ἀνδρί). Онъ похожъ на трутня, поѣдающаго медъ, собранный трудолюбивыми пчелами. Трудолюбивый же человѣкъ не только обезпечиваетъ трудами свое благополучіе, но онъ милъ и богамъ (ἔξ ἔργων ἀνδρες πολύμηλοι τ'ἀφνειοίτε, καὶ τ'ἐργαζόμενος πολὺ φίλτερος ἀδανάτοισιν). Вообще всякій трудъ—почтенень, презрѣнна одна лишь праздность (ἔργον δ'οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δὲ τ'ὄνειδος)²⁾.

Работай, работай и работай, ибо такъ предупредѣлили людямъ боги—таковъ лейтъ-мотивъ всей пѣсни Гезіода:

. . . . . ἐργάζεο, νήπιε Πέρση,
ἔργα, τὰ τ'ἀνθρώποισι θεοὶ διέτεκμήραντο³⁾.

Какъ же нужно работать? Надо завести самостоятельное земледѣльческое хозяйство. Прежде всего надо „ожениться“ и завести хоть одного рабочаго вола:

И смерть была для нихъ одинъ пріятный сонъ.
Земля давала плодъ безъ тщаній, безъ препонъ.
Отъ изобилія въ нихъ зависть не раждалась,
Отъ мирной жизни ихъ вся скука удалялась.“

Творенія Гезіода, стр. 18.

1) ἔργα, 176—178.

2) ἔργα, 298—311.

3) ἔργα, стр. 397—398.

οἶκον μὲν πρῶτιστα γυναῖκά τε βοῦν τ' ἄροτῆρα 1).

Но это только для начала. Чтобы вести правильное земледѣліе, необходимо усилить инвентарь хозяйства и пріобрѣсти рабовъ. Гезіодъ даетъ детальныя совѣты относительно возраста, силы, трудоспособности какъ рабочихъ воловъ, такъ и людей. Для пахоты нужно имѣть пару девятилѣтнихъ сильныхъ, достаточно возмужавшихъ воловъ, а къ нимъ также крѣпкаго, бодрого, также немолодого (сорокалѣтняго) раба, который могъ бы хорошо ходить за плугомъ, не отвлекался бы мыслями по сторонамъ а, хорошо питаясь у господина, былъ бы озабоченъ своимъ дѣломъ и какъ слѣдуетъ обрабатывать бы пашню 2).

Для вполне налаженнаго хозяйства необходимо нѣсколько рабочихъ силъ, помимо семьи земледѣльца. Развивая свои хозяйственныя наставленія, Гезіодъ говоритъ о рабахъ въ множ. числѣ, совѣтуя на-помнить имъ среди лѣта о необходимости подготовить хижины для зимы 3). Во время жатвы опять предполагается нѣсколько рабовъ, на нихъ же возлагается и молотба, а для охраны собраннаго хлѣба нужно еще принанять несемейнаго (и повидимому, безземельнаго) свободнаго работника (θηῆτά τ' ἄοικον) и дать ему въ помощь хорошаго пса 4). Какъ добрый хозяинъ, Гезіодъ совѣтуетъ хорошо обращаться съ рабами и животными:

. . . . . αὐτὰρ ἔπειτα

δμῶας ἀναψῦσαι ψίλα γούνατα καὶ βόε λῦσαι. 5).

Хорошимъ веденіемъ сельскохозяйственныхъ работъ не ограничиваются заботы Гезіода. Если хозяинъ хочетъ увеличивать свой достатокъ, ему надо временами выходить за предѣлы ойкоса и искать барышей на сторонѣ. Для этого прежде всего надо хорошо организовать сбытъ продуктовъ собственнаго производства. Покончивъ съ сельскохозяйственными работами, надо готовить торговлю полученными продуктами, а такъ какъ торговые пути только морскіе, то это дѣло весьма трудное и опасное. Надо построить и беречь корабль (барку), хорошо обжечь для него руль, и выждавъ удобнаго времени,

1) ἔργα, 405. Это мѣсто цитируетъ Аристотель въ своей „Политикѣ“.

2) τὰς δ' ἅμα τεσσαρακονταετῆς αἰχῆος ἔπειτα,
ἄρτον δεκνήσας τετράτροπον, σὶτάβλωμον,
ὅς κ' ἔργου μελετῶν ἴθειαν αἴλακ' ἐλαύνει,
μηκέτι παπταίνων μεθ' ὀμίλιας, ἀλλ' ἐπὶ ἔργῳ
θυμὸν ἔχων.

ἔργα, 441—445.

3) ἔργα, 502—503.

4) ἔργα, 573—577 и 597—604.

5) ἔργα, 608.

спустить на воду, наполнивъ хорошею кладью, чтобы привезти домой выручку (ἰν'οἴκαδε κέρδος ἄρῃαι) ¹⁾, какъ дѣлалъ когда-то отецъ, „избѣгавшій ни прибытка, ни богатства, ни благополучія, но злой скудости (πενίην), которую Зевсъ уготовалъ людямъ“ ²⁾. Надо добиваться крупной выручки. Пусть корабль будетъ и небольшой, но его надо грузить большимъ грузомъ, ибо чѣмъ больше груза, тѣмъ больше окажется и выручка, если вѣтеръ будетъ благопріятенъ плаванію ³⁾. Морское путешествіе часто бываетъ трудно, но на то у людей есть искусство и смѣлость, и они пускаются въ опасный путь, ибо жажда богатства сильнѣе страха:

Χρήματα γάρ ψυχῇ πέλεται δειλοῖσι βροτοῖσι ⁴⁾.

Но конечно, было бы неблагоразумно ввѣрить морю все свое имущество (ἅπαντα βίον). Большую часть надо оставить дома и лишь меньшую погрузить на корабль, подвергая ее риску. Надо соблюдать мѣру и въ погонѣ за наживой ⁵⁾.

Таковы „труды“ (ἔργα), рекомендуемые Гезіодомъ человѣку его круга. Они разнообразны и далеко не покрываются понятіемъ непосредственнаго ручного труда хозяина дома и его семьи. Владѣлецъ хотя бы и маленькаго ойкоса есть прежде всего земле- и рабовладѣлецъ, и его главныя заботы сводятся къ управленію хозяйствомъ, руководству трудомъ рабовъ, хотя при случаѣ и онъ не уклоняется отъ собственной ручной работы, входящей при небольшомъ хозяйствѣ органической частью въ общій порядокъ дома. Но главной заботой хозяина должно быть именно поддержаніе стройности хода домохозяйства. Самое лучшее у людей—благоустройство, самое худшее—неустройство: εὐθνημοσύνη γάρ ἀρίστη θνητοῖς ἀνθρώποις, κακοθνημοσύνη δὲ κακίστη ⁶⁾.

Какъ видимъ, хозяйственный идеалъ Гезіода таковъ же, какъ и въ гомеровскихъ поэмахъ. Мы встрѣчаемъ у него только болѣе узкій кругозоръ, ограниченный бѣдностью и трудностью жизни. Жизнь ге-

1) ἔργα, 632.

2) οὐκ ἄφρονος φεύγων οὐδέ Πλοῦτόν τε καὶ ὄλβον,
ἀλλὰ κακίην Πενίην, τὴν Ζεὺς ἀνδράσσι δίδωσι.

Здѣсь опять сквозитъ характерное убѣжденіе въ „скудости природы“, данной свыше и заставляющей людей хлопотать и трудиться ради матеріальныхъ благъ.

3) ἔργα, 643—645.

4) ἔργα, 686.

5) Μηδ' ἐνὶ νηυσὶν ἅπαντα βίον κολλησὶ τίθεσθαι·
ἀλλὰ πλεῖον λείπειν, τὰ δὲ μείονα φορτίζεσθαι...
Μέτρα φιλῶσσεσθαι· κακός δ' ἐπὶ πᾶσιν ἄριστος.

ἔργα, 689—690 и 694.

6) ἔργα, 471—472.

роя Гомеровскаго эпоса сложнѣе и шире, источники его благосостоянія разнообразнѣе и обильнѣе, въ его обширномъ землевладѣльческомъ хозяйствѣ его непосредственный личный трудъ не нуженъ. Но общій смыслъ и тонъ жизни тамъ и тутъ одинаковы: въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ передъ собой владѣльческое, и притомъ не только землевладѣльческое, но и рабовладѣльческое хозяйство. Борьба бѣдныхъ съ богатыми и слабыхъ съ сильными имѣетъ своимъ лозунгомъ хозяйственную самостоятельность и матеріальную обеспеченность, а не освобожденіе труда, какъ такового, и его чистые представители — рабы въ томъ и другомъ случаѣ мыслятся какъ необходимая принадлежность хозяйства, хотя бы оно велось и въ сравнительно маломъ масштабѣ. Это и есть античный идеаль, который былъ живъ не только во времена греческаго „средневѣковья“, но перешелъ цѣликомъ и въ „новую“, классическую эпоху греческой исторіи, причемъ со временемъ онъ вылился даже въ болѣе рѣзкія формы, въ тѣсной связи съ особенностями позднѣйшаго развитія эллинскаго хозяйства.

Сами герои Гомеровскаго эпоса, стоявшіе на вершинѣ тогдашней общественной іерархіи, не чуждаются хозяйственнаго труда и даже гордятся искусствомъ въ мудреной работѣ. Но имъ очень обидно, если въ нихъ видятъ профессиональныхъ представителей труда. Ихъ физическія силы тренируются прежде всего на благородномъ спортѣ, поддерживающемъ ихъ воинскую годность.

„Бодрому мужу ничто на землѣ не даетъ столь великой Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы“... 1).

Попытка Одиссея уклониться отъ участія въ спортивныхъ состязаніяхъ упріотившихъ его феакійцевъ навлекаетъ на него обидную насмѣшку Эвриала, сравнивающаго его съ простымъ мореходцемъ, ведущимъ торговый корабль, а не съ людьми, „искусными въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ приличныхъ“. Одиссей раздражается гнѣвной рѣчью, полной негодованія на обидчика, затронувшаго явно очень больное мѣсто, и несмотря на усталость и истощеніе отъ долгихъ бѣдствій, выступаетъ съ метаніемъ диска и затѣмъ вызываетъ охотниковъ помѣряться съ нимъ въ рукопашномъ боѣ, бѣгѣ и борьбѣ 2).

Между тѣмъ тотъ же Одиссей при случаѣ охотно выполняетъ довольно тяжелыя хозяйственныя работы. Отправляясь съ острова нимфы Калипсо, онъ не хуже любого плотника строитъ себѣ плотъ для плаванія по морю. Нимфа Калипсо

1) Одиссея, VIII, 147—148.

2) Одиссея, VIII, 153—214.

„ . . . собирать начала Одиссея въ дорогу;
 Выбрала прежде топоръ, по рубѣ ему сдѣланный, крѣпкій,
 Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насаженный плотно,
 Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработанной ручкой;
 Острую скобель потомъ принесла и пошла съ Одиссеемъ
 Вмѣстѣ во внутренность острова: множество тамъ находилось
 Тополей черныхъ и ольхъ, и высокихъ, дооблачныхъ сосенъ. . . .
 Началь рубить онъ деревья и скоро окончилъ работу;
 Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ, острою мѣдью
 Выскоблилъ гладко, потомъ уравниалъ, по шнуру обтесавши.
 Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ возвратилась.
 Началь буравить онъ брусъ и, всё пробуравивъ, сплотилъ ихъ,
 Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ шипами;
 Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ, какое
 Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный, строить на прочномъ
 Суднѣ, носящемъ товары купцовъ по морямъ безпредѣльнымъ.
 Плотными брусъями крѣпкія ребра связавъ, напоследокъ
 Въ гладкую палубу сбиль онъ дубовыя толстыя доски,
 Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную райну,
 Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами судна,
 Плоть окружилъ для защиты отъ моря плетнемъ изъ ракидныхъ
 Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести бросилъ.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
 Крѣпкой ему принесла. И устроивши парусъ (къ нему же
 Всѣ, чтобъ его развивать и свивать, прикрѣпивши веревки),
 Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на священное море.
 „День совершился четвертый, когда онъ окончилъ работу“ ¹⁾.

Еще до похода въ Трою, Одиссей самъ сдѣлалъ у себя въ домѣ большую кровать съ секретнымъ устройствомъ (объясненіемъ котораго онъ и убѣждаетъ Пенелопу, которая все не могла повѣрить, что онъ дѣйствительно ея мужъ).

„ . . . И я (говорить Одиссей), не иной кто, своими руками
 Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилась маслина съ темной
 Сѣнію, пышногустая, съ большую колонну въ объемѣ:
 Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ тесаныхъ, плотно
 Сложенныхъ камней; и, сводъ на стѣнахъ утвердивши высокій,
 Двери двустворныя сбиль изъ досокъ и на петли навѣсилъ;
 Послѣ у маслины вѣтви обсебѣ и поблизости къ корню
 Стволъ отрубилъ топоромъ, а отрубкомъ у корня, отовсюду
 Острою мѣдью его по шнуру обтесавъ, основаньемъ
 Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и скобелю брусъя
 Выгладилъ, въ раму связалъ и къ отрубку приладилъ, богато
 Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою костью украсивъ;
 Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей, обшивъ ихъ пурпурной
 „Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты кровати“ ²⁾.

¹⁾ Одиссея, V, 233—262.

²⁾ Одиссея, XXIII, 189—202.

Повидимому, знатный человек считал почетным умнее выполнять трудные работы в своем хозяйстве так же, как и владеть оружием, непосредственно участвуя в бою. Когда один из женихов Пенелопы—Эвримахъ, желая обидеть Одиссея, вошедшаго въ домъ подъ видомъ бѣднаго странника, предлагаетъ ему наняться къ нему въ поденщики, „чтобъ работать за плату хорошую въ полѣ, рвать для забора терновникъ, деревья сажать молодыя“, то Одиссей, несмотря на явную обиду предложенія стать на чужую работу, въ самой работѣ не видитъ ничего постыднаго и сравниваетъ себя по силѣ и умѣнью съ самимъ Эвримахомъ, какъ будто бы дѣло шло о состязаніи въ „благородномъ“ спортѣ:

„Еслибъ съ тобой, Эвримахъ, привелось мнѣ поспорить работой,
Еслибъ весною, когда продолжительнѣй быть начинаютъ
Дни, по косѣ, одинаково острой, обоимъ намъ дали
Въ руки, чтобъ, вмѣстѣ работая съ самага ранняго утра
Вплоть до вечерней зари, мы траву луговую косили,
Или, когда бы, запряжи намъ въ плугъ двухъ быковъ круторогихъ,
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ тучной травой, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно работающихъ,
Дали четыре намъ поля вспахать для посѣва, тогда бы
Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ длинныя борозды плугъ мой
Поле изрѣзало. А еслибъ войну запалилъ здѣсь Кроніонъ
Зевсъ, и мнѣ далъ бы щитъ, два копья мѣдно-острыхъ и мѣдный
Кованный шлемъ, чтобъ моею головою была надежной защитой,
„Первымъ въ сраженіи меня ты тогда бы увидѣлъ“ ... 1).

Съ наступленіемъ старости, освобождаясь отъ общественныхъ и военныхъ заботъ, базилевсъ возвращается къ простой сельской жизни, работая и обѣдая вмѣстѣ съ небольшой группой отдѣленныхъ для его миниатюрнаго хозяйства рабовъ. Такъ живетъ послѣ перехода царской власти къ сыну отецъ Одиссея Лаэртъ, не оставляя своего хозяйства и въ глубокой старости, при возвращеніи Одиссея на родину. По словамъ Эвмея, Лаэртъ

„ . . . . до сихъ поръ, хотя и скорбѣлъ о далекомъ
Сынѣ, но все наблюдалъ за работами въ полѣ и, голодъ
Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ бывало, съ рабами 2).
„ . . . . Одиссей и спутники, вышедъ изъ града,
Поля достигли, которое самъ обрабатывалъ добрый
Старецъ Лаэртъ съ почетомъ великимъ давно имъ владѣя.
Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду широкимъ навѣсомъ
Домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ навѣсомъ рабы собирались
Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обѣдать; а ночью тамъ вмѣстѣ
Спали; была между ними старушка породы сивельской.
Старцу служила она и пеклася о немъ неусыпно“ 3).

1) Одиссея, XVIII, 366—379.

2) Одиссея, XVI, 139—141.

3) Одиссея, XXIV, 205—212.

Одиссей застаётъ отца за работою въ саду.

„ . . . . . онъ тамъ подчищалъ дерево; былъ одѣтъ неопратно:
Плате въ заплатяхъ; худыми ремнями изъ кожи бычачьей,
Наживо спитыми, были опутаны ноги, чтобъ иглы
Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ потерявшейся козьей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ, наклоненной отъ горя“ ¹⁾...

Горе накладываетъ печать запущенности и неряшливости на внѣшній видъ старца, но садъ содержится имъ въ полномъ порядкѣ, что сразу же отмѣчаетъ Одиссей (не открывающій пока себя отцу):

„Старець, ты, вижу, искусень и опытенъ въ дѣлѣ садовомъ;
Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о каждомъ равно ты печешься
Деревъ; смовы, оливы и груши и сочные грозды
Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя—все здѣсь въ приборѣ“... ²⁾.

Конечно, хозяйственный трудъ знатнаго человѣка былъ для него своего рода игрою и не имѣлъ существеннаго значенія для его благополучія. Въ его распоряженіи было достаточно рабочихъ силъ, чтобы хозяйство ойкоса шло въ должномъ порядкѣ. Для увеличенія же своихъ богатствъ базилевсъ располагалъ болѣе прибыльными способами—сборами съ подвластныхъ людей и въ особенности захватомъ добычи на войнѣ. Когда Одиссей истребилъ жениховъ и сталъ обдумывать, какъ возстановить свое разоренное ими достояніе, его первая мысль обращается къ войнѣ и приношеніямъ подвластныхъ:

„Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными здѣсь женихами
Все возвратить: завоюю одно, добровольно другое
Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь мой убытокъ“ ³⁾.

Въ случаѣ удачи война доставляетъ герою разныя цѣнныя вещи для пополненія его сокровища, стада животныхъ, большія массы плѣнниковъ, которыхъ онъ частью обращаетъ въ рабство въ своемъ хозяйствѣ, частью продаетъ въ рабство другимъ, частью освобождаетъ за цѣнный выкупъ. Иной разъ война и не имѣетъ другой цѣли, кромѣ захвата добычи. Одиссей, возвращаясь изъ Трои, нападаетъ на встрѣтившійся ему по пути городъ киконновъ—Измару:

„Градъ мы разрушили, жителей всѣхъ истребили.
Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награбивши много,
Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ взять свой
участокъ“ ⁴⁾...

1) Одиссея, 227—232.

2) Одиссея, 244—247.

3) Одиссея, XXIII, 355—358.

4) Одиссея, IX, 40—42.

Въ вымышленномъ разказѣ Евмею, назвавшись уроженцемъ Крита, Одиссей говоритъ, что онъ достигъ тамъ славы и богатства удачными военными набѣгами:

„Смѣлый въ бою, полевого труда не любилъ я, ни тихой
Жизни домашней. . . .
Островесельные мнѣ корабли привлекательнѣй были;
Бой и крылатая стрѣла и мѣднobleстящія копья. . . .
Были по сердцу мнѣ—боги любовь къ нимъ вложили мнѣ въ сердце..
Девять я разъ въ кораблѣ быстроходномъ съ отважной дружиной
Протиръ людей иноземныхъ ходилъ—и была намъ удача;
Лучшее бралъ я себѣ изъ добычи, и по жеребью также
Много на часть мнѣ досталось; свое увеличивъ богатство,
„Сталъ я могучъ и почтенъ межъ народами Крита“¹⁾. . . .

Въ Иліадѣ старецъ Несторъ вспоминаетъ, какъ онъ отличился въ юные годы:

„Мы отъ Эпеянъ добычу богатую съ поля погнали:
Овчихъ ватагъ пятьдесятъ и столько же гуртовъ воловыхъ,
Столько же стадъ и свинныхъ, и безчисленныхъ козихъ и съ ними
Конскій табунъ захватили мы, сто пятьдесятъ свѣтломастныхъ
Все кобылицъ, и при многихъ прекрасные были жребята.
Всю добычу великую ночью вогнали мы въ городъ,
Въ Пилосъ Нелеевъ; восхитился духомъ Нелей, мой родитель,
Видя, сколь много добылъ я, въ сраженіе вышедши, юный“²⁾. . .

Выручка отъ продажи и выкупа захваченныхъ плѣнныхъ составляетъ крупную доходную статью Ахиллеса. И только чувство крайняго озлобленія противъ убійцы друга заставляетъ его отказаться отъ выгоднаго использованія побѣды. Когда-то онъ продалъ захваченнаго имъ сына Пріама Ликаона. Послѣ убійства Патрокла Ликаонъ опять попадаетъ въ руки Ахиллеса и предлагаетъ ему тройной выкупъ противъ прежней цѣны. Движимый гнѣвомъ, Ахиллесъ не желаетъ щадить его, но сознается, что при жизни Патрокла „миловать Трои сыновъ“ ему „иногда бывало пріятно“.

„Многихъ изъ васъ полонилъ и за многихъ выкупъ я принялъ“³⁾.

Ойкосъ, какъ замкнутая хозяйственная организація, основанная частью на рабскомъ, частью на наемномъ трудѣ, „довлѣющая себѣ“ въ главной части удовлетворенія потребностей ея членовъ, и восполняемая—не столько для поддержанія, сколько для увеличенія благосостоянія владѣльца—захватомъ военной добычи, выгоднымъ сбытомъ нѣкоторыхъ продуктовъ и иными способами обращенія къ внѣшнему міру, представляется типичной формой хозяйства греческаго гражда-

¹⁾ Одиссея, XIV, 222—234.

²⁾ Иліада, XI, 676—683.

³⁾ Иліада, XXI, 100—103.

нина не въ одну эпоху гомеровскаго эпоса, а и во время расцвѣта эллинской національной жизни. Не удивительно, что къ ней обращаются постоянно и взоры философовъ, озабоченныхъ лучшимъ устройствомъ государства.

Конечно, хозяйственная жизнь Эллады не оставалась неподвижной. Уже въ Гомеровскую эпоху она не замыкалась рамками однихъ землевладѣльческихъ ойкосовъ. При скудныхъ почвенныхъ условіяхъ многихъ мѣстностей населеніе ихъ довольно скоро переростало имѣющіяся средства существованія и вынуждено было искать себѣ пропитанія переселеніемъ на новыя мѣста. Первымъ шагомъ, не мѣнявшимъ сначала существа хозяйственной организаціи, была колонизація острововъ и береговой полосы Средиземнаго моря. Но за нимъ естественно слѣдовалъ другой: обмѣнъ продуктами между колоніями и метрополіями, а затѣмъ и вообще живыя торговыя отношенія между безчисленными поселеніями, разбросанными по Балканскому полуострову, островамъ и берегамъ Средиземнаго моря. Торговый обмѣнъ вызывался различіями въ естественныхъ условіяхъ различныхъ мѣстностей и занятіяхъ ихъ жителей и въ свою очередь служилъ толчкомъ къ дальнѣйшему дифференцированію. Въ частности нужда въ привозномъ хлѣбѣ вызвала въ странахъ съ недостаточнымъ земельнымъ запасомъ развитіе промышленности, и мало-по-малу къ старинной организаціи ойкоса приростала причудливая система новыхъ хозяйственныхъ отношеній.

Болѣе сложныя и настоятельныя потребности торговли, захватывавшей постепенно и отношенія между хозяйствами внутри страны, привели къ изобрѣтенію раціональнаго орудія денежнаго обращенія— *чеканенной монеты*. Съ этого момента можно считать начало новой эпохи въ эллинскомъ хозяйственномъ развитіи, порывавшей въ области мѣновыхъ отношеній съ примитивнымъ, основанномъ на инстинктивномъ приспособленіи, укладъ жизни и вступавшей на новый, неизвѣданный ранѣе путь раціонализаціи хозяйства. Первые официальные монеты были отчеканены въ первой трети VII-го вѣка въ Лидіи, странѣ съ живыми внѣшними и внутренними торговыми отношеніями и обильными залежами хорошаго монетнаго матеріала, блага золота или такъ-назыв. „электра“, натуральной смѣси золота съ серебромъ. Примѣръ Лидіи вскорѣ встрѣтилъ подражанія въ сосѣднихъ съ нею малоазійскихъ греческихъ общинахъ, въ Милетѣ и на о. Самосѣ, затѣмъ въ Фокеѣ, Митиленѣ, Кизикѣ; немного позднѣе въ городахъ европейской Греціи, въ Эгинѣ (въ концѣ VII в.), Халкидѣ на Евбеѣ, Коринѣ и Аѣнахъ (въ началѣ VI-го в. ¹⁾).

¹⁾ Н. Francotte. L'industrie dans la Grèce ancienne, томъ I. Bruxelles 1900. стр. 90 Р. Випперъ. Лекціи по исторіи Греціи. Москва 1909, стр. 60—61.

Къ седьмому же вѣку относятся и нѣкоторыя крупныя для своего времени техническія изобрѣтенія въ промышленности, въ особенности паянне и литье металловъ, а также усовершенствованія въ изготовленіи глиняныхъ сосудовъ, но эти изобрѣтенія не имѣли такого важнаго принципіальнаго значенія, какъ чеканка монеты, и не выводили промышленной техники изъ круга удачныхъ приспособленій и выдумокъ ремесленнаго производства.

Появленіе денежнаго хозяйства съ его раціональнымъ орудіемъ—чеканенной монетой—необходимо должно было ввести въ жизнь чуждый ей дотолѣ „меркантильный духъ“. Въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ могли сосредоточиваться значительныя богатства независимо отъ ихъ положенія въ общественной іерархіи и участія въ военныхъ экспедиціяхъ. Стремленіе къ богатству становилось—съ возможностью безграничнаго накопленія денежныхъ запасовъ—чѣмъ-то самодовлѣющимъ, не подчиненнымъ иной, болѣе высокой жизненной задачѣ, а цѣлью въ самомъ себѣ. Все это было ново, и хозяйственная жизнь грековъ, еще вполнѣ опредѣленная, до прозрачности ясная въ эпоху Гомеровскихъ поэмъ, замутилась и раздвоилась на два параллельно движущихся потока—старого патріархальнаго быта и новыхъ раціоналистическихъ хозяйственныхъ формъ. Изобрѣтеніе монеты давало сильный толчекъ развитію невѣдомыхъ ранѣ капиталистическихъ отношеній, и, быть можетъ, древняя Греція классическаго періода и пріобрѣла бы черты, аналогичныя современному западно-европейскому капитализму, если бы захотѣла и сумѣла заблаговременно перешагнуть роковую грань, отдѣлявшую гражданъ отъ не-гражданъ и въ особенности свободныхъ отъ рабовъ. Она не сдѣлала этого, и потому пользованіе капиталомъ сохранило въ ней своеобразныя формы, рѣзко отличныя отъ „капиталистическихъ“ въ современномъ смыслѣ слова. Когда Эдуардъ Мейеръ говоритъ, что „въ дѣйствительности Аѳины въ пятомъ и четвертомъ столѣтіяхъ настолько же стоятъ подъ знакомъ капитализма, какъ Англія съ восемнадцатаго и Германія съ девятнадцатаго столѣтія“¹⁾, то въ этихъ словахъ экономисту слышится явное преувеличеніе, проистекающее изъ непониманія природы новѣйшаго капитализма. Порядокъ экономическихъ отношеній, обозначаемый терминомъ „новѣйшаго“ или „современнаго“ капитализма (*der moderne Kapitalismus*), характеризуется прежде всего проникновеніемъ въ хозяйственную жизнь начала раціонализма, сознательнаго и по возможности точнаго учета всѣхъ элементовъ хозяйственной дѣятельности. Процессъ раціонализаціи охватываетъ сначала мѣнновѣй оборотъ, преобразуя формы торговли, денежнаго обращенія и кредита,

¹⁾ Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums. 3-er Bd, 1 Hälfte. Stuttgart 1901, стр. 550.

затѣмъ переходитъ къ промышленной и транспортной техники, сказываясь тамъ и тутъ повышеніемъ продуктивности примѣняемаго хозяйственнаго аппарата. Отставая отъ техническаго прогресса, но неизмѣнно слѣдуя за нимъ, идетъ наконецъ приложеніе рациональныхъ методовъ къ постановкѣ хозяйственнаго труда какъ въ смыслѣ упорядоченія отношеній между трудомъ и капиталомъ, такъ и рационализаціи самой трудовой техники. Капитализмъ въ древней Греціи развивался совсѣмъ по-иному. Рационализація хозяйства подвигалась тамъ чрезвычайно туго, захватывая почти исключительно мѣновой оборотъ и то въ сравнительно слабой степени, преимущественно въ области денежнаго обращенія и гораздо менѣе—въ кредитныхъ отношеніяхъ, въ промышленности же она встрѣчала на своемъ пути непреодолимые препятствія въ существованіи и даже развитіи примѣненія рабскаго труда съ усложненіемъ хозяйственныхъ отношеній. Эдуардъ Мейеръ утверждаетъ, что древняя Греція знала даже „фабрики“ въ современномъ смыслѣ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, считая совершенно несущественнымъ, что трудящійся персоналъ такихъ фабрикъ слался обычно изъ рабовъ. Свободный и рабскій трудъ, съ точки зрѣнія развитія капиталистическихъ отношеній, по мнѣнію Эд. Мейера, явленія одного порядка. „Оба они одного возраста, оба они представляютъ лишь двѣ различныя и конкурирующія между собою формы, въ которыхъ пытается найти удовлетвореніе одна и та же экономическая потребность,—формы, въ которыхъ выражается одинъ и тотъ же экономическій переворотъ“. Капиталу нужны дешевыя и подвижныя рабочія силы, которыя онъ старается использовать возможно полнѣе, правовыя же формы, въ которыхъ они предстаютъ передъ нимъ, имѣютъ экономически второстепенное значеніе. Если онъ можетъ выбирать между рабами и свободными рабочими, онъ предпочтетъ первыхъ. „Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ не въ томъ, какъ возникло античное рабство, но въ томъ, чѣмъ объясняется тотъ фактъ, что аналогичное современное развитіе, начиная съ XIV—XV столѣтій, не привело къ господству рабства“¹⁾.

Какое странное представленіе о капитализмѣ! Если бы волей историческихъ судебъ въ новой Европѣ развилось и укрѣпилось рабство, она не имѣла бы и современнаго капитализма. Вѣдь дѣло вовсе не въ томъ, какъ, повидимому, предполагаетъ Мейеръ, что въ новой Европѣ капиталъ сталъ эксплуатировать рабочую силу, а что онъ примѣнилъ для этой цѣли, общей для всѣхъ, не исключая и самыхъ примитивныхъ формъ капиталистическаго хозяйства, особые способы, невиданные ранѣе. Свообразіе новѣйшаго капитализма, его способ-

---

¹⁾ Эд. Мейеръ. Рабство въ древнемъ мірѣ, пер. А. В. Вихерскаго, Москва 1899, стр. 41 и 45—46. *Geschichte des Alterthums*, III, I, стр. 449—550.

ность въ короткое время перестраивать хозяйственную жизнь, его эластичность, приспособляемость къ самымъ неожиданнымъ сочетаніямъ обстоятельствъ коренится въ примѣняемомъ имъ рациональномъ методѣ использованія хозяйственныхъ элементовъ, точномъ учетѣ употребляемыхъ силъ и средствъ. А развѣ былъ возможенъ при рабскомъ трудѣ правильный учетъ издержекъ производства? Возможно ли было планомѣрное, рассчитанное на долгій срокъ веденіе сложнаго предпріятія? Возможно ли было изобрѣтеніе и примѣненіе усовершенствованныхъ техническихъ приѣмовъ, сберегающихъ расходы на живую рабочую силу и повышающихъ ея производительность? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы отрицательный отвѣтъ на нихъ былъ ясенъ самъ собою.

Каковъ же былъ характеръ древнегреческой промышленности и какое мѣсто занимала она въ общемъ строѣ хозяйственной дѣятельности своего времени?

Какъ справедливо указываетъ Франкоттъ, первое, что бросается въ глаза при разсмотрѣніи греческой промышленности,—это ея незначительное географическое распространеніе. Греческія государства, въ которыхъ промышленность достигла серьезнаго развитія, немногочисленны. Среди нихъ замѣтно выдѣляются только Аѣины, Коринѣи и Эгина, отчасти Милетъ. Другія, какъ напр. Мегара, имѣютъ второстепенное значеніе. Въ большей части территоріи, занимаемой греческими поселеніями, преобладающее занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Но характерно, что даже государства съ наиболѣе развитой промышленностью, какъ Аѣины, не утратили своего земледѣльческаго характера ¹⁾.

Правда, Аѣинамъ не доставало своего хлѣба, и они были очень озабочены обезпеченіемъ его привоза изъ-за границы. Законъ запрещалъ каждому аѣинскому гражданину и каждому метеку ссужать деньги подъ корабль, не обязанный при возвращеніи привезти въ Аѣины хлѣбъ и нѣкоторые другіе сельскохозяйственные продукты. Кромѣ того, Аѣины обезпечивали себя сырьемъ благодаря своему морскому могуществу. Есть извѣстіе, что члены морского союза, во главѣ котораго стояли Аѣины, не могли продавать никому безъ согласія Аѣинъ ни своего желѣза, ни дерева, ни льна. Естественно, что они продавали эти продукты аѣинянамъ предпочтительно передъ представителями другихъ государствъ ²⁾. На первый взглядъ, по аналогіи съ нашимъ временемъ, нужно было бы ожидать, что обширному ввозу сырья соответствовалъ столь же обширный вывозъ обработан-

¹⁾ Francotte, I, 52—55.

²⁾ Francotte, I, 119. P. Guiraud. La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. Paris 1900, стр. 33.

ныхъ издѣлій. Однако, свѣдѣнія о наиболѣе цвѣтущихъ отрасляхъ Аѳинской промышленности, работавшихъ на вывозъ, рисуютъ ихъ весьма скромными чертами. Такова, напр., керамическая промышленность, составлявшая славу и гордость Аѳинъ ¹⁾. Чѣмъ же аѳиняне уплачивали за ввозимые товары? По мнѣнію Франкотта, отчасти сельскохозяйственными же продуктами—виномъ и оливковымъ масломъ, а главнымъ образомъ—выручкой отъ торговли ²⁾, доходами отъ подчиненныхъ имъ союзниковъ, поступавшими въ государственныя кассы и растекавшимися оттуда въ карманы частныхъ лицъ, и наконецъ, разработкой серебряныхъ рудниковъ Лавріона. Оба изслѣдователя древнегреческой промышленности, которыхъ едва ли можно упрекнуть въ легкомысленномъ или пристрастномъ отношеніи къ фактамъ, успѣнно подчеркиваютъ, что древняя Греція не знала крупной промышленности въ современномъ смыслѣ слова. Греческая индустрія, по словамъ Франкотта, не перешла возраста ранняго дѣтства. Она достигла нѣкотораго развитія только въ производствахъ, требующихъ особаго искусства, потому что простые, дешевые продукты, рассчитанные на болѣе широкій сбытъ, не выдерживали издержекъ транспорта. Спросъ на нихъ удовлетворялся мѣстнымъ производствомъ ³⁾. Гиро также не усматриваетъ въ имѣющихся свидѣтельствахъ указаній на существованіе въ Греціи крупной промышленности. „Самая крупная мануфактура, о которой намъ сообщаютъ,—фабрика щитовъ, унаслѣдованная Лизіемъ и его братомъ отъ ихъ отца, въ которой сосредоточивалось сто двадцать рабовъ. Другія мастерскія имѣютъ всегда средніе или малые размѣры. Таковы были фабрики оружія и мебельныя фабрики, эксплуатируемая отцомъ Демосѳена, первая съ тридцатью двумя или тридцатью тремя рабами, вторая—съ двадцатью... Правда, свидѣтельства древнихъ мало опредѣленны (*peu explicites*) въ этомъ вопросѣ, такъ какъ они не сообщаютъ точныхъ цифръ. Тѣмъ не менѣе они даютъ понять, что обширныя скопленія рабочихъ были чужды греческому міру. Чаще всего наблюдаются отдѣльные ремесленники или предприниматели (*des patrons*), имѣющіе въ своемъ распоряженіи очень ограниченный персоналъ“ ⁴⁾.

Оборудованіе греческихъ „фабрикъ“ было чрезвычайно примитивно. „Греческій рабочій имѣлъ только элементарныя орудія. Онъ

¹⁾ Francotte, I, стр. 76—77.

²⁾ Аѳины были центральнымъ пунктомъ торговыхъ сношеній и ихъ гавань—Пирей—считалась торговымъ складомъ всей Греціи, гдѣ можно было найти все, что угодно (по словамъ Исократы: *ἐμπορίων γὰρ ἐν μέσῳ τῆς Ἑλλάδος τὸν Πειραιῆα*) и гдѣ греки изъ всѣхъ государствъ и многочисленные иностранцы обмѣнивались своими товарами. Francotte, I, стр. 122—123.

³⁾ Francotte, I, стр. 158.

⁴⁾ Guiraud, указ. соч., стр. 86.

не умѣлъ даже потребовать отъ природы двигательной силы, въ которой онъ нуждался. Водяныя мельницы появляются только при римскомъ владычествѣ; что касается вѣтряныхъ мельницъ, то о нихъ нигдѣ не говорится... Человѣкъ дѣлалъ все съ помощью нѣсколькихъ весьма простыхъ орудій, подобныхъ тѣмъ, какія употребляютъ для подъема тяжелыхъ грузовъ“¹⁾.

Правда, въ древне-греческомъ производствѣ было довольно далеко проведено раздѣленіе труда, въ особенности въ крупныхъ городахъ. Но оно затрогивало по преимуществу предпріятія ремесленного типа. Для античнаго „капитализма“ характерно, что техническая и экономическая организація болѣе крупныхъ предпріятій, пользовавшихся по преимуществу рабскимъ трудомъ, была примитивнѣе, чѣмъ въ ремеслахъ. Примѣненіе рабскаго труда препятствовало на древне-греческихъ „фабрикахъ“ не только усовершенствованію орудій, но и вообще организованному употребленію дифференцированныхъ рабочихъ силъ. Такая „фабрика“ (ἐργαστήριον) обычно была кромѣ того не самостоятельнымъ промышленнымъ предпріятіемъ, а лишь придаткомъ къ торговому предпріятію, или имуществу, приносящему ренту. Рабы, занятые на античной „фабрикѣ“, часто не составляли собственности владѣльца, а брались имъ внаймы отъ ихъ господина. Чтобы оборудовать дѣло, нужно было только совершить такой наемъ. Орудія были примитивны, помѣщеніе—также. Созданная наскоро мастерская входила въ составъ „ойкоса“ предпринимателя. Никакой демаркаціонной линіи, которая отдѣляла бы семейное хозяйство отъ мастерской и частное имущество отъ имущества предпріятія, у грековъ не проводилось, и потому образование „фабрикъ“ не нарушало по существу стараго строя ойкоснаго хозяйства²⁾.

Отсюда понятно, что и въ сознаніи современниковъ зачатки капиталистическаго развитія могли отражаться вовсе не въ формѣ представлений о несуществовавшемъ въ дѣйствительности индустриальномъ капитализмѣ, а лишь о нахлынувшей въ старинныя условія быта новой „власти денегъ“, жажды быстрого, не знающаго предѣла обогащенія кредитными и торговыми операціями. Эти черты капитализма ясно сознавались греческими мыслителями и ощущались какъ нѣчто противорѣчащее искони сложившемуся укладу хозяйственной жизни и традиціоннымъ взглядамъ на задачи государства, а потому естественно вызывали съ ихъ стороны протестъ и попытки созданія такого государственнаго строя, гдѣ эти нарушающія привычный порядокъ полуса новыя безпокойныя явленія были бы устранены или обезврежены.

1) Guiraud, указ. соч., стр. 87.

2) Max Weber, ст. „Agrargeschichte“ въ Handw. d. Staatswiss., I³, стр. 60—62.

Напротивъ, рабство по существу не вызывало ни возраженій, ни протеста. Даже въ новыхъ формахъ, принесенныхъ позднѣйшимъ развитіемъ эллинской жизни, оно, какъ мы видѣли, не нарушало само по себѣ стараго хозяйственнаго уклада. А въ представленіи мыслителей оно рисовалось и въ идеальныхъ чертахъ, какъ органической составной элементъ совершеннаго государственнаго устройства. Любопытно, что главный источникъ рабства—право побѣдителя на войнѣ обращать въ рабство побѣжденных—по существу не вызывалъ сомнѣній. Правда, бывали и принципиальныя возраженія противъ всякаго рабства, но они оставались отдѣльными, изолированными выпадами, не выражали общаго мнѣнія и не находили широкаго сочувствія. Съ развитіемъ общаго эллинскаго самосознанія стало складываться убѣжденіе, что эллинамъ не слѣдуетъ обращать въ рабство эллиновъ же. Такъ думали Платонъ и Аристотель. Едва ли, однако, было широко распространено въ обыкновенныхъ, „обывательскихъ“ кругахъ и такое, все еще весьма скромное мнѣніе. Повидимому, въ этомъ отношеніи, несмотря на нѣкоторыя перемѣны въ судьбахъ рабовъ въ позднѣйшее время, въ греческомъ обществѣ были еще живы старыя возрѣнія и традиціи, ярко выраженные въ Гомеровскомъ эпосѣ.

Выше было указано, что среди военной добычи героевъ Гомеровскаго эпоса плѣнные составляли замѣтную долю. Но въ полной приключеній и превратностей жизни героя возможны и случаи обращенія въ рабство его самого. Скрывая свое настоящее имя и прикидываясь простымъ странникомъ, Одиссей не находитъ болѣе правдоподобнаго объясненія для своего появленія въ Итакѣ, какъ бѣгство изъ рабства, въ которое онъ будто бы былъ обращенъ послѣ неудачнаго похода въ Египетъ ¹⁾. Убѣжденіе, что рабство можетъ постигнуть всякаго, какъ бы онъ ни былъ знатенъ и могучъ, было, повидимому, чрезвычайно сильно во времена Гомеровскихъ поэмъ, напоминающая наше старо-русское мнѣніе, выразившееся въ извѣстной поговоркѣ: „отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся“. Гекторъ, выходя на бой и предчувствуя близкую гибель не только свою, но и всей Трои, болѣе всего сокрушается печальной судьбой Андромахи:

Будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Троя,
 Съ нею погибнетъ Пріамъ и народъ копыеносца Пріама.
 Но не столько меня сокрушаетъ грядущее горе
 Трои, Пріама родителя, матери дряхлой, Гекубы
 Горе тѣхъ братьевъ возлюбленныхъ, юношей многихъ и храбрыхъ,
 Кои полягутъ во прахъ подъ руками врагомъ разъяренныхъ,
 Сколько твое! какъ тебя Аргивянинъ, мѣдью покрытый,

¹⁾ Одиссея, XVII, 419—444.

Слезы лиющую, въ плѣнѣ повлечеть и похитить свободу!
И, невольница, въ Аргосѣ будешь ты тать чужеземѣ,
Воду носить отъ ключей Мессеиса или Гипперей,
Съ ропотомъ горькимъ въ душѣ; но заставить жестокая нужда!“ 1).

Въ Гомеровскую эпоху рабовъ было въ общемъ немного (преобладающую часть ихъ составляли женщины), и положеніе ихъ было довольно сноснымъ; лучшіе изъ нихъ, выполнявшіе болѣе отвѣтственные функціи, имѣли значительную самостоятельность. Таковъ „свинопасъ богоравный“ Эвмей, у котораго Одиссей ищетъ пріюта при возвращеніи въ Итаку. Въ виду отсутствія Одиссея онъ самъ строитъ себѣ для надзора за свинными стадами домъ, „не спросясь ни съ царицей, ни съ старцемъ Лаэртомъ“. За свою усердную и вѣрную службу онъ ждетъ обычной награды—выдѣла на самостоятельное хозяйство:

„ . . . . . меня бѣ онъ (Одиссей) устроилъ, мнѣ далъ бы
Поле, и домъ и невѣсту съ богатымъ приданымъ, и словомъ,
Все, что служителямъ вѣрнымъ давать господинъ благодушный
Долженъ, когда справедливые боги успѣхомъ усерды
Ихъ наградили“..... 2).

Живетъ онъ скромно, но въ достаткѣ, не меньшемъ, пожалуй, чѣмъ старый отецъ Одиссея. На угощеніе гостю онъ закалываетъ „двухъ пожирнѣй“ поросятъ, извиняясь за столь „убогую“ пицу 3).

А вечеромъ, когда вернулись подчиненные пастухи со стадами, Эвмей приказалъ имъ

Лучшую выбрать свинью, чтобъ, зарѣзавъ ее, дорогого
Гостя попотчевать, съ нимъ и самимъ насладиться ѣдою... 4).

При ужинѣ прислуживаетъ собственный рабъ Эвмея Мезавлій, купленный въ отсутствіе Одиссея „самимъ свинопасомъ“, опять „безъ согласья царицы, безъ спроса съ Лаэртомъ“, „изъ денегъ собственныхъ“—„для разныхъ прислугъ, у тафійскихъ купцовъ мореходныхъ“ 5).

Такова же старая няня Одиссея, ключница Эвриклея, которую Пенелопа называетъ „совѣтницей умной, полной добрыхъ мыслей“ 6), и которая старается сдѣлать все, чтобы помочь вернувшемуся госпо-

1) Илиада, VI, 448—458.

2) Одиссея, XIV, 62—66.

3) Одиссея, XIV, 80—83.

4) Тамъ же, 414—417.

5) Тамъ же, 449—452.

6) Одиссея, XIX, 353.

дину избавиться отъ непорядковъ, водворившихся въ его домѣ. Таковъ и коровникъ Филотій, негодующій на разграбленіе женихомъ Одиссея дома. Онъ охотно ушелъ бы на службу къ другому царю, чтобы не видѣть творящихся кругомъ него беззаконій, но все еще терпѣть, выжидая, пока не вернется его господинъ ¹⁾.

Лучшіе рабы часто выходятъ изъ людей высокаго происхожденія, случайно попавшихъ въ рабство. Отецъ свинопаса Евмея былъ такимъ же базилевсомъ, какъ самъ Одиссей, владѣль цѣлымъ островомъ съ двумя городами, и Евмей унаслѣдовалъ бы его власть, но случилось такъ, что его нянька, финикійская рабыня, желая вырваться изъ рабства, тихонько ушла съ заѣзжими финикійскими купцами, прихвативъ съ собою и малолѣтняго Евмея, да еще три двоеручныхъ сосуда въ придачу. Правда, сама она вскорѣ погибла, наказанная богами, но Евмей былъ проданъ финикійцами въ рабство отцу Одиссея Лаэрту, къ острову котораго по пути пристали финикійцы ²⁾. Когда Филотій коровникъ обнаруживаетъ преданность и любовь къ своему господину, Одиссей говоритъ ему:

„Видно порода твоя не простая, мой честный коровникъ;
„Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый имѣешь рассудокъ“... ⁴⁾.

Что касается рядовой массы рабовъ, то, повидимому, и тогда она отличалась обычными свойствами людей подневольныхъ, работающихъ „изъ-подъ палки“. Многія рабыни въ домѣ Одиссея ведутъ себя непристойно и небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ. При встрѣчѣ Одиссея съ дряхлой собакой, заброшенной легкомысленными и лѣнивыми служанками, Евмей высказываетъ общую сентенцію:

„Рабъ нерадивъ; не принудь господинъ повелѣніемъ строгимъ
„Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не возьмется охотой:
„Тягостный жребій печальнаго рабства избравъ челоуку,
„Лучшую доблестей въ немъ половину Зевесъ истребляетъ“ ³⁾.

Въ Гомеровскую эпоху въ знатныхъ домахъ примѣнялось, какъ видно, довольно широкое пользованіе рабскимъ трудомъ (по преимуществу женскимъ, для личныхъ услугъ и промышленныхъ работъ внутри ойкоса). Рабы приобрѣтались не только прямымъ захватомъ на войнѣ, но и покупкой. Въ позднѣйшее время, съ развитіемъ политической демократіи и новыхъ хозяйственныхъ отношеній, употребленіе рабовъ зна-

1) Одиссея, XX, 224—225.

2) Одиссея, XV, 403—484.

3) Одиссея, XX, 227—228.

4) Одиссея, XVII, 320—323.

чительно расширяется. Эд. Мейеръ совершенно правильно отмѣчаетъ важное значеніе въ этомъ процессѣ расширения и укрѣпленія рабскаго труда реформы политическихъ отношеній. „Какъ разъ то преобразование государства, отъ котораго менѣе всего можно было бы ожидать этой роли, открыло широкій путь рабству: возникновеніе правового государства, устраненіе всякаго рода сословныхъ различій и политическихъ привилегій, полное осуществленіе политической свободы и юридическаго равенства для всѣхъ подданныхъ государства, созданіе общаго гражданскаго права, разсматривающаго всѣхъ гражданъ какъ равныхъ и равноправныхъ“ ¹⁾. Также справедливо и указаніе Эд. Мейера, что для предпринимателей обращеніе къ труду свободныхъ, хотя бы и очень нуждающихся гражданъ было сопряжено съ рядомъ неудобствъ. отсутствовавшихъ при рабскомъ трудѣ. „Вѣдь свободные рабочіе, предлагавшіе свои услуги, стоятъ дорого, а работаютъ лѣнливо. Они требуютъ такой платы, на которую они могли бы жить; ихъ нужно сначала обучить дѣлу, а еще спорный вопросъ, возвратятъ ли они фабриканту затраченный на ихъ подготовку капиталъ; но прежде всего они—свободные граждане, юридически и политически стоящіе наравнѣ съ работодателями, совѣмъ не то, что на Востокѣ люди, съ малолѣтства привыкшіе къ невольничьей жизни. Но промышленность нуждается въ возможно дешевыхъ рабочихъ, силы которыхъ, разъ они попали въ ея руки, она старается использовать наиболѣе совершеннымъ образомъ. Вотъ здѣсь и коренится основная причина того, что рабство достигло экономическаго значенія. За небольшой капиталъ предприниматель покупаетъ рабочую силу, которую онъ можетъ обучить для своихъ цѣлей и затѣмъ использовать до конца. За это онъ долженъ давать рабу лишь тотъ minimum средствъ существованія, который безусловно необходимъ для того, чтобы поддерживать въ немъ способность къ работѣ; но что самое главное—работникъ юридически совершенно въ его власти, онъ можетъ эксплуатировать его силы гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это возможно съ рабочей силой свободнаго человѣка“ ²⁾.

Все это совершенно вѣрно, за исключеніемъ отмѣченной уже выше неправильной аналогіи съ хозяйственнымъ строемъ новой Европы. Рабочій персоналъ, имѣвшійся въ распоряженіи древнегреческаго предпринимателя, будь то свободные работники, или рабы, одинаково не достигалъ уровня требованій, предъявляемыхъ рационально поставленнымъ капиталистическимъ производствомъ. Отсюда и споры между историками, чей же трудъ въ концѣ-концовъ былъ производителеннѣе—рабскій или свободный. Повидимому, въ области болѣе тонкихъ

¹⁾ Рабство въ древнемъ мірѣ, стр. 33.

²⁾ Тамъ же, стр. 38—39.

ремесленныхъ и сельско-хозяйственныхъ работъ былъ болѣе производительнъ свободный трудъ (иногда вообще даже единственно возможный), въ болѣе грубыхъ—рабскій. Но во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ постоянно работали рядомъ свободные и рабы, между производительностью ихъ труда едва ли можно усмотрѣть существенную разницу ¹⁾.

Какъ бы то ни было, именно въ цвѣтущую пору эллинской исторіи рабство достигло широкаго распространенія, и торговля рабами составляла замѣтную отрасль общей торговой дѣятельности. Во время войны за арміями слѣдовали работорговцы, покупавшіе плѣнныхъ послѣ каждой битвы или осады. Въ обыкновенное время они приобрѣтали рабовъ на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ, не брезгуя даже сношеніями съ пиратами, наконецъ, порой и сами занимались пиратствомъ. Наиболѣе обширными рынками сбыта рабовъ были по преимуществу крупные центры торговой и промышленной жизни—Коринѣ, Аѣины, Эгина, Сиракузы. Международныя празднества обычно сопровождались ярмарками, на которыя привозились въ большихъ количествахъ и рабы. Въ Аѣинахъ рынокъ рабовъ происходилъ ежемѣсячно на общей рыночной площади (*агора*). Рабы выставлялись для осмотра на каменной эстрадѣ. Покупатели тщательно изслѣдовали ихъ; заставляли раздѣваться, ходить, бѣгать; освѣдомлялись объ ихъ происхожденіи, объ ихъ физическихъ и моральныхъ способностяхъ ²⁾.

Въ классическую эпоху большую часть рабовъ составляли „варвары“. Къ этому времени распространеніе идей и учреждений гражданскаго равноправія и дифференцированіе промышленныхъ и ремесленныхъ занятій измѣнили взгляды на самую физическую работу, которая въ особенности въ болѣе неприглядныхъ формахъ стала считаться уже недостойной свободнаго гражданина и даже вообще эллина. Для нея, по мнѣнію грека того времени, гораздо болѣе подходили варвары, люди „низшей расы“, отъ рожденія имѣющіе „рабскую душу“. Съ другой стороны, и приобрѣтеніе рабовъ въ варварскихъ странахъ стало легче съ развитіемъ обширныхъ торговыхъ сношеній. Рабовъ можно было достать тамъ за сравнительно дешевую цѣну. Отсюда за

---

¹⁾ Тезисъ о болѣе высокой производительности рабскаго труда съ особенной энергіей защищаетъ Франкоттъ. По его мнѣнію, важнымъ стимуломъ для раба было стремленіе скопить усиленной работой необходимую сумму для выкупа на волю, а съ другой стороны—для нѣкоторыхъ видовъ труда рабство давало возможность подбирать болѣе подходящія рабочія силы, напр., для тяжелыхъ рудничныхъ работъ еракійцевъ съ ихъ крѣпкимъ сложеніемъ и сильными мускулами. *L'industrie dans la Grèce ancienne*, II, стр. 13—14. Конечно, и Франкоттъ не высказывается за болѣе высокую производительность рабскаго труда вообще, а только для многихъ случаевъ его примѣненія. Его общее заключеніе—что „производительность рабскаго труда по крайней мѣрѣ равна производительности свободнаго труда“. Тамъ же, стр. 14.

²⁾ Guignard, указ. соч., стр. 102—103.

исключением рабовъ, родившихся въ домѣ ихъ господъ, въ классическую эпоху греки обычно составляли незначительное меньшинство общей массы рабовъ. По мнѣнію Гиро, Демосѣенъ просто констатируетъ общеизвѣстный фактъ, говоря, что въ его время аѣнцыне доставали себѣ рабовъ изъ варварскихъ странъ ¹⁾.

Здѣсь намъ важно подчеркнуть, что развитіе античной демократіи, вообще логическое развитіе строя государства-города, хотя бы до наиболѣе крайнихъ предѣловъ, не стояло въ противорѣчій съ развитіемъ и укрѣпленіемъ рабства, а наоборотъ, подводило подъ институтъ рабства болѣе прочный фундаментъ. Защитнику рабства не надо было быть реакціонеромъ; самымъ передовымъ въ политическомъ отношеніи людямъ того времени рабство должно было казаться необходимостью.

Юридическое положеніе рабовъ было тяжело. „Рабъ былъ объектомъ собственности, не отличавшейся никакой существенной чертой отъ всѣхъ другихъ. Самый терминъ, которымъ его обозначали, *ἀνδράποδος*, характеренъ въ этомъ отношеніи. Сближенный съ словами *δαπέδος* и *οἰκόπεδος*, которыя прилагались къ землѣ и домамъ, онъ показываетъ, что греки уподобляли раба недвижимымъ имуществамъ. Поэтому, когда гражданинъ долженъ былъ установить, въ виду налога, инвентарь своего имущества, онъ не упускалъ вписать въ него своихъ рабовъ“ ²⁾. Въ жизненномъ быту положеніе рабовъ въ классическую эпоху въ общемъ было тяжело, чѣмъ въ патріархальныя времена Гомеровскаго эпоса, но оно смягчалось нравами, и въ болѣе культурныхъ государствахъ, какъ Аѣны, было, повидимому, сравнительно сносно. По крайней мѣрѣ такъ изображаютъ его литературныя произведенія того времени и другія свидѣтельства ³⁾.

Съ экономической точки зрѣнія раба въ классическую эпоху были капиталомъ, образуя почти цѣликомъ „основной“ капиталъ предпріятія. Владѣлецъ пользовался рабами непосредственно, или отдачей ихъ въ наймы. Непосредственное пользованіе было сопряжено съ большимъ рискомъ и напрасными расходами. Рабъ стоилъ господину дороже, чѣмъ вырабатывалъ, въ молодые годы, пока онъ еще подготавливался къ дѣлу, и въ старости, когда силы его начинали слабѣть. Въ моменты промышленныхъ заминокъ рабовъ все же нужно было содержать. Поэтому употребленіе въ промышленномъ предпріятіи собственныхъ рабовъ было выгодно лишь при особо благоприятныхъ условіяхъ въ смыслѣ сбыта продуктовъ и высокой чистой выручки. Предприниматель предпочиталъ часто не покупать рабовъ, а нанимать

¹⁾ Guiraud, указ. соч., стр. 104.

²⁾ Guiraud, стр. 109.

³⁾ Ср. Бузескулъ, указ. соч., стр. 221—222.

ихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, въ частности въ Афинахъ, существовало специальное мѣсто, гдѣ стояли свободные и рабы въ поискахъ за работой; предприниматели находили тамъ нужныя для себя руки. Рабы нанимались и поодионокъ, и группами, и цѣлыми мастерскими (вмѣстѣ съ помѣщеніемъ для нихъ, имѣвшимъ, впрочемъ, подчиненное значеніе). При наймѣ цѣлой мастерской плата опредѣлялась въ общей цифрѣ, какъ за наемъ недвижимости. Такъ, Форміонъ нанималъ фабрику щитовъ у своего прежняго господина, извѣстнаго банкира Пасіона, за одинъ талантъ въ годъ. При наймѣ однихъ рабочихъ, плату вычисляли постолько-то съ головы за день. Вся эта плата поступала господину рабовъ. Этотъ способъ употребленія рабовъ настолько вошелъ въ нравы, что нѣкоторые покупали рабовъ единственно для того, чтобы отдать ихъ въ наймы другимъ; капиталисты того времени спекулировали рабами, какъ теперь домами или земельными участками ¹⁾. Такъ возникла возможность составить себѣ видное положеніе въ обществѣ, занимаясь промышленною дѣятельностью. Человѣкъ, примѣнявшій рабскій трудъ къ изготовленію какихъ-нибудь издѣлій, становился въ одинъ рядъ съ землевладѣльцемъ, получая ренту отъ употребленія рабовъ, какъ землевладѣлецъ отъ земли. Землевладѣлецъ и владѣлецъ занятыхъ въ собственномъ предпріятіи или отдаваемыхъ въ наемъ рабовъ, не занятые непосредственнымъ физическимъ трудомъ и могущіе отдавать свое время и силы политической дѣятельности, считались уже одинаково людьми избраннаго общества, самостоятельные же мелкіе ремесленники, обремененные продолжительной изнуряющей и неприглядной работой, сходной съ трудомъ рабовъ, хотя и оставались гражданами и могли принимать участіе въ политической жизни, но въ глазахъ общества считались людьми низшаго ранга, назывались презрительной кличкой „βαναυσοι“ и въ извѣстной степени ставились на одну доску съ рабами.

Въ новыхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ верхній слой общества складывался изъ группъ рантьеоровъ, получавшихъ свои доходы или въ видѣ поземельной (сельскохозяйственной и городской) ренты, или денежной ренты, или рабской ренты. Сельское хозяйство само по себѣ не приводило къ быстрому обогащенію, и главнымъ источникомъ новаго сосредоточенія имущества въ частныхъ рукахъ была торговля, и притомъ морская ²⁾. Профессиональные политики выходили обычно изъ круга владѣльческихъ классовъ. Въ представленіи грековъ и въ классическій періодъ освобожденіе отъ непосредственныхъ матеріальныхъ заботъ казалось необходимымъ условіемъ активнаго и цѣлесообразнаго участія въ государственной жизни. Но для древнегреческихъ отноше-

¹⁾ Guiraud, стр. 130—132.

²⁾ Max Weber, Agrargeschichte, стр. 120.

ній характерна и въ это время сравнительная скромность владѣній и состояній, наглядно указывавшая всѣмъ, озабоченнымъ мыслью о лучшемъ устроении общества, что выходъ можетъ быть найденъ не въ олигархіи, а въ демократіи же (въ отмѣченномъ выше античномъ значеніи этого понятія), т. е. въ привлеченіи возможно бѣльшаго числа гражданъ къ государственной дѣятельности путемъ обезпеченія матеріальной основы ихъ существованія.

Здѣсь умѣстно подчеркнуть лишній разъ, что греческій „капитализмъ“ развивался весьма умѣреннымъ темпомъ и не былъ способенъ кореннымъ образомъ преобразовать старыя формы быта, довольно спокойно уживавшіяся съ нимъ даже тамъ, гдѣ экономического переворота можно было бы ожидать скорѣе всего. Рабскій трудъ въ крупныхъ *εργαστήρια* не уничтожалъ мелкаго ремесла и не вытѣснялъ изъ промышленности свободнаго наемнаго труда, повидимому, потому, что концентрація производства въ капиталистическомъ смыслѣ никакъ не могла наладиться ¹⁾. Тонъ жизни все еще давало землевладѣніе, составлявшее и во время расцвѣта аѣнцкой демократіи главную основу хозяйства аѣнчанъ. Фукидидъ въ своемъ описаніи пелопоннесской войны, рассказывая, какъ послѣ рѣчи Перикла, начиная войну, аѣнчане стали переселяться съ полей въ городъ, замѣчаетъ: „Тягостно было это переселеніе для аѣнчанъ, потому что большинство ихъ привыкло жить постоянно на своихъ поляхъ“. И дальше послѣ краткаго историческаго очерка объединенія (синойкіи) первыхъ поселенцевъ, повторяетъ опять: .... „Послѣ объединенія какъ въ древнее, такъ и въ позднѣйшее время до послѣдней войны, большинство ихъ отъ рожденія жили цѣлыми семьями все-таки на своихъ поляхъ по привычкѣ; поэтому нелегко имъ было переселяться въ особенности потому, что послѣ мидійскихъ войнъ они лишь незадолго до того устроились снова съ своимъ хозяйствомъ“ ²⁾. Даже позднѣе, послѣ низверженія тридцати тиранновъ и возвращенія демократовъ подъ предводительствомъ *Θρασυβουλα*, безземельныхъ гражданъ насчитывалось не болѣе пяти тысячъ человекъ, что должно было составлять, по вычисленію *Бюксеншюца*, даже принимая во вниманіе значительное уменьшеніе числа гражданъ за время войны, немного болѣе четверти общаго числа гражданъ ³⁾. Важно отмѣтить при этомъ, что древнегреческое землевладѣніе даже въ группѣ самыхъ знатныхъ людей имѣло весьма скромные размѣры ⁴⁾.

¹⁾ Ср. *Francotte*, II, стр. 28.

²⁾ *Фукидидъ*. Исторія пелопоннесской войны въ восьми книгахъ, пер. *Θ. Мищенко*, т. I, Москва 1887, стр. 194—195 (II, 14—16).

³⁾ *V. Büchsen schütz*. Besitz und Erwerb im griechischen Alterthume. Halle 1869, стр. 57.

⁴⁾ „Изъ случавшихся земельныхъ дареній мы видимъ, что имѣнія по нашимъ

Изъ всѣхъ способовъ, примѣнявшихся для улучшения положенія бѣдныхъ гражданъ, самымъ удачнымъ, наиболѣе соответствовавшимъ старинному національному сознанию, было учрежденіе клерухій, т. е. переселеніе бѣдняковъ на новыя мѣста съ надѣленіемъ земель. Метрополю высылала въ колоніи элементы, оторвавшіеся отъ исконныхъ устоевъ эллинской жизни, создавая для нихъ хотя бы вдали отъ родины тотъ общественный строй, къ которому всегда тяготѣли помыслы и желанія истиннаго эллина: общину гражданъ-землевладѣльцевъ, спаянную узами воинскаго братства. Но и на старой эллинской землѣ, на которой многое измѣнилось подъ вліяніемъ торговаго развитія, рационализованнаго денежнаго и кредитнаго хозяйства, живы еще были старинныя взгляды и обычаи. Такъ, несмотря на довольно широкое примѣненіе кредита въ „капиталистическихъ“ формахъ, въ видѣ ссудъ на веденіе или расширеніе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій (производительный кредитъ), мы вдругъ наталкиваемся въ самыя позднія времена классической эпохи на „дружескую“, „сосѣдскую“ ссуду, *ἔρανος*, когда группа людей собирала по подпискѣ извѣстную сумму для передачи лицу, оказывающемуся въ затруднительномъ положеніи. По такой ссудѣ не взымалось никакихъ процентовъ, и возвращенію подлежалъ только ссуженный капиталъ, причѣмъ устанавливались и возможно льготныя способы уплаты ¹⁾. Старинное отвращеніе землевладѣльца—члена тѣсной товарищеской общины къ процентной ссудѣ сказалось въ обычаѣ *ἔρανος* съ величайшей яркостью. Это указываетъ лишній разъ на то, что античный капитализмъ былъ не столько началомъ, преобразующимъ жизнь, сколько параллельнымъ теченіемъ, развивавшимся рядомъ съ живыми еще формами и отношеніями стараго строя, и не могъ—въ положительномъ смыслѣ—глубоко отразиться въ національномъ сознаніи ¹⁾. Сохранявшійся несмотря ни на что старый строй государства-города поддерживалъ у гражданина живое чувство общественнаго идеала, въ которомъ не было мѣста новымъ, капиталистическимъ идеямъ. Соблазны легкой наживы дѣйствовали на отдѣль-

---

понятіямъ крестьянскаго размѣра считались виднымъ подаркомъ, владѣнія болѣе чѣмъ въ 50 гектаровъ (впрочемъ въ случаѣ культуры оливокъ уже весьма значительная площадь) едва встрѣчались... Такой знатный человекъ, какъ Алкивиадъ, унаследовалъ только 30 гектаровъ... Никогда не слѣдуетъ забывать—въ противоположность Востоку и Риму—*большой простоты образа жизни, и именно „носителей культуры“ эллиства во время ея величайшаго расцвѣта*. Max Weber, *Agrargeschichte*, стр. 116.

¹⁾ M. Weber, *Agrargeschichte*, стр. 120. Guiraud, указ. соч. стр. 89.

¹⁾ Самыя капиталистическія формы кредита были еще весьма мало рационализированы. Даже при ссудахъ на промышленныя дѣла процентъ былъ высокъ и кредиторъ обезпечивалъ себя ипотекой на мастерскую и работъ должника. Нормальнымъ процентомъ были 12% годовыхъ, но брали и больше (напр. есть извѣстіе о 18%). Guiraud, указ. соч., стр. 89—90.

ныхъ людей, но въ общемъ эллинскомъ сознаниіи попрежнему горѣло убѣжденіе въ святомъ долгѣ гражданскаго братства, дружной защиты родного города отъ посягательствъ иноземцевъ, матеріальнымъ же интересамъ отводилось второстепенное, подчиненное значеніе. Съ общегосударственной точки зрѣнія лучшей формой хозяйственной организациіи представлялась попрежнему система землевладѣльческихъ ойковъ, дополненная необходимыми ремеслами и иными занятіями, соотвѣтственно выясненной временемъ необходимости (идуцaго, впрочемъ, не очень далеко) общественнаго раздѣленія труда.

Таковы наиболѣе характерныя черты эллинскаго государственнаго строя и хозяйственнаго быта, нашедшія себѣ отраженіе въ творчествѣ древнихъ писателей. Наиболѣе цѣлостное экономическое міровоззрѣніе мы встрѣчаемъ у величайшихъ представителей эллинской философской мысли — Платона и Аристотеля, выразившихъ въ немъ присущія каждому изъ нихъ особенности склада ума и темперамента, но по существу не очень далеко расходящихся другъ съ другомъ. Но прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ ихъ ученій, мы считали бы умѣстнымъ остановиться на экономическихъ взглядахъ Ксенофонта, писателя не глубокаго, но не лишеннаго — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ очень тонкой — наблюдательности, одареннаго здравымъ житейскимъ смысломъ, мнѣнія котораго хорошо выражаютъ мысли средняго образованнаго „обывателя“ классической эпохи, и могутъ служить какъ бы введеніемъ въ величественныя системы Платона и Аристотеля.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическія идеи Ксенофонта.

Философская слабость Ксенофонта. — Ксенофонтъ — не мыслитель, а практикъ-организаторъ и наблюдатель живой дѣйствительности. — Опредѣленіе хозяйственного блага у Ксенофонта. — Понятіе субъективной цѣнности. — Ученіе о мѣновой цѣнности и обмѣнѣ. — Взглядъ на значеніе измѣненій въ спросъ и предложеніи. — Отношеніе къ хозяйственному труду. — Взглядъ на простой (ремесленный) трудъ. — Оцѣнка роли
• хозяина („хозяйскій глазъ“).

Писатель, къ разсмотрѣнію идей котораго мы переходимъ, не оставилъ намъ послѣдовательно продуманной системы экономической теоріи. Мы имѣемъ у него скорѣе рядъ болѣе или менѣе счастливыхъ мыслей по экономическимъ вопросамъ, и къ нему больше подходитъ обычная характеристика экономическихъ взглядовъ древнихъ у новѣйшихъ экономистовъ. Нельзя сказать, однако, чтобы и Ксенофонтъ не имѣлъ нѣкоторой общей основы въ своемъ экономическомъ мышленіи. Его взгляды на отдѣльныя явленія человѣческаго хозяйства въ большинствѣ случаевъ связаны съ его общимъ представленіемъ о назначеніи человѣка и окружающей его природы, съ его общимъ нравственнымъ міровоззрѣніемъ. Но міровоззрѣніе это не глубоко. Въ сочиненіяхъ Ксенофонта мы напрасно стали бы искать чего-нибудь, напоминающаго грандіозный полетъ мысли Платона или всеобъемлющую широту философскаго горизонта Аристотеля. Ксенофонтъ не имѣлъ отъ природы задатковъ оригинальнаго мыслителя, и его прикосновенность къ философскому движенію его времени была довольно случайнымъ результатомъ условій образованія и жизненныхъ встрѣчъ. Вѣрный ученикъ Сократа, благоговѣнно преданный его памяти, онъ сблизился позднѣе съ Антистономъ и до конца дней оставался одушевленнымъ стремленіемъ къ правдѣ и справедливости. Но по общему складу своей натуры онъ былъ всего менѣе склоненъ къ философскому созерцанію и углубленію; это былъ человѣкъ пракческаго дѣла, любящій жизнь съ ея повседневными заботами и текущимъ строительствомъ. И мысли о хозяйственныхъ явленіяхъ онъ высказывалъ обычно по какимъ-нибудь частнымъ поводамъ, когда ему хотѣ-

лось преподавать своимъ соотечественникамъ полезныя практическія совѣты. До конца жизни Ксенофонтъ остался, по справедливому замѣчанію Гомперца, „диллетантомъ въ философіи“¹⁾. Изъ ученія Сократа онъ заимствовалъ утилитарный принципъ оцѣнки, но въ болѣе упрощенномъ и болѣе плоскомъ видѣ. Его разсужденія носятъ наивно-дидактической характеръ. Отыскивая въ каждомъ явленіи его — полезный или вредный — результатъ для человѣка и государства, онъ пытался наставить читателей, какъ слѣдуетъ вести себя во всякомъ важномъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ хозяйственной дѣятельности. Здѣсь къ нему на помощь приходилъ его здравый практическій смыслъ и обширный житейскій опытъ, накопленный среди долгихъ скитаній, когда судьба ставила ему сложныя организаторскія задачи. Въ немъ чувствуется бывалый генераль и заботливый помѣщикъ и въ его разсужденіяхъ намъ слышится голосъ „командира“, человѣка порядка и дисциплины прежде всего. Но это все же не обыкновенный практическій дѣятель, а человѣкъ широко образованный и сохранившій до старости интересъ къ литературѣ и наукѣ. Онъ не былъ оригинальнымъ мыслителемъ, вообще его психикѣ не доставало глубины, но онъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ наблюденія дѣйствительности и тамъ, гдѣ что-либо его живо интересовало, онъ очень тонко подмѣчалъ многое какъ въ природѣ (наблюденія надъ жизнью животныхъ), такъ и въ человѣческой дѣятельности и человѣческихъ отношеніяхъ. Знатокъ военнаго (особенно кавалерійскаго) дѣла, страстный охотникъ и спортсменъ, большой любитель сельскаго хозяйства и деревенской жизни, онъ старательно описываетъ мельчайшія детали этихъ занятій, обнаруживая большую проницательность, идущую дальше обычныхъ представленій его времени. Съ тонкой наблюдательностью у него соединяется при этомъ искреннее чувство гуманности, подсказывающее ему правила мягкаго и человѣчнаго обращенія не только съ подчиненными и подвластными людьми, но и съ животными²⁾. Естественно, что при общей утилитарной основѣ своего міровоззрѣнія Ксенофонтъ долженъ былъ особенно выдвигать моментъ пользы въ своихъ разсужденіяхъ о сущности хозяйственныхъ благъ и ихъ оцѣнкѣ. О каждой вещи онъ судитъ съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, которыя связываются съ нею для человѣка. Мы можемъ говорить о какомъ-нибудь предметѣ какъ о благѣ, по мнѣнію Ксенофонта, только въ томъ случаѣ, если оно полезно. Понятіе без-

¹⁾ Th. Gomperz. Griechische Denker. II Bd. Leipzig 1902, стр. 96 и 112.

²⁾ См. напр. наставленія о томъ, какъ конюхъ долженъ обращаться съ жеребенкомъ въ соч. о верховой ѣздѣ (*Περὶ ἵππων*), гл. II, 3—5. Xenophontis opera, изд. Gust. Sauppe, vol. V, Leipzig 1866), тамъ же объ обращеніи съ горячей лошады (IX, 2—8), о способѣ держать узду (X, 1—5 и 12—17), объ ѣздѣ на парадныхъ лошадяхъ (XI, 4—9).

условной цѣнности безотносительно къ слѣдствіямъ плохо углаживалось въ его практическомъ умѣ. Въ „Воспоминаніяхъ“ о Сократѣ Ксенофонтъ вкладываетъ въ уста своего учителя опредѣленіе общаго понятія блага и даже красоты съ точки зрѣнія пользы для кого-либо.

„Скажешь ли ты, спрашиваетъ Сократъ своего собесѣдника, что благо есть что-либо иное, чѣмъ полезное“ (τι φαίης ἀγαθὸν εἶναι ἢ το ὠφέλιμον)?—Нѣтъ, отвѣчаетъ тотъ. „Значитъ полезное есть благо для того, кому оно полезно?“—Мнѣ кажется.

„А относительно красоты, продолжаетъ Сократъ, можешь ли ты говорить иначе, чѣмъ называя красивымъ тѣло, сосудъ или что-либо иное, какъ красивое для какого-угодно употребленія“?—Конечно, нѣтъ. „Значитъ оно красиво ради именно того употребленія, какому оно должно служить?“—Несомнѣнно... „Итакъ, полезное красиво по отношенію къ тому употребленію, для котораго оно годится (Τὸ χρήσιμον ἄρα καλόν ἴστί πρὸς ὃ ἂν ἢ χρήσιμον)?“—Мнѣ кажется... ¹⁾. При такомъ складѣ міросозерцанія общій вопросъ объ основѣ субъективной цѣнности хозяйственныхъ благъ не могъ представлять большихъ затрудненій. Если все расцѣпляется съ точки зрѣнія пользы, то не можетъ быть иного отношенія къ хозяйственнымъ благамъ, назначеніе которыхъ и заключается въ томъ, чтобы служить удовлетворенію человѣческихъ потребностей, т. е. быть полезными людямъ. Трудность теоретической задачи заключалась для Ксенофонта въ опредѣленіи особой природы хозяйственной полезности, и Ксенофонтъ не могъ справиться съ ней, будучи вообще мало искуснымъ аналитикомъ. Повидимому, у Ксенофонта было даже сознаніе того, что цѣнность хозяйственнаго блага заключается не въ немъ самомъ, какъ матеріальномъ предметѣ, а въ опредѣленномъ психическомъ отношеніи къ нему человѣка, въ признаваемомъ за нимъ значеніи служить удовлетворенію потребностей. Разъ почему-либо вещь нельзя воспользоваться для удовлетворенія потребностей, субъективная оцѣнка ея хозяйственнаго значенія, а съ нею и ея субъективная цѣнность,—должна упасть до нуля. Именно въ смыслѣ признанія рѣшающимъ факторомъ оцѣнки хозяйственныхъ благъ психическаго отношенія лица къ данной матеріальной вещи, намъ кажется, слѣдуетъ понимать діалогъ Сократа съ Критовуломъ въ сочиненіи о „хозяйствѣ“ (Οἰκονομικός). Ксенофонтъ выражаетъ свою мысль спутанно, но внимательное чтеніе діалога оставляетъ впечатлѣніе, что Ксенофонтъ ставилъ субъективную цѣнность вещи въ прямую зависимость отъ признанія ея полезною опредѣленной человѣческой личностью. Поскольку какое-либо лицо умѣетъ воспользоваться вещью, поскольку, слѣдовательно, въ его глазахъ она пригодна для удовлетворенія его потребностей,—постоль-

¹⁾ Απομνημονεύματα, изд. Sauppe (Xenophontis Opera, vol. III), кн. IV, гл. 6, 8—9.

ку она и представляется ему цѣнной. Ксенофонтъ прежде всего даетъ опредѣленіе предмета хозяйства, т.-е. хозяйственнаго блага, или имущества. Установивъ, что подъ хозяйственными благами надо понимать какъ имущество, находящееся въ самомъ ойкосѣ, такъ и внѣ его, Сократъ указываетъ Критовулу, что человѣкъ внѣ дома можетъ имѣть и враговъ, которыхъ нельзя, конечно, причислить къ имуществу, какъ приносящихъ вредъ хозяину дома, и наводитъ его этимъ на общее заключеніе, что подъ хозяйственнымъ благомъ надо понимать только то, что полезно владѣльцу ¹⁾. Ксенофонтъ не довольствуется этимъ опредѣленіемъ и заставляетъ Сократа продолжать діалогъ, чтобы точнѣе выяснить характеръ оцѣнки. Но не умѣя отграничить существенное отъ несущественнаго, онъ переплетаетъ экономическую оцѣнку съ технической и моральной и вмѣсто разъясненія дѣла только осложняетъ и запутываетъ его этими привходящими посторонними соображеніями. „Если кто-нибудь, говоритъ Сократъ, купить лошадь, не умѣя пользоваться ею, упадетъ съ нея и причинитъ себѣ вредъ, эта лошадь не будетъ для него хозяйственнымъ благомъ (χρήματα)? ¹⁾— Нѣтъ, если подъ хозяйственнымъ благомъ понимать благое (εἶπερ τὰ χρήματα ἴσθιν ἀγαθόν). „Значитъ и земля не будетъ хозяйственнымъ благомъ для человѣка, который будетъ такъ ее обрабатывать, что отъ обработки получится для него вредъ?“—Конечно, и земля не будетъ хозяйственнымъ благомъ, если вмѣсто того, чтобы кормить, она приведетъ къ голоду. „Значитъ также и овцы, если кто, не умѣя пользоваться ими, получить отъ нихъ вредъ, не будутъ для такого человѣка хозяйственнымъ благомъ?“—Мнѣ кажется, что нѣтъ ²⁾.

Въ концѣ разговора съ Критовуломъ, подводя итоги, Сократъ опять повторяетъ данное выше опредѣленіе имущества, или хозяйственнаго блага (здѣсь онъ употребляетъ терминъ, близкій къ начальному термину діалога—κτῆσις). „Подъ домомъ, говоритъ онъ, мы понимаемъ всю совокупность нашего имущества, имуществомъ же мы называемъ то, что полезно каждому для его жизни, полезными же мы нашли всѣ тѣ предметы, которыми кто-либо умѣетъ воспользоваться“ ³⁾...

1) Σὺ δ' ἕσθας τὰ ἐκάστω φερέμενα κτήματα καλεῖν. Οἰκονομικός, гл. I, 7, изд. Sauppe, vol. V.

1) Для обозначенія хозяйственныхъ благъ или имущества Ксенофонтъ употребляетъ здѣсь безразлично терминъ κτήματα и χρήματα. Но давъ опредѣленіе хозяйственнымъ благамъ, какъ полезнымъ предметамъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи онъ предпочитаетъ употреблять терминъ χρήματα.

2) Οἰκονομικός, I, 8—9.

3) οἶκος δ' ἡμῖν ἐφαίνετο ὅπερ κτῆσις ἢ σὺμπλασι, κτῆσιον δὲ τοῦτο ἔφαμεν εἶναι, ὃ τι ἐκάστω εἰς ἄφελμον εἰς τὸν βίον, φερέμενα δὲ ὄντα εὐρίσκειτο πάντα, ὁπόσοις τις ἐπίσταστο χρῆσθαι. Οἰκονομικός, VI, 4. Здѣсь Ксенофонтъ даетъ и опредѣленіе науки о хозяйствѣ, или экономіи: Итакъ, говоритъ Сократъ, мы установили, что имя нѣкоторой науки есть экономія. Сущ-

Такимъ образомъ Ксенофонтъ связываетъ понятіе субъективной цѣнности не просто съ значеніемъ вещи для удовлетворенія потребностей ея владѣльца, а съ умѣньемъ воспользоваться ею. Если владѣлецъ вещи можетъ извлечь изъ нея пользу, онъ ее цѣнитъ, если нѣтъ,—она утрачиваетъ въ его глазахъ значеніе хозяйственнаго блага. Отсюда Ксенофонтъ дѣлаетъ непосредственный переходъ къ понятію *мѣнливой цѣнности*. Вѣрный своему основному построенію, онъ и въ теоріи мѣнливыхъ отношеній исходитъ изъ момента пользованія, употребленія вещи. Человѣкъ не можетъ непосредственно извлечь для себя пользу изъ предмета, которымъ онъ владѣетъ, но неумѣнно обращаться съ нимъ, но вѣдь онъ можетъ найти лицо, которое сумѣетъ воспользоваться данной вещью и для котораго она, слѣдовательно, представляетъ извѣстную цѣнность. Продавъ ее этому лицу, онъ косвенно извлечетъ изъ нея пользу, получивъ взамѣнь какую-либо цѣнную и для себя вещь (деньги или какой-либо другой предметъ, которымъ онъ можетъ воспользоваться для желательныхъ ему цѣлей). „Итакъ, одна и та же вещь есть благо для того, кто умѣетъ ею пользоваться, и не является благомъ для того, кто не умѣетъ? Слѣдовательно флейты являются благомъ для человѣка, который умѣетъ играть на нихъ, достойно этого слова, тогда какъ неумѣющему онъ служить не больше, чѣмъ ни на что ненужные камни, если только онъ не продастъ ихъ. Итакъ, намъ ясно, что флейты будутъ хозяйственнымъ благомъ для неумѣющихъ играть, которые продадутъ ихъ; онъ не будутъ хозяйственнымъ благомъ для непродавшихъ ихъ, а удерживающихъ ихъ у себя, но неумѣющихъ играть на нихъ. — И это согласнo вытекаетъ, Сократъ, изъ нашихъ разсужденій, такъ какъ нами было сказано, что приносящее пользу есть хозяйственное благо. Непроданныя флейты не могутъ быть хозяйственными благами, ибо онъ тогда бесполезны, проданныя же будутъ хозяйственными благами. Сократъ сказалъ на это: „Если онъ умѣетъ продать. Если онъ продастъ ихъ тому, кто не сумѣетъ воспользоваться ими, тогда и проданныя онъ не будутъ хозяйственными благами по твоему опредѣленію“.... 1).

Обмѣнъ хозяйственныхъ благъ регулируется полезностью ихъ, или умѣньемъ воспользоваться ими. Чтобы сбыть благо, надо найти человѣка, для котораго оно полезно, и взамѣнь получить отъ него полезный для себя предметъ. Но въ какой мѣрѣ полезность регулируетъ мѣнливыя отношенія, Ксенофонтъ не указываетъ. Самое понятіе хозяй-

---

ность этой науки представилась намъ въ томъ, какъ люди могутъ увеличить свои „дома“ (ойкосы въ смыслѣ общей совокупности ихъ имуществъ)—ἐπιστήμη μὲν τῶς εἶδος ἐν τῷ οἴκῳ εἶναι ἢ οἰκονομία, ἢ δὲ ἐπιστήμη αὐτῇ ἐραίητος, ἢ οἴκος δὲ οὐκ αὐτῶν ἀνδρῶναι. .... Тамъ же, начало § 4.

1) Οἰκονομικός, I, 10—12. Дальше опредѣленія блага переходятъ постепенно въ область моральныхъ оцѣнокъ.

ственной полезности, какъ мы видѣли, опредѣлено сбивчиво, въ связи съ техническимъ умѣньемъ. Кромѣ того Ксенофонтъ вводитъ новое ограниченіе нравственной оцѣнкой; полезнымъ для человѣка можетъ быть не все, что могло бы удовлетворять его потребности, какія бы онѣ ни были, а только потребности разумныя. Въ цитированномъ уже діалогѣ Ксенофонтъ заявляетъ (устаами Сократа), что самыя деньги нельзя считать хозяйственными благами, если лицо, имѣющее ихъ, тратитъ ихъ неразумно. — „Кажется, ты говоришь, Сократъ, что и деньги не есть хозяйственное благо, если данное лицо не умѣетъ пользоваться ими?“ — „Да вѣдь ты, повидимому, согласился со мной, что хозяйственнымъ благомъ является нѣчто, что можетъ приносить пользу. Ну, а если кто-нибудь такъ воспользуется деньгами, что пріобрѣтетъ себѣ гетеру и черезъ нее будетъ имѣть вредъ своему тѣлу, вредъ—душѣ, вредъ—дому, то какъ могутъ быть деньги полезными ему?—Ни въ какомъ случаѣ, иначе намъ придется утверждать, что растеніе, называемое бѣленой, съѣвши котораго люди дѣлаются безумными, также есть хозяйственное благо“¹⁾.

Примѣшиваніе моральной оцѣнки къ хозяйственной не связывалось у Ксенофонта съ рѣзкимъ отрицаніемъ богатства, и его житейская складка обычно брала у него верхъ надъ нѣсколькими вышше воспринятыми принципами философской морали. Вся цѣль сочиненія, откуда взяты только что приведенныя выдержки, направлена къ тому, чтобы научить людей, уже состоятельныхъ, возможно укрѣпить и приумножить свое достояніе. Потребности богатыхъ многообразны, и для удовлетворенія ихъ они нуждаются въ сравнительно обширныхъ средствахъ. Сократъ иронически заявляетъ Критувулу, что онъ, бѣдный человѣкъ, все имущество котораго можно было бы продать за пять минъ, богаче по-своему Критувула, имущество котораго больше по крайней мѣрѣ во сто разъ. Но онъ признаетъ законность такого широкаго образа жизни, хотя и опасается, что при этомъ богачу пожалуй легче испытывать лишенія, чѣмъ человѣку со скромными средствами. Бѣдному человѣку многого и не нужно, состоятельному же приходится необходимо много тратить на жертвоприношенія богамъ, великолѣпныя приемы и угощенія гостей, покровительство, разнообразныя дорого стоящія общественныя повинности, наконецъ, имѣя средства, человѣкъ легко позволяетъ себѣ нѣкоторыя вольности, также стоящія денегъ²⁾.

Какъ же устанавливаются мѣновыя пропорціи предметовъ въ рыночномъ обмѣнѣ? Ксенофонтъ не даетъ намъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Но какъ человѣкъ, привыкшій присматриваться къ

1) *Οἰκονομικός*, I, 12—13.

2) Тамъ же, II, 5—6.

жизни, онъ подмѣтилъ, что цѣны товаровъ находятся въ связи съ колебаніями въ спросѣ и предложеніи. Обсуждая вопросъ объ увеличеніи доходовъ Аѳинскаго государства, въ числѣ мѣръ къ улучшенію аѳинскихъ финансовъ онъ предлагаетъ болѣе широкое использованіе серебряныхъ рудниковъ и по этому поводу высказываетъ рядъ общихъ соображеній, обнаруживающихъ ясное пониманіе механизма рыночныхъ цѣнъ. По общему правилу, указываетъ онъ, усиленное предложеніе товаровъ приводитъ къ пониженію ихъ цѣнъ, которое можетъ дойти до такого предѣла, когда продолжать прежнее занятіе становится уже невыгоднымъ, и люди переходятъ къ какому-либо другому. Исключеніе изъ этого правила составляетъ только серебро: землевладѣльцы всегда могутъ заранѣе опредѣлить, сколько для даннаго пространства земли имъ нужно скота и работниковъ, и если бы у кого было больше такого необходимаго количества, то онъ видѣлъ бы въ этомъ убытокъ для его хозяйства; при разработкѣ же серебряныхъ рудниковъ всѣ говорятъ о недостаткѣ работниковъ. Не то съ другими металлами: когда станетъ много мѣдниковъ, мѣдныя издѣлія подешевѣютъ, и мѣдники разоряются; такъ же бываетъ и съ ремесленниками, изготовляющими желѣзныя издѣлія. И когда бываетъ изобиліе хлѣба и вина, эти продукты дешевѣютъ и земледѣліе становится невыгоднымъ, такъ что многіе оставляютъ обработку земли и переходятъ къ занятіямъ торговлей, крупной или мелкой, и къ ростовщичеству ¹⁾. Если увеличеніе предложенія приводитъ къ пониженію цѣнъ, то увеличеніе спроса вызываетъ ихъ подъемъ. Совѣтуя государству пріобрѣтать рабовъ (для разработки серебряныхъ рудниковъ или непосредственно, или отдачей въ наймы частнымъ предпринимателямъ), Ксенофонтъ предлагаетъ покупать намѣченную партію не сразу, а по частямъ. При всякомъ дѣлѣ, гдѣ требуются обширныя закупки, будетъ ли это снаряженіе кораблей, постройка домовъ, или закупка большихъ партій рабовъ, быстрое расширеніе спроса должно привести къ чрезмѣрному вздуванію цѣнъ. „Строя сразу, мы выполнили бы дѣло дороже и хуже, чѣмъ ведя стройку по частямъ; а отыскивая сразу всю партію рабовъ, мы вынуждены были бы покупать худшихъ и по болѣе дорогой цѣнѣ“ ²⁾. Иначе стоитъ дѣло съ продажей серебра. Сколько бы его ни добывали, оно всегда найдетъ себѣ сбытъ по прежней цѣнѣ. Каждый съ удовольствіемъ удерживаетъ серебро у себя, ибо деньги всегда и всѣмъ нужны: когда кто пріобрѣлъ достаточно пожитковъ для своего хозяйства, онъ прикупаетъ къ нимъ еще понемногу, денегъ же никто не имѣлъ такъ много, чтобы не желать прибавить къ нимъ еще. Напротивъ, у кого серебра уже и такъ очень

¹⁾ *Пѣрор.* IV, 5—6 (изд. Sauppe, vol. -V).

²⁾ *Пѣрор.* IV, 36.

много, онъ все же будетъ продолжать добывать его никакъ не съ меньшимъ удовольствіемъ, чѣмъ пользуется тѣмъ, какое у него есть. И когда государства благоденствуютъ, люди сильно нуждаются въ деньгахъ: мужчины хотятъ тогда много тратить на красивое вооруженіе, добрыхъ коней, улучшеніе хозяйства и роскошь домашней обстановки, женщины—обзаводятся дорогими нарядами и золотыми украшеніями. Съ другой стороны, когда государства испытываютъ бѣдствія отъ неурожаевъ, войны, а болѣе всего отъ истощенія почвы, тогда они нуждаются въ деньгахъ на продовольствіе и на союзниковъ¹⁾.

Намъ кажется, что, разсуждая о серебрѣ, Ксенофонтъ имѣетъ по преимуществу въ виду его денежныя функціи, а такъ какъ денежнаго матеріала, при развивавшемся въ то время денежномъ хозяйствѣ за счетъ натурального, требовалось очень много, то, несмотря на значительный спросъ на серебро для выработки разнаго рода издѣлій, цѣна его при расширеніи добычи должна была оставаться устойчивой. Золото же Ксенофонтъ разсматриваетъ здѣсь въ качествѣ обыкновеннаго товара, чѣмъ, повидимому, и можно объяснить противопоставленіе его серебру въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденія. „Если кто-нибудь скажетъ, что золото не менѣе полезно, чѣмъ серебро (χρυσίον ἢ δὲν ἤττων χρυσιον εἶναι ἢ ἀργύριον), то я не буду возражать, заявляетъ Ксенофонтъ; знаю только, что и золото, когда его бываетъ большое количество, становится дешевле (καὶ χρυσίον ὅταν πολὺ παραφανῆ, αὐτὸ μὲν ἀτιμότερον γίνεται), а серебро оно дѣлаетъ дороже“²⁾. Явно, что въ представленіи Ксенофонта серебро подлежитъ постоянно растущему спросу, соотвѣтственно расширенію его предложенія, такъ какъ оно требуется всюду какъ деньги. Этимъ оно становится въ особое положеніе предъ всѣми другими товарами, спросъ на которые скоро наталкивается на предѣлъ насыщенія удовлетворяемыхъ ими потребностей, въ томъ числѣ и передъ золотомъ. Что Ксенофонтъ имѣетъ здѣсь въ виду серебро главнымъ образомъ какъ деньги, видно не только изъ общаго смысла разсужденія, но и потому, что Ксенофонтъ употребляетъ рядомъ съ терминомъ ἀργύριον и прямо слово деньги (νόμισμα): ὅταν τε αὖ νομισμῶσι πόλεις... νομισμάτων δέονται³⁾. Разсматривая условія аѳинской торговли, Ксенофонтъ указываетъ въ числѣ выгодъ Аѳинъ и то, что импортерамъ приходится вывозить изъ другихъ городовъ какіе-нибудь товары, такъ какъ употребляемыя въ этихъ городахъ деньги не имѣютъ хожденія внѣ ихъ предѣловъ, въ Аѳинахъ же онъ не только можетъ найти самые разнообразныя товары для вывоза, но онъ можетъ, если не хочетъ вывозить товаровъ,

1) Πόροι, IV, 7—9.

2) Οἰκονομικός, IV, 10.

3) Πόροι, IV, 9.

вывезти прямо деньги, которые будутъ всюду прекраснымъ товаромъ ¹⁾).

Дальше этихъ общихъ замѣчаній Ксенофонтъ не идетъ. Въ своихъ основныхъ экономическихъ понятіяхъ, именно въ идеѣ полезности хозяйственныхъ благъ, онъ могъ бы найти нѣкоторый общій принципъ, который удовлетворительно объяснялъ бы, съ его точки зрѣнія, вліяніе колебаній въ спросѣ и предложеніи на цѣны. Съ другой стороны, у него было, какъ видно изъ приведенныхъ выше цитатъ, и представленіе (правда, не вполне отчетливое) о значеніи издержекъ производства. Но онъ не пытается углубить изслѣдованіе условій, при которыхъ устанавливаются цѣны товаровъ, ограничиваясь вышеприведенными общими замѣчаніями.

Мало склонный къ отвлеченному мышленію, Ксенофонтъ не намѣчаетъ основныхъ контуровъ общества, въ которомъ развиваются мѣновыя отношенія. Ниже мы найдемъ у Платона замѣчательную соціологическую конструкцію трудораздѣльной организаціи общества, основанной на различіи способностей его членовъ, ради лучшаго удовлетворенія потребностей. Однако, и Ксенофонту было не чуждо понятіе раздѣленія труда, и притомъ не только техническаго, но и общественнаго. При указаніяхъ, какъ лучше вести хозяйство ойкоса, онъ удѣляетъ не мало вниманія строгому раздѣленію работъ въ домѣ и надзора за ними. Онъ очень подробно распространяется о распредѣленіи функций хозяина и хозяйки дома, у которыхъ у каждаго, при

¹⁾ Тамъ же, III, 2. καὶ οἱ ἀργύριον ἐξάγουσιν καὶ τὴν ἐμπορίαν ἐξάγουσιν. Орженцкій объясняетъ фактъ постоянства цѣны серебра при увеличеніи его предложенія, отмѣчая, что Ксенофонтомъ, постепеннымъ появленіемъ на рынкѣ серебра покупателей съ одинаковыми предѣльными цѣнами. Условія торговли въ древнемъ мѣрѣ, по его мнѣнію, были таковы, что „небольшіе города, или государства играли роль такихъ воображаемыхъ покупателей, поступающихъ на рынокъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Обладая приблизительно одинаковою потребностью въ серебрѣ, одинаково цѣня этотъ товаръ, они не заявляли активно своего спроса на всемірномъ рынкѣ, вслѣдствіе отсутствія торговой инициативы; по мѣрѣ, однако, того, какъ производство серебра увеличивалось, производители сами искали новыхъ рынковъ для сбыта и послѣдовательно находили ихъ одинъ за другимъ. Спросъ расширился въ той же мѣрѣ, какъ предложеніе, условія образования цѣнъ оставались безъ измѣненія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставалась безъ измѣненія цѣна. Этотъ фактъ постоянства цѣны серебра былъ замѣченъ Ксенофонтомъ, который и далъ ему указанное выше объясненіе, довольно близкое къ дѣйствительности“. Р. Орженцкій. Ученіе о цѣности у классиковъ и канонистовъ. Одесса 1846, стр. 144—145. Едва ли есть необходимость прибѣгать къ такому объясненію. Фактъ постоянства цѣны серебра могъ быть достаточно объясненъ просто незначительностью прибавки ежегодной, даже расширенной, добычи къ имѣющемуся уже запасу, легко поглощаемой при живомъ спросѣ на серебро для издѣлій и нуждъ обращенія. Кауцъ толкуетъ это мѣсто также въ томъ смыслѣ, что Ксенофонтъ понималъ подъ серебромъ именно металлъ, предназначенный для денежныхъ функций, золото же считалъ обыкновеннымъ товаромъ. I. Kautz. Theorie und Geschichte der Nationalökonomik. II-er Theil. Wien 1860, стр. 129.

сложности хозяйственной структуры домашняго хозяйства того времени, оказывалось много подвѣдомственныхъ группъ работниковъ, распределенныхъ въ рядѣ специализированныхъ занятій. Устройство частнаго хозяйства, дома являлось какъ бы типомъ и трудораздѣльной общественной организаціи, и понятно, что Ксенофонтъ не могъ не улавливать характера и вліяній раздѣленія труда, поскольку ему приходилось наблюдать ихъ и въ болѣе широкихъ условіяхъ, чѣмъ домашнее хозяйство. Пониманіе значенія раздѣленія труда сложилось у Ксенофонта настолько твердо, что ему достаточно маловажнаго частнаго повода, чтобы высказать рядъ весьма цѣнныхъ общихъ соображеній по этому вопросу. Такъ, говоря о персидскомъ обычаѣ посылать людямъ, находящимся въ милости, обѣдъ съ царскаго стола, онъ отмѣчаетъ, что кромѣ почета, эти блюда доставляютъ и большое удовольствіе получающему ихъ, потому что они приготовлены лучше, чѣмъ гдѣ-либо. „И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, заявляетъ Ксенофонтъ; подобно тому какъ и другія искусства (τέχναι) выполняются лучше въ большихъ городахъ, такимъ же образомъ и царскіе блюда изготовляются гораздо лучше. Вѣдь въ малыхъ городахъ одни и тѣ же люди дѣлаютъ постели, двери, плуги, столы, а часто тотъ же самый человѣкъ строитъ еще и дома, и бываетъ доволенъ, если, имѣя столько заказчиковъ, получаетъ достаточно для пропитанія. А невозможно, чтобы человѣкъ, дѣлающій многое, все дѣлалъ хорошо. Напротивъ, въ большихъ городахъ, благодаря тому, что тамъ многіе нуждаются въ одномъ и томъ же (διὰ τὸ πολλοῦς ἐκάστων δαΐσθαι), достаточно бываетъ каждому и одного ремесла чтобы прокормить себя, часто даже и не цѣлаго ремесла, а напр., одинъ дѣлаетъ только мужскую обувь, другой—только женскую, а тамъ третій зарабатываетъ себѣ пропитаніе только починкой обуви; четвертый—только рѣзаніемъ кожи; пятый—только кройкой хитоновъ, шестой—сшиваніемъ кусковъ матеріи. Кто занимается только одной небольшой (специализированной) работой, необходимо будетъ выполнять ее всего лучше. То же самое можно сказать и о приготовленіи пицци. Гдѣ одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ постель, накрываетъ столъ, готовитъ обѣдъ, надо принимать все такъ, какъ будетъ подано. Тамъ же, гдѣ каждый имѣетъ специальную обязанность, одинъ—варитъ мясо, другой—жаритъ, одинъ—варитъ рыбу, другой—жаритъ ее, отдѣльный же человѣкъ—печетъ хлѣбы и притомъ не разныхъ сортовъ, а достаточно, если онъ будетъ изготовлять одинъ сортъ, которымъ онъ славится,—тамъ, мнѣ кажется, все, что ни дѣлается, будетъ изготовлено превосходно“¹⁾.

Въ этихъ мимоходомъ брошенныхъ замѣчаніяхъ видно не только пониманіе значенія раздѣленія труда для улучшенія качества работы,

¹⁾ Κύριος παιδεία, VIII, 2, 5—6 (изд. Сандре, vol. I).

но и зависимости развитія раздѣленія труда отъ объема спроса на разные предметы, отъ размѣровъ рынка, какъ сказалъ бы Адамъ Смитъ.

Что касается самаго трудового процесса, то у Ксенофонта мы находимъ очень мѣткія замѣчанія о значеніи интенсивности труда. Какъ практическій хозяинъ, лично завѣдывавшій подареннымъ ему имѣніемъ, Ксенофонтъ ясно видѣлъ разницу въ результатахъ при усердной и небрежной работѣ. И несмотря на то, что къ простому исполнительному хозяйственному труду онъ, какъ истый сынъ своего времени, относится съ явнымъ предубѣжденіемъ, онъ внимательно приглядывается къ нему, поскольку онъ имѣетъ въ виду интересъ работодателя, или работника, интересъ хозяина. Говоря о техникѣ сельскохозяйственныхъ занятій (дѣло, къ которому онъ относится съ особой любовью и вниманіемъ), онъ настаиваетъ на необходимости хорошей организаціи работъ. „Въ томъ, даетъ ли земледѣліе выгоду или нѣтъ, много значитъ, наблюдаетъ ли лицо, владеющее хотя бы и многими работниками, за тѣмъ, находятся ли эти работники во время, назначенное имъ для дѣла, на работѣ, или оно не заботится объ этомъ. Ибо работникъ, работающій въ надлежащее время, одинъ стоитъ десяти рабочихъ... Предоставить людямъ небрежно работать (*ἀφειροργεῖν*) въ теченіе цѣлаго дня значитъ получить только половину всей работы. На пути протяженіемъ въ двѣсти стадій два путника, одинаково молодыхъ и сильныхъ, разойдутся на сто стадій, если одинъ изъ нихъ будетъ все время имѣть въ виду цѣль своего путешествія, тогда какъ другой, не напрягая духа, будетъ отдыхать у источниковъ и въ тѣни, оглядываться по сторонамъ и ловить нѣжное дуновеніе вѣтерка. Также и на работахъ большая разница между тѣми, кто выполняютъ дѣла, къ которымъ они приставлены, и непослушными, ищущими предлоговъ не работать или работающими кое-какъ. Между хорошей работой и работой подъ дурнымъ надзоромъ такая же разница, какъ между полной работой и полнымъ бездѣльемъ. Когда рабочіе, которымъ поручено очистить виноградникъ отъ сорныхъ травъ, будутъ чистить его такъ, что эти травы станутъ расти послѣ того еще обильнѣе и пышнѣе, не скажемъ ли, что они бездѣльничали? Вотъ что разоряетъ дома гораздо больше, чѣмъ незнакомство съ дѣломъ. Если соглашаются на расходы по хозяйству, но не добьются выполненія работъ такимъ образомъ, чтобы они съ выгодой покрывали издержки, то нечего удивляться, если вмѣсто избытка будутъ имѣть нужду“ ¹⁾.

Въ приведенномъ отрывкѣ, такъ же какъ и въ мѣстѣ изъ „Доходовъ Аѳинскаго государства“, Ксенофонтъ отмѣчаетъ и значеніе издержекъ производства для веденія предпріятія. Но онъ не сближаетъ этого

¹⁾ *Οἰκονομικός*, XX, 16—21.

фактора съ условіями опредѣленія товарныхъ цѣнъ, ограничиваясь, какъ мы видѣли, однимъ указаніемъ на соотношеніе между предложеніемъ и спросомъ. Вопросъ о трудѣ занимаетъ его главнымъ образомъ съ точки зрѣнія правильного веденія хозяйства; онъ высоко цѣнитъ хлопоты, заботы и искусство управленія, и въ связи съ ними вспоминаетъ и о трудѣ, такъ какъ хорошая постановка труда въ хозяйствѣ составляетъ одну изъ важныхъ задачъ дѣятельности хозяина (или управляющаго). Въ общей же оцѣнкѣ хозяйственнаго труда Ксенофонтъ цѣликомъ примыкаль къ господствующему взгляду его времени, видя въ немъ занятіе, увизительное для свободнаго гражданина. Правда, онъ не ставитъ этого вопроса съ такой рѣзкостью, какъ впоследствии Аристотель; но онъ поступаетъ такъ не отъ уваженія или симпатіи къ хозяйственному труду, а отъ меньшей логической послѣдовательности и цѣльности его теоретическихъ воззрѣній. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ даетъ поводъ предположить объ иномъ отношеніи, болѣе внимательное разсмотрѣніе показываетъ, что и тутъ онъ по существу не отступалъ отъ общепринятаго въ то время мнѣнія. Такъ, въ „Воспоминаніяхъ“ о Сократѣ мы находимъ какъ-будто благожелательное отношеніе Сократа, отъ лица котораго ведется бесѣда, къ хозяйственнымъ занятіямъ. Но вглядываясь ближе въ приводимые примѣры и сужденія, мы находимъ, что трудъ работника, какъ таковой, оставался чѣмъ-то низменнымъ и въ глазахъ Сократа; только работа женщины въ домашнемъ хозяйствѣ и трудъ управленія домохозяйствомъ признаются приличными и даже почтенными занятіями, и то какъ доказательство особенно глубокаго пониманія жизни, мало доступнаго среднему человѣку. Бесѣдуя съ Евтидемомъ о необходимости „познанія самого себя“, Сократъ спрашиваетъ его: „Знаешь ли ты людей, которыхъ называютъ рабоподобными (ἀνδραποδιώδεις)?“—„Да, знаю. „За что же, за мудрость или за невѣжество?“—„Явно, что за невѣжество. „Но потому ли они получаютъ такое названіе, что они невѣжественны въ искусствѣ обрабатывать мѣдь?“—„Совсѣмъ нѣтъ. „Такъ значитъ потому, что они не знаютъ строительнаго дѣла?“—„И не потому. „Или потому, что они не знаютъ сапожнаго ремесла?“—„И не за это, и не за что-либо подобное, сказали (Евтидемъ). Ибо большинство людей, умѣющихъ дѣлать это, имѣютъ рабскій характеръ (ἀνδραποδιώδεις εἰσίν).—„Слѣдовательно имъ даютъ такое названіе, потому что они не знаютъ, что такое прекрасное, доброе и справедливое?“—„Мнѣ кажется, сказали Евтидемъ¹⁾. И убѣдившись изъ разговора съ Сократомъ, что онъ самъ мало понимаетъ въ этомъ, онъ удалился отъ него въ полномъ смущеніи, считая и себя чѣмъ-то вродѣ раба²⁾.

¹⁾ Аполлониюса, IV, 2, 22, (изд. Sauppe, vol. III).

²⁾ Тамъ же, IV, 2, 40.

Какую же работу, не унижающую гражданина, рекомендует у Ксенофонта Сократ своимъ собесѣдникамъ? Замѣтивъ однажды, что нѣкій Аристархъ имѣеть опечаленный видъ, Сократъ начинаетъ разспрашивать его о причинѣ его огорченія. Тотъ рассказываетъ, какъ онъ неожиданно попалъ въ бѣду: въ Аѣнахъ случилось возстаніе, многіе бѣжали оттуда въ Пирей, и къ нему явилось много родственницъ, которыхъ надо кормить. Между тѣмъ поля захвачены врагами, и съ нихъ онъ ничего не получаетъ, дома тоже не даютъ дохода, потому что въ городѣ стало мало людей, занять не у кого. Поэтому, какъ ему ни жаль своихъ родственницъ, при такихъ обстоятельствахъ онъ не имѣеть возможности содержать ихъ. Тогда Сократъ спрашиваетъ его: „Ну, а какъ же Керамонъ, кормя многихъ, не только имѣеть все необходимое для себя и для нихъ, но еще и сберегаетъ и богатѣеть, ты же, кормя многихъ, опасаясь, чтобы всѣ не погибли отъ недостатка пропитанія?“—Да вѣдь, отвѣтилъ Аристархъ, это потому, что онъ кормитъ рабовъ, а я свободныхъ. „Кого же ты считаешь лучшими, твоихъ ли свободныхъ, или Керамоновыхъ рабовъ?“— Считаю моихъ свободныхъ. „Да развѣ не позорно, что тотъ благоденствуетъ отъ худшихъ, ты же, имѣя много лучшихъ, находишься въ нуждѣ?“— Но вѣдь онъ кормитъ обученныхъ ремеслу (τεχνίτας), я же—свободно воспитанныхъ. „Но обученные ремеслу умѣють значить дѣлать нѣчто полезное?“—И весьма. „Ну, а мука полезна?“— Конечно. „А хлѣбъ?“— Не меньше. „А гиматіи мужескія и женскія, хитоны, хламиды и эксомиды ¹⁾?“— Конечно, и это все полезныя вещи. „А твои не умѣють дѣлать все это?“— Полагаю, что все умѣють. „А развѣ ты не знаешь, что Навсикидъ однимъ дѣломъ изъ указанныхъ, а именно, приготовленіемъ муки, кормитъ не только себя и рабовъ (οἰκέτας), а кромѣ нихъ еще много свиней и коровъ, но еще и сберегаетъ столько, что часто выполняетъ литургіи государству? Что Киревъ приготовленіемъ хлѣба содержитъ весь домъ и живетъ богато? Демей изъ рода Коллитовъ — изготовленіемъ хламидъ, Менонъ — изготовленіемъ хламидъ ²⁾, большинство же Мегарянъ прокармливаютъ себя изготовленіемъ эксомидъ?“— Конечно, ибо тѣ покупаютъ себѣ варваровъ и заставляютъ ихъ работать, что слѣдуетъ, я же имѣю свободныхъ и родственницъ. „А такъ какъ онѣ свободны и родныя тебѣ, то ты полагаешь, что имъ подобаеть ничего не дѣлать, а только наѣдаться и спать?“ И Сократъ настойчиво совѣтуетъ занять ихъ работой, осуждая лѣность и беззаботность (ἀργίαν καὶ ἀμέλειαν). Когда онѣ будутъ работать, въ домѣ будетъ больше согласія, потому что будетъ видна ихъ польза, а онѣ будутъ рады, что ими довольны. Конечно, доба-

¹⁾ Рабочая одежда—короткій хитонъ безъ рукавовъ.

²⁾ Легкая нарядная одежда изъ тонкой матеріи.

злеть Сократъ, если бы ихъ заставляли дѣлать что-нибудь позорное, тогда уже лучше смерть. „Но вѣдь онѣ, какъ видно, умѣютъ дѣлать такія работы, которыя представляются прекраснѣйшими и наиболѣе подходящими для женщинъ. Всѣ же, которыя умѣютъ дѣлать (такія работы), работаютъ легко, быстро, красиво и пріятно“ ¹⁾.

Итакъ, несмотря на похвалу трудолюбію, развиваемую въ этомъ діалогѣ, Сократъ одобряетъ не всякую работу, а такую только, которая свойственна свободнымъ и хорошо воспитаннымъ людямъ. Вредной праздности онъ противопоставляетъ здоровыя домашнія работы женщинъ, къ которымъ ихъ вообще приучаютъ при ихъ воспитаніи. Въ рекомендуемыхъ работахъ Сократъ, несмотря на проводимыя имъ сближенія (которыми онъ хочетъ только отгнать ихъ выгодность), видитъ не профессиональное занятіе, не ремесло, не промыселъ, а обычныя домашнія хлопоты, свойственныя женщинамъ, безъ которыхъ имъ не оставалось бы ничего дѣлать ²⁾. Другое дѣло, если бы чѣмъ-нибудь подобнымъ занялся мужчина, который умѣетъ куда направить свою энергію и вѣ исполнителяго хозяйственнаго труда. Когда Аристархъ послѣдовалъ совѣту Сократа, у него все пошло прекрасно. Теперь, говоритъ онъ, только меня бранятъ въ домѣ, потому что я ѣмъ, а ничего не дѣлаю. Но Сократъ не совѣтуетъ ему самому взяться за какую-нибудь работу, а предлагаетъ просто успокоить своихъ домашнихъ, рассказавъ имъ басню о собакѣ, стерегущей стадо овецъ. „Скажи имъ, что и ты служишь имъ въ родѣ собаки сторожемъ и попечителемъ, и что благодаря тебѣ они живутъ, не терпя ни отъ кого обиды, въ безопасности и занимаясь пріятной работой“ ³⁾.

¹⁾ *Аполитикономика*, II, 7, 1—10.

²⁾ Черезчуръ усердное занятіе даже такими домашними работами въ ущербъ здоровому упражненію тѣла Ксенофонтъ считаетъ неподходящимъ для свободныхъ женщинъ и вреднымъ для рожденія дѣтей. Въ своемъ описаніи Лакелемонскаго государства онъ порицаетъ „другихъ эллиновъ“ (не спартацевъ) за то, что они считаютъ приличнымъ заставлять и свободныхъ дѣвушекъ сидѣть дома и обрабатывать шерсть, „подобно ремесленникамъ, остающимся въ сидячемъ положеніи“ и противопоставляетъ этому обычаю мудрое правило Ликурга, который считалъ, что достаточно хорошее платье могутъ изготовить и рабыни, для свободныхъ же женщинъ, какъ и для мужчинъ, обязательны гимнастическія упражненія. *Λακεδαιμονίων πολιτεία*, I, 3—4 изд. Sauppe vol. V).

³⁾ *Аполитикономика*, II, 7, 14. Этотъ рассказъ, въ которомъ все дышетъ безыскусственной простотой патриархальныхъ отношеній, Роб. Пѣльманъ ухитряется истолковать въ духѣ новѣйшихъ социалистическихъ настроеній, усматривая въ упрекахъ родственницъ Аристарху (о которыхъ тотъ самъ говоритъ въ добродушно-шутиливомъ тонѣ) цѣлую декларацию вродѣ современныхъ заявленій рабочихъ предпринимателямъ-капиталистамъ. „Получается впечатлѣніе, торжественно заявляетъ Пѣльманъ, какъ будто онѣ читали филиппику Прудона противъ собственника, который „собираетъ въ житницу, хотя и не съѣтъ, потребляетъ, хотя и не производитъ, пользуется благами, хотя и не работаетъ“,—или же нападки сень-симонистовъ на „привилегіи“

Когда другъ Сократа Эвэиръ потерялъ изъ-за войны все свое состояніе, Сократъ совѣтуетъ ему, вмѣсто того, чтобы зарабатывать себѣ средства къ жизни личнымъ физическимъ трудомъ,—поступить управляющимъ къ какому-нибудь богачу, „руководить у него работами, собирать урожай и охранять его имущество“ (ἐργῶν τε ἐπιστατοῦντα καὶ συγκομίζοντα τοὺς καρποὺς καὶ εὐφρύναντά τὴν οὐσίαν). На это Эвэиръ отвѣчаетъ, что ему трудно было бы выносить такое „рабство“ (δοῦλεῖαν). Но Сократъ разубѣждаетъ его, сравнивая обязанность управляющаго частнымъ сложнымъ хозяйствомъ съ обязанностями лицъ, стоящихъ во главѣ государственнаго управленія. А вѣдь тѣ, кто завѣдуетъ государственными дѣлами или блюдутъ государственную казну, считаются изъ-за этого не подобными рабамъ, а даже болѣе свободными ¹⁾. Здѣсь опять дѣло идетъ не объ обыкновенномъ хозяйственномъ трудѣ, а о болѣе сложныхъ функціяхъ, сходныхъ съ заботами богатаго домохозяина, т.-е. не работника и не раба, а рабовладѣльца, или даже государственнаго дѣятеля. Эту мысль Ксенофонтъ развиваетъ болѣе опредѣленно (опять-таки устами Сократа) въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“ (въ діалогъ съ Никомахидомъ). Здѣсь заботы по управленію домою прямо приравниваются къ государственной дѣятельности. „Никомахидъ, не презирай людей, управляющихъ домою (τῶν οἰκονομικῶν ἀνδρῶν). Вѣдь заботы о частныхъ дѣлахъ только количественно отличаются отъ заботъ о дѣлахъ общественныхъ. Люди, стоящіе во главѣ общественныхъ дѣлъ, пользуются не иными людьми, какъ и тѣ, кто управляетъ собственными дѣлами. Кто умѣетъ пользоваться ими, тѣ хорошо ведутъ и свои, и общественныя дѣла, неумѣющіе же дѣлаютъ промахи какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ“ ²⁾.

Къ ремесленному труду Ксенофонтъ относится съ рѣзкимъ отрицаніемъ. Такая работа портитъ тѣло и уничтожаетъ душу. Ремеслен-

жить насчетъ труда другихъ“, на „безбожную привилегію тунеядцевъ“. Такой же смыслъ находятъ Пѣльманъ и въ мѣстѣ „Риторикъ“ Аристотеля, гдѣ говорится объ уваженіи къ людямъ, живущимъ на свой счетъ (см. объ этомъ ниже, при характеристикѣ взгляда Аристотеля на трудъ). „Возмущеніе работницъ Аристарха противъ не трудового дохода ихъ работодателя“ представляется ему „фактомъ, имѣющимъ чрезвычайно важное значеніе въ социальномъ-психологическомъ отношеніи“, указывающимъ, что „исторія социализма является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и исторіей человѣческаго самознанія“. *Р. Пѣльманъ. Исторія античнаго капитализма и социализма, т. II, стр. 402—403.* Можно ли найти болѣе яркій примѣръ слѣпому слѣдованію предвзятой мысли! Пѣльманъ не хочетъ видѣть, что никакихъ рабочихъ и работодателей здѣсь нѣтъ, и разсказъ ведется о женщинахъ, призрѣваемыхъ въ нуждѣ ихъ состоятельнымъ родственникомъ и которыя объединены, вмѣстѣ съ главой дома, общимъ интересомъ полученія достаточныхъ средствъ для содержанія всего дома, т.-е. для прокормленія хозяйства и всѣхъ его домочадцевъ.

¹⁾ *Аполитикуэтика*, II, 8, 3—4.

²⁾ Тамъ же, III, 4, 12.

ныя работы (αἱ γὰρ βαναυσικαὶ καλούμεναι) справедливо пользуются въ городахъ дурною славой. „Тѣла работающихъ вынуждены оставаться въ сидячемъ положеніи, въ потемкахъ, иногда даже цѣлыми днями у огня. А когда тѣла слабѣютъ, и души становятся много слабѣе. Въ особенности же эти занятія называются такъ (βαναυσικαὶ), потому что они не оставляютъ досуга для заботъ ни о друзьяхъ, ни о государствѣ. Ремесленники считаются дурными друзьями и дурными защитниками родины. Поэтому въ нѣкоторыхъ государствахъ, особенно въ тѣхъ, которыя славятся хорошей постановкой военнаго дѣла, не разрѣшается никому изъ гражданъ заниматься ремеслами“ (βαναυσικὸς τέχνας ἐργάζεσθαι)¹⁾.

Лишь одинъ видъ труда пользуется неизмѣнными симпатіями Ксенофонта—земледѣліе, гдѣ не только управленіе большимъ хозяйствомъ, но и непосредственныя физическія работы онъ не считаетъ унижающими достоинство гражданина. Для земледѣлія Ксенофонтъ не находитъ достаточно похвалъ. Оно даетъ продукты, необходимые для жизни или доставляющіе удовольствіе. Оно приучаетъ переносить холодъ и зной, выполняющимъ ручныя работы увеличиваетъ силы, наблюдающихъ заставляетъ рано вставать и быстро ходить. Всаднику оно облегчаетъ кормъ коня, а пѣхотинцу укрѣпляетъ тѣло. Сельская жизнь побуждаетъ къ охотѣ, которой Ксенофонтъ придавалъ большое значеніе въ дѣлѣ подготовки къ войнѣ. Владѣніе землей требуетъ умѣнья защищаться оружіемъ, потому что иначе ея плоды захватилъ бы другой. Земледѣліе способствуетъ упражненіямъ, примѣняемымъ въ военномъ искусствѣ—бѣганью, бросанью, прыганью. Сельская жизнь всего удобнѣе для приѣма гостей, для совершенія пышныхъ праздниковъ, для комфортабельной и пріятной жизни. „Какое занятіе, восклицаетъ Ксенофонтъ, милѣе для слугъ, пріятнѣе для жены, желаннѣе для дѣтей, угоднѣе для друзей?“ Укрѣпляя и развивая физическія силы, земледѣліе сообщаетъ человѣку душевную твердость и мужество. А такъ какъ при всемъ томъ оно оставляетъ достаточно досуга для общенія съ друзьями и выполненія гражданскихъ обязанностей,—то Ксенофонтъ не колеблется объявить его первымъ по важности хозяйственнымъ занятіемъ и вообще однимъ изъ важнѣйшихъ дѣлъ, приличныхъ свободному гражданину, ставя его, какъ нѣчто равноцѣнное, рядомъ съ военнымъ дѣломъ. Въ этомъ онъ значительно расходится съ позднѣйшими взглядами, въ особенности съ мнѣніемъ Аристотеля, для котораго земледѣльческій трудъ представлялся все-таки прежде всего тяжелымъ физическимъ напряженіемъ, напрасно отвлекающимъ силы отъ болѣе высокихъ задачъ. Если можно придумать такую организацію общества, гдѣ граждане

¹⁾ Οἰκονομικός, IV, 2—3.

были бы вообще свободны отъ физическаго труда, не исключая и земледѣлія, то въ такой обстановкѣ они могли бы мечтать Аристотель, шире развернуть свои силы въ стремленіи къ высшему благу, хотя и онъ считалъ земледѣльческій трудъ не плохимъ занятіемъ, лучшимъ во всякомъ случаѣ, чѣмъ остальные формы хозяйственнаго труда. Ксенофонтъ не вдавался въ такія тонкости, и какъ человѣкъ, знающій по личному опыту преимущества деревенской жизни, выступаетъ прямо съ горячей защитой земледѣлія. Слѣдуя своей обычной манерѣ выдвигать въ качествѣ идеала управленія стилизованные на спартанскій ладъ порядки персидской монархіи, Ксенофонтъ заставляетъ Сократа привести въ качествѣ примѣра Кира, высоко цѣнившаго, наряду съ военнымъ дѣломъ, и земледѣліе и не гнушавшагося даже лично выполнять нѣкоторыя земледѣльческія работы (посадки въ саду). „Самые счастливые люди не могутъ отказаться отъ земледѣлія“ ¹⁾. Подводя итоги своей похвалы земледѣлію, Ксенофонтъ опять напоминаетъ объ его отличіи отъ ремесленныхъ занятій. „Въ согласіи съ правительствами нѣкоторыхъ государствъ мы отвергли такъ - называемыя ремесленныя искусства (*τὰς βαναυσικὰς καλοῦμενὰς τέχνας*), которыя, какъ намъ казалось, разрушаютъ тѣло и разбиваютъ душу. Очевиднѣйшее доказательство этому мы нашли въ томъ, что если бы во время вторженія въ страну непріятели посадить отдѣльно ремесленниковъ и земледѣльцевъ и спросить тѣхъ и другихъ, слѣдуетъ ли защищать землю или, отдавши ее, охранять стѣны, то люди земли (*τοὺς μὲν ἀμφὶ τῆν ἔχοντας*) отвѣтили бы: защищать, ремесленники же—не воевать, а сидѣть безъ вреда и опасности. Мы признали, что для порядочнаго человѣка (*ἀνδρὶ καλῷ τε κατὰθῷ*) лучшее занятіе и науку составляетъ земледѣліе, снабжающее людей предметами необходимости. Этому занятію всего легче научиться и всего пріятнѣе выполнять его. Оно сообщаетъ тѣлу наибольше красоты и силы, а душѣ даетъ достаточно досуга для заботъ о друзьяхъ и о государствѣ“ ²⁾. Однако, и Ксенофонтъ восторгается не столько самымъ земледѣльческимъ трудомъ, сколько общимъ складомъ деревенской жизни, гдѣ для него болѣе близкой и симпатичной представляется дѣятельность помѣщика или управляющаго. Въ своихъ общихъ соображеніяхъ о выгодахъ земледѣлія Ксенофонтъ упоминаетъ безразлично какъ о трудѣ завѣдыванія хозяйствомъ, такъ и о непосредственныхъ физическихъ работахъ, для болѣе же подробной характеристики земледѣльческихъ занятій беретъ исключительно описаніе владѣльческаго хозяйства (разговоръ Сократа съ Исхомахомъ) ³⁾.

¹⁾ *Οἰκονομικός*, IV, 5 и сл., V, 1.

²⁾ Тамъ же, V, 5—9.

³⁾ Право пользованія трудомъ рабовъ не вызываетъ у Ксенофонта никакихъ

Сложное земледѣльческое хозяйство, гдѣ мужчина—глава семьи завѣдуетъ собственно сельскими работами, а жена наблюдаетъ за дѣлами, выполняемыми подъ домашней кровлей, живо интересуется Ксенофонта, здѣсь онъ имѣеть богатый жизненный опытъ, здѣсь его наблюденія особенно зорки и мѣтки, и онъ охотно дѣлится ими съ своими читателями. Въ немъ виденъ хорошій организаторъ, усвоившій изъ военной профессіи привычку къ упорядоченной и согласованной дѣятельности и понимающій цѣну хорошаго выполненія отдаваемыхъ приказовъ. Мысли, высказываемыя имъ, порой сдѣлали бы честь и новѣйшему изслѣдователю предпринимательскаго искусства. Онъ входитъ во всѣ детали работъ какъ въ полѣ, такъ и на дому, онъ признаетъ важность заботъ о томъ, чтобы работники были подобраны лучше и работа выполнялась бы ими возможно тщательнѣе и интенсивнѣе, онъ рекомендуетъ владѣльцу входить возможно ближе въ нужды его слугъ, вплоть до ухаживанія за ними во время болѣзни или обученія неискусныхъ пріемамъ работы. Но опять-таки во всѣхъ этихъ совѣтахъ слышится только забота о хозяйскомъ интересѣ, самъ же по себѣ непосредственный хозяйственный трудъ и люди, выполняющіе его, не имѣють и здѣсь, въ глазахъ Ксенофонта, высокой цѣны. Физическій трудъ для свободнаго человѣка годится только какъ хорошая гимнастика, и въ этомъ смыслѣ къ нему слѣдуетъ прибѣгать; наоборотъ, такихъ формъ труда, которыя уродуютъ тѣло, слѣдуетъ остерегаться. Когда Исхомахъ замѣтилъ, что его жена, желая казаться красивѣе, стала употреблять притиранія и надѣвать высокую обувь, онъ посоветовалъ ей средство, при помощи котораго можно было бы достигнуть не поддѣльной, а дѣйствительной красоты,—„не сидѣть постоянно, какъ рабы“ (*μη δουλικῶς ἀει καθῆσθαι*), а хлопотать по хозяйству, гдѣ надо, показать, какъ лучше сдѣлать, гдѣ поучиться самой, присмотрѣть за кухней, наблюсти за ключницей, обойти домъ и посмотреть, все ли въ порядкѣ. Такимъ образомъ забота о хозяйствѣ будетъ соединена съ прогулкой. Если къ тому же она станетъ еще мѣсить тѣсто, ветряхивать и складывать платья и одѣяла, то она будетъ имѣть и хорошую гимнастику. Тогда у нея явится большій ап-

сомнѣній. Онъ считаетъ всеобщимъ закономъ человѣчества право обращать въ рабство жителей завоеванныхъ государствъ и захватывать ихъ имущество. Послѣ удачной войны Киръ (въ уста котораго Ксенофонтъ вкладываетъ свои завѣтныя мысли) обращается къ своимъ сотрудникамъ съ рѣчью, съ первыхъ же словъ которой обосновываетъ свое право побѣдителя: „Теперь мы имѣемъ обширную и хорошую землю и людей, которые будутъ кормить насъ, воздѣлывая ее. Имѣемъ и дома и обзаведеніе въ нихъ... Ибо у всѣхъ людей существуетъ вѣчный законъ, что когда городъ взятъ на войнѣ, то завоевателямъ принадлежать тѣла и имущества живущихъ въ немъ“ (*νόμος γάρ ἐν πᾶσιν ἀνθρώποις αἰεὶ ἔστιν, τὰν πλεμούντων πόλιν ἀλώ, τῶν ἐόντων εἶναι καὶ τὰ σώματα τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τὰ χρήματα*). *Κύρου παιδεία*, VII, 5, 72—73.

нетить, она станетъ здоровѣе и на самомъ дѣлѣ получить цвѣтушій видъ, весь ея обликъ станетъ пріятнѣе, и будучи одѣта просто, но прилично, она будетъ рѣзко отличаться отъ служанки ¹⁾. Дѣло хозяйевъ—постоянный бдительный надзоръ за всѣмъ, что дѣлается въ домѣ, съ строгимъ раздѣленіемъ труда между мужемъ и женой. Первая забота—чтобы во всемъ былъ порядокъ, чтобы всякое дѣло дѣлалось во-время и чтобы каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. „Можетъ ли быть, поучаетъ Исхомахъ свою молодую жену, что-нибудь полезнѣе и прекраснѣе у людей, чѣмъ порядокъ?“ Когда въ хорѣ всѣ поютъ и двигаются такъ, какъ каждому нужно, ихъ пріятно слушать и видѣть, а беспорядочное исполненіе производитъ отталкивающее впечатлѣніе. Если войско идетъ въ беспорядкѣ, и въ немъ строевыя части перемѣшаны съ обозомъ, отступающіе съ остающимися на мѣстѣ, то оно представляетъ собой безобразное зрѣлище, радующее только непріятели. Благоустроенное же войско имѣетъ видъ, пріятный для друзей, и тягостный для непріятели. „Можетъ ли другъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣть на что-нибудь, видя множество гоплитовъ, марширующихъ въ строю? Кто не zalюбуется движущейся въ порядкѣ конницей? Какой непріятель не испугается при видѣ своднаго отряда изъ гоплитовъ, всадниковъ, пелтастовъ, стрѣлковъ, працниковъ, идущихъ въ боевомъ строю за своими начальниками? И когда они движутся въ порядкѣ, то хотя бы ихъ было много мириадъ, они идутъ спокойно, какъ одинъ человекъ“... ²⁾).

Исхомахъ совѣтуетъ своей женѣ такъ разложить свои запасы, чтобы для каждой категоріи вещей было свое особое, подходящее для нея мѣсто, чтобы удобнѣе было и находить все, что потребуется, и легче замѣтить, когда какіе-нибудь запасы истощаются и нужно пополнять ихъ. Въ качествѣ образца онъ приводитъ размѣщеніе вещей на большомъ купеческомъ суднѣ, какое ему пришлось однажды видѣть при осмотрѣ финикійскаго корабля. Все снаряженіе и вооруженіе корабля, орудія для снастей, военныя машины, оружіе для экипажа, утварь и продовольственные припасы, товары—все было на своемъ мѣстѣ, въ строгомъ порядкѣ, и все это было размѣщено на пространствѣ, не много большемъ жилища на десять человекъ. Всѣ эти вещи были такъ хорошо разставлены и старшій офицеръ такъ ясно помнилъ ихъ расположеніе, что онъ могъ не глядя сказать, гдѣ какая вещь находится. А на досугѣ онъ производилъ еще повѣрку. На вопросъ Исхомаха, что онъ дѣлаетъ, онъ объяснилъ ему, что осматриваетъ, гдѣ что лежитъ, на случай бури, когда поздно уже разы-

¹⁾ *Οἰκονομικός*, X, 10—12.

²⁾ Тамъ же, VIII, 3—7.

скивать и при незнаніи можетъ выйти опасный безпорядокъ и сумятица. „Богъ грозенъ и караетъ нерадивыхъ“¹⁾.

Также и размѣщеніе вещей въ домѣ облегчаетъ веденіе хозяйства, если все стоитъ на своемъ мѣстѣ. Самый домъ пріобрѣтаетъ отъ этого красоту, ибо какъ въ человѣческомъ хорѣ, такъ и въ размѣщеніи домашнихъ вещей есть своего рода гармонія²⁾. И Ксенофонтъ (въ рассказѣ Исхомаха) подробно описываетъ, какъ были размѣщены всѣ домашнія вещи, съ отдѣльнымъ распредѣленіемъ постоянно употребляемыхъ и праздничныхъ предметовъ, запасовъ, положенныхъ на короткое (на мѣсяць) и продолжительное время (на годъ). Для непосредственнаго наблюденія была приставлена ключница, причѣмъ Ксенофонтъ подробно указываетъ необходимыя качества такой прислуги и правила обращенія съ нею. Она должна обладать хорошимъ здоровьемъ, быть воздержной въ пищѣ, въ винѣ, снѣ и въ отношеніяхъ съ мужчинами, больше же всего должна имѣть хорошую память и быть разумно-предусмотрительной въ своемъ дѣлѣ, т.-е. чтобы она знала напередъ, за что съ нея будутъ взыскивать и за что награждать. Съ нею надо поступать такъ, чтобы она входила въ интересы хозяевъ, принимала участіе въ ихъ радостяхъ и печаляхъ и чтобы она старалась о пріумноженіи достатка дома, заставляя ее вдумываться въ дѣла и вознаграждая за хорошее исполненіе изъ получаемыхъ избытковъ. Ей нужно показывать, какъ хорошо соблюдать справедливость примѣромъ отношенія самихъ хозяевъ къ справедливымъ людямъ, указаніемъ на уваженіе къ нимъ и большее ихъ матеріальное благополучіе, и соотвѣтственно поступаая съ нею самой³⁾. Все это, однако, не принесетъ пользы, если жена не будетъ сама тщательно наблюдать за всѣмъ. Ксенофонтъ сравниваетъ роль хозяйки, наблюдающей за порядкомъ въ домѣ, съ ролью администраторовъ и судей въ государствѣ, слѣдящихъ за исполненіемъ законовъ и карающихъ за ихъ нарушеніе. Жену онъ называетъ „блюстительницей домашнихъ уставовъ“ (*νομοφύλακα τῶν ἐν τῇ οἰκίᾳ εἶναι*), производящей въ домѣ провѣрку, какъ фрурархъ провѣряетъ караулы и совѣтъ старѣйшинъ—дѣлаетъ смотръ лошадямъ и всадникамъ, больше того: онъ сравниваетъ ея дѣятельность съ дѣятельностью царицы, восхваляющей и награждающей достойныхъ и порицающей и карающей недостойныхъ⁴⁾.

И мужъ, опирающійся въ веденіи предназначеннаго ему отдѣла хозяйства на штатъ хорошо подобранныхъ надсмотрщиковъ, долженъ также самъ лично имѣть за всѣмъ бдительный надзоръ. При сложно-

1) *Οἰκονομικός*, VIII, 11—16.

2) Тамъ же, VIII, 19—20.

3) Тамъ же, IX, 11—13.

4) Тамъ же, IX, 15.

сти мужского хозяйства выборъ хорошихъ завѣдующихъ отдѣльными отраслями представляется особенно труднымъ, и Ксенофонтъ (опять въ разсказѣ Исхомаха, какъ образцоваго хозяина) подробно останавливается на томъ, какія качества требуются отъ хорошихъ завѣдующихъ и какимъ образомъ можно получить отъ нихъ максимумъ полезныхъ услугъ. Здѣсь важно отмѣтить указаніе на необходимость удѣлять управляющему часть получаемыхъ доходовъ, для того, чтобы побудить его крѣпче радѣть о хозяйскомъ интересѣ. Только при этомъ условіи можно рассчитывать на его доброе отношеніе (εὖνοίαν) какъ къ самому хозяину, такъ и къ его домашнимъ, безъ котораго отъ него не будетъ пользы, даже если бы онъ былъ хорошо обученъ управительскому искусству ¹⁾. Но самое главное—чтобы самъ хозяинъ вникать во все, указывалъ, что нужно дѣлать, и строго слѣдилъ бы за правильностью исполненія. „Когда господинъ обнаруживаетъ небреженіе, трудно, чтобы слуга сталъ заботливымъ. Говоря кратко, я не думаю, чтобы у дурного хозяина могли быть хорошіе слуги.. Кто хочетъ имѣть старательныхъ слугъ, тотъ долженъ самъ внимательно вникать въ дѣла, разбирать (ихъ исполненіе) и того, кто хорошо выполнилъ работу, благодарить, а нерадивому немедля назначать наказаніе, сооѡвѣтствующее его упущенію“... ²⁾. Однажды персидскій царь спросилъ, что помогло бы всего скорѣе откормить коня, и получилъ отвѣтъ: „Хозяйскій глазъ“ (ὅτι δεσπότου ὀφθαλμός). Такъ и во всемъ другомъ, добавляетъ Ксенофонтъ: мнѣ кажется, что хозяйскій глазъ всего лучше устроить все по-хорошему (μοι δοκεῖ δεσπότου ὀφθαλμός τὰ καλά τε κατὰ μάλιστα ἐργάζεσθαι) ²⁾.

Хозяинъ долженъ внимательно слѣдить, чтобы не было злоупотребленій, чтобы управляющій не припрятывалъ себѣ хозяйскаго добра. Уличенныхъ въ такомъ плутовствѣ надо наказывать строго, согласно Драконовымъ и Солоновымъ законамъ. Но хорошо пользоваться также мудрымъ правиломъ персидскихъ законовъ, не только наказывая за злоупотребленія и упущенія, но и вознаграждая за справедливыя дѣйствія, чтобы выгодой побудить къ честному исполненію обязанностей. Есть даже и такіе слуги, которые стремятся справедливо отправлять службу не только ради выгоды, но и чтобы заслужить похвалу хозяина. Кто слѣдуетъ такому побужденію, того Ксенофонтъ особенно цѣнитъ: „съ тѣми уже (говоритъ Исхомахъ) я обращаюсь какъ съ свободными, не только матеріально награждая ихъ, но и почитая какъ „порядочныхъ людей“ (ὡς καλοὺς τε καγαθοὺς). Этимъ-то, Сократъ, мнѣ кажется, отличается честолюбивый (φιλότιμος) человѣкъ отъ человѣка сребролюбиваго: желаніемъ трудиться, какъ

¹⁾ Οἰκονομικός, XII, 5—7.

²⁾ Тамъ же, XII, 18—19.

«слѣдуетъ, не бояться опасности и отказываться отъ позорной корысти ради похвалы и чести“¹⁾).

Надо, наконецъ, чтобы надсмотрщики умѣли управлять людьми, такъ какъ они будутъ распоряжаться многочисленными рабочими. Если они недостаточно опытны въ этомъ, хозяинъ долженъ научить ихъ этому искусству. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ уже о рабочихъ низшаго порядка, о массѣ рабовъ, занятыхъ въ хозяйствѣ, то большихъ затрудненій съ ними быть не можетъ. Здѣсь тоже приходится дѣйствовать и похвалою, и отличіемъ, и предоставленіемъ выгодъ, но все это грубѣе и проще, ибо для подготовки рабовъ достаточно какъ бы животнаго воспитанія, чтобы привести ихъ къ послушанію²⁾. Отъ нихъ многого можно добиться, угождая одному ихъ желудку. На нѣкоторыхъ изъ нихъ, честолюбивыхъ отъ природы, можетъ дѣйствовать и похвала, къ которой они могутъ быть не менѣе жадны, чѣмъ другіе къ пищѣ и питью. Кромѣ того, лучшихъ работниковъ надо поощрять, выдавая имъ лучшую одежду и обувь, а худшимъ— худшую. Иначе болѣе усердные рабы приходятъ въ дурное настроеніе, видя, что то же самое, что и они, получаютъ люди, не желающіе нести такихъ же трудовъ и опасностей³⁾. О заботахъ о своевременности и интенсивности труда рабочихъ было уже упомянуто выше.

Таковы главныя черты домохозяйственнаго искусства въ изображеніи Ксенофонта. Управление ойкосомъ есть одна изъ наиболѣе высшихъ, по его мнѣнію, жизненныхъ задачъ и требуетъ такого же таланта, какой необходимъ для полководца и государственнаго дѣятеля. Въ концѣ разсматриваемаго трактата онъ слагаетъ цѣлый гимнъ хорошему хозяину: искусство начальствованія (τὸ ἀρχικόν), говорить Исхомахъ, одинаково какъ въ земледѣліи, такъ и въ политикѣ и домашнемъ хозяйствѣ, но не всѣ равно одарены имъ. Когдаплы-

1) Οἰκονομικός, XIV, 9—10.

2) τοῖς δὲ δούλοις καὶ τῇ δοκοῦσῃ θηρικώδους παιδείᾳ εἶναι πῶνο ἔστιν ἐπαγωγὸς πρὸς τὸ πείθεσθαι διδόντων.

3) Οἰκονομικός, XII, 9—11. И въ „Киропедіи“ Ксенофонтъ отмѣчаетъ какъ особенно разумное отношеніе Кира къ рабамъ, съ которыми, по его словамъ, онъ обращался скорѣе какъ хорошій хозяинъ съ животными. Людей, которыхъ онъ считалъ годными къ свободной дѣятельности (начальствованію), онъ готовилъ соответственными упражненіями; тѣхъ же, кого онъ подготовлялъ къ рабской службѣ, онъ не побуждалъ къ упражненіямъ въ свободныхъ трудахъ (μελέτῃ τῶν ἐλευθερίων λόγων) и не позволялъ имъ имѣть оружіе, а заботился, чтобы изъ-за упражненій свободныхъ людей они не оставались безъ хлѣба и питья. И потому, когда они выгоняли въ поле звѣрей для всадниковъ, онъ позволялъ имъ нести съ собой на охоту хлѣбъ, никому же изъ свободныхъ не разрѣшалъ этого, и когда были въ походѣ, велъ ихъ къ водѣ какъ подъяремный скотъ (ὡσπερ τὰ ἀποζύγια). А когда наступалъ часъ завтрака, онъ ожидалъ, пока они поѣдятъ чего-нибудь, чтобы они не пзиемогли отъ голода⁴⁾. Κύρου παιδεία (изд. Sauppe), VIII, 1, 43—44.

вуть по морю на корабль и нужно приѣхать къ опредѣленному дню; то если начальникъ гребцовъ своими дѣйствіями и словами сумѣеть воодушевить къ трудамъ умы всѣхъ, они во-время придутъ къ пристани, покрытые потомъ, но довольные другъ другомъ—предводитель съ похвалою гребцамъ, гребцы—съ похвалою предводителю. Неразумный же предводитель гребцовъ, не умѣющій возбудить рвенія въ своихъ подчиненныхъ, употребитъ на переѣздъ вдвое больше времени и хотя онъ придетъ въ гавань безъ усталости и гребцы тоже, но онъ будетъ чувствовать ненависть къ гребцамъ, а гребцы къ нему. Точно также и полководецъ силенъ тѣмъ, что онъ умѣеть внушить своимъ солдатамъ убѣжденіе въ необходимости повиновенія и стыдъ предъ позоромъ и готовность идти въ огонь и на всякую опасность. Такихъ людей справедливо называютъ „великими духомъ“ (μεγαλοφρονος), ибо „дѣйствительно великъ тотъ мужъ, кто можетъ выполнить великое больше духомъ, чѣмъ силой“. Такъ же и въ частныхъ дѣлахъ: если управляющій или надсмотрщикъ можетъ сдѣлать (рабочихъ) ревностными, энергичными и настойчивыми въ работѣ, такой добьется хорошихъ результатовъ и получить большой избытокъ. Когда на работы является самъ хозяинъ, который болѣе всего можетъ наказать дурного работника и почтить наградою усерднаго, и рабочіе не проявятъ при немъ ничего замѣтнаго, то я не позавидовалъ бы такому хозяину. Если же, видя хозяина, работники придутъ въ движеніе и у каждаго изъ нихъ явится усердіе, соревнованіе другъ передъ другомъ, сильное стремленіе отличиться, о такомъ хозяинѣ я скажу, что въ его характерѣ есть нѣчто царское“ (τοῦτον ἐγὼ φαίνομαι ἀν᾿ ἑαυτῶν τι ἥθους βασιλικῆς).

Въ этихъ словахъ вылилась задушевная мысль Ксенофонта, его жизненный идеалъ. Хозяйственныя заботы по ойкосу не принижаютъ характера порядочнаго человѣка и не мѣшаютъ ему хорошо выполнять и другія высшія жизненныя задачи—военную службу и гражданскія обязанности. Лишь бы только это было дѣйствительно большое и сложное дѣло *управленія*, а не непосредственный физическій трудъ, въ особенности не городское ремесло. Быть хорошимъ хозяиномъ, въ глазахъ Ксенофонта,—высокая заслуга и большая честь, не меньшая, чѣмъ хорошее управленіе государственными дѣлами или командованіе арміей. Что усиленныя заботы о приумноженіи матеріальнаго достатка могутъ превратиться въ вредную для достиженія высшихъ жизненныхъ цѣлей страсть къ безпредѣльному обогащенію,—его не пугаетъ. Какъ человѣкъ житейскій, онъ чуждъ моральному аскетизму, рѣзко выраженному у мыслителей съ болѣе строгими нравственными идеями, и готовъ легко оправдать стремленіе къ обогащенію (что было вполнѣ въ духѣ его времени) пользою, какую богатство частнаго лица приноситъ его согражданамъ. „Неужели, Исхомахъ, спрашиваетъ Сократъ, ты забо-

тишься о томъ, чтобы богатѣть, и имѣя большое имущество, нести множество хлопотъ въ заботахъ о немъ?—Совершенно такъ, отвѣчаетъ Исхомахъ, я очень забочусь о томъ, о чемъ ты спрашиваешь. Ибо мнѣ кажется пріятнымъ, Сократъ, оказывать великолѣпное почтеніе богамъ, помогать друзьямъ, если они въ чемъ-нибудь нуждаются, и не оставить города безъ украшеній, поскольку позволяютъ мои средства. Конечно, говорить на это Сократъ, дѣла, о которыхъ ты говоришь, прекрасны и подь силу только могущественному человѣку. Почему бы не такъ? Вѣдь много есть людей, которые не могутъ жить, не нуждаясь въ чужой помощи, и многіе довольны, если они въ состояніи добыть себѣ достаточное только для нихъ самихъ. Тѣхъ же, которые могутъ не только устроить свой домъ, но и приобрести столько, чтобы украшать городъ и поддерживать друзей, развѣ не слѣдуетъ назвать сильными и могущественными? 1).

Вообще Ксенофонтъ признавалъ вполне естественнымъ для людей заботиться объ увеличеніи своего благосостоянія и добиваться большихъ доходовъ и барышей. Поэтому перепродажу съ выгодой, всякую прибыльную торговлю онъ считаетъ не только не предосудительнымъ, но вполне достойнымъ хорошаго гражданина и похвальнымъ дѣломъ. Въ разговорѣ съ Сократомъ Исхомахъ вспоминаетъ о своемъ отцѣ, который былъ прекраснымъ сельскимъ хозяиномъ и старался извлекать наибольшую выгоду изъ земледѣлія, между прочимъ и земельной спекуляціей. Онъ подмѣтилъ, что участки, культура которыхъ доведена уже до значительной высоты, при дальнѣйшихъ улучшеніяхъ даютъ скудный доходъ (здѣсь Ксенофонтъ какъ бы оцупью наталкивается на такъ называемый законъ уменьшенія земледѣльческаго продукта) и потому предпочиталъ самъ и совѣтовалъ сыну покупать не хорошо обработанный участокъ, а такой, который былъ запущенъ по небрежности или слабосилію владѣльцевъ. Участки, уже ранѣе хорошо обрабатываемые, требуютъ и большихъ расходовъ, и не даютъ приращенія продукта (τοὺς μὲν γὰρ ἐξειργασμένους ἔφη καὶ πολλοῦ ἀργυρίου γίνεσθαι καὶ ἐπίδοσιν οὐκ ἔχειν), а владѣть чѣмъ-нибудь, не дающимъ приращенія дохода, не доставляетъ удовольствія. Напротивъ, ничто не можетъ дать большаго приращенія доходовъ, чѣмъ участокъ, ставшій изъ запущеннаго плодоноснымъ. И Исхомахъ съ гордостью заявляетъ Сократу, что онъ съ отцомъ сдѣлалъ много участковъ, ранѣе дешевыхъ, гораздо болѣе цѣнными 2).

Отецъ его желалъ такихъ участковъ по своей любви къ земледѣлію и къ труду (διὰ τὴν φιλογεωργίαν καὶ φιλοπονίαν), чтобы имѣть удовольствіе отъ приносимой ими пользы. Ибо онъ былъ по природѣ

1) Οἰκονομικός XI, 9—10.

2) τῆς ἀρχαίας τιμῆς πολλὰς πολλαπλασίου χάροντος ἀξίους ἡμεῖς ἤδη ἐποιήσαμεν.

наиболѣе любящимъ земледѣліе изъ всѣхъ аѳинянъ. Сократъ спрашиваетъ его, удерживаль его отецъ такіе участки за собой, или продавалъ ихъ, если ему давали хорошую цѣну? Конечно продавалъ, отвѣчаетъ Исхомахъ, иные же, запущенные, тотчасъ опять откупалъ назадъ, изъ любви къ дѣлу (*διὰ τὴν φιλεργίαν*). Тогда Сократъ объясняетъ Исхомаху, что это за любовь: отецъ его былъ любителемъ земледѣлія (*φιλοτέργος*), какъ хлѣбные торговцы любятъ хлѣбъ (*φιλόσιτοι*). Когда они узнаютъ, гдѣ очень много хлѣба, то, изъ сильной любви къ нему (*διὰ τὸ σφόδρα φιλεῖν τὸν σίτον*), переплываютъ за нимъ Эгейское, Евксинское, Сицилійское море, закупаютъ его тамъ какъ можно больше и затѣмъ везутъ на продажу туда, гдѣ, какъ они слышали, онъ цѣнится всего дороже. Вотъ такимъ-то любителемъ земледѣлія былъ и твой отецъ, говоритъ Сократъ. Исхомахъ чувствуетъ пронію этого объясненія, но не сдается, и Сократъ въ концѣ-концовъ успокаиваетъ его: „Ты шутишь надо мной, Сократъ, говоритъ Исхомахъ. А я считаю также любителями домовъ тѣхъ, которые, построивши дома, продаютъ ихъ и потомъ опять строятъ“. Конечно, говоритъ ему Сократъ, и я согласенъ съ тобой, что по природѣ всѣ любятъ то, отъ чего они ожидаютъ получить пользу ¹⁾. Описывая Ликурговы установленія въ „Лакедемонскомъ государствѣ“, которыя Ксенофонтъ вообще ставитъ въ образецъ аѳинянамъ, онъ отзывается о мѣрахъ противъ обогащенія гражданъ безъ особеннаго энтузіазма, хотя, соотвѣтственно общему тону этого сочиненія, ему нельзя не похвалить ихъ ²⁾.

Выше было уже указано, что нормальнымъ ходомъ хозяйственнаго предпріятія Ксенофонтъ считалъ, если оно приноситъ выручку, покрывающую расходы и дающую прибыль. Иначе не стоитъ продолжать такое занятіе. И только обычное для представителя верхняго слоя тогдашняго общества пренебреженіе къ простому хозяйственному труду мѣшало ему уяснить себѣ роль издержекъ производства и труда въ установленіи рыночныхъ цѣнъ. Отсюда его основная теоретическая схема блѣдна и мало содержательна. Не признавая большого значенія въ вопросахъ цѣнности, цѣны и рыночнаго обмѣна за обыкновенными условіями снабженія рынка, онъ недостаточно глубоко анализировалъ и идею полезности, которая ему, какъ и другимъ греческимъ мыслителямъ, представлялась болѣе важною. Онъ здраво судилъ о многихъ экономическихъ явленіяхъ, исходя изъ своего житейскаго опыта, и въ этомъ отношеніи его мысли близки къ современнымъ понятіямъ, чѣмъ, повидимому, и объясняются симпатіи къ нему нѣкоторыхъ новѣйшихъ экономистовъ, предпочитающихъ его идеи идеямъ Платона и даже Аристотеля. Но эта болѣе трезвость мысли и болѣе

¹⁾ *Οἰκονομικός*, XX, 22—29.

²⁾ *Λακεδαιμονίων πολιτεία*, VII.

шее вниманіе къ фактамъ живой хозяйственной дѣйствительности не искупаютъ у Ксенофонта недостатка способности къ отвлеченному мышленію. Въ его разсужденіяхъ нѣтъ той творческой силы и той логической послѣдовательности и цѣльности, какія мы встрѣчаемъ въ ученіяхъ Платона и Аристотеля, и потому, какъ бы мы высоко ни цѣнили нѣкоторыя его замѣчанія по экономическимъ вопросамъ, его труды не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ твореніями названныхъ мыслителей, которые создали изъ разсужденій о хозяйственныхъ явленіяхъ если не готовую науку политической экономіи, то по крайней мѣрѣ то, что можно съ полнымъ правомъ назвать цѣлостнымъ, глубоко продуманнымъ и послѣдовательнымъ экономическимъ міровоззрѣніемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хозяйство как элемент государственной и индивидуальной жизни въ философской системѣ Платона. I. Раздѣленіе труда—принципъ общественной организаціи.

Ученіе Платона объ идеяхъ.—Идеи, какъ реальныя сущности.—Припоминаніе.—Эросъ, какъ связь между земнымъ и занебеснымъ міромъ.—Красота жизненнаго творчества.—Единство идеи.—Идея добра.—Дуализмъ Платонова міровоззрѣнія.—Добро, какъ абсолютное начало.—Ученіе о добрѣ, развиваемое въ діалогѣ „Филебъ“.—Соединеніе въ идеѣ добра красоты, мѣры и истины.—Гармонія—высшій принципъ жизни.—Справедливость, какъ основная добродѣтель государства.—„Дѣланіе своего“.—Различіе душевныхъ (нравственныхъ) качествъ, какъ основа дѣленія общественныхъ классовъ.—Несогласованность ученія о государствѣ съ ученіемъ о добрѣ, какъ абсолютномъ началѣ.—Идеально-логическіе типы общественнаго устройства.—Положительныя: въкъ Хроноса.—Жизнь послѣ потопа.—Отрицательныя: тимократія, олигархія, демократія и тираннія.—Государство „Политія“, какъ положительный типъ общежитія при наиболѣе сложныхъ условіяхъ человѣческаго существованія.—Раздѣленіе труда—принципъ организаціи идеальнаго государства.—Платонъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ дѣленіе на классы правителей, стражей и занятыхъ хозяйственною дѣятельностью, но въ качествѣ поясненія даетъ попутно подробную характеристику раздѣленія хозяйственнаго труда въ обществѣ.—Объясненіе происхожденія раздѣленія труда.—Добродѣтели отдѣльных общественныхъ классовъ.—Верховная добродѣтель государства—справедливость.—Ея принципъ—„дѣланіе своего“.—Аналогія между добродѣтелями въ государствѣ и свойствами души отдѣльной личности.—Противорѣчіе въ ученіи Платона между характеристикой цѣльной личности и гражданъ идеальнаго государства, надбляемыхъ преобладаніемъ какого-либо одного начала души.

Въ противоположность Ксенофону, разсужденія котораго о хозяйственныхъ явленіяхъ вытекали болѣе всего изъ практическихъ соображеній „хозяина“ относительно лучшаго устройства и управленія его ойкиоса, у Платона экономическіе вопросы поставлены въ непосредственную связь съ общимъ философскимъ мышленіемъ, образуя необходимую, органическую часть всего его міровоззрѣнія. Хозяйство интересуетъ Платона не само по себѣ, а какъ необходимый элементъ общей человѣческой жизни и единственно мыслимой для него формы ея—государственнаго союза. Поэтому наибольшій матеріалъ для экономиста изъ всѣхъ діалоговъ Платона даютъ „Государство“ и „Законы“. Но государственное строительство представлялось Платону и высшимъ

нравственнымъ дѣланіемъ людей, средствомъ ихъ личнаго совершенствованія и спасенія. Государство, по убѣжденію Платона, можетъ быть устроено правильно только на основѣ справедливости, и раскрытіе сущности этой добродѣтели должно служить вмѣстѣ съ тѣмъ и разъясненіемъ формъ совмѣстной человѣческой жизни, какъ правильныхъ, т.-е. согласныхъ съ нею, такъ и неправильныхъ, т.-е. уклоняющихся отъ нея или ей противорѣчащихъ. Стремленіе осуществить въ дѣйствительной жизни справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ есть одно изъ проявленій общаго начала, по которому все, существующее въ нашемъ несовершенномъ мірѣ, желаетъ приблизиться къ чистымъ первообразамъ, начертаннымъ отъ вѣка въ горнѣхъ мірѣ чистыхъ идей. Отсюда и для пониманія экономическихъ воззрѣній Платона необходимо установить ихъ связь съ его ученіемъ объ идеяхъ, составляющимъ центральный пунктъ всей его философской системы.

Платонъ углубилъ заимствованную имъ у Сократа теорію познанія, выдвинувъ значеніе *интуиціи* въ образованіи понятій. Онъ проводитъ рѣзкое разграниченіе между мышленіемъ и воспріятіемъ, доказывая, что воспріятія сами по себѣ не въ состояніи дать намъ истинное понятіе о сущности наблюдаемыхъ вещей. „Тѣло обманываетъ душу“, и всего лучше она мыслить „тогда, когда ничто не беспокоитъ ея,—ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, когда, оставивъ тѣло и, сколько возможно, удалившись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ совершенно одна, сама по себѣ, и стремится къ сущему“¹⁾. Воспріятіе, правда, помогаетъ образованію понятій, но только тѣмъ, что оно служитъ поводомъ къ „воспоминанію“ (*ἀνάμνησις*) душой тѣхъ чистыхъ образовъ, которые она созерцала въ своемъ до-земномъ существованіи. Только такое воспоминаніе способно возстановить въ нашемъ умѣ истинную сущность наблюдаемой вещи, ея вѣчную и неизмѣняемую „идею“. Иначе говоря, воспріятіе даетъ только относительное знаніе, припоминаніе же идей—абсолютное. Объекты воспріятій—явленія видимаго, окружающаго насъ міра, объекты понятій—невидимый и нематеріальный міръ идей, обладающій, однако, вполне реальнымъ существованіемъ, образующій истинную дѣйствительность, пребывающую вѣчно, какъ сущность (*οὐσία*) или истинное бытіе (*ὄντως ὄν*)²⁾.

Чтобы созерцать этотъ міръ чистыхъ идей, душа „раститъ себѣ крылья“, питая ихъ божественными элементами—прекраснымъ, мудрымъ, добрымъ и т. п., и возрадивъ ихъ, поднимается къ нему въ нѣкоторомъ изступленіи.

Въ такомъ изступленіи „находится тотъ, кто, видя здѣшнюю кра-

¹⁾ Федонъ, пер. Карпова, соч. часть II, Спб. 1863, 65 ВС.

²⁾ Ср. *Виндельбандъ*. Платонъ, пер. Громбаха, 2-е изд. Спб. 1904, стр. 67—96 и его же: *Исторія древней философіи*, пер. Рубинштейна, М. 1911, стр. 196—207.

соту и вспоминая о красотѣ истинной, окрыляется и окрылившись, пламенно желаетъ летѣть выспрь. Еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о дольномъ не заботится“...—Ибо было время, когда мы „посвящены были въ тайну, блаженнѣе которой и назвать невозможно,—когда мы праздновали ее, какъ непорочныя и чуждые зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенные къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ, и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты и не погребены въ этой оболочкѣ, которая теперь называется тѣломъ и которою мы связаны, какъ улитки“... ¹⁾).

Неродившіяся души людей созерцаютъ занебесное, поднимаясь вмѣстѣ съ богами за предѣлы видимаго неба. „Мѣста занебснаго, вѣроятно, не воспѣвалъ никто изъ здѣшнихъ поэтовъ и никогда не воспоетъ, какъ надобно. Оно таково—осмѣлимся уже высказать истину, особенно когда говоримъ объ истинѣ—оно есть существо безцвѣтное, необразное, неосязаемое, дѣйствительно сущее и созерцаемое однимъ правителемъ души—умомъ... Итакъ.. мысль всякой души, любящей принимать должное, радуется, что по временамъ видитъ сущее, и усматривая истину, насыщается и наслаждается ею, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то же положеніе. Во время этого кругооборота она созерцаетъ справедливость, созерцаетъ разсудительность, созерцаетъ знаніе, и не такое, какое рождается или заключается одно въ другомъ, какъ это бываетъ теперь у насъ, но знаніе, находящееся въ истинно-сущемъ“ ²⁾).

Дѣйствителенъ только міръ идей и истинно только припоминаніе о немъ. Но въ явленіяхъ видимаго міра заключается нѣкоторое подобіе идей, почему мы и можемъ припоминать ихъ, исходя изъ чувственныхъ воспріятій. Идеи являются *прототипами* (параδείгмата) несовершенно отражающаго ихъ видимаго міра. Связь между всѣмъ существующимъ на землѣ и невидимымъ міромъ идей устанавливается божественнымъ эросомъ, стремленіемъ смертной природы обезсмертить себя, увѣковѣчить въ новомъ—физическомъ или духовномъ порожденіи. Любовь, какъ исканіе добра (нераздѣльно слитаго съ красотой), какъ желаніе найти его и обладать имъ, является движущимъ началомъ всего живого, превращающимъ неподвижныя и неизмѣнныя идеи въ причины всего, возникающаго на землѣ. Эросъ побуждаетъ людей, одаренныхъ духовнымъ творческимъ геніемъ, творить произведенія искусства, изобрѣтать техническія усовершенствованія и, наконецъ, дѣлать величайшее дѣло разума—общественное устройство—въ государствахъ и домашнихъ союзахъ (πολυ δε μεγίστη...

¹⁾ Федръ, пер. Карпова, соч., ч. IV, 249 D—250 C.

²⁾ Федръ, 247 D.

καὶ καλλίστη τῆς φρονήσεως ἢ περὶ τὰς τῶν πόλεων τε καὶ οἰκίσεων διακοσμησεις) ¹⁾. Въ „Пирѣ“ Платонъ съ особенной энергіей подчеркиваетъ красоту жизненнаго творчества, поскольку оно направляется великимъ вдохновителемъ—эросомъ. Подобіе вѣчной красоты въ нашемъ несовершенномъ мірѣ влечетъ человѣка къ красотѣ не-земной, занебесной, пребывающей въ невидимомъ мірѣ идей. Переходя отъ постиженія прекраснаго въ послѣдовательномъ рядѣ явленій къ созерцанію красоты въ самой себѣ, человѣкъ, изощрившій свой умъ такимъ отыскиваніемъ, наконецъ узрѣлъ бы „дивную природу прекраснаго“ (θαυμαστόν τῆν φύσιν καλόν). Оно прежде всего вѣчно сущее, не рождающееся и не погибающее, не увеличивающееся и не оскудѣвающее. Затѣмъ (про него нельзя сказать), что оно этимъ прекрасно, а этимъ дурно, или иногда прекрасно, а иногда дурно, или тамъ прекрасно, а тамъ дурно, или для кого-нибудь прекрасно, а для кого-нибудь дурно. (Человѣку, постигшему его сущность) оно не будетъ представляться какъ прекрасное лицо, или руки, или какая-либо другая часть тѣла, или какъ прекрасная мысль или прекрасное знаніе, не какъ сущее въ чемъ-либо иномъ, напр., въ животномъ, въ землѣ или небѣ или еще въ чемъ-либо, но какъ сущее въ самомъ себѣ, всегда съ собою одновидное (αὐτὸ καθ' αὐτὸ μὲν αὐτοῦ μονοειδὲς αἰεὶ ὄν) ²⁾.

Такимъ образомъ въ эросѣ Платонъ нашелъ необходимую связь между горнимъ міромъ идей и нашимъ несовершеннымъ міромъ, нашелъ смыслъ какъ міровой, такъ и человѣческой жизни, открылъ возможность разумнаго существованія и разумной дѣятельности. Силой эротическаго устремленія вѣчная, неподвижная, невидимая идея становится желаннымъ образцомъ для всего живущаго, цѣлью, къ которой стремится все существующее въ видимомъ мірѣ, ради которой „стоитъ жить“ и отдѣльной человѣческой личности. Главная особенность идеи, какъ цѣли земныхъ стремленій,—ея *единство*. Единство идеи для Платона—не одно логическое понятіе, а реальная сущность. Какъ единство во множествѣ, идея едина не только въ смыслѣ универсальности, но и *совершенства*. „Идея едина по отношенію къ всякому множеству, потому что она едина въ себѣ, а она едина въ себѣ потому, что она совершенна. Единство совершенства—вотъ главный характеръ идей... Идея едина *числомъ* только потому, что она едина *по формѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, какое-либо качество едино только подъ условіемъ исключенія бѣльшаго и меньшаго, т.-е. степеней, предѣловъ, отрицаній, несовершенства. Существенная идея какой-либо вещи или ея Идея, представляется слѣдовательно благомъ этой вещи, ея

¹⁾ Convivium, ed. Becker, vol. II, 209.

²⁾ Convivium, 211.

абсолютнымъ совершенствомъ. Сколько идей, столько и формъ блага по отношенію къ тому или иному отдѣльному качеству“... ¹⁾).

Самъ невидимый міръ, являющійся цѣлью видимаго, есть, по мысли Платона, не простая совокупность отдѣльныхъ идей или сущностей, а нѣчто единое, цѣльное, объединяемое одной высшей идеей *добра*. Идея добра есть верховное начало жизни, причина мірового процесса, причина знанія и истины. Она есть нѣчто большее, чѣмъ всякая другая идея, она даетъ всѣмъ остальнымъ идеямъ жизнь и смыслъ, какъ въ видимомъ мірѣ солнце является источникомъ жизни и видѣнія. „Что значитъ самое благо въ мѣстѣ мыслимомъ по отношенію къ уму и къ умозерцаемому: то же значитъ и солнце въ мѣстѣ видимомъ по отношенію къ зрѣнію и къ зримому... Глаза, ...когда направляютъ ихъ не къ тому, чего цвѣтность озаряется дневнымъ свѣтомъ, а къ тому, что освѣщается ночнымъ сіяніемъ, ...тупѣютъ и почти слѣпнутъ, какъ будто бы въ нихъ не было чистаго зрѣнія... А когда, напротивъ они, думаю, ясно видятъ то, что озаряется солнцемъ, тогда открывается, что въ тѣхъ же самыхъ глазахъ есть зрѣніе.... Такъ вотъ такъ помышляй здѣсь и о душѣ: когда направляется она къ тому, что озаряется истиною и сущимъ, тогда уразумѣваетъ это и познаетъ, и явно имѣетъ умъ; а если она вращается въ томъ, что покрыто мракомъ, что рождается и погибаетъ, что водится мнѣніемъ и тупѣетъ, переворачивая свои мнѣнія такъ и сякъ, и походить на то, что не имѣетъ ума... Такъ это, доставляющее истинность познаваемому и дающее силу познающему, называй идеею блага, причиною знанія и истины, поколику она познается умомъ. Вѣдь сколь ни прекрасны оба эти предмета—знаніе и истина, ты, предполагая другое еще прекраснѣе ихъ, будешь предполагать справедливо. Какъ тамъ—свѣтъ и зрѣніе почитать солнцеобразными—справедливо, а солнцемъ—несправедливо: такъ и здѣсь оба эти предмета—знаніе и истину, признавать благовидными—справедливо, а благомъ которое-нибудь изъ нихъ—несправедливо; но природу блага надобно ставить еще выше.. Солнце, скажешь ты, доставляетъ видимымъ предметамъ не только, думаю, способность быть видимыми, но и рожденіе, и возрастаніе, и пищу, а само оно не рождается... Такъ и благо, надобно сказать, доставляетъ познаваемымъ предметамъ не только способность быть познаваемыми, но и существовать и получать отъ него сущность, тогда какъ благо не есть сущность, но по достоинству и силѣ стоитъ выше предѣловъ сущности“... ²⁾).

Признавъ господствующимъ началомъ міра идею добра, какъ

¹⁾ A. Fouillée, La philosophie de Platon, t. 1-er, 2-me éd., Paris, 1888, стр. 78—79.

²⁾ Государство, пер. Карпова, 508 В—Е, 509—В.

міровою разумь и цѣль мірового процесса, Платонъ принимаетъ соприсутствующее съ нимъ злое начало. „Въ то время какъ „причиной“ является разумъ, сопричиной оказывается естественная необходимость (ἀνάγκη). Таковъ послѣдній фазисъ, котораго достигаетъ дуализмъ у Платона; онъ имѣетъ здѣсь тогъ смыслъ, что для цѣлесообразнаго и противнаго цѣли, для добра и зла, въ мірѣ надо предположить двѣ различныхъ причины. Какъ бы ни была идея скопирована въ явленіяхъ, въ нихъ все-таки есть нѣчто другое, чуждое, что должно имѣть и другой источникъ. Всюду въ мірѣ возникновенія рядомъ съ идеальной конечной причиной дѣйствуетъ „побочная причина“, препятствующее и противодѣйствующее начало... Только источникомъ добра, говоритъ Платонъ, можетъ быть Богъ; для зла слѣдуетъ искать другой причины“... 1).

Идея добра съ наибольшей законченностью и полнотой характеризуется Платономъ въ діалогъ „Филебъ“, одномъ изъ послѣднихъ его твореній, какъ бы подводящемъ итоги его долготѣннымъ исканіямъ. Относясь и здѣсь сурово-аскетически къ обманчивымъ земнымъ благамъ, Платонъ пытается тѣмъ не менѣе примирить въ ученіи о добрѣ духовный и чувственный элементы. Онъ до конца жизни оставался дуалистомъ и пессимистомъ въ вопросѣ о возникновеніи всего существующаго, о соприсущемъ добру зломъ началѣ, но при размышленіи о сущности высшаго блага и о совершенной государственной организаціи, тѣсно съ нимъ связанной, имъ часто овладѣвало болѣе спокойное и свѣтлое настроеніе и онъ старался найти рѣшеніе, отвѣчающее національно-эллиническому духу. Такое настроеніе особенно отчетливо выражено въ „Филебѣ“, и развиваемое въ этомъ діалогѣ ученіе о добрѣ даетъ ключъ къ пониманію идеала общественнаго устройства, намѣчаемаго въ „Политіи“.

Уже въ „Менонѣ“ и „Горгіи“ Платонъ устанавливаетъ понятіе добра въ согласіи съ общимъ ученіемъ объ идеяхъ. Правда, и здѣсь (что вообще весьма характерно для эллинскаго міровоззрѣнія) онъ отмѣчаетъ *полезный* характеръ добродѣтели 2), заключающейся въ здоровьѣ, силѣ, красотѣ и даже богатствѣ, но онъ признаетъ добро нѣкоторымъ абсолютнымъ началомъ, постигаемымъ не обыкновеннымъ житейскимъ умомъ, а высшимъ разумомъ, откровеніемъ. Такъ понимаютъ добро только люди, озаренные божественнымъ свѣтомъ. Государственныхъ дѣятелей слѣдуетъ называть божественными (θεῖους τε) не менѣе, чѣмъ прорицателей, мантиковъ и поэтовъ, потому что и они люди восторженные, вдохновляемые и направляемые свыше божественно-

1) Видельбандъ, Платонъ, стр. 113—114.

2) Καὶ μὴ ἀρετῇ γ' ἔσμεν ἀγαθοί... εἰ δὲ ἀγαθοί, ὠφέλιμοι. Πάντα γὰρ τὰγαθὰ ὠφέλιμα. Менo, изд. Becker'a, ч. II, vol. I, 87.

ствомъ. Добродѣтель происходитъ не отъ природы и не отъ наученія, а даруется божественнымъ жребіемъ (θεία μοίρα), независимо отъ ума, тѣмъ, на кого она нисходитъ ¹⁾. Какъ абсолютное начало, добро не можетъ быть чувственнымъ удовольствіемъ. Съ особенной рѣзкостью Платонъ проводитъ эту мысль въ „Горгіи“, въ связи съ выясненіемъ сущности ораторскаго искусства. Когда ораторъ говоритъ, желая сдѣлать лучшими души гражданъ, онъ творитъ прекрасное дѣло, пріятно или непріятно намъ его слушать. Но вѣдь совсѣмъ не похожа на это рѣчь ритора, имѣющая цѣлью лести и позорное угожденіе толпѣ ²⁾. Человѣку, говорящему о государственныхъ дѣлахъ безъ лести, съ единственной цѣлью сдѣлать своихъ согражданъ наилучшими, можетъ грозить опасность, что его обвинять и осудятъ, какъ дѣти осудили бы врача, дѣлающаго имъ непріятное ради ихъ здоровья, по наущенію повара, угождающаго и вредящаго имъ. Но онъ долженъ поступать такъ, не боясь смерти, „ибо никто не боится смерти, если только онъ не вовсе безсмысленъ и лишенъ мужественности, а боится сдѣлать несправедливость“ ³⁾. И Сократъ рассказываетъ миѳъ о судѣ надъ умершими, при которомъ загробные судьи разсматриваютъ души такъ же, какъ оставшіеся послѣ покойника на землѣ видятъ его тѣло. Тамъ судъ безпристрастенъ, ибо душа является на него обнаженной, безъ всякихъ внѣшнихъ признаковъ почета или власти, которыми она была надѣлена на землѣ. И если судья не увидитъ въ душѣ ничего здороваго, а найдетъ ее изувѣченной и наполненной клятвopреступленіями и несправедливостью, искривленной ложью и тщеславіемъ, усмотритъ, что въ ней совсѣмъ нѣтъ прямоты, такъ какъ она была воспитана не въ истинѣ, что отъ своеволія и изнѣженности, необузданности и невоздержности она исполнена дисгармоніи и постыднаго въ дѣйствіяхъ, онъ съ безчестіемъ прямо отсылаетъ ее подъ стражу, гдѣ она должна будетъ испытывать заслуженныя ею муки ⁴⁾. Но Платонъ не исключаетъ изъ понятія добра всѣ удовольствія. Рядомъ съ дурными, нечистыми удовольствіями, есть удовольствія чистыя, не противорѣчающія идеѣ добра. Въ „Филебѣ“ онъ и пытается изобразить совершенную человѣческую жизнь, согласную съ идеѣй добра, въ видѣ нѣкотораго сочетанія „жизни въ удовольствіи“ и „жизни въ разумѣ“ ⁵⁾. Надъ

¹⁾ Meno, 99.

²⁾ Gorgias, изд. Becker'a, ч. II, vol. I, 503.

³⁾ Gorgias, 522.

⁴⁾ Gorgias, 524—525.

⁵⁾ Интересно исходное опредѣленіе блага, отъ котораго Платонъ ведетъ дальнѣйшее выясненіе его понятія: „достаточное благо“ (ἰκανόν τὰγαθόν) есть то, за чѣмъ все знающее его гонится, какъ охотникъ за звѣремъ, стремится къ нему, желая захватить его и обладать имъ (ὡς πᾶν τὸ γινώσκον αὐτὸ θηρεύει καὶ ἐφίεται βουλόμενον ἔλατν καὶ περὶ αὐτὸ κτήσασθαι). Philebus, изд. Becker'a, ч. II, vol. 3, 20.

такой „смѣшанной жизнью“, составленной изъ удовольствія и разума (τὸν διττὸν βίον ἡδονῆς τε καὶ φρονήσεως), господствуетъ верховный разумъ, „царь неба и земли“, мировая душа, какъ верховное руководящее начало, сообщающее всюду порядокъ и гармонию сложнымъ сочетаніямъ элементовъ ¹⁾).

Природа удовольствія раскрывается лучше всего по сравненію съ страданіемъ. Страданіе есть результатъ нарушенія естественной гармоніи въ живомъ существѣ; когда же гармонія возстанавливается, возникаетъ удовольствіе. Напр. голодь есть нарушение равновѣсія организма и потому страданіе, ѣда же—возстановленіе равновѣсія и удовольствіе, также жажда и питье, холодъ и согрѣваніе и т. д. ²⁾). Удовольствія могутъ быть истинными и ложными. Ложныя удовольствія проистекаютъ изъ невоздержности, и хотя они очень интенсивны но они соединяются съ столь же интенсивными страданіями и выражаютъ болѣзненное состояніе души и тѣла. Но съ другой стороны есть удовольствія, къ которымъ не примѣшивается никакое ощущеніе страданія, и они-то и суть чистыя и истинныя удовольствія, доступныя человѣку ³⁾). Таковы удовольствія, испытываемыя отъ красивыхъ красокъ, фигуръ, запаховъ и звуковъ, а также и отъ знанія. Чистыя наслажденія допускаютъ мѣру и въ этомъ отношеніи противопоставляются неправильнымъ, дурнымъ, нечистымъ интенсивнымъ удовольствіямъ, по природѣ безпредѣльнымъ. Подобно тому какъ чистая бѣлизна въ самомъ маломъ объемѣ истиннѣе и красивѣе смѣшанной, запятнанной бѣлизны, такъ и чистое удовольствіе всегда, какъ бы мало оно ни было, будетъ болѣе пріятнымъ, болѣе истиннымъ и болѣе прекраснымъ, чѣмъ болѣе сильное нечистое удовольствіе ⁴⁾).

Какъ же смѣшать „чистую воду“ источника разума съ „медомъ“ источника удовольствія? Какія знанія взять изъ источника разума? Только ли самыя чистыя, или и такія, которыя имѣютъ дѣло не съ созерцаніемъ божественной истины, а съ подверженными порчѣ земными вещами, облегчая вышнее упорядоченіе жизни (напр. строительное искусство и т. п.)? Сократъ полагаетъ, что надо взять все, что подобно привратнику, передъ которымъ тѣснится толпа, надо широко распахнуть ворота и пропустить все науки протекать по поэтической долинѣ Гомера. Какъ же быть съ удовольствіями? Пропустить ли изъ нихъ только наиболѣе чистыя? Или не поступить ли такъ, какъ съ

¹⁾ Philebus, 30.

²⁾ Philebus, 31—32.

³⁾ Платонъ полемизируетъ здѣсь съ представителями кинической школы, отвергая ихъ мнѣніе, что все удовольствія заключаются лишь въ прекращеніи страданія. Въ чистыхъ удовольствіяхъ Платонъ видитъ положительное удовлетвореніе, безотносительно къ какому-либо предшествовавшему страданію.

⁴⁾ Philebus, 53.

науками, пропуская и всё удовольствія? Здѣсь Сократъ апеллируетъ къ разуму и сознанию, спрашивая ихъ, въ какихъ именно удовольствіяхъ они нуждаются. И получаетъ отвѣтъ, что они приняли бы къ себѣ охотно истинныя и чистыя удовольствія и кромѣ того нѣкоторыя необходимыя удовольствія, сопровождающія здоровье и воздержанность ¹⁾, и образующія какъ бы свиту добродѣтели, но никоимъ образомъ не тѣ сильныя нечистыя удовольствія, съ которыми сопряжено для людей много затрудненій и которыя составляютъ кортежъ безумія и всякихъ пороковъ.

Элементы смѣшенія, необходимаго для совершенной и счастливой жизни, даны. Но всякое сочетаніе разнородныхъ элементовъ необходимо разложится, если въ немъ не будетъ мѣры и симметріи. Поэтому въ понятіе блага надо ввести идею красоты, ибо повсюду мѣра и пропорціональность образуютъ красоту и добродѣтель. Но изъ всего предыдущаго вытекаетъ, что въ смѣшеніе должна входить и истина. Итакъ, если невозможно охватить понятіе блага одной идеей, то надо взять всё три идеи—*красоты, пропорціональности (мѣры) и истинны*, которыя составляютъ истинную причину правильности смѣшенія, и такъ какъ они суть благо, то и все смѣшеніе оказывается благимъ ²⁾.

Какъ видимъ, нравственный идеаль Платона, развиваемый въ разсматриваемомъ діалогѣ, далекъ отъ позднѣйшаго христіанскаго аскетизма. Какъ истинный эллинь, Платонъ ищетъ прежде всего полноты и гармоніи жизни, хочетъ сдѣлать ее стройной и красивой. Низменныя удовольствія, составляющія обычную приманку среднихъ людей, отвергаются имъ не столько потому, что они нарушили бы святость жизни, сколько изъ-за ихъ противорѣчія разуму и мѣрѣ. Совершенная жизнь уравнивается разумомъ, который отбираетъ полезныя для нея элементы и приводитъ ихъ въ гармонію другъ съ другомъ. Гармонія есть высшій принципъ, по которому должна строиться человѣческая жизнь какъ отдѣльнаго индивидуума, такъ и государства. Отсюда—основная добродѣтель государства—справедливость. Характеристикѣ этой добродѣтели Платонъ и посвящаетъ свой діалогъ о „Государствѣ“. Соотвѣтственно общему духу его міровоззрѣнія, разсужденіе о человѣческомъ обществѣ выливается у него въ форму

¹⁾ Philebus, 63.

²⁾ Платонъ устанавливаетъ въ этомъ діалогѣ и послѣдовательный порядокъ благъ, необходимыхъ для совершенной жизни, соотвѣтственно ихъ близости къ разуму и знанію. На первомъ мѣстѣ оказываются мѣра, умѣренность, попаданіе въ точку (*περί μέτρον καὶ τὸ μέτρον καὶ χλιείον*), на второмъ пропорціональность, красота, совершенство, цѣлесообразность, годность (*περί τὸ σὺμμετρον καὶ χλιείον καὶ τὸ τέλειον καὶ χλιείον*), на третьемъ—мудрость и знаніе (*σοφία καὶ φρόνησις*), на четвертомъ—то, что принадлежитъ самой душѣ—науки, искусства, правильныя знанія, на пятомъ—удовольствія, свободныя отъ страданій. Philebus, 66.

этического трактата, въ которомъ изслѣдованіе социальныхъ отношеній подчинено главной темѣ—выясненію сущности справедливости какъ въ цѣломъ обществѣ, такъ и въ отдѣльной личности. Господствующей же идеей, въ свѣтѣ которой ведется все изслѣдованіе, является и здѣсь идея добра. Въ государствѣ Платонъ видитъ цѣлостный, самодовлѣющій организмъ, подобный человѣческому, и потому идея справедливости проявляется въ немъ такъ же, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, только въ болѣе обширномъ масштабѣ, начертывается „большими буквами“, а потому и болѣе различима и болѣе доступна выясненію. Частную идею справедливости необходимо привести въ связь съ верховной идеей добра. Ибо эта идея—причина всего правильнаго и прекраснаго (πᾶσι πάντων αὐτῆ ὀρθῶν τε καὶ καλῶν αἰτία), и къ ней долженъ устремлять взоръ желающій разумно дѣйствовать въ частной и общественной жизни (ὅτι δὲ ταύτην, ἰδεῖν τὸν μέλλοντα ἐμφρόνως πράξειν ἢ ζῆναι ἢ δημοσίᾳ ¹⁾).

Въ разработкѣ идеи справедливости Платонъ пытается держаться установленныхъ ученіемъ о добрѣ принциповъ красоты, пропорциональности и гармоніи, но здѣсь полетъ его мысли, достигшій высочайшихъ вершинъ въ общемъ ученіи объ идеяхъ, какъ будто ослабѣваетъ и основнымъ тономъ его социальныхъ теорій и идеаловъ становится старое эллинское представленіе о добродѣтели, заимствованное имъ, повидимому, непосредственно у Сократа.

Подъ „добродѣтелью“ (ἀρετή) греки понимали въ обычномъ, не тронутомъ критической мыслью, широко распространенномъ мнѣніи не столько нравственное качество, сколько техническое умѣнье, ловкость, искусство въ избранномъ дѣлѣ. Когда Сократъ съ своимъ углубленіемъ въ внутренній міръ человѣка поставилъ вопросъ о гражданской добродѣтели, онъ не могъ отрѣшиться отъ обычнаго взгляда и не провелъ рѣзкой границы между техническимъ и нравственнымъ совершенствомъ ²⁾. Всякая добродѣтель представлялась ему нѣкоторымъ знаніемъ, которому достаточно научиться, чтобы соотвѣтственно жить и дѣйствовать. Его возмущало въ порядкахъ современной ему аѳинской демократіи болѣе всего то, что за государственныя дѣла берутся люди, недостаточно знающіе о нихъ, лишеныя подготовки, требуемой въ самыхъ простыхъ ремеслахъ. Эта мысль глубоко залегла въ душу Платона. Его этика гораздо возвышеннѣе Сократовой, онъ понимаетъ добро какъ абсолютное начало, цѣнное въ самомъ себѣ, и въ то же время при обсужденіи вопроса о моральной годно-

¹⁾ De Republica, изд. Becker'a, p. III, vol. I, VII, 517.

²⁾ Ср. Max Wundt. Geschichte der griechischen Ethik. I Band, Leipzig 1908, стр. 372 и сл.

сти людей для государственнаго служенія, онъ не находитъ лучшаго принципа, кромѣ заимствованнаго изъ промышленной техники „дѣланія своего“. Еще въ „Хармидѣ“, одномъ изъ наиболѣе раннихъ, такъ назыв. „сократическихъ“ діалоговъ, Платонъ выдвигалъ „дѣланіе своего“ (τὸ τὰ ἑαυτοῦ πράττειν), какъ одинъ изъ признаковъ „благоразумія“ ¹⁾. Въ „Государствѣ“ же эта мысль ставится во главу угла всякаго разумнаго устроенія, въ частности и человѣческаго общежитія, согласнаго съ его вѣчной идеей. Въ государствѣ Платонъ уematриваетъ три существенныхъ функціи: управление (въ которое входитъ, какъ важнѣйшая часть обученіе и воспитаніе), оборону и доставленіе средствъ существованія. Каждая изъ этихъ функцій требуетъ, по его убѣжденію, не только профессионально подготовленныхъ лицъ, но и людей особаго моральнаго типа, соотвѣтственно тройному дѣленію человѣческой души (съ точки зрѣнія не психологической, а моральной) на начало разумное (λογιστικόν), пылкое, гнѣвливое, или, по терминологіи Вл. Соловьева, аффективное (θυμός) и чувственное (ἐπιθυμητικόν). Правда, нормально устроенная душа отдѣльнаго человѣка должна также быть гармоническимъ цѣлымъ, гдѣ низшія начала—чувственное и аффективное—объединяются съ высшимъ—разумнымъ—подъ его верховнымъ руководствомъ, но матеріаломъ для своего государства Платонъ беретъ не совершенныхъ людей, въ душахъ которыхъ царилъ бы такая гармонія, а односторонніе (и слѣдовательно дисгармоническіе въ себѣ) нравственные типы, объединеніе которыхъ должно составить гармоническое и совершенное цѣлое. Каждый классъ, завѣдующій опредѣленной общественной функціей, сознательно подбирается изъ людей спеціальнаго нравственнаго склада, съ преобладаніемъ одного соотвѣтствующаго качества души. Такъ, исходя изъ возвышенной мысли объ устроеніи человѣческаго общества въ красотѣ и гармоніи, Платонъ въ дѣйствительности морально принижаетъ его составъ. Отсюда—основная неудача всей его попытки общественнаго строительства. Мечтая воздвигнуть величественное зданіе новаго общества, согласное съ высшей идеей добра и правды, Платонъ беретъ для него завѣдомо несовершенный матеріалъ. Въ его проектѣ возвышенна только *цѣль*, способы же ея осуществленія производятъ во многихъ отношеніяхъ прямо отталкивающее впечатлѣніе. Здѣсь сказалось, съ одной стороны, вліяніе окружавшей Платона общественной среды, съ ея дѣленіемъ на „гражданъ“ и „не-гражданъ“, усиленное воспринятыми имъ изъ своей семейной обстановки и условій воспитанія аристократическими тенденціями, съ другой, быть можетъ, и нѣкоторое доктринерство, стремленіе провести единство объясненія между обществомъ и индивидуумомъ. Какъ бы то ни было, на всемъ протя-

¹⁾ Charmides, изд. Becker'a, ч. I, vol. 1, 162—163.

женіи разсматриваемаго діалога насъ постоянно поражаетъ контрастъ между возвышеннымъ устремленіемъ Платона къ идеальной цѣли человѣческаго общежитія и прозаическими, часто низменными практическими формами, въ которыхъ ему рисуется соотвѣтствующая этой цѣли жизнь государства.

Правда, не слѣдуетъ считать *детали* государственнаго устройства, изображеннаго Платономъ въ его „Политіи“, какъ единственно правильный и возможный образецъ идеальной государственной организаци. Задача, которую ставитъ себѣ Платонъ въ этомъ діалогѣ, сводится къ доказательству тезиса, что государство должно отвѣчать высшей идеѣ справедливости и что если бы власть въ немъ принадлежала людямъ, умѣющимъ созерцать эту высшую идею внутреннимъ озареніемъ, то они сумѣли бы по образцу ея устроить и государство. Власть должна принадлежать философамъ, представителямъ „разумнаго“ начала души. Только они способны къ созерцанію вѣчныхъ за-небесныхъ идей, а потому они и должны быть призваны къ строительству жизни: они природные организаторы и правители государства, они же и лучшіе воспитатели и наставники подрастающихъ поколѣній. Власть должна быть передана имъ, а они уже сумѣютъ устроить и управить государство. При ихъ мудрому руководствѣ идея была бы тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей природѣ, т. е. причиной, зиждительницей прекрасной и совершенной жизни. Значить, по взгляду Платона, дѣло не въ томъ, чтобы установить изъ разума твердыя и неизблемыя правила государственнаго устройства и управленія, а дать возможность высшей идеѣ государства проявить свою творческую силу въ созданіи новыхъ, по ея подобію, формъ жизни. Изображеніе такого живого творчества общественности и даетъ намъ Платонъ въ своемъ „Государствѣ“. Вотъ почему мы находимъ тамъ такъ много конкретныхъ деталей въ описаніи жизни гражданъ, которыя были бы лишними при установленіи неизблемыхъ, для всѣхъ обязательныхъ нормъ идеальнаго общежитія. Власть въ „Государствѣ“ Платона есть живая созидающая сила, служащая какъ бы посредникомъ между единственнымъ творческимъ началомъ всякой жизни—надземнымъ міромъ идей—и нашей несовершенной земной дѣйствительностью. Справедливо говорить Шталь, что вопросъ объ осуществимости въ жизни есть „самая неподходящая мѣрка, какую можно приложить къ Государству Платона. Ибо смыслъ его не въ томъ, что эти законы должны быть осуществлены въ какомъ-либо государствѣ буквально, какъ онъ проектировалъ ихъ, а въ томъ, чтобы государство дѣйствительности носило въ себѣ тотъ же духъ, создавало бы то же настроеніе у его гражданъ и своимъ устройствомъ производило бы на наблюдателя такое же впечатлѣніе, какъ и проектированное имъ. Это осуществимо, и если не можетъ быть достигнуто

въ такой мѣрѣ, то ничто, однако, не препятствуетъ, чтобы государства должны были устраивать такъ свои учрежденія, чтобы приблизиться къ нему“¹⁾.

Совершенство государственной организаціи достигается, по учению Платона, какъ было выше указано, правильнымъ распределеніемъ функций между отдѣльными группами гражданъ, соотвѣтственно природнымъ нравственнымъ качествамъ, заложеннымъ въ ихъ душахъ. Способность къ нравственному возвышенію Платонъ считалъ удѣломъ немногихъ избранныхъ. Эллинъ, язычникъ и аристократъ, онъ не могъ подняться до идеи моральной равноцѣнности всѣхъ людей въ заложенной въ нихъ одинаково божественной искрѣ нравственного начала, открывающаго имъ, независимо отъ ихъ происхожденія, состоянія, профессіи возможность величайшаго, доступнаго человѣку нравственного возвышенія и очищенія. Образъ покаявшагося разбойника не нашелъ бы себѣ мѣста ни въ одномъ изъ самыхъ возвышенныхъ твореній Платона. Люди простого хозяйственнаго труда, совершеннѣйшіе въ этомъ отношеніи, въ нравственномъ смыслѣ для него существа низшей породы, для которыхъ должны быть закрыты другіе пути жизни, ведущіе къ высокимъ подвигамъ мужества или духовнаго творчества. По убѣжденію Платона, люди входятъ въ міръ съ твердо заложенными въ нихъ различными нравственными задатками, и правители совершеннаго государства должны распознавать эти задатки въ отдѣльныхъ личностяхъ и соотвѣтственно имъ отводить каждому подобающее ему мѣсто въ общественной организаціи. Прибѣгая къ аллегорическому сравненію, Платонъ находитъ въ душахъ самаго высокаго слоя гражданъ золото, слѣдующаго—серебро, и низшаго—жельзо и мѣдь. „Хотя вы всѣ въ государствѣ и братья,... но Богъ-Творецъ къ тѣмъ изъ васъ, которые способны быть правителями, при рожденіи примѣшалъ золота, черезъ что они и становятся самыми цѣнными²⁾, къ тѣмъ, которые способны стать стражами,—серебра, а къ земледѣльцамъ и инымъ, занятымъ промышленной дѣятельностью, жельза и мѣди“...—Всѣ эти разнородныя качества, примѣненные надлежащимъ образомъ, могутъ развернуться въ государствѣ какъ необходимые элементы общей гармоніи. Государство представляется Платону высшей формой человѣческой жизни, самодовлѣющимъ цѣлымъ; въ которомъ отдѣльная человѣческая личность исчезаетъ, какъ его орудіе и матеріалъ, самымъ несовершенствомъ своимъ служа гармоніи и величію цѣлаго. Въ этомъ взглядѣ Платонъ былъ вполнѣ „сыномъ

¹⁾ F. I. S t a h l. Geschichte der Rechtsphilosophie, 3 Aufl., Heidelberg 1856, стр. 12—13.

²⁾ τιμιότατοι εἰσιν. Здѣсь игра словами: τιμιότατοι значить и цѣнные въ хозяйственномъ смыслѣ, и заслуживающіе почитанія въ смыслѣ моральномъ. De Republica, III, 414.

своего времени“, но противорѣчилъ себѣ самому, въ своихъ наиболѣе высокихъ философскихъ достиженіяхъ, въ пониманіи добра, какъ высшей, абсолютной цѣнности. Механическое распредѣленіе людей по различнымъ общественнымъ функціямъ ради наилучшаго использованія ихъ нравственныхъ односторонностей приличествовало бы скорѣе представителю утилитарной или эвдемонистической морали. Въ области социальныхъ воззрѣній Платону по существу и не удалось пойти дальше такого пониманія нравственности, несмотря на грандіозный полетъ его мысли при размышленіи о нравственности самой по себѣ. Было бы неудивительно, если бы Платонъ развилъ такой взглядъ на государство въ „Протагорѣ“, гдѣ онъ становится въ вопросѣ о благѣ на крайне эвдемонистическую точку зрѣнія, но никоимъ образомъ не послѣ „Горгія“ и „Федра“. Упомянутый діалогъ чрезвычайно характеренъ, какъ показатель внутренней логической связи ученія о добрѣ съ ученіемъ объ основахъ правильного общежитія. Внимательное чтеніе его приводитъ къ заключенію, что Платонъ не додѣлалъ своей философской системы, и, преодолевъ эвдемонистическое пониманіе добра, не согласовалъ съ новой концепціей понятіе о государствѣ. Сократъ спрашиваетъ Протагора какъ о чемъ-то, неподлежащемъ спору, считаетъ ли онъ, что блага суть то, что полезно людямъ, и отрицательный отвѣтъ Протагора ¹⁾ принимаетъ просто какъ признакъ его раздраженія. Сократъ развиваетъ мысль, что люди стремятся къ удовольствію какъ къ добру, и избѣгаютъ страданія какъ зла, и что удовольствіе, превѣшивающее страданіе, ~~свѣдѣетъ о счастіи, подобно о страданіи, подобно о счастіи~~ зломъ. Рѣшеніе о томъ, на какой сторонѣ перевѣсъ, дается познаніемъ, и притомъ измѣрительнымъ, безошибочно опредѣляющимъ мѣру удовольствія и страданія (καὶ οὐ μόνον ἐπιστήμης, ἀλλὰ καὶ εἰς τὸ πρόσθεν ἔτι ἰσολογήσατε ὅτι μετρητικῆς) ²⁾).

И въ то время какъ Платонъ влагаетъ въ уста Сократа столь эвдемонистическое опредѣленіе добра, близкое къ гедонизму Аристиппа и его школы, отъ имени софиста Протагора развивается въ красивой, убѣдительной и искренней рѣчи идея добра, какъ нѣкотораго высшаго начала, независимаго отъ побужденій пользы или удовольствія, опредѣляющаго не только собственное поведеніе личности, но и социальныя отношенія. Протагоръ рассказываетъ мнѣ о сотвореніи людей. Боги поручили Эпиметею и Прометею вывести на свѣтъ всѣ живыя существа, распредѣливъ между ними силы самосохраненія и защиты. Эпиметей, съ согласія Прометея, взялся за дѣло одинъ и, будучи не

¹⁾ Καὶ ναὶ μὰ Δεῖ... καὶν μὴ τοῖς ἀνθρώποις ὀφέλιμα ἦ, ἔγωγε καλῶ ἀγαθὰ. Protagoras (изд. Becker'a), 333.

²⁾ Protagoras, 357.

очень далекимъ, распредѣлили между разными видами живыхъ существъ силы самосохраненія такъ, что людямъ ничего не досталось, и они должны были выйти на свѣтъ совершенно беззащитными. Тогда Прометей, ради спасенія рода людскаго, похитилъ для него художественную мудрость Гефеста и Аѳины вмѣстѣ съ ея орудіемъ—огнемъ. Но одного технического умѣнья было недостаточно людямъ, и они были близки къ гибели, будучи лишены политическаго искусства (а значить и военнаго, какъ его части), и не могли обезопасить себя отъ нападеній дикихъ звѣрей. Правда, они пробовали собираться вмѣстѣ, образовывать общества, но, не зная политическаго искусства, начинали обижать другъ друга и общества ихъ разсѣвались и пропадали. Тогда „Зевсъ, опасаясь за нашъ родъ, чтобы весь онъ не погибъ, посылаетъ Гермеса дать людямъ стыдъ и правду (αἰδῦ τε καὶ δίκην), чтобы они были укладами государствъ и узами дружбы, объединяющими людей (ἵν' εἶεν πόλεων κόσμοι τε καὶ δεσμοί, φιλίας συναγωγοί)“. Гермесъ спросилъ Зевса, какъ же распредѣлить эти дары—такъ ли, какъ техническія искусства, гдѣ одного мастера достаточно для многихъ людей, или между всѣми? „Между всѣми, сказалъ Зевсъ, пусть всѣ владѣютъ ими: иначе не возникли бы государства (πόλεις), если бы только немногіе владѣли ими, какъ другими искусствами. И законъ положи отъ меня, чтобы неспособнаго имѣть стыдъ и правду убивать, какъ язву города. Такимъ-то образомъ, Сократъ, какъ прочіе, такъ и Аѳиняне, когда идетъ рѣчь о плотничествѣ или какомъ-либо иномъ техническомъ искусствѣ (ἀρετῆς), думаютъ, что немногіе могутъ участвовать въ совѣщаніи, ... когда же они входятъ въ совѣщаніе о политическомъ искусствѣ (πολιτικῆς ἀρετῆς), гдѣ все дѣло въ справедливости и благоразуміи (ἦν δὲ διὰ δικαιοσύνης πᾶσαν ἰέναι καὶ σωφροσύνης), справедливо допускаютъ всякаго человѣка, такъ какъ всякому подобаешь владѣть такимъ искусствомъ, а иначе и государствъ бы не было“¹⁾.

Разграниченіе между техническимъ совершенствомъ и гражданской добродѣтелью, проведено здѣсь настолькоъ ясно, что Платону, послѣ отказа отъ эвдемонистическаго взгляда на благо и добродѣтель, не было бы большого труда пойти и въ выясненіи сущности государственнаго устройства по проложенному уже логическому пути. Ученіе Протагора не противорѣчило даже эллинскому національному сознанію. Развитие эллинской государственной жизни естественно тяготѣло къ допущенію всѣхъ гражданъ къ участию въ государственныхъ дѣлахъ, оставляя въ сторонѣ отъ такого участія только не-гражданъ и рабовъ. Но Платонъ остался до конца дней вѣренъ своему старому, укрѣпленному общеніемъ съ Сократомъ, аристократическому взгляду на управление государствомъ. И это мѣшало ему послѣдовательно

1) Protagoras, 322—323.

провести логическую нить отъ возвышеннаго ученія о добрѣ къ устройству человѣческаго общежитія.

Чтобы отчетливѣе уяснить смыслъ государственнаго строя, набрасываемаго Платономъ въ „Политіи“, намъ необходимо сдѣлать нѣкоторое отступленіе. Въ введеніи мы указывали, что греческіе философы любили мыслить „идеально-логическими типами“. Изображеніе государственной жизни въ „Политіи“ имѣетъ характеръ не только указанія лучшаго государственнаго устройства, но въ то же время и логически мыслимаго чистаго типа общественныхъ отношеній при извѣстныхъ условіяхъ существованія государства. Платонъ знаетъ и другіе мыслимые типы государственной организаціи, какъ положительныя, такъ и отрицательныя. Предварительное выясненіе этихъ типовъ поможетъ лучше разобратъ въ картинѣ общественныхъ отношеній, данной въ „Политіи“. Въ качествѣ простѣйшихъ положительныхъ типовъ общественнаго существованія Платонъ беретъ, въ согласіи съ общераспространеннымъ взглядомъ его времени, передаваемая легендой формы первоначальнаго человѣческаго быта, которыя и являются въ его рукахъ орудіемъ теоретическаго изслѣдованія болѣе сложнаго общественнаго состоянія. Въ діалогъ „Политикъ“ (считаемомъ нѣкоторыми неподлиннымъ произведеніемъ Платона, но во всякомъ случаѣ отвѣчающемъ общему духу Платоновой философіи) вся область научнаго знанія (*γνωστικῆ*) дѣлится на двѣ части: предписывающую цѣли дѣятельности, или практическую и чисто-теоретическую (*τὸ μὲν ἐπιτακτικὸν μέρος, τὸ δὲ κριτικόν*). Въ первую часть входитъ и наука государственнаго дѣятеля. Она научаетъ верховному руководительству государствомъ и также отличается отъ искусства исполненія („средостѣніе“, чиновники-администраторы), какъ искусство людей, самостоятельно сбывающихъ свои продукты, отличается отъ искусства торговцевъ-посредниковъ ¹⁾. Правленіе государствомъ есть руководство группою одушевленныхъ существъ, сходное съ искусствомъ пастыря, пасущаго стадо ²⁾. Человѣчество знало когда-то наиболѣе совершенное, божественное руководительство. Это былъ сохраненный въ памяти людей и переданный намъ преданіемъ вѣкъ правленія Хроноса. Въ этомъ вѣкѣ, „когда все само собою рождалось для людей“ ³⁾, все шло не такъ, какъ у насъ теперь, потому что тогда богъ самъ руководилъ движеніемъ міра, заботясь о немъ въ его цѣломъ, различныя же части міра были раздѣлены на отдѣльныя области, управляемыя (подчиненными) богами, и сами животныя, раздѣленныя на роды и стада, упра-

1) Καθὼς περ ἢ τῶν κατῆλων τέχνη τῆς τῶν αὐτοπολῶν διορίσται τέχνης. Politicus, изд. Becker'a, ч. II, vol. 2, 260.

2) Politicus, 267.

3) ὁ δ' ἦρεν περὶ τοῦ πάντα αὐτόματα γίνεσθαι τοῖς ἀνθρώποις. Какъ видимъ, здѣсь почти буквально воспроизводятся слова Гезіода.

влялись „божественными пастырями“, „демонами“ (δαιμόνες), устраивавшими такъ, что пасомымъ было всего достаточно, что они „довлѣли себѣ“, и потому среди нихъ не было хищниковъ и не возникало ни войнъ, ни раздоровъ. Что же касается людей того времени, которымъ „жизнь давалась сама собой“ (αὐτομάτου πέρι βίου), то ихъ пасъ самъ богъ, взявшій власть надъ ними, подобно тому, какъ теперь люди, какъ болѣе божественный, особый видъ животныхъ, пасутъ прочіе низшіе роды. При такомъ божественномъ пастырѣ люди не были организованы въ государства и не было у нихъ обладанія женами и дѣтьми. Всѣ рождались изъ земли, не помня о томъ, что было раньше. Они снимали обильные плоды съ деревьевъ и многихъ другихъ растений, не взрощенныхъ земледѣльемъ, а даваемыхъ самой землею (οὐχ ὑπὸ γεωργίας φουμένους, ἀλλ' αὐτομάτης ἀναδιδούσης τῆς γῆς). Они не нуждались ни въ одеждѣ, ни въ постели, ни въ жилищѣ, а проводили время подъ открытымъ небомъ и спали на мягкой травѣ. Не зная хозяйственныхъ заботъ, они имѣли много досуга и пользовались имъ для расширенія своихъ философскихъ познаній. Владѣя не только даромъ человѣческой рѣчи, но умѣя сообщаться и съ животными, они выискивали, не наблюдало ли какое-нибудь существо, надѣленное особой способностью, чего-нибудь больше другихъ, что можно было бы присоединить къ имѣющемуся запасу знанія, и этимъ они были въ тысячу разъ блаженнѣе современныхъ людей ¹⁾.

Изъ общаго хода мыслей діалога видно, что Платону (или кому-либо изъ его ближайшихъ учениковъ) образъ „золотого вѣка“ понадобился въ качествѣ логическаго орудія изслѣдованія. Блаженное состояніе людей во времена Хроноса указываетъ намъ простѣйшій нормальный строй человѣческаго общества, строй, гдѣ люди свободно отдаются высшимъ запросамъ своей духовной природы, испытывая окружающій міръ, живя въ содружествѣ между собою и не имѣя надобности въ борьбѣ съ природой. Этотъ строй не можетъ быть осуществленъ въ современной намъ дѣйствительности, и потому его нельзя брать какъ образецъ для созданія лучшаго государственнаго порядка, какой мы желали бы видѣть у себя, потому что намъ надо считаться съ суровой матеріальной обстановкой жизни, надо вести жестокую борьбу за существованіе, надо оберегать себя и пробивать себѣ дорогу среди враждебнаго намъ міра природы и другихъ человѣческихъ расъ. Но образъ золотого вѣка, свободнаго отъ этихъ осложняющихъ жизнь тяжелыхъ условій, помогаетъ намъ разобраться въ сложныхъ условіяхъ современности: въ стремленіи къ высшимъ цѣлямъ жизни намъ мѣшаютъ хозяйственныя заботы, семейныя и родственныя связи, борьба съ враждебными сосѣдними народами. Надо понять зло этихъ

¹⁾ Politicus. 271—272.

путь, стѣсняющихъ свободный полетъ человѣческаго духа, и тогда можно будетъ попытаться или устранить, или нейтрализовать ихъ. Много позже въ „Законахъ“ Платонъ опять возвратился къ характеристикѣ примитивнаго общества какъ логически-идеальнаго типа человѣческаго существованія, наиболѣе благопріятнаго для развитія лучшихъ чертъ человѣческой природы. Здѣсь онъ беретъ не вполнѣ миѳическія формы жизни Хроносова вѣка, а болѣе близкія къ дѣйствительнымъ условія существованія людей, уцѣлѣвшихъ послѣ потопа. Эти небольшія группы людей, спасшихся отъ всеобщей гибели на вершинахъ горъ, не имѣли никакого понятія о матеріальной культурѣ, развитой до того въ городахъ, совершенно уничтоженныхъ потопомъ, не знали и политическаго искусства, и другихъ наукъ, также погибшихъ безслѣдно, и слѣдовательно должны были какъ бы начинать общественную жизнь съ самаго начала. Они потеряли всякое воспоминаніе о правительствѣ и законодательствѣ и все-таки ихъ жизнь была по-своему счастливой и совершенной. Ужасъ, внушенный имъ потопомъ, мѣшалъ имъ спускаться въ долины. Ихъ было мало, и имъ пріятно было бы встрѣтиться другъ съ другомъ, но гибель техническихъ искусствъ отняла у нихъ почти всѣ средства передвиженія какъ на сушѣ, такъ и морскимъ путемъ, и имъ было совершенно невозможно завязать сношенія между собой. Металловъ они не могли добывать, такъ какъ всѣ рудники были залиты потопомъ, и немногія металлическія орудія, сохранившіяся у нихъ, по мѣрѣ ихъ изнашиванія, не могли быть замѣнены другими, пока снова не было изобрѣтено металлургическое искусство. Такимъ образомъ всѣ искусства, которыя не могутъ обойтись безъ желѣза, мѣди и другихъ металловъ, должны были оставаться имъ неизвѣстными, и слѣдовательно раздоры и война (*στάσις ἄνα καὶ πόλεμος*) были совершенно прекращены въ это время. Вслѣдствіе одиночества люди относились другъ къ другу съ любовью и дружелюбіемъ, да имъ и не нужно было воевать изъ-за пищи. У нихъ не было недостатка въ стадахъ, откуда они извлекали главнымъ образомъ средства своего существованія, молока и молочныхъ продуктовъ у нихъ было достаточно, мяса также, а кромѣ того, они разнообразили свой столъ дичью, которой было много. Была у нихъ и одежда, и жилища, и разнаго рода сосуды. Вѣдь для тканья и гончарнаго дѣла желѣза не нужно, а между тѣмъ этихъ искусствъ достаточно, чтобы родъ человѣческой, попавъ въ столь трудное положеніе, могъ все же сохраняться и увеличиваться. Они не были настолько бѣдны, чтобы изъ-за нужды возникали среди нихъ раздоры, съ другой стороны, они не были и богаты, не имѣя ни золота, ни серебра. Въ этомъ Платонъ и видитъ главную причину ихъ блаженнаго состоянія. На нихъ не давила матеріальная культура ни заботами о насущномъ хлѣбѣ, ни стремленіемъ къ наживѣ, и хотя умъ ихъ былъ мало развитъ, но они

были просты и чисты сердцемъ и души ихъ были открыты для воспріятія всего истиннаго и добраго. „Когда же въ общежитіи нѣтъ ни богатства, ни бѣдности, то сообразно съ этимъ въ немъ возникаютъ благороднѣйшіе нравы, ибо въ немъ не рождаются ни необузданность, ни несправедливость, ни ревность, ни зависть. Они были добры въ силу этого, а также и благодаря ихъ простодушію (εὐψείαν); ибо, будучи простодушны, они выслушивали (что имъ говорили) о прекрасномъ и о позорномъ, принимали это какъ истину и подчинялись. Не владея мудростью (нашего вѣка), они не подозрѣвали лжи (у проповѣдующихъ имъ), и считали истиннымъ то, что имъ говорили о богахъ и людяхъ и сообразно съ этимъ вели свою жизнь...“ Поэтому въ теченіе многихъ поколѣній, будучи менѣе искусными въ промышленности и военномъ дѣлѣ, но не зная зато и всѣхъ практикуемыхъ при раздорахъ и спорахъ ухищреній словами и дѣйствіемъ, съ цѣлью вредить другимъ и причинять несправедливости, они были „самыми простодушными, самыми мужественными, самыми благоразумными (воздержными) и самыми справедливыми“ ¹⁾.

Платонъ надѣляетъ этихъ людей всѣми основными добродѣтелями, не исключая и мудрости, которая заключена въ ихъ простомъ, безхитростномъ умѣ, доступномъ доброму наученію и, вѣроятно, припоминавію—въ моменты внутренняго озаренія духа—божественныхъ началъ міра, которыя они созерцали во время предсуществованія ихъ душъ. Такъ набрасывается Платономъ простѣйшій типъ общественнаго состоянія, на которомъ ясно видны основныя пружины человѣческой жизни и дѣятельности и общественныхъ отношеній. Въ противоположность такому положительному типу Платонъ рисуетъ типъ отрицательный, гдѣ главными двигателями людскихъ поступковъ являются матеріальные интересы. Совершенное государство едино, какъ едина его вѣчная, наднебесная идея. Напротивъ, отрицательный типъ государства характеризуется отсутствіемъ единства, раздвоеніемъ на враждующія группы. Къ этому типу относятся всѣ существующія государства: „каково бы ни было государство, въ немъ всегда есть два государства, враждебныхъ другъ другу, одно государство богатыхъ, другое—бѣдныхъ“ ²⁾.

Отрицательный типъ имѣетъ много оттѣнковъ, причемъ по главнымъ особенностямъ его можно подраздѣлить на четыре вида или формы государственнаго устройства: тимократію, олигархію, демократію и тираннію. Эти формы представляются противоположеніемъ со-

¹⁾ εὐψέστεροι δὲ καὶ ἀνδρείοτεροι καὶ ἅμα σωφρονέστεροι καὶ εὐμπατα δίκαιοτεροι. De Legibus, lib. III, 678—679 (изд. Becker'a, pars III, vol. 3).

²⁾ δύο μὲν γάρ, καὶ ὅτι οὖν ἡ, πολεμία ἀλλήλων, ἡ μὲν πνήτων, ἡ δὲ πλουσίων. De Republica, IV, 422.

вершенному государству, какъ его устроили бы на землѣ правители-философы, руководимые воспоминаніемъ объ идеальномъ образѣ государства. Если душу совершеннаго государства составляютъ единомысліе гражданъ, справедливое распредѣленіе ихъ обязанностей, устремленіе руководителей и стражей къ высшимъ цѣлямъ, забвеніе матеріальныхъ интересовъ,—то сущность отрицательныхъ формъ заключается въ разладѣ, несогласіяхъ, насильственномъ принужденіи, погонѣ за деньгами, стремленіи къ власти ради низменныхъ цѣлей. Добро и зло смѣшано въ нихъ какъ въ строѣ общественныхъ учреждений, такъ и въ душахъ гражданъ. Наиболѣе яркую отрицательную параллель совершенному государству представляетъ олигархія, сходная съ совершеннымъ государствомъ тѣмъ, что это также правленіе не одного лица и не толпы, а немногихъ, но не лучшихъ людей, какъ тамъ, а людей корыстныхъ, всего выше въ жизни ставящихъ матеріальные интересы. Олигархія появляется не сразу. Платонъ изображаетъ отрицательныя формы государственнаго устройства какъ послѣдовательные этапы разложенія общества, причемъ первымъ шагомъ на пути къ такому разложенію оказывается тимократія, господство честолюбцевъ. Но уже при переломѣ отъ совершеннаго состоянія къ упадку начинаетъ дѣйствовать жажда къ обогащенію. Когда въ совершенномъ до того государствѣ смѣшались серебро съ желѣзомъ, а мѣдь съ золотомъ и въ немъ водворились разлада и дисгармонія, то вышедшія изъ повиновенія желѣзное и мѣдное начала повлекли людей къ матеріальному приобрѣтенію, владѣнію землей, домами, золотомъ и серебромъ вопреки золотому и серебряному началамъ, которыя попрежнему вели души людей къ добродѣтели и первоначальному общественному состоянію. Послѣ борьбы наступилъ компромиссъ, и спорящіе согласились раздѣлить между собой и обратить въ частную собственность землю и дома, тѣхъ же, кого они прежде защищали какъ свободныхъ, друзей и кормильцевъ, поработить и поселить на своихъ земляхъ и въ своихъ домахъ, о войнѣ же и защитѣ стали заботиться сами.¹⁾ Это правленіе сохраняетъ еще во многомъ черты стараго совершеннаго порядка; правители окружены почетомъ, воины устранены отъ занятія земледѣліемъ, ремеслами и вообще отъ всякихъ матеріальныхъ заботъ (καὶ γεωργίῳν ἀπέχεσθαι τὸ προπολεμοῦν αὐτῆσ καὶ χειροτεχνίῳν καὶ τοῦ ἄλλου χρηματισμοῦ); устраиваются сисситіи и прилагаются заботы къ развитію гимнастическихъ упражненій и военнаго дѣла. Однако, среди гражданъ найдутся любители золота и серебра, которые, не имѣя возможности явно копить богатства, будутъ тайно собирать сокровища и припрятывать ихъ, укрываясь при большихъ тратахъ на женщинъ и вообще при роскошномъ образѣ жизни

¹⁾ De Republica, VIII, 547.

въ стѣнахъ своихъ домовъ. ¹⁾ Отсюда нетруденъ переходъ къ олигархіи. Именно, устроенная каждыяъ „сокровищница, полная золота“ (τὸ ταμείον... χρυσοῦ πληρούμενον) и губить тимократію. Когда люди втайнѣ ведутъ роскошную жизнь, они и жены ихъ нарушаютъ установленныя тимократіей законы, а за ними идетъ и остальной народъ, подражая имъ. Двигаясь дальше по пути стяжанія (τοῦ χρηματίζεσθαι), люди начинаютъ выше цѣнить его, и соотвѣтственно ниже—добродѣтель. Вѣдь когда въ государствѣ уважаются богатство и богатые, то добродѣтель и хорошіе люди остаются въ пренебреженіи. Поэтому и управленіе государствомъ ввѣряется людямъ въ зависимости отъ ихъ имущественнаго положенія и такъ создается олигархическое устройство государства, т. е. „правленіе, основанное на имущественномъ цензѣ, въ которомъ властвуютъ богатые, бѣдные же не имѣютъ участія во власти“ ²⁾. „Такое государство не едино, а въ немъ по необходимости будутъ два государства—государство бѣдныхъ и государство богатыхъ, живущихъ рядомъ и вѣчно злоумышляющихъ другъ противъ друга“ (τὸ μὴ μίαν ἀλλὰ δύο ἀνάγκη εἶναι τὴν τοιαύτην πόλιν, τὴν μὲν πενήτων, τὴν δὲ πλουσίων, οἰκοῦντας ἐν τῇ αὐτῇ, ἀεὶ ἐπιβουλευόντας ἀλλήλοις) ³⁾. Богатый, расточающій въ такомъ государствѣ свое состояніе и превращающійся подъ конецъ въ бѣдняка, подобно трутню въ пчелиномъ роѣ, составляетъ язву государства (ἐν οἰκίᾳ κηφῆνα ἐγγίγνεσθαι νόσημα πόλεως). Крылатыхъ трутей Богъ всехъ создалъ безъ жала, двуногіе же трутни—одни безъ жала, мирно доживающіе до старости бѣдняками, другіе—съ жаломъ—преступныя натуры, злодѣи, воры, отрѣзываютели кошельковъ, святотатцы и всякихъ такихъ злыхъ дѣлъ мастера. А между тѣмъ въ олигархическихъ государствахъ бѣдняки почти все, кромѣ правящихъ, и среди нихъ не мало такихъ, которые снабжены жалами злодѣевъ. Отсюда—нарушеніе основного правила государственной жизни, чтобы каждый „дѣлалъ свое и одно“. Съ одной стороны, нѣкоторые занимаются самыми разнообразными дѣлами—и земледѣліемъ, и промыслами, и войной (τὸ πολυπραγμονεῖν γεωργουῦντας καὶ χρηματιζομένους καὶ πολεμοῦντας), съ другой стороны, вслѣдствіе возможности однимъ продать свое имущество, другимъ—приобрѣсти его, человѣкъ, продавшій то, что онъ имѣлъ, живетъ въ государствѣ, не выполняя въ немъ никакой полезной функціи, не будучи органомъ, „частью“ государства, ни промышленникомъ, ни ремесленникомъ, ни всадникомъ, ни гоплитомъ, а просто бѣднякомъ и беспомощнымъ человѣкомъ ⁴⁾.

¹⁾ De Republica, VIII, 547—548.

²⁾ Тамъ же, 550—551.

³⁾ Тамъ же, 551.

⁴⁾ Тамъ же, 552.

Съ упроченіемъ олигархическаго строя начала, положенныя въ его основаніе, постепенно развиваясь, приводятъ къ его разложенію и гибели (переходу къ демократической формѣ). Стремленіе къ непрестанному увеличенію богатства побуждаетъ правителей государства не препятствовать юношамъ вести роскошную жизнь и расточать свое состояніе, ибо они даютъ имъ въ ростъ деньги и приобрѣтаютъ ихъ имущество, чтобы сдѣлаться еще богаче и имѣть еще ббльшій почетъ. Такимъ образомъ и люди не неблагородные необходимо будутъ впадать въ бѣдность и подобно трутнямъ, имѣющимъ жала, будутъ злоумышлять противъ богатыхъ правителей и противъ всего государственнаго порядка, обезпечивающаго правленіе богатыхъ. Богатые же, погрузившись въ свои заботы о стяжаніи, не замѣчаютъ этого, и постоянно нанося раны приходящимъ просить у нихъ денегъ взысканіемъ съ нихъ все увеличивающихся процентовъ, какъ бы рождаемыхъ отцомъ (καὶ τοῦ πατρὸς ἐκτόνους τόκους πολλαπλασίου κομιζόμενοι), вводятъ въ государство множество трутней и нищихъ. Возникаетъ рѣзкій контрастъ между бѣдными и богатыми гражданами даже по ихъ внѣшнему облику, а между тѣмъ имъ приходится постоянно встрѣчаться и дѣйствовать вмѣстѣ, наблюдая другъ друга, напр., въ состязаніяхъ, въ играхъ или на войнѣ. И когда въ сраженіи исхудалый и обожженный солнцемъ бѣднякъ стоитъ возлѣ богача, вскормленнаго подъ тѣнью и разжирѣвшаго, ему невольно приходитъ на мысль, что такой человекъ дурными дѣлами приобрѣлъ богатство. Возмущеніе бѣдныхъ противъ богатыхъ нарастаетъ и наконецъ разражается возстаніемъ, при удачѣ котораго бѣдные убиваютъ часть богачей, а часть изгоняютъ, и распредѣляютъ власть и правленіе въ государствѣ поровну между оставшимися, и такъ возникаетъ демократія ¹⁾).

Этимъ отрицательнымъ типамъ государственнаго устройства Платонъ противопоставляетъ, какъ положительный типъ, проектируемое имъ лучшее государство, гдѣ власть хотя и принадлежитъ немногимъ, но особо избраннымъ людямъ, наиболѣе призваннымъ къ правленію государствомъ по своимъ душевнымъ задаткамъ и достигнутой долгой предварительной общественной дѣятельностью подготовкѣ. Въ такомъ государствѣ основой всего строя жизни будетъ справедливость, указывающая всякому свое мѣсто и свое дѣло, и объединяющая разнообразные элементы государства въ проникнутое глубокимъ внутреннимъ единствомъ гармоническое цѣлое. Это не только идеаль нравственно-совершеннаго общественнаго порядка, но и логически мыслимая правильная форма общенія людей, идеально-логическій типъ государства, намѣчающій въ существѣ главныя основы и формы взаимныхъ отно-

¹⁾ De Republica, VIII, 555—557.

шеній между людьми, при свѣтѣ которыхъ становится легче раскрыть характеръ причудливыхъ комбинацій существующихъ формъ человеческого общества. Типъ государства, намѣченный въ „Политиі“, укладываясь въ одну ливію съ вышеуказанными характеристиками блаженнаго состоянія людей во времена Хроноса и послѣ потопа, имѣетъ ту особенность, что въ немъ Платонъ стремится дать образецъ человеческого общества, живущаго въ наиболѣе сложныхъ, на его взглядъ, условіяхъ существованія: это—общество, окруженное сильной враждебной средой, противъ которой оно не имѣетъ надежной естественной защиты и должно разсчитывать поэтому на крѣпость своей внутренней организаціи; во-вторыхъ, это—общество, которое должно собственными средствами рѣшить трудный вопросъ о снабженіи себя матеріальными благами, и слѣдовательно, вынуждено развивать плановѣрную хозяйственную дѣятельность; въ третьихъ, оно не ограничивается одними матеріальными заботами и внѣшней обороной, а ставитъ своей задачей и высокій подъемъ духовной культуры, давая въ своемъ цѣломъ максимумъ того, чего можетъ достигнуть человекъ въ своемъ устремленіи къ высшему благу въ этомъ несовершенномъ мірѣ.

Цѣль совершеннаго государства намѣчается Платономъ, какъ видимъ, грандіозными очертаніями, въ полномъ согласіи съ его ученіемъ о добрѣ, какъ верховномъ началѣ міра. Но какъ осуществить ее въ предполагаемой сложной обстановкѣ? Общій отвѣтъ и на этотъ вопросъ содержится въ основномъ ученіи Платона: гармоническимъ сочетаніемъ обособленныхъ функцій. Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ и связать самое распредѣленіе отдѣльныхъ функцій съ общимъ принципомъ добра. Какъ было уже указано выше, Платонъ не сдѣлалъ этого и за основаніе для дѣленія общественныхъ группъ по выполняемымъ ими въ государствѣ главнымъ обязанностямъ принялъ спеціализацію нравственныхъ качествъ, аналогичную съ спеціализаціей техническихъ способностей. Отсюда понятно, что для выясненія строя проектируемаго имъ государства Платонъ беретъ, въ качествѣ наиболѣе нагляднаго примѣра, хозяйственное раздѣленіе труда. Интересъ къ раздѣленію труда, какъ принципу всей общественной организаціи, заставилъ Платона глубоко вдуматься и въ основы современнаго ему хозяйственнаго строя, который самъ по себѣ занималъ его очень мало. Такъ желаніе ярче освѣтить моральную проблему дало поводъ Платону набросать по пути живую и мѣткую характеристику происхожденія и состава трудораздѣльной общественной организаціи, которая сдѣлала бы честь и современному социологу и экономисту.

Образованіе человеческихъ обществъ Платонъ объясняетъ недостаточностью силъ отдѣльнаго человека для удовлетворенія всѣхъ

его потребностей. „Государство возникает, такъ какъ каждый изъ насъ не можетъ себѣ довлѣть (οὐκ αὐτάρκης), а испытываетъ нужду во многомъ (πολλῶν ἐνδεής)“. Ради этой нужды люди и соединяются другъ съ другомъ, ибо новые, присоединяющіеся къ общегитію люди могутъ помочь въ удовлетвореніи какой-нибудь потребности, стануть другъ другу „общниками и помощниками“ (κοινωνούς τε καὶ βοηθούς), и такому-то совмѣстному житію мы и присваиваемъ названіе государства (ταύτη τῆ συνοικία ἐθέμεθα πόλιν ὄνομα) ¹⁾.

Разъ таковы вообще естественныя условія происхожденія государствъ, то и сознательное устройство всякаго новаго государства должно исходить прежде всего изъ нашихъ потребностей. „Давай устраивать городъ въ нашемъ умѣ съ самаго начала, предлагаетъ Сократъ и непосредственно прибавляетъ: „а устроить его, какъ кажется, наша потребность (ποιήσει δὲ αὐτήν, ὡς ἔοικεν, ἢ ἡμέτερα χρεία) ²⁾. И Сократъ перечисляетъ потребности: первая и самая великая—добываніе пищи, потребность въ поддержаніи жизни (ζῆν ἐνεκα). Вторая—постройка жилища, третья—изготовление одежды и подобныхъ предметовъ. Какимъ же образомъ, спрашиваетъ Сократъ, государство будетъ справляться съ изготовленіемъ всего этого? Не такъ ли, что одинъ будетъ земледѣльцемъ, другой—домостроителемъ, третій—ткачемъ? Не присоединить ли сюда кожевника и еще кого-нибудь изъ прислужниковъ тѣлу?“ Совершенно такъ (отвѣчаетъ собесѣдникъ Сократа Адимантъ). „Стало бытъ, продолжаетъ Сократъ, самое скудное государство (ἢ γε ἀναγκασιότατῃ πόλις) составится изъ четырехъ или пяти человѣкъ.“—Кажется. „Такъ какъ же?—продолжаетъ Сократъ: долженъ ли каждый изъ нихъ приобщить свою спеціальную работу ко всѣмъ остальнымъ, напримѣръ, земледѣлецъ долженъ ли готовить пищу для четырехъ и употреблять четыре части своего времени и труда на употребленіе пищи и такимъ образомъ входить въ общеніе со всѣми другими (καὶ ἄλλοις κοινωνεῖν)? Или не заботясь о нихъ, онъ заготовитъ для себя одного четвертую часть пищи въ четвертую часть времени, три же остальные части употребитъ на изготовленіе дома одежды и обуви, занимаясь не соединенной съ другими работой, а будетъ дѣлать свое дѣло только для себя самого (καὶ μὴ ἄλλοις κοινωνοῦντα πράγματα ἔχειν, ἀλλ' αὐτὸν δι' αὐτὸν τὸ αὐτοῦ πράττειν)? И когда собесѣдникъ высказывается, что способъ раздѣленнаго труда пожалуй удобнѣе, Сократъ поясняетъ ему, въ чемъ тутъ дѣло: „Нѣтъ ничего страннаго, клянусь Зевсомъ... Я уже и самъ понимаю..., что каждый изъ насъ рождается не совсѣмъ похожимъ на каждаго другого, но по природѣ отличнымъ, способнымъ одинъ—къ одной, другой—къ другой работѣ (ἄλλος ἐπ' ἄλλου ἔργου πράξει)“...

¹⁾ De Republica II, 369.

²⁾ De Republica, II, 369.

„Что же? лучше ли будетъ выполнять работу тотъ, кто занимается многими искусствами, или тотъ, который занятъ однимъ?“ И получивъ утвердительный отвѣтъ о превосходствѣ занятія однимъ дѣломъ, Сократъ поясняетъ опять, что при спеціализаціи занятій у работниковъ создается выигрышь во времени, ибо время не ждетъ, когда работникъ освободится отъ другого занятія. При разбрасываніи между различными занятіями наиболѣе благопріятное время для выполнения работы можетъ быть упущено, и наоборотъ, всякая работа идетъ лучше и легче, въ условіяхъ, наиболѣе для нея благопріятныхъ, если работникъ сосредоточится на ней одной, оставивъ заботу о всякихъ другихъ занятіяхъ¹⁾. Послѣ этого Сократъ развиваетъ дальше свою мысль о спеціализаціи занятій: перечисляемые пока спеціалисты нуждаются въ орудіяхъ для ихъ работъ; если орудія эти должны быть сдѣланы хорошо, изготовленіемъ ихъ должны также заняться спеціалисты дѣла. Земледѣльцу понадобятся плугъ и заступъ и другія орудія, многое нужно и домостроителю, и ткачу, и кожевнику. А вѣдь кромѣ указанныхъ мастеровъ нужны еще другіе ремесленники—столяры, мѣдники и проч. Государство, такимъ образомъ, разрастается значительно по сравненію съ первоначальнымъ предположеніемъ, а вѣдь въ него не включены еще необходимыя вспомогательныя работы: чтобы земледѣлецъ могъ пахать землю, домостроители—возить тяжести для построекъ, а ткачи и кожевники—получать шерсть и кожу, какъ матеріалъ для ихъ работъ, необходимо скотоводство и значить люди, спеціально занятые пастъбой воловъ, овецъ и другихъ животныхъ. Но и этого еще недостаточно. Государство не можетъ обойтись безъ ввоза продуктовъ изъ другихъ государствъ, за что оно должно отпускать свои товары и слѣдовательно производить ихъ больше, чѣмъ необходимо только для внутренняго потребленія. Работающихъ потребуется больше. Но кромѣ этихъ добавочныхъ работниковъ понадобятся спеціалисты по самому товарному обороту, купцы—посредники въ куплѣ-продажѣ продуктовъ, вывозящіе и ввозящіе товары (ἐμπόροι). А для нихъ, если торговля будетъ совершаться моремъ, понадобится много другихъ людей, умѣющихъ выполнять работы, связанныя съ морской перевозкой. Но и внутри государства въ силу трудораздѣльности его хозяйственнаго строенія, обмѣнъ товарами, производимыми спеціалистами, долженъ также предполагать нѣкоторую организацію. Вѣдь ради такого хозяйственно-мѣноваго общенія, говоритъ Сократъ, мы устраивали и самое государство. Очевидно, замѣчаетъ его собесѣдникъ, что общеніе это должно происходить черезъ продажу и покупку (πωλοῦντες καὶ ἠνοῦμενοι). Значить, говоритъ Сократъ, изъ этого у насъ возникнетъ рынокъ и монета, знакъ для обмѣна (Ἀγορὰ δὲ ἤμιν

¹⁾ De Republica II, 370.

καὶ νόμισμα ζύμβολον τῆς ἀλλαγῆς ἐνεκα γενήσεται ἐκ τούτου)“. Но не одинъ рынокъ, а и специальные дѣятели рынка—мелкіе торговцы. Если земледѣлецъ или ремесленникъ привезутъ на рынокъ свои продукты не въ то время, когда туда придутъ другіе производители продуктовъ, которые пожелали бы обмѣняться съ ними своими продуктами, они не станутъ дожидаться и сидѣть на площади, теряя нужное для нихъ время. Есть особаго рода люди, которые выполняютъ для нихъ необходимую услугу. Въ правильно устроенныхъ государствахъ такую услугу, т.-е. внутреннее торговое посредничество, выполняютъ люди, слабые тѣломъ и непригодные ни для какой-либо иной работы. Они то и сидятъ на рынкѣ, покупая за деньги, что другимъ необходимо сбыть, или продавая за деньги же товары, какіе другіе желаютъ приобрести. Такихъ торговцевъ Сократъ называетъ *κατήλους* въ отличіе отъ *ἐμπόροι*—ведущихъ вѣншнюю торговлю¹⁾.

Есть и еще одна группа людей, менѣе всего, по мнѣнію Сократа, достойная уваженія, но необходимая для полноты хозяйственнаго строя государства—„прислужники“ (*διάκονοι*), „не вполне достойные общенія ради ихъ мыслительныхъ способностей“, но имѣющіе достаточную тѣлесную силу для работы и продающіе пользованіе своей рабочей силой за плату—наемники. Любопытно, что Платонъ, не стараясь быть особенно точнымъ въ экономической терминологіи, даетъ здѣсь очень тонкое опредѣленіе наемнаго труда: „продающіе полезность ихъ силы и называющіе цѣну ея наемной платой, называются... наемниками“ (*οἱ δὲ πωλοῦντες τὴν τῆς ἰσχύος χρεῖαν, τὴν τιμὴν ταύτην μισθὸν καλοῦντες, κίκληνται... μισθωτοί*)²⁾. Хозяйственно-трудовой составъ государства заканчивается этой послѣдней группой. Мысленно устрояемое государство, постепенно увеличиваясь, выросло уже до полной законченности (*ἡ πόλις.....τελέα*)³⁾.

Такъ складывается фундаментъ совершеннаго государства, надъ которымъ возвышаются его верхніе этажи—классъ стражей и группа правящихъ. Подробная характеристика профессиональнаго дѣленія низшаго слоя понадобилась Платону только для того, чтобы рѣзче подчеркнуть необходимость выдѣленія въ особую группу стражей государства. Если хозяйство требуетъ цѣлага ряда обособленныхъ профессій, то тѣмъ больше основанийъ за выдѣленіе въ особую жизненную задачу военнаго дѣла, созданія спеціальнаго класса воиновъ, ибо военное дѣло—трудное искусство. Параллель проводится, однако, безъ достаточной логической послѣдовательности. Между представителями отдѣльныхъ хозяйственныхъ отраслей существуютъ въ изображеніи

1) De Republica, II, 371.

2) De Republica, II, 371.

3) De Republica, II, 371.

Платона только профессиональныя, а не моральныя различія; нравственныя черты характера предполагаются въ общей основѣ одинаковыми и для земледѣльца, и для плотника, и для кузнеца, и для торговца. Отграниченіе же класса „стражей“ (воиновъ) отъ класса людей, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, основывается у Платона не на различіи ихъ профессиональныхъ способностей, а нравственного склада души, причѣмъ благородству натуры стражей (и еще болѣе—правителей) противопоставляются сравнительно низменныя качества души рядовой, трудящейся массы. Правда, Платонъ считаетъ, что будучи глубоко отличными по своей нравственной природѣ, всѣ три класса равно необходимы для совершеннаго государства, образуя въ цѣломъ нѣчто великое и прекрасное. Но въ этомъ-то и коренилось его основное заблужденіе. Онъ не замѣчалъ уродливости и странности въ общественномъ порядкѣ, гдѣ вершинъ нравственного совершенства—не въ силу личной слабости—а внѣшнихъ формъ жизни, могутъ достигать только немногіе. Въ своемъ аристократическомъ предубѣжденіи Платонъ дѣлаетъ лишь одну уступку: онъ не соединяетъ нравственныхъ качествъ непременно съ рожденіемъ въ опредѣленномъ кругу: люди съ высшими задатками души могутъ родиться и въ низшемъ общественномъ слоѣ, и наоборотъ, дѣти гражданъ высшихъ слоевъ могутъ имѣть низменныя души. Этимъ нарушается, однако, въ глазахъ Платона стройность общественной организаціи, и онъ ставитъ задачей правителей не допускать такой моральной пестроты, а распределять родившихся съ обнаружившимися лучшими или худшими качествами души по соответствующимъ общественнымъ классамъ. „Правителямъ Богъ прежде всего и больше всего повелѣваетъ, чтобы они ни въ чемъ не были столь добрыми блюстителями и ни за чѣмъ бы такъ усердно не слѣдили, какъ за нарождающимися людьми, отыскивая, что примѣшано къ душѣ каждаго изъ нихъ. И если въ душѣ новорожденнаго окажется мѣдь или желѣзо, то безъ всякаго сожалѣнія къ нему, но воздавая надлежащую оцѣнку (его) природѣ, прогоняли бы его къ ремесленникамъ и земледѣльцамъ, если же, наоборотъ, отъ тѣхъ родился бы кто съ примѣсью золота или серебра, то такихъ, оцѣнивая по достоинству, причисляли бы того къ блюстителямъ, того къ защитникамъ (τοὺς μὲν εἰς φυλακὴν, τοὺς δὲ εἰς ἐπιουρίαν), ибо, по предсказанію оракула, государство погибнетъ, если его будутъ защищать желѣзо или мѣдь“¹⁾.

Отграничивъ такимъ образомъ людей, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, отъ высшихъ слоевъ совершеннаго государства, Платонъ не интересуется дальнѣйшимъ анализомъ трудового строенія общества. Самый способъ подготовки къ раздѣленному по специаль-

¹⁾ De Republica, III, 414.

ностямъ хозяйственному труду для него безразличенъ. Его вниманіе поглощено гораздо болѣе важнымъ въ его глазахъ вопросомъ о надлежащемъ воспитаніи класса стражей и постановкѣ ихъ въ такія условія жизни и дѣятельности, которыя помогли бы имъ сохранить созданныя воспитаніемъ черты характера ¹⁾. Это не помѣшало, однако, Платону дать блестящую характеристику трудораздѣльной организаціи общества, достигающую высоты пониманія вполне зрѣлой экономической и социологической мысли. Именно въ силу высокой оцѣнки принципа „дѣланія своего“ Платонъ могъ при неизмѣнно пренебрежительномъ отношеніи къ специально-хозяйственному труду разбираться въ его строѣ съ столь поразительной ясностью. Необходимый хозяйственный составъ общества очерченъ имъ для своего времени съ замѣчательной полнотой: рядомъ съ земледѣліемъ и различными формами обрабатывающей промышленности (съ отграниченіемъ производства окончательныхъ издѣлій, орудій и сырья) не забыты ни транспортъ, ни торговое посредничество (съ подраздѣленіемъ на внутреннюю и внѣшнюю торговлю), ни организація рынка и денежнаго обмѣна. Въ вопросѣ о происхожденіи раздѣленія труда Платонъ обнаруживаетъ большую проницательность, усматривая причину такого строенія общества въ недостаточности силъ отдѣльныхъ индивидуумовъ и естественномъ приспособленіи различій въ ихъ способностяхъ и склонностяхъ къ удовлетворенію ихъ разнообразныхъ потребностей. Сравнивая это объясненіе съ извѣстнымъ положеніемъ Ад. Смита объ „естественной склонности людей къ обмѣну“, легко видѣть, на чьей сторонѣ больше продуманности и зрѣлости сужденія ²⁾. Мысль Платона гораздо ближе къ ученіямъ современныхъ экономистовъ и социологовъ, усматривающихъ источникъ раздѣленія труда именно въ давленіи потребностей и необходимости использования разнообразія че-

¹⁾ Въ діалогѣ „Тимей“, вспоминая о „Государствѣ“, Платонъ (устами Сократа) напоминаетъ, что въ этомъ разсужденіи его первой задачей было отграничить классъ стражей отъ класса земледѣльцевъ и ремесленниковъ, показавъ, что какъ для каждаго изъ нихъ нужно одно дѣло (*μὴν ἕχαστον τέγγειν*), такъ и воинамъ необходимо быть исключительно стражами государства (*φύλακας εἶναι μόνον τῆς πόλεως*). *Timaeus*, изд. Веккеръ, ч. III, в. 2, 17.

²⁾ И Ад. Смитъ придавалъ извѣстное значеніе въ развитіи раздѣленія труда разнообразію человѣческихъ способностей, но считалъ его несущественнымъ факторомъ, подчиненнымъ основному—„нѣкоторой склонности человѣческой природы... къ торгу, мѣнѣ, обмѣну одной вещи на другую“. Разница въ естественныхъ дарованіяхъ, по мнѣнію Смита, у людей не такъ уже велика и усиливается именно самой практикой раздѣленія труда. „Безъ расположенія къ торгу, мѣнѣ и обмѣну, каждый человѣкъ долженъ былъ бы самъ доставлять себѣ всѣ предметы необходимости и жизненныхъ удобствъ, въ которыхъ онъ нуждался бы. Всѣ должны были бы выполнять однѣ и тѣ же обязанности и дѣлать ту же самую работу, и не было бы такого различія въ занятіяхъ, которое одно могло бы создать большую разницу способностей“. *Wealth of nations*, ed. by Ed. Cannan, vol. I, стр. 15 и 17—18.

ловѣческихъ способностей. Въ растущемъ раздѣленіи труда современная научная мысль видитъ необходимую форму приспособленія людей къ усложняющимся условіямъ жизни, въ связи съ возрастаніемъ и уплотненіемъ населенія и развитіемъ самыхъ потребностей. „Мы приходимъ, говоритъ Бюхеръ въ своемъ извѣстномъ этюдѣ о раздѣленіи труда, ...непосредственно къ основнымъ фактамъ хозяйства: неограниченности человѣческихъ потребностей и ограниченности средствъ ихъ удовлетворенія. Человѣческія потребности способны къ безконечному увеличенію и утонченію; онѣ не успокаиваются никогда; онѣ повышаются интенсивно и экстенсивно въ теченіе культурнаго развитія. Матерія, имѣющаяся въ распоряженіи для человѣческихъ цѣлей, ограничена, равнымъ образомъ и человѣческая рабочая сила, которая сообщаетъ ей качество благъ и увеличиваетъ ихъ запасъ. Съ растущимъ числомъ людей отношеніе общей потребности къ количеству сырого матеріала, доступнаго хозяйственному использованию, становится все болѣе неблагоприятнымъ... Между тѣмъ простое наблюденіе учитъ, что не всякій отъ природы равно приспособленъ ко всякой работѣ... Принципъ хозяйственности требуетъ, чтобы всякій былъ занятъ способомъ, сообразнымъ его способностямъ; ибо только такъ его работа можетъ дать наивысшее полезное дѣйствіе... Тѣмъ, что раздѣленіе труда отдѣляетъ другъ отъ друга качественно неравные трудовые элементы, ему удается употреблять какъ сильнѣйшія, такъ и слабѣйшія трудовыя силы и побудить ихъ къ развитію величайшей спеціальной трудовой ловкости. Такимъ образомъ въ конечномъ счетѣ раздѣленіе труда есть ни что иное, какъ одинъ изъ тѣхъ процессовъ приспособленія, которые играютъ столь большую роль въ исторіи развитія всего одушевленнаго міра: приспособленіе трудовыхъ задачъ къ разнообразію человѣческихъ силъ, приспособленіе трудовыхъ силъ къ трудовымъ задачамъ, продолжающееся дифференцированіе тѣхъ и другихъ“¹⁾...

---

¹⁾ *K. Bücher. Die Arbeitsteilung. Die Entstehung der Wirtschaft. 5-te Aufl., Tübingen 1906, стр. 307—310.* Современные объясненія происхожденія и развитія раздѣленія труда больше выдвигаютъ развитіе самихъ потребностей, которыя Платонъ считалъ, согласно обще-эллиническому взгляду, еще рѣзче выраженному у него въ силу его аскетическаго настроенія, сравнительно неподвижными. Основная линія объясненія, однако, тутъ и тамъ одинакова. *Дюркгеймъ* выдвигаетъ въ вопросѣ о раздѣленіи труда съ большей рѣзкостью принципъ борьбы за существованіе, указывая на большую ожесточенность борьбы за жизнь по мѣрѣ увеличенія и уплотненія населенія. Выдѣленіе спеціальностей, съ которыми пока трудно конкурировать, дѣлаетъ устойчивѣе жизнь выдѣляющихся; въ своей новой формѣ дѣятельности они чувствуютъ себя безопаснѣе и тверже, и въ обществѣ, ставшемъ болѣе обширнымъ и гуще населеннымъ, становится легче жить, чѣмъ при старой, менѣе утонченной системѣ дѣленія занятій. *Э. Дюркгеймъ. О раздѣленіи общественнаго труда, пер. Юшкевича, Одесса 1900, стр. 212—216.* Все это—мысли въ духѣ нашего времени, отражающія въ

Разбираясь съ удивительной легкостью въ сложномъ вопросѣ объ общественномъ раздѣленіи хозяйственнаго труда, Платонъ придаетъ ему, однако, совершенно второстепенное значеніе. Онъ ищетъ въ немъ лишь хорошей иллюстраціи къ излюбленной мысли о „дѣланіи своего“ въ нравственной области, и использовавъ его ради этой цѣли, спѣшитъ перейти къ единственно интересующей его моральной проблемѣ совершенной и благой жизни какъ всего общества, такъ и составляющихъ его личностей.

Правильно устроенное государство есть, по Платону, въ то же время и „совершенно благое“ (τελέως ἀγαθή), включающее въ себя всѣ основныя добродѣтели: оно мудро, мужественно, благоразумно (воздержно) и справедливо (σοφίη τ' ἐστὶ καὶ ἀνδρεία καὶ σωφροσύνη καὶ δικαία) ¹⁾. Мудрость въ государствѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ имѣющимся въ немъ техническимъ умѣньемъ: ни домостроительнымъ знаніемъ, ни умѣньемъ дѣлать сосуды, деревянные, мѣдные или какіе-либо другіе, ни земледѣльческимъ искусствомъ. Въ совершенномъ государствѣ у нѣкоторыхъ гражданъ имѣется особое, высшее знаніе, „способность дать добрый совѣтъ“ (εὐβουλία) о государствѣ какъ цѣломъ, о способѣ веденія его внутреннихъ дѣлъ и отношеній съ другими государствами. Это знаніе Сократъ называетъ бюстителествомъ (ἡ φυλακική), а обладающихъ имъ правителей — совершенными бюстителемъ (τελέους φύλακας). Нѣтъ нужды, чтобы такимъ знаніемъ обладали многіе; истинно-мудрыхъ людей въ государствѣ гораздо меньше, чѣмъ, напр., мѣдниковъ, но именно ради нихъ и все государство становится мудрымъ ²⁾. Необходимо отмѣтить еще разъ, что подъ мудростью Платонъ понимаетъ здѣсь не профессиональное искусство государственнаго управленія, а высшую мудрость, способность созерцать занебесный міръ вѣчныхъ идей, и слѣдовательно высшую *нравственную* природу. Нѣсколько болѣе распространена въ идеальномъ государствѣ Платона вторая добродѣтель — мужество, но и она ограничена опредѣленнымъ, все еще весьма тѣснымъ кругомъ лицъ. Для того, чтобы все государство было мужественнымъ, нѣтъ необходимости быть мужественнымъ всѣмъ его гражданамъ; достаточно, если въ немъ есть нѣкоторая часть гражданъ, обладающихъ этимъ качествомъ души, т.е. знаніемъ страшнаго или нестрашнаго, или, точнѣе, „способностью хранить въ себѣ постоянно правильное и согласное съ закономъ мнѣніе о томъ, что страшно и что нѣтъ“ ³⁾. И только съ третьей добродѣтелью — воздержаніемъ или благоразуміемъ (σωφροσύνη) мы вступаемъ въ область

себѣ успѣхи новѣйшаго естествознанія, а между тѣмъ по существу онѣ развиваются по пути, намѣченному много вѣковъ тому назадъ гениальнымъ наброскомъ Платона.

1) De Republica, IV, 427.

2) De Republica, IV, 428 и сл.

3) De Republica, IV, 430.

морального равенства. Благоразуміе не составляет привилегіи какого-либо отдѣльнаго класса, а свойственно всѣмъ гражданамъ совершеннаго государства и выражается въ всеобщемъ признаніи гражданами дѣйствующаго въ государствѣ закона и правительства, направляющаго и сдерживающаго дурные порывы и инстинкты. Эта добродѣтель приводитъ въ согласіе худшія и лучшія стороны природы какъ государства, такъ и отдѣльной личности ¹⁾, дѣлая возможной и послѣднюю добродѣтель—справедливость, указывающую всякому элементу государства и всякой способности отдѣльной личности „свое дѣло“.

Справедливость — верховная добродѣтель, спаивающая воедино различныя части сложнаго цѣлаго, въ томъ числѣ и совершеннаго государства, составленнаго изъ нравственно-неоднородныхъ элементовъ. „Мы установили, говоритъ Сократъ своему собесѣднику, и если помнишь, часто повторяли, что каждому отдѣльному человѣку необходимо заниматься какимъ-нибудь однимъ изъ дѣлъ въ государствѣ, къ выполненію котораго наиболѣе способна его природа... И что дѣланіе своего, а не многодѣланіе (*τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν καὶ μὴ πολυπραγμονεῖν*) есть справедливость, это слышали мы отъ многихъ другихъ и сами часто высказывали... Вотъ это-то... и есть справедливость—дѣлать свое“ ²⁾. Справедливость помогаетъ всѣмъ остальнымъ добродѣтелямъ развернуться въ ихъ надлежащую величину. Трудно рѣшить, какая добродѣтель болѣе всего дѣлаетъ государство благимъ, единомысліе ли правящихъ и управляемыхъ, храненіе ли въ душахъ воиновъ согласнаго закону мнѣнія о страшномъ и не страшномъ, мудрость ли и бдительность у правителей, или же качество, присущее ребенку и женщинѣ, рабу и свободному, ремесленнику, правителю и управляемому, именно, что каждый, будучи одинъ, дѣлаетъ только свое, а не разбрасывается на множество дѣлъ... Такимъ образомъ... за добродѣтель государства состязается съ его мудростью, благоразуміемъ и храбростью заложенная въ немъ сила, чтобы каждый дѣлалъ свое“ ³⁾. Эта сила и есть справедливость. Она относится ко всѣмъ людямъ и всѣмъ дѣламъ. Однако (и это чрезвычайно характерно для Платонова ученія), для блага государства особенно важно, чтобы въ „дѣланіи своего“ не перепутались высшіе и низшіе классы гражданъ. Если плотникъ станетъ дѣлать работу сапожника или сапожникъ займется плотничнымъ мастерствомъ, или еще кто-нибудь захочетъ дѣлать сразу то и другое и они обмѣняются орудіями и цѣной ихъ услугъ, то въ этомъ не будетъ еще очень большого вреда для государства. Другое дѣло, если

¹⁾ De Republica, IV, 432.

²⁾ De Republica, IV, 433.

³⁾ De Republica, IV, 433.

какой-нибудь ремесленникъ или вообще человѣкъ промышленнаго склада (*χρηματιστῆς φύσει*), возгордившись богатствомъ или силой, захотѣлъ бы заняться военнымъ дѣломъ, а воинъ, не достойный должности совѣтника и блюстителя, взялся бы за дѣла правленія, и они обмѣнялись бы орудіями и общественнымъ значеніемъ, или кто-нибудь захотѣлъ сразу дѣлать всѣ эти дѣла, — такой обмѣнъ занятіями и такое многодѣланіе были бы гибельны для государства. „При трехъ родахъ (дѣятельности) многодѣланіе и обмѣнъ на другое составляютъ величайшій вредъ для государства и совершенно правильно называются величайшимъ злодѣяніемъ“. И наоборотъ: „дѣланіе своего въ хозяйственномъ, охранительномъ и блюстительномъ родахъ дѣятельности (*χρηματιστικῆ, ἐπικουρικῆ, φυλακικῆ γένους οἰκιοπραγία*), когда каждый изъ нихъ выполняетъ въ государствѣ свое дѣло, ... было бы справедливостью и дѣлало бы государство справедливымъ“¹⁾...

Понятіе справедливости, начертанное „большими буквами“ въ государствѣ, подобнымъ же образомъ раскрывается и въ маломъ видѣ — въ отдѣльной человѣческой личности. Справедливымъ было признано государство, въ которомъ три рода душевныхъ качествъ дѣлаютъ каждый одно свое дѣло; наличность и правильное распределеніе такихъ качествъ надо предположить и въ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка. Выше мы уже упоминали, что Платонъ находитъ въ человѣческой душѣ объединеніе трехъ началъ — разумнаго (*λογιστικόν*), аффективнаго (*θυμὸς*) и чувственнаго, неразумнаго (*ἀλογιστόν τε καὶ ἐπιθυμητικόν*), „друга удовольвеній и наслажденій“ (*πληρώσεων τινων καὶ ἡδονῶν ἑταίρον*). Подобно тому какъ въ государствѣ три рода — хозяйственный, охранительный и блюстительный (*χρηματιστικόν, ἐπικουρικόν, βουλευτικόν*) гармонически объединяются подъ руководствомъ наиболѣе разумнаго изъ нихъ, такъ и въ душѣ отдѣльнаго человѣка будетъ царить гармонія, если каждая изъ трехъ ея составныхъ частей будетъ дѣлать „свое дѣло“, подъ верховнымъ руководствомъ разума. Разумное начало будетъ властвовать, аффективное защищать, чувственное — „занимающее большую долю души каждаго человѣка и по природѣ неутолимое въ стремленіи къ матеріальнымъ благамъ“²⁾ — будетъ покоряться и сдерживать свои дурные порывы. Человѣкъ, называемый справедливымъ, не дѣлаетъ дурныхъ поступковъ именно потому, что каждая часть его души дѣлаетъ свое какъ въ властвованіи, такъ и въ подчиненіи³⁾. Въ этой параллели между личностью и государствомъ Платонъ дѣлаетъ непонятный логическій скачекъ.

1) De Republica, IV, 434.

2) ὁ δὲ δὴ πλείστον τῆς ψυχῆς ἐν ἑκάστῳ ἐστί καὶ χρημάτων φύσει ἀπληστότατον. De Republica, IV, 442.

3) De Republica, IV, 441.

Цѣльной личности, гармонически объединяющей въ себѣ душевныя силы разнаго порядка, нѣтъ мѣста въ идеальномъ государствѣ, ибо тамъ представители каждаго класса отмѣчены одностороннимъ преобладаніемъ какого-либо качества души. По странному ослѣпленію, Платонъ не замѣчаетъ несоотвѣтствія такого общественаго строя съ начерченнымъ имъ же самимъ идеальнымъ образомъ человѣческой личности, которому будто бы можетъ отвѣчать и сапожникъ, душевная природа котораго не должна подниматься выше требованій его ремесла, и воинъ, который также способенъ только на дѣло защиты. Справедливость, говоритъ Платонъ, обнаруживается не во внѣшнемъ проявленіи дѣятельности человѣка, но по его истинно-внутренней жизни, по тому, что онъ самъ и что въ немъ (*περὶ ἑαυτὸν καὶ τὰ ἑαυτοῦ*). Она не позволяетъ никому дѣлать чужое въ своемъ дѣлѣ и не допускаетъ многодѣланія для различныхъ родовъ души. Хорошо поставляя свое, управляя своимъ, украшая и становясь другомъ себѣ, она сводитъ въ гармонію три начала, безхитростно, какъ три предѣла гармоніи — самый высокій, самый низкій и средній, а если случится, то и промежуточные между ними тона, связываетъ ихъ всѣ и изъ многихъ становится единымъ, сдержаннымъ и стройнымъ созвучіемъ. И тогда дѣйствуетъ такъ, что будетъ ли идти дѣло о приобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ, или о заботѣ о тѣлѣ, или о совѣщаніяхъ о дѣлахъ государственныхъ или частныхъ, — во всемъ этомъ она руководитъ и называетъ дѣйствіе справедливымъ или прекраснымъ, если оно поддерживаетъ такое состояніе или создаетъ его, а мудростью — знаніе, руководящее такимъ дѣйствіемъ, дѣйствіе же, разстраивающее такое состояніе, называетъ несправедливымъ, а мнѣніе, руководящее имъ, — невѣжествомъ¹⁾. Такъ въ построеніи Платона распределительное начало — справедливость — господствуетъ надъ жизнедѣятельностью цѣлаго общества и отдѣльной личности. Ученіе о раздѣленіи труда становится центромъ, къ которому сходятся нити сложной ткани его соціальныхъ теорій, этики и метафизики. Въ формальномъ отношеніи трудно представить нѣчто болѣе стройное и цѣльное. Платонъ хочетъ создать государство созвучнымъ движеніемъ струнъ человѣческой души и силъ общественаго организма, и его общее ученіе возносится какъ торжественный гимнъ божественному началу міра, устрояющему жизнь всюду въ духѣ истины, красоты и гармоніи. Въ этомъ отношеніи его утопія останется вѣчнымъ образцомъ общественаго строительства. Но содержаніе его нравственнаго идеала неудержимо тянуло его внизъ, къ традиціоннымъ формамъ эллинской государственной жизни. Въ устремленіи къ вѣчной идеѣ добра Платонъ не поднимается до крайнихъ вершинъ, достигнутыхъ лишь

¹⁾ De Republica, IV, 443—444.

позднѣ, въ христіанскомъ ученіи, и ему остается чуждою мысль о равенствѣ всѣхъ людей предъ лицомъ высшей правды и объ одинаковой возможности для всѣхъ высокихъ подвиговъ добродѣтели.

Совершенное государство Платона — эллинское ¹⁾. Окружающій эллиновъ варварскій міръ неспособенъ къ разумно-упорядоченной жизни и не можетъ войти въ содружество съ эллинами. Варвары—прирожденные и вѣчные враги эллиновъ. Война между эллинами—простой „домашній споръ“ (στάσις), война съ варварами—настоящая война—борьба съ людьми другой расы и чуждыми по духу ²⁾. Война между эллинами должна быть вѣдена въ возможно мягкихъ формахъ, съ пощадой людямъ и имуществу; война съ варварами допускаетъ примѣненіе существующихъ военныхъ обычаевъ. Побѣжденныхъ варваровъ слѣдуетъ обращать въ рабство, эллиновъ — нѣтъ ³⁾.

Въ противоположеніи эллинскаго міра варварскому Платонъ оставался вѣренъ общему древне-греческому національному сознанию. Но въ этихъ предѣлахъ у него было горячее желаніе устроить единое государство, какъ оно и должно быть въ кругу друзей, родныхъ и домашнихъ (эпитеты, которые онъ прилагаетъ къ эллинамъ, какъ единой расѣ). Тѣмъ тягостнѣ впечатлѣніе, оставляемое его практическимъ проектомъ идеальнаго государства. Совершенное государство должно быть „единымъ“, цѣлостнымъ, объединяющимъ въ гармоническомъ сочетаніи разнообразныя виды человѣческой дѣятельности. Но единство общественной организаціи и настроенія гражданъ въ изображаемыхъ Платономъ положительныхъ типахъ государства легко достигалось бы лишь въ блаженные времена Хроноса, когда все, потребное людямъ, само собою выросло изъ земли. Тамъ же, гдѣ нельзя обойтись безъ хозяйственныхъ дѣлъ и заботъ, вопросъ осложняется необходимостью гармонически сочетать ихъ съ исполненіемъ военныхъ и гражданскихъ обязанностей и высшимъ духовнымъ развитіемъ. Платонъ рѣшаетъ этотъ вопросъ рѣзкимъ дѣленіемъ гражданъ на двѣ обособленныя категоріи, и налаживаемый имъ съ такимъ стараніемъ единый строй государства даетъ здѣсь глубокую трещину, уподобляясь отрицательнымъ типамъ общественной организаціи, раздваиваемымъ на несходныя и враждебныя части вторженіемъ матеріальнаго интереса. Правда, Платонъ мечтаетъ объ единомыслии всѣхъ гражданъ проектируемаго имъ государства и первой обязанностью правителей ставить укрѣпленіе сознания единства происхожденія всѣхъ какъ бы отъ общей матери-кормилицы—земли, въ

¹⁾ „...Государство, которое ты устранишь, развѣ не будетъ эллинскимъ?“— Должно быть такимъ... De Republica, V, 470.

²⁾ τὸ μὲν Ἑλληνικὸν γένος αὐτὸ αὐτῷ οἰκείον εἶναι καὶ συγγενές, τῷ δὲ βαρβαρικῷ ὀθνητῶν τε καὶ ἄλλοτριον. De Republica, V, 470.

³⁾ De Republica, V, 469.

которой они живутъ (ὡς περὶ μητρὸς καὶ τροφῶ τῆς χύρας ἐν ἡ εἰσί). Воины должны всѣми силами защищать родную землю и всѣхъ другихъ гражданъ считать своими братьями, какъ рожденныхъ той же матерью—землей (ὡς ἀδελφῶν ὄντων καὶ γηγενῶν)¹⁾. Но тутъ же подчеркивается, что эти братья, занятые хозяйственной дѣятельностью, существа низшей породы. Ихъ надо оберегать, какъ необходимый элементъ государства, оградить ихъ отъ обидъ и притѣсненій, чтобы они могли спокойно выполнять порученное имъ дѣло,—и только. Избранные люди, занятые войной и управленіемъ, возвышаются надъ ними, выполняя функцію не только охранителей, но и начальниковъ. Это—распорядительная и полицейская власть, благожелательная и заботливая,—но все же власть, не смѣшивающаяся съ управляемыми, а прямо требующая покорности и подчиненія. Правители государства должны поставить стражей въ такія условія, чтобы они помогали имъ, какъ собаки пастухамъ, пасти стадо овецъ—мирныхъ гражданъ, заботясь болѣе всего о томъ, чтобы стражи правильно выполняли свое дѣло и не выродились бы въ волковъ, нападающихъ на овецъ, т.-е. вмѣсто защитниковъ и благожелательныхъ охранителей порядка не уподобились бы жестокимъ господамъ-рабовладѣльцамъ (ἀντὶ ζυμμάχων εὐμενῶν δεσπότης ἀγρίοις ἀφομοιωθῆσιν)²⁾. Воины даже территориально рѣзко отдѣлены отъ гражданъ, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью. Подобно спартиатамъ, стражи совершеннаго государства живутъ въ лагерѣ, расположенномъ въ удобномъ мѣстѣ, откуда можно было бы легко приводить къ покорности собственныхъ гражданъ, вздумавшихъ неповиноваться установленнымъ порядкамъ и отражать нападенія внѣшнихъ враговъ³⁾. Это и есть истинное ядро совершеннаго государства, граждане, могущіе жить по-человѣчески, выполняя свою специальную функцію, способные къ высокому нравственному подъему, и въ ихъ же средѣ проходятъ свой первоначальный стажъ и натуры, исключительно одаренныя, призванныя въ будущемъ стать философами и правителями.

Такихъ людей немного. Кромѣ того между ними должно установиться возможно болѣе тѣсное содружество, достижимое только въ сравнительно узкомъ кругу. Значить и для содержанія ихъ потребовалось бы сравнительно небольшое количество гражданъ низшаго слоя. Отсюда совершенное государство должно имѣть ограниченныя размѣры. Правители опредѣляютъ его границы соответственно предусматриваемой ими возможности единенія гражданъ. Государство будетъ велико и сильно единствомъ духа, „годностью“ (выполнять свое

1) De Republica, III, 414.

2) De Republica, III, 416.

3) De Republica, III, 415.

назначеніе), внѣшніе же его размѣры именно поэтому не должны быть ни велики, ни малы, и стражамъ должно быть вмѣнено въ обязанность строго слѣдить за тѣмъ, чтобы они не переходили за этотъ предѣлъ ¹⁾. Какъ же достигнуть того, чтобы люди, по природнымъ задаткамъ способные стать стражами, оказались и на дѣлѣ достойными своего высокаго призванія? Платонъ глубоко убѣжденъ, что одного воспитанія для этого мало. Чтобы имѣть воиновъ, крѣпкихъ духомъ и чистыхъ сердцемъ, государство должно создать для нихъ и определенную внѣшнюю обстановку, изъ которой были бы удалены обычные соблазны, расслабляющіе и раздѣляющіе людей. Лучшей формой жизни для стражей Платонъ считаетъ возможно болѣе тѣсное содружество между ними и безкорыстное отношеніе къ низшему классу. Изображая эту идеальную внѣшнюю обстановку жизни, какъ ее устроили бы правители-философы, вдохновляемые высшимъ разумомъ, Платонъ не отстываетъ передъ описаніемъ мельчайшихъ деталей, цѣня ее именно какъ средство нравственнаго улучшенія лицъ, призванныхъ быть стражами, и какъ необходимое условіе единства, величія и силы всего государства. Но объ этомъ — въ слѣдующей главѣ.

¹⁾ ὅπως μῆτε σμικρά ἢ πόλις ἔσται μῆτε μεγάλη δοκοῦσα, ἀλλά τις ἰκανή καὶ μία. De Republica, IV, 423.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хозяйство как элемент общественной и индивидуальной жизни в философской системѣ Платона. II. Соподчиненіе жизненныхъ цѣлей. Умѣренность и аскетизмъ.

Мѣсто матеріальныхъ интересовъ въ жизни человѣческой личности. — Нравственная выработка личности требуетъ и соответственной внѣшней обстановки жизни. — Жизнь стражей въ идеальномъ государствѣ. — Запрещеніе частной собственности. — Общность женъ и дѣтей. — Единство мыслей и чувствъ. — Отличіе Платонова коммунизма отъ современныхъ социалистическихъ ученій. — Граждане низшаго разряда. — Личность и государство. — Аскетическій духъ жизни въ идеальномъ государствѣ. — Своеобразіе Платонова аскетизма. — Его отбѣйки въ различные моменты творчества философа. — Значеніе военныхъ заботъ для организациі идеальнаго государства. — Борьба жителей Атлантиды съ объединенными эллинами. — Государство „Законовъ“. — И здѣсь основная идея — соподчиненіе жизненныхъ цѣлей. — Цѣль второго государства. — Война какъ необходимость, а не какъ цѣль въ себѣ. — Добродѣтели гражданъ. — Порядокъ благъ. — Внѣшнія условія жизни гражданъ второго государства. — Составъ и число жителей. — Имущественное и семейное положеніе ихъ. — Умѣренность — основная добродѣтель гражданъ. — Препятствія образованію имущественныхъ неравенствъ. — Устраненіе богатства и бѣдности. — Главное занятіе гражданъ — военныя упражненія и образованіе. — Изъ хозяйственныхъ занятій гражданамъ разрѣшается только земледѣліе, а въ немъ — только управленіе. — Исполнительный трудъ передается рабамъ и чужеземцамъ (въ ремеслѣ и торговлѣ). — Регулированіе рыночнаго обмѣна и отношеній между ремесленникомъ и заказчикомъ. — Допустимыя неравенства въ движимомъ имуществѣ гражданъ (цензовая система) и участіе въ выборахъ должностныхъ лицъ. — Положеніе рабовъ. — Жизнь гражданъ. — Сисситіи и военныя упражненія для мужчинъ и женщинъ. — Внутренніе стимулы гражданъ подчиняться установленному порядку. — Верховный совѣтъ какъ руководящій органъ государственной жизни. — Подчиненіе въ жизни гражданъ матеріальныхъ интересовъ болѣе возвышеннымъ цѣлямъ. — Регулированіе распредѣленія продуктовъ во второмъ государствѣ. — Общій смыслъ идеальныхъ построеній государственной организациі у Платона — Раціонализмъ цѣли, а не средствъ (потребленія, а не производства). — Значеніе вопроса о цѣли хозяйства для современной экономической науки и политики.

Въ предыдущемъ было показано, что ученіе объ общественномъ раздѣленіи хозяйственнаго труда вытекало у Платона изъ глубины его общаго міровоззрѣнія, требовавшего, чтобы каждая способность выполняла подходящее для нея дѣло. Намѣчая лѣстницу человѣческихъ способностей, Платонъ установилъ іерархію занятій въ идеаль-

номъ государствѣ, отвѣдя хозяйственной дѣятельности послѣднее и подчиненное мѣсто. Здѣсь онъ сталъ на скользкій путь смѣшенія нравственныхъ качествъ съ профессиональными дарованіями, и погому все его построение оказалось шаткимъ. Но за вопросомъ о распредѣленіи занятій въ обществѣ естественно слѣдовалъ другой—о мѣстѣ матеріальной стороны въ жизни отдѣльной человѣческой личности, о соподчиненіи различныхъ жизненныхъ цѣлей. Платонъ поставилъ этотъ вопросъ и притомъ съ замѣчательной опредѣленностью, даже рѣзкостью, и хотя особенности его міровоззрѣнія препятствовали ему найти удачное рѣшеніе этой трудной проблемы, самая постановка ея была чрезвычайно важнымъ шагомъ въ развитіи обществовѣдѣнія. И до настоящаго времени эта проблема далеко еще не остается рѣшенною, и самая постановка ея у многихъ современныхъ ученыхъ страдаетъ узостью, отсутствіемъ связи съ основнымъ нравственнымъ идеаломъ, тогда какъ у Платона эта связь устанавливается съ необыкновенной отчетливостью. Т. обр. ученіе Платона и этой своей стороной входитъ въ кругъ текущей работы современной экономической мысли и, пожалуй, даже въ большей мѣрѣ сливается съ нашими современными исканіями, чѣмъ изложенная въ предыдущей главѣ его теорія общественнаго раздѣленія хозяйственнаго труда.

Суровый моралистъ, Платонъ ясно видитъ, что высокія нравственныя требованія не могутъ быть предъявляемы къ массѣ людей безъ соотвѣтственныхъ внѣшнихъ преобразованій ихъ жизни. И потому онъ съ особенной заботливостью относится къ вопросамъ житейскаго распорядка стражей, нравственная выработка которыхъ имѣетъ существенное значеніе для судьбы всего проектируемаго государства. Платонъ рисуеъ для нихъ форму общественнаго устройства, противоположную наблюдаемой въ окружающей дѣйствительности. Въ существующихъ государствахъ всюду началомъ разложенія оказываются матеріальные интересы. Надо прежде всего освободить жизнь стражей отъ этого губительнаго начала. Человѣкъ, имѣющій разумъ (*τις νοῦν ἔχων*), скажетъ, что помимо надлежащаго воспитанія у стражей надо такъ устроить жилища и другое имущество (*τὰς οἰκίσεις καὶ τὴν ἄλλην οὐσίαν*), чтобы они не мѣшали ихъ нравственному совершенству и не наводили на дурныя дѣла по отношенію къ прочимъ гражданамъ¹⁾. Во-первыхъ, никто изъ нихъ не долженъ имѣть никакого собственнаго имущества, кромѣ самаго необходимаго. Во-вторыхъ, у нихъ не должно быть присвоеннаго отдѣльному лицу жилища и кладовой. Всѣ необходимыя для нихъ вещи они должны получать въ достаточномъ для надлежащаго выполненія ихъ обязанностей количествѣ отъ гражданъ, заня-

1) De Republica, III, 416.

тыхъ хозяйственной дѣятельностью. Это—жалованье за службу по охранѣ государства (μισθὸς τῆς φυλακῆς). Оно не должно быть ни велико, ни мало. Пользованіе получаемыми предметами продовольствія организуется въ видѣ общихъ столовыхъ. Вообще жизнь стражей должна имѣть характеръ совмѣстной лагерной жизни¹⁾. Отъ нихъ необходимо совершенно удалить типическую форму частнаго богатства—драгоценные металлы (и въ частности чеканенныя изъ нихъ деньги). Правители должны внушить имъ, что они уже имѣютъ въ душѣ божественное золото и серебро—даръ боговъ, въ человѣческомъ же—не нуждаются. Человѣческое, смертное золото лишь осквернило бы божественное, нетлѣнное сокровище ихъ душъ. Не только владѣть золотыми и серебряными вещами, даже касаться ихъ, пить изъ драгоценныхъ сосудовъ—имъ воспрещается. Въ драгоценныхъ металлахъ и деньгахъ Платонъ видитъ какъ бы наиболѣе концентрированную форму разлагающаго капиталистическаго начала, причинившаго много бѣдъ существующимъ обществамъ. Владѣніе ими, даже одна близость къ нимъ могутъ разрушить цѣльность совершеннаго государства. Съ ними стражи погрузились бы въ область матеріальныхъ заботъ и связанныхъ съ ними противообщественныхъ стремленій. Приобрѣтая землю, дома и деньги, они вмѣсто стражей сдѣлались бы хозяевами и земледѣльцами (οἰκονόμοι μὲν καὶ γεωργοί), господами, враждебными прочимъ гражданамъ, а не защитниками ихъ²⁾.

Характерно, что въ классъ стражей Платонъ вводитъ и женщинъ, которыя, по его убѣжденію, обладаютъ по существу тѣми же способностями для выполненія обязанностей защиты государства, какъ и мужчины, только въ болѣе слабой степени. Какъ безразлично, плѣшивый или обросшій волосами сапожникъ шьетъ сапоги, лишь бы онъ былъ способенъ къ этому дѣлу, такъ несущественно, будетъ ли охранять государство лицо того или другого пола, лишь бы оно имѣло соответствующія душевныя качества. Женщины, зачисленныя въ классъ стражей, должны получать воспитаніе, одинаковое съ мужчинами, не исключая и гимнастическихъ упражненій въ палестрахъ, гдѣ они должны выступать обнаженными наряду съ мужчинами. Платонъ считаетъ даже, что среди женщинъ есть способныя дойти до наивысшихъ степеней въ государственной іерархіи (стать правительницами-философами)³⁾.

Женщины-стражи являются и наиболѣе подходящими женами для стражей-мужчинъ, ибо онѣ сходны съ ними по природѣ. Имъ подобаеъ жить вмѣстѣ и вмѣстѣ охранять государство (συνοικεῖν τε καὶ

1) ποικίλωντας δὲ ἐς εὐσείκεια, ὡς περ ἑσπυραποθευμένων, κοινῇ ζῆν. De Republica, III, 416.

2) De Republica, III, 416—417.

3) De Republica, V, 451—456.

συνφυλάττειν) ¹⁾. Постоянно встрѣчаясь за общими обѣдами, общими гимнастическими упражненіями, мужчины и женщины естественно будутъ имѣть влеченіе другъ къ другу; но, какъ все въ совершенномъ государствѣ, и соединеніе половъ должно быть разумно упорядочено и регламентировано. При совмѣстной лагерной жизни нельзя устроить постоянные семейные очаги; Платоновое государство не знаетъ семьи, но не допускаетъ и беспорядочныхъ половыхъ отношеній. Правители время отъ времени устраиваютъ „браки“, и притомъ „священные“ (γάμους... ἱεροῦς), совершая спеціальныя брачныя празднества съ жертвоприношеніями и гимнами и назначая сочетанія жениховъ и невѣстъ какъ бы по жребію, въ дѣйствительности же строгимъ подборомъ лучшихъ съ лучшими и худшихъ съ худшими, какъ это прокиткуется въ образцовыхъ хозяйствахъ при разведеніи гончихъ собакъ и птицъ. Рождающіяся отъ такихъ „браковъ“ дѣти поступаютъ съ момента рожденія въ распоряженіе правителей государства, которые передаютъ рожденныхъ отъ лучшихъ особо назначеннымъ для этого кормилицамъ, а рожденныхъ отъ худшихъ, или вообще обладающихъ физическими недостатками, относятъ въ тайное мѣсто (гдѣ тѣ и погибаютъ). Къ кормленію дѣтей черезъ нѣкоторое время допускаются и матери отобранныхъ младенцевъ, причемъ принимаются мѣры, чтобы мать не узнала своего ребенка. Такимъ образомъ дѣти не имѣютъ близкихъ родственныхъ связей, и ихъ родителями считаются всѣ стражи одинаково, равно какъ всѣ женщины являются какъ бы общими женами всѣхъ стражей ²⁾.

Общности женъ и дѣтей Платонъ, съ точки зрѣнія абсолютной идеи, осуществляемой совершеннымъ государствомъ, придавалъ, повидимому, даже большее значеніе, чѣмъ общности пользованія матеріальными благами. Онъ видѣлъ въ немъ высшее выраженіе государственнаго *единства*, основной черты совершеннаго общежитія. „Имѣемъ ли мы какое-либо бѣльшее для государства зло, чѣмъ то, которое разъединяетъ его и дѣлаетъ изъ него многія государства, вмѣсто одного, или бѣльшее добро, чѣмъ то, которое связываетъ его и дѣлаетъ единымъ?.. А развѣ общность удовольствій и скорби не связываетъ, когда всѣ граждане одинаково радуются и скорбятъ отъ прибрѣтеній и потерь“?.. Напротивъ, разница въ чувствованіяхъ гражданъ разрушаетъ существо государства. Ибо тогда одни говорятъ: „это мое“, другіе— „это не мое“. Въ совершенномъ же государствѣ большинство людей по отношенію къ одному и тому же одинаково говорить: „это—мое“, или: „это—не мое“. Такъ и у отдѣльнаго человѣка: если онъ ушибъ себѣ только палецъ, связь всѣхъ частей въ его тѣлѣ выразится въ

¹⁾ De Republica, V, 456.

²⁾ De Republica, V, 458—462.

общемъ чувствѣ страданія, и мы говоримъ: человѣкъ страдаетъ болью въ пальцѣ ¹⁾. Общность женъ и дѣтей между охранителями государства становится причиной его величайшаго блага ²⁾. Она какъ бы заканчиваетъ дѣло, начатое общностью имущества. Если бы у стражей у каждаго были свои отдѣльныя заботы, удовольствія и печали, каждый собиралъ бы въ своемъ домѣ особое имущество и уводилъ туда свою жену и дѣтей, и всѣ чувствовали бы себя по разному, тогда и во всемъ государствѣ наступило бы раздѣленіе и несогласіе. Теперь же, когда никто не приобретаетъ себѣ никакой собственности, кромѣ тѣла, а все остальное у нихъ общее, то между ними не будетъ ни тяжбъ, ни обвиненій, ибо всѣ раздоры возникаютъ изъ-за приобретенія денегъ, дѣтей и родныхъ. А разъ не будетъ раздоровъ между стражами, то и граждане низшаго слоя будутъ жить въ мирѣ, не ссорясь другъ съ другомъ и не возставая противъ высшихъ классовъ. Жизнь стражей при такомъ порядкѣ станетъ блаженнѣе жизни побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Ихъ побѣда прѣкраснѣе, а содержаніе, даваемое имъ, полнѣе. Ихъ побѣда—спасеніе всего государства (*νίκην τε ὑπὲρ νικῶσι ζυμπράσις τῆς πόλεως σωτηρίαν*), а необходимое для жизни содержаніе получаютъ и они сами, и дѣти ихъ. Государство оказываетъ имъ почетъ при жизни и достойное погребеніе послѣ смерти ³⁾.

Таковъ „соціализмъ и коммунизмъ“ Платонова государства. Сходство его съ современными соціалистическими теченіями можно усмотрѣть пожалуй только въ страстной борьбѣ противъ частнаго, личнаго интереса, противъ „власти денегъ“, безудержнаго стремленія къ наживѣ и приобретенію, которому противопоставляется общій интересъ государственнаго цѣлаго и дружеское единомысліе гражданъ въ отношеніяхъ между собою. Стражи достигнутъ блаженства, когда они не будутъ имѣть ничего „своего“, когда все у нихъ будетъ общее, какъ подобаетъ между друзьями и соратниками. Это стремленіе поставитъ общій интересъ на мѣсто частнаго характерно (хотя и не въ столь рѣзкой степени) и для новѣйшихъ соціалистическихъ ученій. Въ остальномъ же коммунизмъ Платонова государства своеобразенъ и совершенно не похожъ на проекты соціалистической организациі общества, которые предлагались и предлагаются какъ антитеза капиталистическому строю хозяйства. Эти проекты предлагаютъ реорганизацію на основѣ преобладанія общаго интереса *хозяйственной дѣятельности* людей, Платоновскій же коммунизмъ совершенно не затрагиваетъ хозяйственной дѣятельности, идущей своимъ чередомъ въ рукахъ

¹⁾ De Republica, V, 462.

²⁾ Τοῦ μεγίστου ὄρα ἀγαθοῦ τῆ πόλεως αἰτία... ἡ κοινονία τοῖς ἐπιχοῦροις τῶν τε παίδων καὶ τῶν γυναικῶν. De Republica, V, 464.

³⁾ De Republica, V, 464—465.

гражданъ нашего класса. Ни правители, ни стражи никакой хозяйственной дѣятельностью не занимаются; все, что имъ нужно, имъ доставляютъ другіе. Для Платонова коммунизма характерно желаніе освобожденія кого-либо не отъ эксплуатаціи владѣющихъ средствами производства, а отъ самихъ хозяйственныхъ заботъ, отрѣшенія отъ всякихъ мыслей о хозяйственной дѣятельности. Высшій слой совершеннаго государства, живя „коммунистически“, т.-е. тѣснымъ товарищескимъ кругомъ, не простираетъ коммунистическихъ началъ далѣе потребленія. Въ немъ никто не эксплуатируетъ другъ друга, но весь онъ содержится на чужой счетъ, на оброкъ, получаемый отъ трудящейся массы, владѣющей средствами производства. Къ такому строю надо подходить не съ современнымъ масштабомъ, а съ совершенно другими мѣрками ¹⁾.

Современный социальный реформаторъ озабоченъ всего болѣе судьбой и устройствомъ трудящейся массы; Платонъ думаетъ о ней всего менѣе. Соціалистическая мысль нашего времени ищетъ путей къ тому, чтобы на мѣсто различныхъ общественныхъ классовъ поставить одинъ, сплоченный солидарностью интересовъ, союзъ трудящихся. Платонъ же сосредоточиваетъ все вниманіе на томъ, чтобы господствующій классъ былъ рѣзко отграниченъ отъ низшаго. Какъ живутъ и работаютъ люди низшей породы, ему безразлично, лишь бы они выполнили возложенную на нихъ функцію „кормленія“ гражданъ высшихъ разрядовъ и своимъ поведеніемъ и образомъ жизни не нарушали гармоніи, необходимой для единства государства. Для этого нужно немногое. Во-первыхъ, и въ средѣ низшихъ классовъ не надо допускать началъ, разлагающихъ общество, — богатства и бѣдности. Если горшечникъ разбогатѣетъ, онъ перестанетъ заботиться о своемъ ремеслѣ, станетъ лѣнивъ и небреженъ, и сдѣлается дурнымъ горшечникомъ. И въ то же время, если ремесленникъ обѣднѣетъ настолько, что не въ состояніи будетъ достать себѣ орудій или вообще того, что нужно для его дѣла, онъ и самъ будетъ изготовлять вещи худшаго качества и сдѣлаетъ плохими ремесленниками своихъ сыновей и учениковъ ²⁾. Во-вторыхъ, каждый земледѣлецъ или ремесленникъ долженъ заниматься однимъ дѣломъ, къ которому онъ наиболѣе способенъ и которое потому указано ему правителемъ государства. Въ третьихъ, онъ долженъ быть послушенъ власти, что достигается не только внѣшней сдержкой, но и его внутреннимъ убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ присущей ему добродѣтели „благоразумія“. Гражданамъ низшаго класса предоставляется жить по прежнему,

¹⁾ Ср. кн. Е. Трубецкой. Соціальная утопія Платона. Москва, 1908, стр. 61—62.

²⁾ De Republica, IV, 421.

имѣть свое собственное хозяйство и имущество, но при условіи строгаго подчиненія предписаніямъ свыше. Каковы должны быть эти предписанія, Платонъ не указываетъ подробно, кромѣ отмѣченныхъ только что общихъ требованій. Но можно думать, что поддержаніе гармоніи совершеннаго государства доставалось бы трудящимся не легко. Гомперцъ считаетъ ихъ отношеніе къ правящимъ близкимъ къ рабству (Knechtschaft) ¹⁾. Целлеръ полагалъ, что Платонъ совершенно не думалъ о низшемъ классѣ гражданъ, ни объ ихъ воспитаніи, ни объ ихъ дѣятельности, предоставляя ихъ вполнѣ самимъ себѣ. И хотя ему непонятно, какимъ образомъ эти граждане получили бы необходимую для нихъ добродѣтель, онъ все же считаетъ, что Платону, съ его аристократической точки зрѣнія, качества этого класса представлялись довольно безразличными для общаго блага ²⁾. Мнѣніе это явно преувеличено. Какъ бы мало ни цѣнилъ Платонъ низшій классъ своего государства, онъ былъ нуженъ ему для гармоніи цѣлаго, для правильной жизни верхнихъ слоевъ, и *постольку* онъ не могъ не считаться съ нимъ и не думать о немъ, что и выразилось въ отмѣченныхъ выше указаніяхъ. Во всемъ же, что шло дальше этихъ заботъ о стройности и крѣпости задуманнаго государственнаго устройства, отъ Платона трудно было бы ожидать внимательнаго, а тѣмъ болѣе сердечнаго отношенія. Хозяйственный трудъ Платонъ считаетъ необходимымъ, но неприятнымъ и унижительнымъ дѣломъ, пригнетающимъ душу и достойнымъ только такихъ людей, для которыхъ по прирожденнымъ качествамъ ихъ души не остается лучшаго выбора. Люди, занимающіеся ремеслами, неспособны къ занятію философіей. И хотя въ существующихъ государствахъ есть не мало выскочекъ, бросающихся отъ ремесла къ философіи, они приступаютъ къ ней съ несовершенной природой, съ тѣлами, испорченными ихъ ремесленной работой и разслабленными и отупѣлыми душами ³⁾. Говоря о томъ, чему не должны подражать стражи, Платонъ ставитъ рядомъ съ людьми, ведущими постыдныя рѣчи въ пьяномъ видѣ, бѣшенными и вообще ведущими себя непристойно, „худыми людьми“ (πονηροῦς ἄνδρας) — кузнецовъ и другихъ ремесленниковъ, гребцовъ и капитановъ судовъ ⁴⁾. Въ діалогъ „Политикъ“, описывая самымъ детальнымъ образомъ процессъ ткачества, Платонъ (или кто-либо изъ его ближайшихъ учениковъ) считаетъ необходимымъ оговориться, что онъ пользовался примѣромъ тканья для нагляднаго поясненія болѣе высокаго искусства (политическаго) и что ни одинъ разумный

¹⁾ Griechische Denker, II, стр. 403—404.

²⁾ Zeller. Die Philosophie der Griechen. Zweiter Teil, 1 Abth., 3-te Aufl. Leipzig 1875, стр. 769—770.

³⁾ De Republica, VI, 495.

⁴⁾ De Republica, III, 396.

человѣкъ не сталъ бы описывать искусство ткача ради него самого ¹⁾).

Какъ ни правдоподобно, казалось бы, объясненіе скудости указаній Платона относительно образа жизни и дѣятельности класса, занятаго хозяйственными работами, малой оцѣнкой этихъ работъ, противъ него выступилъ Пѣльманъ съ пространными возраженіями въ „Исторіи античнаго социализма и коммунизма“, взявъ мишенью своей полемики наиболѣе рѣзкую формулировку этого мнѣнія, данную Целлеромъ. Пѣльманъ обращаетъ вниманіе прежде всего на то, что Платонъ вообще не желалъ предлагать детальныхъ неподвижныхъ правилъ для жизни и дѣятельности гражданъ совершеннаго государства, полагаясь на живую мудрость и творческія способности правителей. Это вѣрно, но относится одинаково ко всѣмъ классамъ. Между тѣмъ о подготовкѣ, жизни и дѣятельности высшихъ классовъ Платонъ находитъ возможнымъ говорить подробно, и становится необычно кратокъ, какъ только дѣло начинается касаться низшаго слоя. Далѣе Пѣльманъ считаетъ абсурдомъ, сводящимъ на-нѣтъ культурно-политическую цѣнность Платонова государства, если бы его дѣятельная сила служила на пользу только маленькой части его населенія, оставляя большинство въ прежнемъ положеніи, не улучшая его ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ. Выше было показано, что Платонъ предусматриваетъ нѣкоторое улучшеніе судьбы низшаго разряда гражданъ по сравненію съ положеніемъ лицъ, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью въ существующихъ государствахъ (устраненіе богатства и бѣдности, благожелательное отношеніе господствующихъ классовъ, распредѣленіе занятій соответственно способностямъ, развитіе у нихъ „благоразумія“). Но это улучшеніе иного порядка, чѣмъ измѣненія въ судьбѣ высшихъ классовъ. Тамъ личность можетъ достигать крайнихъ моральныхъ высотъ, доступныхъ человѣку, здѣсь же она должна довольствоваться скромной обиходной добродѣтью ²⁾). Спайка государства Платона непрочна, его планъ непрактиченъ, и его государство неминуемо распалось бы, ибо его основа дѣйствительно абсурдна. Нельзя безнаказанно строить общественную организацію изъ различныхъ профессиональныхъ

¹⁾ Politicus, 285.

²⁾ Ноле едва ли правъ, считая, что у Платона нравственная добродѣтель ремесленника совпадаетъ съ его годностью къ своей профессіи, и что подготовка къ ней оказывается единственнымъ моральнымъ воспитаніемъ, въ которомъ онъ нуждается. C. Nohle. Die Staatslehre Platos in ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig 1880, стр. 146. Характеристика ремесленнаго класса у Платона не исключаетъ нѣкотораго наученія людей, принадлежащихъ къ этому классу, ихъ главной добродѣтели — „благоразумію“.

элементовъ не по профессиональнымъ, а моральнымъ признакамъ. Но объ этомъ мы уже говорили выше.

Мнѣніе Платона о дурномъ вліяніи ремесленной работы на умственные и нравственные силы трудящихся Пѣльманъ сближаетъ съ аналогичными соображеніями Ад. Смита. Но Ад. Смитъ не имѣлъ въ виду прирожденныхъ особенностей моральнаго склада трудящихся и полагалъ, что дурное вліяніе чрезмѣрнаго раздѣленія труда можно парализовать организованнымъ государственной властью воспитаніемъ и образованіемъ народа. Въ проектѣ Платона наилучшее возможное въ идеальномъ государствѣ воспитаніе людей, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, не можетъ привести ихъ къ высшей добродѣтели, доступной только философамъ, ибо такая добродѣтель должна основываться на знаніи, даваемомъ высшимъ разумомъ, а не на обычномъ житейскомъ мнѣніи. Пѣльманъ пытается защитить Платона отъ упрека въ аристократическомъ презрѣніи къ хозяйственному труду, ссылаясь на то, что даже Сократъ рѣзко высказывался противъ политическаго господства демоса, слагающагося изъ невѣжественныхъ ремесленниковъ, земледѣльцевъ и торговцевъ ¹⁾. Но въ этомъ отношеніи Сократъ, хотя онъ и былъ человѣкомъ очень скромнаго происхожденія, былъ не меньшемъ аристократомъ, чѣмъ самъ Платонъ. Въ введеніи и первой главѣ мы указывали уже, что греческое общественное мышленіе было проникнуто аристократическимъ духомъ, независимо отъ того, къ какому слою общества принадлежалъ тотъ или другой мыслитель. Достаточно, чтобы онъ признавалъ различіе между гражданами и не-гражданами, и тогда онъ невольно проводилъ рѣзкую грань между государственной и не-государственной (частно-хозяйственной) дѣятельностью, между гражданскими добродѣтелями и качествами ремесленниковъ или земледѣльцевъ.

Пѣльманъ правъ въ своей полемикѣ съ Целлеромъ только въ смыслѣ указанія, что Платонъ не игнорировалъ совершенно вопроса о положеніи низшаго класса гражданъ въ идеальномъ государствѣ. Но онъ заходитъ уже чрезмѣрно далеко, приписывая Платону желаніе распространить коммунистическую организацію и на этотъ классъ. Прямыхъ указаній на такое желаніе, конечно, въ „Государствѣ“ найти невозможно, но Пѣльманъ выводитъ его путемъ толкованія даваемой Платономъ характеристики искусства правителей и (отмѣченныхъ выше) выраженій о „моемъ“ и „не моемъ“ ²⁾. Искусство правителей заключается въ общемъ направленіи всѣхъ дѣйствій въ государствѣ къ благу цѣлаго, а значитъ, добавляетъ Пѣльманъ, оно есть и высшій регуляторъ трудовой жизни. Но почему регулированіе хозяйственной

¹⁾ Исторія античнаго коммунизма и социализма, стр. 133—161.

²⁾ Тамъ же, стр. 162—163.

дѣятельности въ идеальномъ государствѣ не можетъ ограничиваться требованіемъ, чтобы каждый ремесленникъ или земледѣлецъ въ отмежеванномъ ему кругѣ работы „дѣлали свое“, а должны непременно включать въ себя еще и обобщеніе средствъ производства и коммунизмъ потребленія, этого ни откуда не видно, и такой порядокъ даже противорѣчилъ бы идеѣ Платонова государства. Коммунизмъ высшихъ классовъ основывается у Платона на ихъ отрѣшеніи отъ хозяйственныхъ заботъ, онъ имѣетъ цѣль, постороннюю и чуждую хозяйству,—сосредоточеніе всѣхъ душевныхъ силъ на высшихъ задачахъ обороны и управленія, совершенно недоступныхъ низшему разряду гражданъ. Для чего же Платону понадобилось бы устраивать послѣднихъ на социалистическій ладъ? Чтобы устранить раздоры между ними? Но говоря о томъ, чтобы граждане жили согласно и не думали различно о томъ, что „мое“ или „не мое“, Платонъ имѣлъ въ виду, какъ вытекаетъ изъ всего контекста, прежде всего согласіе между гражданами высшихъ классовъ. Если между ними не будетъ раздоровъ, тогда легко привести къ покорности низшій слой, поддерживать въ немъ основную добродѣтель „благоразумія“, и не прибѣгая къ тяжело-вѣсному аппарату социалистической организаціи производства и коммунизма потребленія. Ужъ о чемъ другомъ, а объ общихъ обѣдахъ, если бы только Платонъ имѣлъ ихъ въ виду для низшаго класса гражданъ, онъ не забылъ бы упомянуть. Вообще трудно говорить о пробѣлахъ въ „Политіи“; это трактатъ, надъ которымъ Платонъ работалъ долго и упорно, и едва ли упустилъ бы отмѣтить столь существенныя стороны государственной организаціи, если бы онъ „желалъ“ ихъ.

Остается спросить: почему же Платонъ, при низкой оцѣнкѣ хозяйственной дѣятельности и моральныхъ качествъ людей, занятыхъ ею, не передалъ ее просто рабамъ или иноземцамъ, какъ это пришлось ему сдѣлать позднѣе, въ „Законахъ“ для второго, менѣе совершеннаго государственнаго строя? Гильденбрандъ отвѣчаетъ на это простымъ соображеніемъ, что Платону невозможно было опереть досугъ гражданъ верхняго слоя на рабскомъ трудѣ, ибо они не должны были имѣть собственности, а слѣдовательно и рабовъ, какъ одного изъ ея видовъ. Такимъ образомъ, причина, почему трудящіеся въ государствѣ Платона не были рабами, лежала въ меньшей мѣрѣ въ желаніи, чтобы они сами не были предметомъ собственности, чѣмъ въ томъ, что ихъ господа не могли имѣть собственности ¹⁾. Но Платону было неудобно строить фундаментъ своего государства и изъ лицъ, хотя и свободныхъ, но стоящихъ по своему нравственному

¹⁾ K. Hildenbrand. Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie. 1-er Bd. Leipzig 1860, стр. 137.

типу еще ниже послѣдняго слоя его гражданъ. Извѣстный моральный минимумъ требовался и для хозяйственныхъ работъ, тамъ, гдѣ онѣ соединялись съ властью и управленіемъ домохозяйствомъ. Вспомнимъ восторженную характеристику управляющаго домохозяйствомъ у Ксенофонта. И самъ Платонъ видитъ во власти домовладыки и въ его управленіи своимъ домашнимъ хозяйствомъ нѣчто царское ¹⁾. Если бы хозяйственная дѣятельность была отдана въ руки людей близкаго къ рабскому душевнаго склада, надъ ними нужно было бы поставить для непосредственнаго наблюденія полноправныхъ гражданъ, и значить люди высокаго нравственнаго типа, призванные къ оборонѣ и управленію, должны были бы отвлекаться отъ выполнения своихъ прямыхъ обязанностей для хозяйственныхъ заботъ. Этимъ нарушался бы священный въ глазахъ Платона принципъ—„дѣлать свое и одно“. И потому именно ради лучшаго выполненія высшихъ цѣлей государства (сообщающихъ ему необходимую моральную высоту) Платонъ могъ желать найти для веденія хозяйства людей, достаточно пригодныхъ къ этому дѣлу, которые сняли бы съ высшихъ классовъ всякое бремя текущихъ хозяйственныхъ заботъ. Нѣкоторая степень разумности имѣется и у низшаго класса гражданъ; для веденія хозяйства въ предполагаемомъ умѣренномъ масштабѣ ея достаточно, а высшіе классы будутъ обезпечены необходимымъ „кормленіемъ“ и могутъ безъ помѣхи направить свои душевныя силы на болѣе достойныя ихъ цѣли.

Устроеніемъ людей въ идеальномъ государствѣ Платонъ имѣетъ въ виду дать имъ возможность создать гармоническимъ объединеніемъ различныхъ качествъ ихъ душевной природы нѣкоторое великое и возвышенное цѣлое. По убѣжденію Платона, высшаго совершенства достигаетъ не отдѣльная личность, а государство. Лишь немногимъ суждено подняться до вершины познанія; всю же полноту гармоническаго существованія вмѣщаетъ только государство. Старое мнѣніе, что государство у Платона поглощаетъ въ себѣ личность, въ общемъ нельзя не признать правильнымъ. Еще Гегель видѣлъ „главную черту Платонова государства“ въ исключеніи принципа субъективной свободы. Духъ этого государства „въ существѣ состоитъ въ томъ, что всѣ стороны, которыми индивидуальность утверждаетъ себя какъ таковая, растворяются въ общемъ, и всѣ выступаютъ только какъ люди вообще (als allgemeine Menschen)“ ¹⁾. Шталь считаетъ, что господствующая черта Платонова государства не справедливость (какъ ее называетъ

---

¹⁾ Въ діалогъ „Политикъ“ наука о государствѣ называется прежде всего „царской“ (βασιλική), или наукой о власти, но такъ какъ управленіе домомъ есть также власть, то въ нее входитъ и экономика. Поэтому науку государственнаго дѣятеля можно называть и царской, и политической, и экономической (βασιλικήν εἴτε πολιτικὴν εἴτε οἰκονομικὴν). Politicus, 258 и сл.

¹⁾ Hegel. Geschichte der Philosophie, II, Berlin. 1833, стр. 289.

самъ Платонъ), а только красота. Справедливость въ нашемъ смыслѣ слова требовала бы включенія въ большее цѣлое также нѣкотораго цѣлага, съ сохраненіемъ его свободнаго самоопредѣленія. Платонъ же „приноситъ въ жертву своему государству человѣка, его счастье, его свободу, даже его нравственное совершенство. Ибо это государство существуетъ только ради себя самого, ради своего внѣшняго великолѣпія, гражданинъ же имѣетъ назначеніе лишь способствовать красотѣ его постройки въ качествѣ служебнаго члена... Оно является произведеніемъ искусства, которое, повидимому существуетъ въ меньшей степени для своихъ собственныхъ частей, чѣмъ для зрителя“¹⁾. Ноле высказываетъ наоборотъ парадоксальную мысль, что государство Платона имѣетъ цѣлью счастье всѣхъ трехъ классовъ въ отдѣльности и *по преимуществу третьяго, низшаго класса*. „Интересъ третьяго класса въ хорошемъ правительствѣ, которое защищало бы его жизнь, представляется точкой зрѣнія, въ которой сходятся всѣ линіи. Цѣль цѣлага должна заключаться, согласно этому, въ блаженствѣ (*die Glückseligkeit*) этой части всѣхъ членовъ государства“. Она не исключаетъ, однако, и счастья высшихъ классовъ. Собственный интересъ философовъ требуетъ, чтобы они взяли на себя трудъ владычества въ Платоновомъ государствѣ, ибо только въ государствѣ они могутъ сами достигнуть блаженства, заключающагося въ философскомъ совершенствѣ. А за ними аналогичный интересъ возникаетъ и у воиновъ, ибо они могутъ получить правильное наученіе только отъ достигшихъ философскаго совершенства правителей. Такимъ образомъ счастье подданныхъ создаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и счастье правящихъ, и потому можно сказать, что цѣлью Платонова государства является благо подданныхъ, т. е. гражданъ низшаго разряда²⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Ноле смягчаетъ это утвержденіе указаніемъ, что названная цѣль—не послѣдняя, что Платоново государство имѣетъ еще другую, высшую цѣль, предшествующую первой и соотвѣтственно ограничивающую ее,—благо цѣлага. Оно заключается въ достиженіи такого психическаго состоянія его гражданъ, въ которомъ разумъ руководитъ всѣми побужденіями воли³⁾.

Конечно, Платонъ предполагалъ, что въ идеальномъ государствѣ и отдѣльные классы гражданъ будутъ имѣть доступныя имъ степени блаженства. Но ставить на первое мѣсто благо людей, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, значитъ перевернуть вверхъ дномъ всю государственную систему Платона. Если можно говорить, что ему были не вполнѣ чужды интересы гражданъ низшаго разряда, то отъ

1) Geschichte der Rechtsphilosophie, I, стр. 17.

2) Nohle, указ. соч., стр. 147—161.

3) Тамъ же, стр. 161—164.

этого еще очень далеко до утверждения, будто бы къ нимъ сходились всѣ нити идеальной общественной организаціи. Главное вниманіе Платона было явно сосредоточено на судьбѣ высшихъ классовъ. Но даже и ихъ благо, какъ таковыхъ, его занимало сравнительно мало. Оно покрывалось въ его глазахъ величіемъ и красотой цѣлаго, отраженіемъ въ немъ божественной, вѣчной идеи, къ которой больше всего устремлялись его помыслы. Въ общемъ совершенствѣ государства гармонически сливаются частныя совершенства составляющихъ его классовъ и постольку благо всего государства оказывается полнѣе блага его частей. Это отчетливо выясняется Платономъ въ началѣ четвертой книги „Государства“, причемъ опредѣленно же указывается и на то, что нравственное совершенство (и связанное съ нимъ блаженство) отдѣльныхъ классовъ имѣетъ различное отношеніе къ совершенству цѣлаго, что совершенство или несовершенство гражданъ низшаго разряда имѣетъ менѣе существенное значеніе.

„Но Адимантъ возразилъ: чѣмъ, однако жъ, защититься тебѣ, Сократъ, когда кто скажетъ, что этихъ людей ¹⁾ дѣлаешь ты неслишкомъ счастливыми—и притомъ по собственной ихъ волѣ? ибо справедливо имѣя городъ въ своей власти, они не пользуются никакимъ его благомъ, какъ другіе, которые пріобрѣтаютъ поля, строятъ прекрасныя и огромныя дома, покупаютъ соотвѣтствующую имъ мебель, приносятъ богамъ особенныя жертвы, принимаютъ гостей, да еще, какъ ты сейчасъ сказалъ, собираютъ золото, серебро и все, что признается за необходимое имѣть людямъ счастливымъ ²⁾. Вѣдь это просто, можно сказать, какъ бы наемныя надзиратели (ἐπίκουροι μισθωτοί), которые сидятъ въ городѣ, занимаясь, кажется, только карауломъ.— Да, отвѣчалъ я; и притомъ караулятъ лишь изъ хлѣба и, кромѣ хлѣба, жалованья, подобно другимъ, не получаютъ (καὶ ταῦτάγε ἐπίσιτοι καὶ οὐδὲ μισθὸν πρὸς τοῖς σιτίοις λαμβάνοντες ὡς περ οἱ ἄλλοι) ²⁾; такъ что и предпринимать частныя путешествія, если бы захотѣли, и дарить любовницъ, и для удовлетворенія какимъ-нибудь другимъ желаніямъ сорить деньги,—хотя сорители-то ихъ и представляются людьми счастливыми,—имъ не позволительно.. Но... нѣтъ ничего удивительнаго, если и эти такимъ образомъ будутъ людьми, самыми счастливыми,—только вѣдь мы устроаемъ городъ ³⁾, смотря не на то, какъ бы намъ сдѣлать счастливымъ исключительно этотъ классъ народа, а на то, какимъ бы образомъ упредить счастье цѣлаго города... Теперь мы, по обычаю, о счастливомъ городѣ составляемъ себѣ понятіе не част-

¹⁾ Стражей.

²⁾ Сравненіе съ „прочими“ проводится здѣсь явно не по отношенію къ другимъ классамъ идеальнаго государства, какъ почему-то думаютъ нѣкоторые комментаторы, а къ жителямъ существующихъ—неправильно устроенныхъ—обществъ.

³⁾ Въ смыслѣ государства.

ное и беремъ его относительно не къ нѣсколькимъ человѣкамъ, а къ цѣлому... Пусть бы къ намъ, когда мы срисовываемъ статую, кто-нибудь подошелъ и, подирая глазъ, сказалъ, что для прекраснѣйшихъ частей животнаго у насъ употребляются не прекраснѣйшіе цвѣта: глаза, напримѣръ, орудія прекраснѣйшія, наводятся не пурпуровою, а черною краскою. Противъ такого порицателя мы могли бы, кажется, порядочно зацѣпиться, говоря: Не думай, чудный человѣкъ, будто мы должны рисовать столь прекрасные глаза, чтобы они не казались ни глазами, ни другими членами. Смотри-ка, не тогда ли является у насъ прекрасное цѣлое, когда каждому члену приписывается, что къ нему идетъ. Такъ-то и теперь—не принуждай насъ съ званіемъ стражей соединять такое счастье, которое скорѣе сдѣлаетъ ихъ всѣмъ, чѣмъ стражами. Вѣдь сумѣли бы мы и земледѣльцевъ одѣть въ богатотканые плащи и подпоясать золотомъ, а потомъ велѣть имъ для удовольствія обрабатывать землю,—либо гончарамъ, поудобнѣ наклонившись къ огню, пить и бражничать, и въ то же время, придвинувъ къ себѣ станокъ, обдѣлывать, сколько захочется, черепицы, и такимъ же образомъ сдѣлать счастливыми всѣхъ другихъ, чтобы блаженствовалъ цѣлый городъ. Такъ не внушай намъ этого; потому что, если мы послушаемся тебя,—у насъ ни земледѣлецъ не будетъ земледѣльцемъ, ни гончаръ—гончаромъ, и никто другой не удержитъ какой-либо изъ тѣхъ формъ, изъ которыхъ составляется городъ. Впрочемъ значеніе другихъ классовъ маловажнѣе. Башмачники, напримѣръ, если они сдѣлались худыми и порочными, а прикидываются не такими, каковы на самомъ дѣлѣ,—для города еще не страшно, напротивъ, когда стражи законовъ и города не бываютъ такими, а только кажется,—смотри-ка, до основанія сгубятъ весь городъ; между тѣмъ какъ, съ другой стороны, отъ нихъ-то и зависитъ благоустройство его и счастье... Поэтому надобно изслѣдовать, смотря ли на то поставляютъ намъ стражей, чтобы удѣломъ ихъ самихъ было какъ можно большее счастье, или наблюдая то, доставляется ли оно цѣлому городу,—и этихъ попечителей и стражей принуждать къ должному и убѣждать ихъ, чтобы они были отличными исполнителями своего дѣла, равно какъ и всѣхъ другихъ, и такимъ образомъ, при развитіи и благоустроении всего города, предоставлять каждому сословію ту мѣру счастья, какую которому позволяетъ получать его природа (*ὅπως ἕκαστοις τοῖς ἔθνεσιν ἢ φύσιν ἀποδίδωσι τοῦ μεταλαμβάνειν εὐδαιμονίας*).—А ты хорошо говоришь, замѣтилъ онъ ¹⁾:

Наиболѣе полная мѣра счастья, доступная отдѣльной человѣческой личности, достается на долю философа. Безъ философа - прави-

¹⁾ Цитировано по пер. Карпова, стр. 204—206 (IV, 419—421 С).

Вставленные мѣста по-гречески взяты изъ изд. Беккера.

теля немислимо само совершенное государство, и онъ же является наиболѣе чистымъ его представителемъ, соотвѣтствующимъ ему индивидуальнымъ типомъ, какъ типъ олигарха или тиранна представляется человѣческимъ типомъ, параллельнымъ олигархическому или тиранническому государственному строю. Знаменитое положеніе: „пока въ государствахъ не будутъ царствовать философы, или пока называемые нынѣ царями и иные властители не будутъ истинно и достаточно философствовать, пока политическая власть и философія не сольются въ одно, ... до тѣхъ поръ не будетъ конца злу... ни государствамъ, ни, думаю, и человѣческому роду“¹⁾,—Платонъ считаетъ самымъ важнымъ въ своей теоріи государства и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ труднымъ для пониманія. Труднымъ—потому, что мысль о власти философовъ тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ новымъ для слушателей ученіемъ объ идеяхъ. Кто въ состояніи постичь, въ чемъ состоитъ сущность истиннаго знанія, тому эта мысль не покажется странной, но большинству она еще чужда, и доказывая ее, Платонъ предупреждаетъ своего собесѣдника Главкона, что они подходятъ къ опаснѣйшему мѣсту всего разсужденія, къ „величайшей волнѣ“ (τῆ μεγίστῃ κύματι), которая при неудачѣ „зальетъ ихъ смѣхомъ и безславіемъ“. Здѣсь придется идти рѣзко наперекоръ принятому мнѣнію (πρὸς παρὰ δόξαν ρηθήσεται). Съ этимъ сразу соглашается и Главконъ, прибавляя, что „многіе и недурные люди“, услышавъ такія рѣчи, „сбросили бы съ себя гиматіи“ и „схвативъ какое кому попадется оружіе“, устремились бы на говорящаго ихъ, думая, что они выполняютъ этимъ славное дѣло²⁾.

Истинными философами слѣдуетъ называть людей, съ любовью устремляющихся къ созерцанію истины, простые же любители слушать и видѣть схватываютъ только внѣшнюю форму существующаго, любятъ красивые звуки, краски и очертанія и то, что сдѣлано изъ нихъ, но ихъ мыслительныя способности безсилны видѣть и любить природу самого прекраснаго (αὐτοῦ δὲ τοῦ καλοῦ ἀδύνατος αὐτῶν ἢ διάνοια τὴν φύσιν ἰδεῖν τε καὶ ἀσπάζεσθαι)³⁾. Такихъ людей можно назвать только любителями мнѣнія (φιλοδόξους), а не любителями мудрости (φιλοσοφους). И наоборотъ, любителями мудрости, т.-е. философами, а не простыми любителями мнѣнія, надо называть тѣхъ, кто въ каждой вещи любитъ созерцать ея сущность⁴⁾. Отличіе

¹⁾ Ἐάν μή... ἢ οἱ φιλόσοφοι βασιλεύσωσιν ἐν ταῖς πόλεσιν ἢ οἱ βασιλεῖς τε νῦν λεγόμενοι καὶ δυνάσται φιλοσοφήσωσι γνησίως τε καὶ ἱκανῶς, καὶ τοῦτο εἰς ταῦτόν ἐμπέσει, δύναμις τε πολιτικῆ καὶ φιλοσοφία, ... οὐκ ἔστι κακῶν παῖδα... ταῖς πόλεσι, δοκῶ δὲ οὐδέ τῷ ἀνθρωπίνῳ γένει... De Republica, V, 473.

²⁾ De Republica, V, 473.

³⁾ De Republica, V, 475—476.

⁴⁾ De Republica, V, 480.

смутнаго житейскаго мнѣнія отъ яснаго философскаго знанія Платонъ иллюстрируетъ извѣстнымъ образомъ пещеры, въ которой люди наблюдаютъ тѣни проносимыхъ мимо нея вещей, не будучи въ состояніи обернуться къ выходу и увидѣть самыя вещи. Чтобы созерцать истинныя вещи, а не ихъ отраженія, необходимо уйти изъ пещеры и подняться къ вершинѣ, на которой проносятся вещи. Философъ и дѣлаетъ это устремленіемъ „горѣ“, созерцаніемъ вышняго восхожденіемъ души въ „мѣсто мыслимое“ (τὴν δὲ ἄνω ἀνάβασιν καὶ θέαν τῶν ἄνω τὴν εἰς τὸν νοητὸν τόπον τῆς ψυχῆς ἐνοδοῦν¹⁾), и слѣдовательно, можетъ, вернувшись обратно, повѣдать оставшимся въ пещерѣ объ истинно существѣ и помочь имъ по образцу его устроить ихъ общественную жизнь. Созерцаніе вѣчныхъ идей и устройство человѣческой жизни по ихъ подобію и должно составить высшее счастье правителей-философовъ, недоступное всеѣмъ прочимъ гражданамъ совершеннаго государства. Но Платонъ какъ будто неувѣренъ, точно ли философы-правители будутъ счастливѣе философовъ, не связанныхъ никакими общественными обязанностями, могущими оставаться въ вѣчномъ созерцаніи горняго міра, не спускаясь къ узникамъ, населяющимъ пещеру и не трудясь объ улучшеніи ихъ судьбы. Правда, сомнѣніе относительно полноты счастья правителей высказываетъ собесѣдникъ Сократа Главконъ, но Сократъ успокаиваетъ его только соображеніями необходимости правленія философовъ для счастья цѣлаго государства и признательности ихъ за полученное особое воспитаніе. „Ты опять забылъ, другъ мой... что законодатель заботится не о томъ, какъ бы сдѣлать счастливымъ въ городѣ²⁾ особенно одинъ какой-нибудь родъ, но старается устроить счастье цѣлаго города, приводя гражданъ въ согласіе убѣжденіемъ и необходимостью,—въ той мысли, что они будутъ вообще приносить другъ другу пользу, какую кто можетъ, и самъ поставляетъ въ городѣ такихъ людей, не пуская ихъ обращаться, куда кто хочетъ, но располагая ими приспособительно къ связности города... Мы скажемъ, что въ другихъ городахъ такіе люди въ правѣ не заниматься городскими трудами, потому что тамъ учились они сами по себѣ, независимо отъ своего правительства; самоучки же, никому необязанные воспитаніемъ, имѣютъ право не выражать признательности за воспитаніе: напротивъ, васъ родили мы,—родили будто въ пчелиномъ ульѣ, чтобы вы были вождами и царями какъ для васъ самихъ, такъ и для всего города; вамъ дали мы лучшее и совершеннѣйшее, чѣмъ тѣмъ, воспитаніе, и сдѣлали васъ способнѣйшими для того и другого. Поэтому вы должны по очереди нисходить въ жилище другихъ“³⁾...

1) De Republica, VII, 517.

2) Въ смыслѣ государства.

3) Цитировано по пер. Карпова, Государство, VII, 520—С.

Смыслъ жизни всѣхъ гражданъ совершеннаго государства, не исключая и самыхъ цѣнныхъ и самыхъ рѣдкихъ изъ нихъ, считающихся единицами, заключается въ служеніи благу, величію и красотѣ цѣлаго. Жизнь въ Платоновомъ государствѣ сурова, въ особенности для тѣхъ, кто призванъ къ болѣе высокимъ обязанностямъ. Отсюда и отношеніе Платона къ матеріальнымъ благамъ: его „коммунизмъ“ имѣетъ характеръ регулированія потребленія, а не производства, но именно въ потребленіи всѣ граждане ограничены только необходимымъ. Государство Платона съ начала и до конца проникнуто *аскетическимъ духомъ*, подчиненіемъ матеріальной стороны жизни высшимъ проявленіямъ человѣческой природы. Даже низшіе классы, къ судьбѣ которыхъ Платонъ во многихъ отношеніяхъ остается равнодушнымъ, оберегаются отъ чрезмѣрнаго увлеченія матеріальнымъ приобрѣтеніемъ, составляющимъ, однако, главную заботу и содержаніе ихъ жизни. Правда, Платонъ не предъявляетъ къ нимъ особенно строгихъ требованій. Онъ желаетъ воспитать ихъ въ духѣ умѣренности и воздержности, развить въ нихъ житейскую добродѣтель „благоразумія“, на которую единственно хватаетъ ихъ нравственныхъ силъ. Людямъ, болѣе могучимъ по ихъ нравственной природѣ, ставятся и болѣе трудныя жизненныя задачи. Государство требуетъ отъ нихъ постояннаго „горѣнія духа“, подвижничества и соотвѣтственно устраиваетъ внѣшнюю обстановку ихъ жизни. Однако, аскетизмъ у Платона носитъ ярко выраженныя эллинскія черты и рѣзко отличается отъ позднѣйшаго, христіанскаго аскетизма. Для него характерно не отрѣшеніе отъ міра, а именно стремленіе къ упорядоченію мірскихъ дѣлъ, не полное отреченіе отъ земныхъ благъ, не проповѣдь нищеты и смиренія, а устраненіе *одинаково* богатства и бѣдности, перестройка жизни на началахъ мѣры и гармоніи, т. е. идеаль не только моральный, но и эстетическій. Стражи Платонова государства не умерщвляютъ плоти, а развиваютъ ее гимнастикой и музыкой (послѣдняя, по греческому пониманію, включила въ себя научное и эстетическое образованіе, въ томъ числѣ и обученіе ритмическимъ движеніямъ). Черезъ такое же воспитаніе проходятъ и философы, поднимаясь съ возрастомъ до болѣе высокихъ ступеней познанія (въ математикѣ и діалектикѣ). Самое отвращеніе къ богатству (какъ и къ противоположному полюсу—нищетѣ) вызывается у Платона не только чувствомъ связанной съ нимъ моральной опасности для общества и отдѣльной личности, но и его непропорціональности прочимъ сторонамъ жизни, уродливой претензіи занимать въ ней больше мѣста, чѣмъ приличествуетъ низшему, чувственному началу. Поэтому Платонъ устраиваетъ для своихъ стражей и философовъ все же скорѣе спартанскій лагерь, чѣмъ монастырь, стараясь примирить въ немъ требованія духа и плоти. Такой компромиссъ приводитъ его къ чудовищному строю брачныхъ отношеній, на кото-

ромъ особенно рѣзко сказывается недоговоренность его аскетическихъ идей ¹⁾.

Дуализмъ общаго міровоззрѣнія Платона, приводившій его иногда къ крайне пессимистическому взгляду на положеніе человѣка въ этомъ мірѣ лжи и призраковъ, сказывается и въ разныхъ оттѣнкахъ его проповѣди аскетизма. Наиболѣе совершеннымъ людямъ, философамъ, онъ указываетъ въ Федонѣ и Феэтетѣ на необходимость полнаго отреченія отъ мірской суеты и заботъ, „бѣгства отъ міра“ въ далекую за-небесную родину.

...„У людей, сознательно философствующихъ, не должно ли образоваться нѣкоторое опредѣленное мнѣніе...: вѣроятно, есть какая-то стезя, которая въ дѣлѣ изслѣдованія ведетъ насъ съ однимъ умомъ: потому что мы никогда не приобретаемъ вполне того, чего желаемъ и что называемъ истиною, пока облечены въ тѣло, и доколѣ наша душа смѣшана съ этимъ зломъ... Когда хотимъ что-нибудь узнать чисто,—должны отвязаться отъ тѣла и созерцать самыя вещи самою душою. Значить, разумѣніе, которое почитаемъ предметомъ своего желанія и любви, мы, по всей вѣроятности, приобретаемъ тогда, когда умремъ... Живя же, мы только въ той мѣрѣ, какъ видно, становимся ближе къ знанію, въ какой наименѣе, кромѣ крайней необходимости, обращаемся и сообщаемся съ тѣломъ, и не оскверняемъ его природою, но очищаемся отъ него, доколѣ самъ Богъ не отрѣшитъ насъ“ ²⁾... Чѣмъ скорѣе мы уйдемъ отъ зла, оупутывающаго нашу смертную природу, тѣмъ лучше. А пока мы живы, мы должны, насколько можемъ, приближаться къ божественному совершенству, т.-е. побѣдить въ себѣ всѣ соблазны и пути тѣла. Зло нельзя уничтожить въ мірѣ, ибо необходимо, чтобы было нѣчто, противоположное добру. А потому намъ нужно стараться какъ можно скорѣе бѣжать отсюда—туда, къ вѣчному, чистому отъ зла міру идей. Бѣгство—это возможное для насъ приближеніе къ Богу, а уподобиться Богу можно справедливостью, благочестіемъ и разумомъ (φυγή δὲ ὁμοίωσις θεῶν κατὰ τὸ δυνατόν· ὁμοίωσις δὲ δίκαιον καὶ ὀσιον μετὰ φρονήσεως γενέσθαι) ³⁾. И Платонъ рисуеъ образъ философа, наивнаго и осмѣиваемаго толпою за непрактичность, неумѣнье справляться съ мелочами жизни, но вѣчно занятаго мыслями о высокомъ и прекрасномъ, устремляющаго свои взоры „горѣ“ и присутствующаго въ своемъ городѣ, среди своихъ согражданъ только тѣломъ ⁴⁾. Это высшая ступень аскетизма, которой могутъ достигнуть только немногіе (ибо на свѣтѣ вообще мало людей,

¹⁾ Ср. кн. Е. Трубецкой. Соціальная утопія Платона, стр. 65—67.

²⁾ Федонъ, 66 (цитировано по переводу Карпова).

³⁾ Theaetetus (изд. Becker'a, часть II, vol. I), 176.

⁴⁾ Тамъ же, 173—175.

способныхъ стать философами), и которую Платонъ не всегда считаетъ допустимой. Какъ только имъ овладѣваетъ болѣе свѣтлое настроеніе и у него является надежда на улучшеніе людей путемъ коренной общественной реформы, онъ запрещаетъ философамъ такую аскетическую практику и требуетъ отъ нихъ участія въ жизненномъ строительствѣ въ этомъ несовершенномъ мірѣ. Въ государствѣ, надлежаще устроенномъ, люди съ высшими качествами души должны также быть аскетами, но ихъ аскетизмъ носить уже иную, дѣловую окраску. Воины должны быть закалены и умѣренны, чтобы, подобно хорошимъ сторожевымъ псамъ, неусыпно охранять городъ. Если бы не нужно было воевать, пожалуй и аскетизмъ верхняго слоя былъ бы не очень строгимъ. Любопытно, что Платонъ не считаетъ войну вообще неизбежной. Онъ полагаетъ, что всѣ войны возникаютъ ради захвата добычи¹⁾ и строить свое совершенное государство такъ, что оно само, для своей жизни, въ войнѣ не нуждается. Платонъ приспособляетъ всю организацію проектируемаго имъ государства къ военной оборонѣ, а не нападенію, и то лишь потому, что оно окружено сосѣдями, жизнь которыхъ устроена неправильно. Источникомъ войнъ Платонъ упорно считаетъ экономическія причины. Желаніе воспользоваться богатствомъ или вообще имуществомъ сосѣда можетъ проистекать изъ жажды роскоши безъ прямой необходимости, или можетъ быть результатомъ давленія чрезмѣрнаго роста населенія, обгоняющаго средства существованія. Если бы человѣческія общества старались избавиться отъ этихъ золъ, т-е. соблюдали бы умѣренность въ матеріальной обстановкѣ жизни и заботились бы о предохраненіи себя отъ избыточнаго населенія, то ихъ жизнь пошла бы по иному и общественнымъ реформаторамъ не было бы надобности посвящать такъ много заботъ налаживанію военной организаціи. Тогда человѣчество почти возвратилось бы къ счастливымъ временамъ Хроносова вѣка и должно было бы только посвящать немного усилій на хозяйственныя дѣла. Повидимому Платонъ считалъ возможнымъ допустить на такихъ условіяхъ всѣхъ гражданъ къ хозяйственной дѣятельности. Изъ изложенія его не вполне ясно, какихъ ступеней добродѣтели могли бы тогда достигать всѣ граждане, но необходимость сортировать ихъ по прирожденнымъ нравственнымъ качествамъ отпала бы сама собою. Перечисливъ всѣ хозяйственныя занятія въ идеальномъ государствѣ, Платонъ рисуетъ вполне законченную идиллическую картину жизни его гражданъ. Они имѣли бы хорошую одежду и обувь, строили бы дома и были бы такимъ образомъ укрыты отъ холода и непогоды, пользовались бы достаточной пищей и притомъ не только строго необходимой, но и нѣкоторыми лакомствами (сладкіе плоды, вино).

¹⁾ Федонъ, 66.

Въ ясную погоду, расположившись на травѣ, они насыщались бы приготовленными яствами, пили бы вино, украсивъ себя вѣнками, пѣли бы гимны богамъ и пріятно обходились бы другъ съ другомъ. И если бы они были благоразумны и не производили бы дѣтей выше ихъ средствъ, они избавились бы отъ бѣдности и войны (οὐχ ὑπὲρ τὴν οὐσίαν ποιοῦμενοι τοὺς παῖδας, εὐλαβούμενοι πενίαν ἢ πόλεμον), и такимъ образомъ жили бы въ мирѣ и будучи здоровыми, кончали бы свое земное поприще старцами, передавая такую же жизнь и ихъ потомкамъ ¹⁾. Это было бы вполне нормальное, „истинное и здоровое“ ²⁾ государство; государство же, желающее жить въ роскоши (τρυφῶσαν)— слѣдовало бы назвать больнымъ, „воспаленнымъ“ (φλεγμαίνουσαν). Въ такомъ государствѣ понадобилось бы много разныхъ предметовъ роскоши, дорогихъ матерій, золота, слоновой кости, поэтовъ и исполняющихъ ихъ произведенія актеровъ и плясуновъ, подрядчиковъ для устройства дорогихъ общественныхъ увеселеній, мастеровъ разной утвари, женскихъ украшеній, всевозможныхъ прислужниковъ, а также и врачей—при общей невоздержной жизни. Такому государству станетъ скоро тѣсно на своей территоріи, и оно будетъ стремиться къ захвату земли у сосѣдей, чтобы имѣть достаточно пастбищъ и пашни (véμεiv τε καὶ ἀρούv). Отсюда и большая трудность и сложность жизни для его сосѣдей. Чтобы оградить себя отъ нападеній людей, „воспаленныхъ“ страстью къ матеріальнымъ благамъ, совершенному государству необходимо содержать достаточное числомъ и хорошо подготовленное войско. А это и приводитъ ко всему сложному построению Платонова идеальнаго государства. Разъ стражи будутъ хорошо подобраны и воспитаны, поставлены въ суровую обстановку мирной жизни и будутъ имѣть внутреннія побужденія посвятить всѣ свои силы оборонѣ государства,—ему не страшны самые сильные и многочисленные враги. Если государство будетъ устроено мудро, по намѣченному совершенному образцу, оно станетъ величайшимъ, не по внѣшнему его виду, а по истинному существу его (ὡς ἀληθῶς μεγίστη), хотя бы въ немъ была только тысяча воиновъ. Такое великое своимъ единствомъ государство (μεγάλην πόλιν μίαν) нелегко найти ни у эллиновъ, ни у варваровъ; много лишь кажущихся великими ³⁾. И Платонъ рисуетъ въ незаконченномъ діалогѣ „Критій“ могущество осуществленнаго въ жизни идеальнаго государства, перенося по обыкновенію свой рассказъ въ легендарное прошлое. Девять тысячъ лѣтъ тому назадъ возгорѣлась всеобщая война между народами, жившими по сю и по ту сторону Геркулесовыхъ столповъ. Во главѣ перваго союза стояли

1) De Republica II, 372.

2) ἤμιν εὖν ἀληθινὴ πόλις δοκεῖ μοι εἶναι, ... ὡς περ ὀλίγης τις.

3) De Republica, IV, 423.

Аѳины, вторымъ руководили цари Атлантиды, громаднаго острова, большаго, чѣмъ Ливія и Азія, въ послѣдствіи погруженнаго въ море землетрясеніями. Тогда боги дѣлили между собой управленіе различными частями земли, заботясь о людяхъ, какъ пастыри пекутся о своихъ стадахъ. Но они дѣйствовали не силой, а убѣжденіемъ, направляя людей, какъ искусный кормчій ведетъ корабль къ намѣченной цѣли. Они развивали въ нихъ добрыя качества и устанавливали у нихъ государственный порядокъ. Такъ протекала и жизнь древнихъ жителей Атики. Государство дѣлилось у нихъ на классы воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Воины жили отдѣльно, имѣя все, что было необходимо для жизни ихъ и ихъ дѣтей. Въ ихъ составъ входили и женщины, раздѣлявшія съ ними ихъ военные труды. У нихъ не было частной собственности, и они все между собою считали общимъ (*ἀπαντα δὲ πάντων κοινὰ νομίζοντες αὐτῶν*). Отъ другихъ гражданъ они не требовали больше того, что достаточно для существованія, выполняя зато все обязанности защитниковъ государства. Страна была тогда очень плодородна; и обработка ея не пригнетала занятыхъ этимъ дѣломъ людей, которые были идеальными земледѣльцами, прекрасными и любителями прекраснаго (*γεωργῶν μὲν ἀληθινῶν... φιλοκόλων δὲ καὶ εὐφρωῶν*)¹⁾. Воины жили въ городѣ, въ общихъ жилищахъ, съ общими столовыми для сисситій во время зимы, обставленныхъ ни богато, ни бѣдно, но вполне приличныхъ. Они заботились о томъ, чтобы число ихъ всегда оставалось неизмѣннымъ и составляло бы (считая женщинъ и дѣтей) двадцать тысячъ человекъ. Таковы были эти стражи своего государства и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольно признанные вожди всѣхъ прочихъ эллиновъ (*ταῦν μὲν αὐτῶν πολιτῶν φύλακες, ταῦν δὲ ἄλλων Ἑλλήνων ἡγεμόνες ἐκόντων*). Платонъ здѣсь явнѣе раскрываетъ цѣль своего идеальнаго государства: оно призвано не только „довлѣть себѣ“, но и руководить всѣмъ эллинскимъ міромъ. Отсюда становится ясною непонятная для многихъ изслѣдователей высокая оцѣнка заботъ объ устроеніи такого, самаго по себѣ очень миниатюрнаго государства: это какъ бы ядро великой панэллинской организаци, малая закваска, которая способна спасти и преобразовать все доступное культурѣ (въ глазахъ Платона) человѣчество. Высказываемая здѣсь мысль не случайна и Платонъ еще разъ настойчиво подчеркиваетъ ее, подводя итогъ характеристикѣ легендарныхъ аѳинянъ: они непрестанно управляли справедливостью не только свое государство, но и всю Элладу, возбуждая всюду въ Европѣ и въ Азіи восхищеніе красотой тѣла и полнотой душевныхъ добродѣтелей²⁾. Объ эту одухотворенную силу разбилось страшное на взглядъ могущество

¹⁾ Critias (изд. Becker'a, часть III, vol. 2), 108—111.

²⁾ Critias, 113.

жителей богатой Атлантиды, когда они утратили свои старинныя добродѣтели, внушенныя имъ богами, и стали жить слишкомъ „по-человѣчески“, гоняясь за внѣшними, матеріальными благами и забывъ, что „все это увеличивается единеніемъ и содружествомъ въ добродѣтели, стараніе же о матеріальныхъ благахъ и высокая оцѣнка ихъ приводятъ только къ потерѣ этихъ благъ, да и добродѣтели вмѣстѣ съ ними“¹⁾. Люди, болѣе проникательные, и тогда уже видѣли, что жители Атлантиды стали худыми, презрѣнными людьми, ибо они потеряли лучшее изъ того, что достойно уваженія. Большинство же въ своей слѣпотѣ считало ихъ счастливыми, достигшими великой славы стремленіемъ къ несправедному обогащенію и могуществу¹⁾. Наконецъ Зевсъ, „богъ боговъ“, видящій все и правящій по правдѣ, пожелалъ наказать ихъ. На этомъ разсказъ обрывается, но изъ предыдущаго уже ясно, что наказаніемъ для жителей Атлантиды (въ которой легко распознать образъ кичливой своимъ богатствомъ, обширностью владѣній и численностью населенія Персидской монархіи) должна была быть несчастная для нихъ война съ правильно живущими афинянами, объединившими подъ своимъ руководствомъ всѣхъ остальныхъ эллиновъ для этой великой борьбы.

Мысль, что государство крѣпко и сильно не матеріальнымъ могуществомъ, а нравственной мощью, проводится Платономъ и въ діалогъ о „Законахъ“, въ которомъ онъ изображаетъ хотя и государство улучшеннаго типа, рационально устроенное, но менѣе совершенное, чѣмъ въ „Политіи“, приспособленное къ широко распространеннымъ слабостямъ обычной человѣческой природы. И здѣсь идея соподчиненія жизненныхъ цѣлей положена въ основу всего плана. Трудно сказать, что именно Платонъ имѣлъ въ виду, рисуя государство второго порядка. Обычнo думаютъ, что подъ старость имъ овладѣло разочарованіе въ лучшихъ сторонахъ человѣческой природы, а строгость моральныхъ требованій смягчилась, замѣнившись желаніемъ компромисса. Это, конечно, весьма вѣроятно, но возможны и другія объясненія. Можно, напр., предположить, что считая свое идеальное государство доступнымъ только немногимъ избраннымъ, Платонъ не находилъ желательнымъ во что бы то ни стало добиваться распространенія этого высшаго типа общественной организаціи на всѣ эллинскія государства, предоставляя имъ избрать менѣе суровую, но все же рационально устроенную форму. Тогда, какъ въ діалогъ „Критіи“, идеальное государство „Политіи“ было бы единственнымъ руководящимъ центромъ эллинскаго міра, прочія же государства, тѣсно примыкая къ нему, могли бы довольствоваться и менѣе совершенной организаціей. Любопытно, что вторая форма государственнаго устройства пред-

¹⁾ Critias, 121.

лагается Платономъ не для коренного государства, не для метрополіи, а для *колоніи*, т.-е. государства, хотя и выдѣлившагося для самостоятельнаго существованія, но не утратившаго связи (а можетъ быть и нѣкоторой зависимости) съ метрополіей. Но все это, конечно, только догадки, для подтвержденія которыхъ нельзя найти указаній въ самомъ текстѣ Платонова діалога.

Государство „Законовъ“ организуется также по преимуществу въ цѣляхъ военной обороны. Но Платонъ здѣсь еще опредѣленнѣе указываетъ, что онъ не является сторонникомъ военной организаціи самой по себѣ, что война не есть главная цѣль государственнаго бытія, а злая необходимость, съ которой нужно считаться, но въ то же время не упускать изъ вида и другихъ, болѣе высокихъ цѣлей государственнаго общенія. Уже въ самомъ началѣ діалога онъ пространно возражаетъ противъ односторонняго увлеченія войной, какъ цѣлью государства. Афинянинъ (т.-е. самъ Платонъ) спрашиваетъ критянина Клинія (дѣйствіе происходитъ на островѣ Критѣ), почему законодатель установилъ у нихъ общіе обѣды, и получивъ отвѣтъ, что цѣлью этого учрежденія является укрѣпленіе военной силы государства, ибо война между государствами составляетъ постоянное явленіе¹⁾, не соглашается съ нимъ, доказывая, что блага государства нельзя искать ни во внѣшнихъ войнахъ, ни во внутреннихъ раздорахъ, и что законодатель долженъ скорѣе устраивать военныя дѣла ради мира, чѣмъ мирныя ради войны²⁾. Онъ долженъ имѣть въ виду „величайшую добродѣтель“ (τὴν μεγίστην ἀρετήν), называемую правильно „совершенной справедливостью“ (δικαιοσύνην... τελείαν), всю ее (πᾶσαν ἀρετήν), а не одну ея часть (военное мужество)³⁾. Только такимъ путемъ законодатель можетъ сдѣлать гражданъ счастливыми, доставляя имъ всѣ, какъ человѣческія, такъ и божественныя блага. Платонъ намѣчаетъ и самый порядокъ этихъ благъ, причемъ матеріальныя блага оказываются на послѣднемъ мѣстѣ (послѣднія среди человѣческихъ благъ). Но и сюда они помѣщены только потому, что въ хорошо устроенное государство богатство входитъ не слѣпымъ, а остро видящимъ, повинующимся разуму⁴⁾. Граждане должны быть воспитаны въ добродѣтели, къ которой ихъ нужно приучать съ дѣтства, подобно тому какъ при техническомъ воспитаніи ребенка надо окружить моделями избираемой имъ профессіи. Будущему архитектору надо давать строить миниатюрные дома, будущему земледѣльцу—обрабатывать землю маленькими орудіями, сдѣланными по образцу настоящихъ;

1) De Legibus. изд. Беккера (ч. III, vol. 2), I, 625.

2) De Legibus, I, 628.

3) De Legibus, I, 630.

4) πλοῦτος οὐ τυρῆος ἀλλ' ἀξίᾳ βλέπων, ἄν περ ἕμ' ἔπηται φρονήσει. De Legibus, I, 631.

также и будущихъ гражданъ необходимо ставить съ дѣтства въ обстановку, въ которой у нихъ развивалось бы стремленіе стать совершенными гражданами, повелѣвать и повиноваться согласно справедливости ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ условій правильного воспитанія Платонъ, какъ истинный эллинъ, считаетъ образованіе хороваго, ибо хоровое пѣніе и танцы, приучая къ гармоническимъ и согласнымъ движеніямъ, облагораживаютъ тѣло и дѣлаютъ душу болѣе податливой къ усвоенію общихъ, обязательныхъ для всѣхъ, правилъ. Отсюда и празднества, устраиваемыя время отъ времени въ честь боговъ, служатъ поддержкой началамъ, заложеннымъ воспитаніемъ. Занятые текущими житейскими заботами, люди уклоняются невольно отъ соблюденія внутреннихъ имъ правилъ, и потому, изъ состраданія „къ роду человѣческому, обреченному природой на постоянный трудъ“, боги установили перерывы въ видѣ празднествъ, допускающихъ болѣе благородное использование времени и силъ ²⁾.

Отъ людей обычнаго склада, образующихъ государство „Законовъ“, Платонъ не рѣшается требовать суроваго аскетизма стражей Политіи. Тонъ ихъ жизни дается умѣренностью, скромной добродѣтелью низшаго разряда гражданъ идеальнаго государства, сообразно съ которой они развиваютъ въ себѣ и всѣ другія добродѣтели (разумность, мужество, справедливость), также необходимыя для нихъ, ибо имъ ставится вся полнота жизненныхъ цѣлей, осуществляемыхъ государствомъ. Въ устройствѣ общихъ обѣдовъ Платонъ видитъ средство приученія къ постоянному сдерживанію чувственныхъ стремленій. Иначе, т. е. если бы на такихъ обѣдахъ допускались излишества, напр. пьянство, лучше было бы отказаться отъ этого обычая и принять кароагенское правило, запрещающее употребленіе вина во время войны, исполненія общественныхъ обязанностей, на работахъ и т. д. Поэтому, какъ бы ни было обширно государство, при распредѣленіи его земли между различными культурами самая малая часть ея должна быть отводима подъ виноградники ³⁾.

Въ ряду добродѣтелей, образующихъ цѣль государства и отдѣль-

---

¹⁾ Платонъ подчеркиваетъ здѣсь, что примѣръ архитектора и земледѣльца взять для иллюстраціи основной мысли о надлежащемъ воспитаніи и что техническое обученіе само по себѣ, внѣ „разума и справедливости“, т. е. безъ заботы о гражданскихъ добродѣтеляхъ, остается простымъ ремесленнымъ и рабскимъ дѣломъ (*βαναιστον... καὶ ἀνελεύθερον*) и не заслуживаетъ названія воспитанія. De Legibus, I, 643—644.

²⁾ τὸ τῶν ἀνθρώπων ἐπιπόνον περὶ τὸς γένοϋς. De Legibus, II, 653. Это мѣсто цитируется иногда какъ признаніе Платономъ необходимости и святости хозяйственного труда. Правильнѣе было бы видѣть въ этомъ утверженіи указаніе не на одинъ хозяйственный трудъ, и въ особенности не непременно на исполнительныя хозяйственныя функціи, вродѣ ремесла или обработки земли собственными руками, а вообще на житейскія обязанности, отвлекающія отъ заботъ о высокомъ и прекрасномъ.

³⁾ De Legibus, II, 674.

ной личности, первое мѣсто занимаетъ, однако, и здѣсь мудрость или разумность (φρόνησις). Мудрость указываетъ, что важнѣе всего въ государственныхъ дѣлахъ и какъ сообразно съ этимъ установить государственный порядокъ. Необходимымъ условіемъ разумности отдельнаго лица представляется умѣренность (σωφροσύνη), ибо безъ нея нельзя установить разумное руководство чувствами удовольствіи и страданія¹⁾. Каковъ же порядокъ благъ, указываемый государственной мудростью? Онъ выражается, учить Платонъ, въ „правильномъ распредѣленіи почета и презрѣнія“ (τιμὰς τε καὶ ἀτιμίας διανέμειν ὀρθῶς). А такое правильное распредѣленіе наступитъ, если на первое, самое почетное мѣсто будутъ поставлены духовныя блага, руководимыя благоразуміемъ (τὰ περὶ τὴν ψυχὴν ἀγαθὰ... σωφροσύνης ὑπαρχούσης αὐτῇ), на второе—физическое здоровье и красота (τὰ περὶ τὸ σῶμα καλὰ καὶ ἀγαθὰ), на третье—имущество и вообще хозяйственныя блага (τὰ περὶ τὴν οὐσίαν καὶ χρήματα)²⁾.

Какъ видно, и для государства „Законовъ“ Платонъ намѣчалъ съ полной опредѣленностью подчиненіе матеріальной стороны жизни высшему началу. Разница съ его первымъ, идеальнымъ государствомъ не столько въ самомъ содержаніи, сколько въ тонѣ, который здѣсь пониженъ и какъ бы заглушенъ печальнымъ опытомъ жизни, подсказавшимъ философу, что въ обширномъ кругу доступнаго культурѣ человѣчества надо строить государство съ болѣе скромными требованіями. Путь, которымъ идетъ Платонъ, здѣсь тотъ же, что и въ „Политіи“, но онъ не приводитъ уже къ столь высокимъ вершинамъ.

Цѣль, которой должно служить проектируемое государство (колонія), не должна встрѣчать помѣхи въ его территоріальномъ положеніи. Платонъ радуется, когда узнаетъ отъ Клинія, что новая колонія будетъ находиться въ разстояніи цѣлыхъ 80 стадій отъ моря и что ея почва достаточно богата и разнообразна, чтобы снабжать ее всѣмъ необходимымъ для существованія. Близость моря влечетъ за собой обычно торговлю, духъ стяжанія и барышничества (ἐμπορίας γὰρ καὶ χρηματισμοῦ διὰ κερηλείας ἐπιπλάσα αὐτήν), а за нимъ дурные и фальшивые нравы, отсутствіе прямоты и сердечности въ отношеніяхъ. Счастье новой колоніи и въ разнообразіи ея почвы, производящей все, что нужно для жителей, но безъ избытка, который стали бы вывозить, обмѣнивая на золотую и серебряную монету, приливъ же драгоценныхъ металловъ былъ бы величайшимъ зломъ для государства, разрушающимъ въ немъ добрые и справедливые нравы³⁾. Воз-

1) De Legibus, III, 688 и сл.

2) De Legibus, III, 697.

3) De Legibus, IV, 704—705.

возможность хорошаго устроения новаго государства гарантируется еще тѣмъ, что составъ его жителей подбирается изъ критянъ, а изъ остальныхъ эллиновъ въ немъ будутъ допущены по преимуществу жители Пелопоннеса ¹⁾. Переходъ къ новому устройству можетъ наступить, когда правителемъ будетъ молодой тиранъ, обладающій хорошею памятью, воспримчивый, мужественный и великодушный (τύραννος δ'ἔστω νέος μνήσων καὶ εὐμαθὴς καὶ ἀνδρείος καὶ μεγαλόπρεπός φύσει), и, конечно, умѣренный ²⁾. Въ его правленіе явится достойный законодатель, и счастливая судьба (которая вообще управляетъ человѣческими дѣлами) соединитъ ихъ. Если такой случай наступитъ, то можно сказать, что Богъ сдѣлалъ все, чтобы хорошо устроить государство (εὖ πράξει τίνα πόλιν) по своему желанію ³⁾. Тогда общественное преобразование произойдетъ легко и быстро, ибо человѣку, сосредоточивающему въ своихъ рукахъ неограниченную власть и одушевленному благими намѣреніями, достаточно собственнымъ поведеніемъ дать примѣръ для подражанія, поощрять благія дѣянія и осуждать злыя, непослушныхъ же покрывать позоромъ ⁴⁾. Править будетъ принудительная сила, но необходимо, чтобы ея велѣнія были не только разумны сами по себѣ, но и достаточно разъяснены гражданамъ. Для этого каждый законъ долженъ сопровождаться предисловіемъ, разъясняющимъ его смыслъ и убѣждающимъ въ его пользѣ тѣхъ, которые призываются подчиняться ему ⁵⁾.

Первый законъ, съ котораго надо начать устроение колоніи, относится къ регулированію населенія посредствомъ правилъ объ обязательномъ вступленіи въ бракъ въ извѣстномъ возрастѣ. Платонъ развиваетъ здѣсь идею объ эросѣ, побуждающемъ людей увѣковѣчивать себя въ мѣрѣ рожденіемъ новыхъ поколѣній. Видимо, и здѣсь его прежде всего занимаетъ вопросъ о поддержаніи общей цифры населенія въ опредѣленномъ размѣрѣ ⁶⁾. Но такъ какъ этотъ вопросъ тѣсно связывается съ общимъ вопросомъ о регулированіи жизни гражданъ проектируемаго государства, то Платонъ обрываетъ начатое изложеніе о брачныхъ законахъ, заканчивая эту книгу указаніемъ, что все, сказанное имъ до сихъ поръ, служило какъ бы прелюдіей къ главной темѣ разговора, т.-е. къ системѣ законовъ, рекомендуемыхъ для новой колоніи. Но и въ слѣдующей, пятой, книгѣ Платонъ пространно повторяетъ прежнія разсужденія объ умѣренности, какъ основной добродѣтели создаваемаго государства. Такъ какъ это государство представляется какъ бы компромиссомъ между возвышеннымъ

¹⁾ De Legibus, IV, 708.

²⁾ De Legibus, IV, 709—710.

³⁾ De Legibus, IV, 710.

⁴⁾ De Legibus, IV, 711.

⁵⁾ De Legibus, IV, 719—720 и 724—725.

⁶⁾ De Legibus, 720—721.

идеаломъ „Политіи“ и несовершеннымъ человѣческимъ матеріаломъ, къ которому изъ нужды приходится обращаться, то Платонъ высказывается здѣсь въ типично-эллинскомъ духѣ, предпочитая „золотую середину“. Отъ гражданъ учреждаемой колоніи нельзя требовать отъказа отъ семьи и собственности; пусть они живутъ въ привычныхъ формахъ жизни, но въ этой жизни должна быть мѣра. Имъ не надо даже особенно выдѣляться физическими качествами; и въ этомъ отношеніи середина для нихъ самое лучшее. Ни красоту, ни силу, ни высокій ростъ нельзя почитать наиболѣе цѣнными качествами, такъ же какъ и противоположныя имъ, а нѣкоторую среднюю норму, равно удаленную отъ нихъ и болѣе всего способствующую умѣренности. Иначе у людей развиваются или чрезмѣрныя претензіи, или приниженность и раболѣпство. То же самое и съ имуществомъ: оно должно быть ни велико, ни скудно, въ противномъ случаѣ въ государствѣ или возникнутъ раздоры (изъ-за богатства), или наступитъ рабство (въ силу чрезмѣрной скудости)¹⁾. Въ вопросахъ объ удовольствіи и страданіи Платонъ становится здѣсь на иную точку зрѣнія, чѣмъ въ Политіи, и указавъ высшій идеаль, воспоминаемый устремленіемъ духа въ за-небесныя пространства, подчеркиваетъ, что здѣсь нужно быть болѣе скромнымъ, ибо онъ обращается къ людямъ, а не богамъ, и долженъ говорить съ ними человѣческимъ языкомъ, а не языкомъ боговъ. Какъ люди, мы желаемъ удовольствія и избѣгаемъ страданія, и стремимся къ такому состоянію, гдѣ было бы больше удовольствія и меньше страданія, и не желаемъ, чтобы страданіе превѣшивало удовольствіе¹⁾. Есть, однако, различные типы психическихъ состояній. Умѣренная жизнь по сравненію съ невоздержной хороша тѣмъ, что самыя чувства удовольствія и страданія при ней не такъ интенсивны, и потому она можетъ доставить человѣку истинное счастье. Въ ней господствуетъ разумъ, мужество и здоровье, тогда какъ невоздержность соединяется съ безуміемъ, трусостью, болѣзнями³⁾.

Только здѣсь Платонъ заканчиваетъ свое длинное вступленіе къ предлагаемымъ имъ законамъ для новой колоніи, причемъ, переходя къ ихъ изложенію, дѣлаетъ еще одну оговорку, что въ существующихъ государствахъ очень сильнымъ поводомъ къ раздорамъ служитъ требованіе передѣла земель и сложенія долговъ (τῆς καὶ χρεῶν ἀποκοπῆς), чему не должно быть мѣста во вновь учреждаемой колоніи⁴⁾. Жители ея должны довольствоваться тѣмъ порядкомъ землевладѣнія и имущественныхъ отношеній, какой будетъ установленъ

1) De Legibus, V, 728.

2) De Legibus, V, 733.

3) De Legibus, V, 733.

4) De Legibus, V, 736—737.

для нихъ съ самаго начала. Какъ же распредѣлить между ними землю?

Для этого необходимо прежде всего опредѣлить число гражданъ. Оно должно быть достаточно для защиты государства, и его можно установить правильно только по соображенію съ дѣйствительными обстоятельствами, въ какихъ окажется новая колонія, и прежде всего съ размѣрами ея территоріи и численностью ея сосѣдей (отъ которыхъ можно ожидать нападеній). Теперь же Платонъ намѣчаетъ его только „примѣрно“ (σχήματος ἕνεκα καὶ ὑπογραφῆς) въ пять тысячъ сорокъ человекъ¹⁾. Между ними должна быть распредѣлена земля и жилища, причемъ вся эта масса жителей группируется по нѣсколькимъ классамъ, имѣющимъ каждый своихъ особыхъ покровителей—боговъ, демоновъ или героевъ, съ спеціальнымъ культомъ для нихъ, для котораго необходимо при самомъ распредѣленіи земель отвести священные рощи²⁾.

Здѣсь Платонъ опять дѣлаетъ отступленіе, разъясняя своимъ собесѣдникамъ, въ чемъ состоитъ истинный духъ его настоящаго проекта. Предлагаемое имъ теперь государственное устройство не есть наилучшее; но оно уступаетъ только одному (изображенному въ „Политіи“). За нимъ слѣдуетъ третье, которое Платонъ также общааетъ начертать, предоставляя Клинію выборъ между всѣми тремя формами. И онъ даетъ сжатую энергическую характеристику „перваго“, идеальнаго государства: оно устроено вполне согласно пословицѣ, что между друзьями все общее (κοινὰ τὰ φίλων). Въ немъ общія жены, общія дѣти, общее имущество, тамъ собственность совершенно изгнана изъ жизни, даже самыя физическія силы отдѣльныхъ людей, ихъ глаза, уши, руки становятся общими, насколько возможно, и они сообща видятъ, слышатъ и дѣйствуютъ, одно и то же хвалятъ и порицаютъ, одному и тому же радуются, объ одномъ и томъ же скорбятъ. Это—поистинѣ единое государство, но, добавляетъ Платонъ, въ немъ живутъ только боги или сыновья боговъ, которыхъ немного—всего больше одного (θεοὶ ἢ παῖδες θεῶν αὐτῶν οἰκοῦσι πλείους ἑνός)³⁾. Второе государство беретъ его себѣ образцомъ и старается приблизиться къ нему, насколько возможно. Ему-то и посвящено предлагаемое разсужденіе.

Здѣсь нѣтъ уже общности владѣнія интересовъ и чувствъ, какъ въ идеальномъ государствѣ. Земля и жилища должны быть раздѣлены между гражданами и обрабатывать землю они будутъ отдѣльно⁴⁾.

1) De Legibus, V, 737.

2) De Legibus, V, 738.

3) De Legibus, V, 739.

4) Защита частной собственности, какъ недвижимой, такъ и движимой, подробно предусматривается въ рядѣ законовъ, излагаемыхъ въ восьмой и одиннадцатой книгахъ.

Но и они должны считать, что выдѣленный каждому надѣль принадлежит не въ меньшей степени всему государству, чѣмъ ему лично. Надѣль переходитъ по наслѣдству только къ одному изъ дѣтей, а такъ какъ власть должна заботиться, чтобы число гражданъ не уменьшалось и не увеличивалось, то въ устраиваемой колоніи число семействъ и число надѣловъ всегда будетъ составлять не больше и не меньше пяти тысячъ сорока. Если населеніе начнетъ превышать эту цифру, несмотря на принятые мѣры, избытокъ надо отправлять куда-нибудь на новыя поселенія. Полученный надѣль нельзя продать, равнымъ образомъ запрещается скупать чужіе надѣлы. Надо заниматься земледѣліемъ на своей землѣ; искать дальнѣйшаго обогащенія противорѣчило бы основному принципу правильнаго государственнаго устройства, а потому къ нему должны быть закрыты обычные неблагоприятные пути (*χρηματίζεσθαι τῶν ἀνελευθέρων χρηματισμῶν*¹⁾). Поэтому же гражданамъ не дозволяется имѣть серебряную и золотую монету, обладающую свойствомъ всюду вносить рѣзкія имущественныя неравенства. Но такъ какъ при трудораздѣльномъ строѣ хозяйства невозможно обойтись безъ монеты для внутреннихъ сношеній, то Платонъ рекомендуетъ принять для этого монету—знакъ, имѣющую цѣнность только внутри государства (*τὸ νόμισμα κτητέον αὐτοῖς μὲν ἔντιμον, τοῖς δὲ ἄλλοις ἀνθρώποις ἀδόκιμον*²⁾). Для внѣшнихъ сношеній остается обычная ходячая эллинская монета, но она находится въ распоряженіи государства, которое пользуется ею въ своихъ граничныхъ платежахъ, при посылкѣ миссій въ иностранныя государства и т. п., а также выдаетъ лицамъ, отъѣзжающимъ въ граничное путешествіе. По возвращеніи они обязаны сохранившійся у нихъ остатокъ такой монеты обмѣнять, подѣ страхомъ конфискаціи, на внутреннія деньги³⁾. Планъ этотъ любопытенъ тѣмъ, что Платонъ цѣлью комбинаціи золотыхъ и кредитныхъ денегъ ставитъ не облегченіе, а наоборотъ, затрудненіе мѣновыхъ оборотовъ (и вытекающаго изъ нихъ образованія частно-капиталистическихъ состояній), имѣя передъ глазами примѣръ Спарты съ ея желѣзными деньгами, чрезвычайно неудобными въ оборотѣ.

Ради противодѣйствія образованію имущественныхъ неравенствъ, Платонъ запрещаетъ давать дочерямъ приданое. Запрещается и наиболѣе распространенный способъ увеличенія капитала—отдача денегъ займа подѣ проценты. Въ случаѣ нарушенія этого правила кредиторъ лишается права требовать уплаты не только процентовъ, но и самаго капитала (*μῆτε τόκον μῆτε κεφάλαιον*⁴⁾). Всѣ эти ограниченія

¹⁾ De Legibus, V, 741.

²⁾ De Legibus, V, 742.

³⁾ De Legibus, 742.

⁴⁾ De Legibus, V, 742.

оправдываются цѣлью государства, которую добрый законодатель полагаетъ въ его улучшеніи и счастіи, а никакъ не въ богатствѣ, изобиліи золота и серебра и широкому распространеніи его владычества на сушѣ и на морѣ. Ибо счастье необходимо рождается вмѣстѣ съ добродѣтелью, богатому же человѣку невозможно стать добродѣтельнымъ. Платонъ опредѣляетъ здѣсь богатство какъ имущество, стоящее большихъ денегъ (πλείστον νομισμάτων ἄξια κτήματα), которыми владѣютъ обыкновенно немногіе и можетъ владѣть и дурной человѣкъ. Хорошему человѣку и невозможно сильно разбогатѣть. Напротивъ, человѣкъ, не отличающій справедливаго отъ несправедливаго, гораздо легче получить большую прибыль, да онъ и берегаетъ больше, потому что онъ не тратится на общепользныя цѣли, какъ хорошій человѣкъ. Платонъ не проповѣдуетъ, однако, полного отреченія отъ матеріальныхъ благъ. Онъ не забываетъ прибавить, что и чрезмѣрно бѣдный человѣкъ не бываетъ добродѣтельнымъ, ибо самая бѣдность его является результатомъ беспорядочности и неразумной расточительности. Нельзя предположить, чтобы въ рационально-устроенномъ государствѣ умѣренный человѣкъ, обладающій хотя бы въ нѣкоторой долѣ этой добродѣтелью, впалъ въ нищету. Поэтому Платонъ безпощаденъ къ нищимъ. Да не будетъ нищихъ въ (устрояемомъ) государствѣ (πτωχὸς μηδεὶς ἦμῖν ἐν τῇ πόλει γίνεσθω). А если появится просящій милостыню, то агораномы должны изгнать его съ рыночной площади, астиномы—изъ города, а агрономы изъ остальной части территоріи, чтобы „страна совершенно очистилась отъ этого вида животныхъ“ (ὅπως ἡ χώρα τοιοῦτου ζώου καθαρὰ γίνηται τὸ παράπαν ¹⁾). Порядочный же человѣкъ не можетъ стать ни очень богатымъ, ни очень бѣднымъ. Помимо моральной порчи для частныхъ лицъ, богатство вредно для государства, вызывая въ немъ тяжбы и споры и разрушая единеніе, составляющее необходимое условіе счастья гражданъ. Поэтому въ проектируемомъ государствѣ не должно быть ни золота, ни серебра, ни приобрѣтенія посредствомъ разныхъ ремесленныхъ занятій, ростовщичества, позорнаго барышничества скотомъ, но единственно изъ того, что даетъ земледѣліе ²⁾. Но разрѣшая гражданамъ второго государства заниматься только земледѣліемъ, Платонъ обращаетъ вниманіе на необходимость при этомъ прежде всего не оставлять и другихъ, болѣе важныхъ заботъ о душѣ и тѣлѣ, т. - е. на необходимость вести, рядомъ съ занятіемъ хозяйствомъ, гимнастическія упражненія и выполнять обязанности, налагаемыя надлежащимъ воспитаніемъ, памятуя всегда,

¹⁾ De Legibus, XI, 936.

²⁾ Λέγομεν δὲ μήτε χρυσὸν εἶναι δεῖν μήτε ἄργυρον ἐν τῇ πόλει, μήτ' αὖ χρηματισμὸν πᾶν διὰ βαναυσίας καὶ τῶν μὴδὲ βροσκημάτων ἀλαχρῶν, ἀλλ' ὅσα γεωργία δίδωσι καὶ φέρει... De Legibus, V, 743.

что хозяйственные дѣла должны стоять на послѣднемъ мѣстѣ¹⁾. Только здѣсь Платонъ даетъ ключъ къ пониманію хозяйственнаго устройства „второго“ государства. Когда онъ говоритъ объ отказѣ отъ полной общности всего между гражданами этого менѣе совершеннаго человѣческаго общежитія, первое впечатлѣніе подсказываетъ читателю мысль, что для такихъ людей Платонъ совершенно мирится съ обычнымъ строемъ хозяйственныхъ отношеній. Однако, оставляя имъ частную собственность и семью, Платонъ вовсе не хочетъ, чтобы они были до конца обременены хозяйственными и иными личными заботами. Онъ вѣритъ въ ихъ нравственныя силы и строитъ государство, имѣя въ виду прежде всего ихъ нравственное совершенствованіе. Не даромъ онъ настойчиво указываетъ, что второе государство беретъ себѣ образцомъ „Политію“, не очень отступая отъ нея. И въ самомъ дѣлѣ: Платонъ и здѣсь старается по возможности *освободить* гражданъ отъ хозяйственной дѣятельности, сосредоточивая ихъ силы на военныхъ упражненіяхъ и умственномъ развитіи и предоставляя непосредственныя хозяйственныя работы рабамъ и неполноправнымъ чужеземцамъ, для гражданъ же оставляя только *трудъ управленія* землевладѣльческимъ ойкосомъ. Такая обязанность, привычная издревле для греческаго гражданина, не могла наносить большого ущерба выполненію его военныхъ и гражданскихъ обязанностей и его образованію, тѣмъ болѣе, что Платонъ устраняетъ изъ заботъ хозяина стремленіе къ наживѣ, которымъ тотъ могъ бы еще увлечься. Отсюда становится понятнымъ, что при желаніи регламентировать до мелочей жизнь гражданъ, Платонъ не вмѣшивается въ ходъ *производства*, предоставляя руководство дѣломъ владѣльцу ойкоса и людямъ, занятымъ ремеслами. Онъ регулируетъ лишь обмѣнъ (чтобы не было вредной погони за барышами), распредѣленіе и потребленіе. Такой порядокъ дѣйствительно не очень далекъ отъ строя отношеній Политіи, и было бы правильнѣе согласиться въ его оцѣнкѣ съ самимъ Платономъ, чѣмъ съ тѣми новѣйшими комментаторами, которые хотятъ видѣть въ „Законахъ“ результатъ утомленія жизнью и старческаго ослабленія творчества великаго философа.

Итакъ, хозяйственная организація второго государства совпадаетъ съ традиціоннымъ эллинскимъ идеаломъ системы землевладѣльческихъ ойкосовъ умѣреннаго размѣра. Гражданамъ запрещается не только торговля, но и ремесла, ибо они не оставляютъ достаточно времени для развитія духа и тѣла. Въ восьмой квигѣ, формулируя точно законъ о запрещеніи гражданамъ ремесленнаго труда, Платонъ поясняетъ, что

1) Διὸ δὴ χρημάτων ἐπιμέλειαν οὐχ ἅπασι εἰρήκαμεν ὡς χρὴ τελευταίων τιμῶν ὄντων γὰρ τριῶν τῶν ἀπάντων περὶ ἃ πᾶς ἄνθρωπος σπουδάζει, τελευταίων καὶ τρίτον ἐστὶν ἢ τῶν χρημάτων ἔρως σπουδάζομένη σπουδῇ, σώματος δὲ περὶ μέση, πρώτης δὲ ἢ τῆς ψυχῆς. De Legibus, 743.

гражданинъ имѣеть уже достаточное занятіе, требующее большой дѣятельности и обширнаго изученія, охраняя и устраивая общій порядокъ въ государствѣ, чего нельзя дѣлать мимоходомъ¹⁾. Занятіе ремесломъ запрещается при этомъ не только самому гражданину, но даже и его рабу (ибо и въ этомъ случаѣ вниманіе гражданина было бы отвлекаемо къ руководству трудами раба). Но такъ какъ ремесла все же необходимы для государства, то къ нимъ допускаются иностранцы съ обязательствомъ, однако, не заниматься нѣсколькими ремеслами сразу, потому что это противорѣчиво бы принципу раздѣленія труда, послѣдовательно проводимому и для государства „Законовъ“. Нарушеніе этого правила карается весьма сурово: если какой-либо иностранецъ занимается сразу двумя ремеслами, астиномы (чиновники, вѣдающіе порядокъ въ городѣ) могутъ присудить его къ тюремному заключенію, денежному штрафу и даже къ изгнанію изъ государства, заставляя его угрозой этими наказаніями „быть однимъ человѣкомъ, а не нѣсколькими разъ“ (ἕνα μόνον ἀλλὰ μὴ πολλοῦς εἶναι)²⁾. Иностранцы допускаются къ поселенію въ государствѣ подѣ условіемъ, что они знаютъ ремесло, и что они не будутъ жить въ немъ долѣе двадцати лѣтъ, по истеченіи какового срока они могутъ уѣхать, взявъ съ собой все принадлежащее имъ имущество. Къ нимъ не предъявляются никакихъ требованій, кромѣ обѣщанія вести себя согласно существующимъ законамъ и не заставляютъ ихъ платить пошлинъ за все, что они будутъ продавать или покупать. Если въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ иностранецъ окажетъ особья услуги государству, ему можетъ быть разрѣшено остаться въ немъ и на всю жизнь³⁾.

Гражданамъ, какъ было указано выше, запрещается и занятіе торговлей. Ибо оно приводитъ къ наибольшему соблазну увлечься наживой и забыть истинныя цѣли жизни. Найдется очень мало людей, которые, видя случай нажить много денегъ, воспользуются имъ съ надлежащей умѣренностью и останутся во-время, предпочитая здоровый средній достатокъ чрезмѣрному богатству. Большинство людей ведутъ себя иначе, безпредѣльно расширяя свои потребности и имѣя возможность довольствоваться умѣреннымъ прибыткомъ, гонятся за безмѣрными барышами (δεόμενά τε ἀμέτρως δεῖται καὶ ἕξδὸν κερδαίνειν τὰ μέτρια ἀπλήστως αἰρεῖται κερδαίνειν). Вотъ почему всегда занятіе крупной и мелочной торговлей, а также сходное съ ними содержаніе гостиницъ считалось дѣломъ постыднымъ. Любопытно, что сами по себѣ всѣ эти занятія Платонъ считаетъ очень полезными для государства⁴⁾, и если бы они попали въ руки порядочныхъ людей, то на

1) De Legibus, VIII, 846.

2) De Legibus, VIII, 847.

3) De Legibus, VIII, 850.

4) „Не ради вреда возникаетъ въ государствѣ торговля по природѣ ея, а со-

нихъ смотрѣли бы какъ на мать и на кормилицу (*ἐν μητρὸς αὐτῆς καὶ τροφῆς σχήματι τιθεῖτο τὰ τοιαῦτα πάντα*). Но онъ этого-то именно и не желаетъ (потому что порядочные люди не могли бы изъ-за этого какъ слѣдуетъ выполнять свои истинныя, болѣе высокія обязанности) и говоритъ о такой возможности только въ видѣ пояснительнаго примѣра, оговариваясь, что было бы смѣшно и противно волѣ боговъ, если бы она дѣйствительно осуществилась, т.-е. если бы былъ установленъ законъ, принуждающій порядочныхъ мужчинъ и женщинъ брать на себя такія занятія ¹⁾.

Въ виду чрезвычайной опасности отъ торговли для добрыхъ нравовъ въ государствѣ, ее необходимо особенно тщательно регулировать. Во-первыхъ, нужно уменьшить, насколько возможно, число торговцевъ. Во-вторыхъ, торговлю необходимо разрѣшать только людямъ, нравственные недостатки которыхъ менѣе способны наносить ущербъ государству, т.-е. иностранцамъ. Въ третьихъ, даже и этихъ людей надо ограничить строгими правилами, стараясь сдѣлать ихъ лучшими или по крайней мѣрѣ хотъ менѣе дурными (*ὅπως ὡς ἄριστος ἢ καὶ κακὸς αἴετ' ἴκηται ὁ τοιοῦτος ἡμῖν ἢ ξένοικος*). Надъ ними надо удвоить наблюденіе, опредѣляя, вмѣстѣ съ ними, размѣры выручки и издержекъ, дающіе торговцу умѣренный барышъ (*λίμνα τε καὶ ἀνάλωμα τί ποτε τῷ κατήλω κέρδος ποιεί τὸ μέτριον*) и объявляя ихъ въ письменной формѣ. За исполненіемъ торговцами обязанности продавать свои товары по указанной нормѣ должны слѣдить все должностныя лица государства (агораномы, астиномы и агрономы) и такимъ образомъ торговля будетъ производиться къ общей пользѣ, не очень вредя при этомъ и добрымъ качествамъ людей, занимающихся ею ²⁾.

Еще болѣе строгія требованія Платонъ предъявляетъ къ ремесленникамъ. Этотъ классъ неполноправныхъ жителей проектируемаго государства ставится подъ покровительство боговъ Гефеста и Аѳины, подобно тому какъ граждане, имѣющіе главной обязанностью оборону государства, поставлены подъ покровительство Арея и Аѳины. Въ концѣ концовъ тѣ и другіе одинаково служатъ странѣ и народу (*χωρᾶν καὶ δῆμον θεραπεύοντες διατελοῦσιν*), одни, ведя военныя дѣйствія, другіе—изготавливая необходимыя орудія и выполняя нужныя работы. Поэтому и ремесленникамъ не подобаетъ фальшивить въ своей работѣ. Если ремесленникъ не выполнитъ въ срокъ заказа, онъ долженъ уплатить его цѣну и сверхъ того въ указанное время даромъ сдѣ-

---

всѣмъ напротивъ. Развѣ не является всеобщимъ благодѣтелемъ тотъ, кто неравныя и непропорціональныя хозяйственныя блага дѣлаетъ равными и пропорціональными? Тутъ же обнаруживается и полезная работа силы денегъ, а всѣмъ этимъ распоряжается торговецъ⁴. De Legibus, XI, 918.

¹⁾ De Legibus, XI, 918.

²⁾ De Legibus, XI, 919—920.

дать обѣщанную работу. Равнымъ образомъ законъ запрещаетъ ему обманывать заказчика, назначая чрезмѣрно высокую цѣну за изготовляемое издѣліе, а оцѣнивать его во столько, сколько оно дѣйствительно стоитъ; то же самое предписывается и при наемной работѣ на заказчика, ибо нанимающійся на извѣстное дѣло работникъ знаетъ, чего стоитъ его трудъ¹⁾. Съ другой стороны законъ защищаетъ и самого ремесленника отъ недобросовѣстнаго заказчика, который не уплатилъ во время за изготовленную для него вещь. Онъ долженъ уплатить двойную цѣну вещи, а если онъ промедлитъ съ уплатой цѣлый годъ, то долженъ уплатить еще и проценты, несмотря на то, что въ прочихъ случаяхъ передачи имущества проценты не допускаются (τῶν ἄλλων ἀτόκων ὄντων χρημάτων)²⁾. При исключительномъ занятіи земледѣліемъ и равенствѣ отводимыхъ надѣловъ среди гражданъ не должно было бы быть имущественныхъ различій. Но Платонъ предполагаетъ, что *при самомъ вступленіи въ колонію* поселенцы принесутъ съ собою различное (движимое) имущество, по которому ихъ и придется разбить на нѣсколько группъ и присвоить каждой группѣ нѣкоторыя особыя права и обязанности. Такимъ образомъ государственное устройство пріобрѣтаетъ цензовый характеръ, съ дѣленіемъ гражданъ на четыре класса (аналогично Солонову дѣленію) по ихъ доходамъ. Законодатель опредѣляетъ въ размѣрѣ одной мины минимумъ состоянія (движимаго имущества) гражданъ, за которымъ начинается бѣдность, недопустимая въ проектируемомъ государствѣ. Допускается наживать имущество и поселенцамъ, пришедшимъ бѣдными, соотвѣтственно чему они будутъ перечисляться въ высшіе классы — но не далѣе четвернаго размѣра. Такимъ образомъ для второго класса предѣломъ назначаются двѣ мины, для третьяго — три, для четвертаго — четыре. Кто пріобрѣлъ состояніе, болѣе чѣмъ вчетверо превышающее низшій предѣлъ, долженъ передать излишекъ государству, подь страхомъ конфискаціи всего излишка и уплаты штрафа въ такомъ же размѣрѣ³⁾. Распредѣленіе надѣловъ между гражданами производится по соображенію качества земли и потребностей управленія и защиты государства. Въ центрѣ страны помѣщается городъ. Въ срединѣ его — крѣпость, окруженная стѣнами, исходя отъ которой самый городъ и вся остальная территория государства дѣлятся на двѣнадцать частей, уравненныхъ другъ съ другомъ по качеству земли: лучшія части будутъ имѣть меньшіе размѣры, худшія — большіе. Все пространство будетъ раздѣлено на пять тысячъ сорокъ надѣловъ, причемъ каждый надѣлъ составитъ изъ двухъ участковъ: одного въ по-

1) γυνώσκει γὰρ ὁ γε δημιουργός τὴν στίαν. De Legibus, XI, 921.

2) De Legibus, XI, 921.

3) De Legibus, IV, 744—745 и V, 754.

лосѣ, прилегающей къ городу, другого—въ удаленной отъ него. Участки будутъ сообразованы также съ качествомъ земли. Каждый гражданинъ будетъ имѣть два дома: одинъ въ центрѣ государства, а другой—на его окраинѣ. Такая распланировка новой колоніи можетъ показаться чистой фантазіей, „сномъ на-яву“, игрой художника, выѣпливающего, какъ ему заблагоразсудится, фигурки изъ воска, но, поясняетъ Платонъ, это построеніе надо понимать какъ необходимый планъ для живого творчества, безъ котораго оно невозможно, но не въ смыслѣ совершенно буквального осуществленія. То, что на практикѣ окажется неосуществимымъ, и не будетъ выполнено; важно лишь, чтобы въ общемъ планъ былъ достаточно выдержанъ¹⁾. Регулированіе жизни гражданъ должно быть во всякомъ случаѣ проведено возможно далеко, до мельчайшихъ деталей, до размѣра сосудовъ, которые они будутъ употреблять. Но оно должно считаться съ обстоятельствами. Нельзя идти вопреки природѣ, а природа людей, изъ которыхъ приходится строить общество, бываетъ различна даже въ зависимости отъ внѣшней среды, въ которой они живутъ—вѣтровъ, температуры воздуха, обилія воды, характера пищевыхъ продуктовъ, доставляемыхъ землей. Все это разумный законодатель долженъ принимать въ соображеніе и соотвѣтственно устраивать государство²⁾.

Здѣсь намъ нѣтъ надобности останавливаться на политическомъ устройствѣ второго государства; важно отмѣтить лишь, что условіемъ активнаго права выбора на общественныя должности Платонъ ставитъ отбываніе военной службы въ пѣхотѣ и въ конницѣ и участіе на войнѣ, а относительно производства выборовъ устанавливаетъ различныя требованія къ различнымъ классамъ, карая высшіе классы за уклоненіе отъ участія въ нихъ и освобождая отъ наказанія за то же самое послѣдній, низшій классъ³⁾. Такой порядокъ выборовъ Платонъ считаетъ серединой между монархіей и демократіей, наиболѣе отвѣчающей правильному устройству государства, ибо, поясняетъ онъ, не могутъ быть друзьями рабы и господа, и не заслуживаютъ одинаковаго почета ревностные и ничтожные люди⁴⁾. Значитъ, даже въ скромныхъ предѣлахъ гражданскаго союза второго государства, гдѣ и высшіе классы представлены людьми, не поднимающимися далѣе житейской добродѣтели „благоразумія“, Платонъ не считаетъ возможнымъ полное равенство и содружество, дѣля ихъ на группы по признаку, менѣе всего заслуживающему вниманія въ его собственныхъ глазахъ. Въ этой боязни, какъ бы низшіе слои общества не приблизились чрезмѣрно къ завѣдыванію государственными дѣлами, сказывается опять

1) De Legibus, V, 746.

2) De Legibus, V, 746—747).

3) De Legibus, VI, 753 и 756.

4) De Legibus, VI, 756—757.

аристократическая тенденція, никогда не умиравшая въ душѣ великаго философа. Онъ подыскиваетъ оправданіе для такого страннаго порядка въ идеѣ распредѣлительной справедливости, воздающей равно каждому, но не равное, а соотвѣтственно заслугамъ. Эта справедливость не похожа на обычную справедливость, воздающую равной мѣрой, и ее постигаютъ лишь немногіе люди, но поскольку она встрѣчается въ человѣческихъ обществахъ и въ частныхъ дѣлахъ, она-то и создаетъ все доброе. Она воздаетъ большому большее, а меньшему меньшее, соразмѣряя даваемое каждому съ его природой (*μέτρια δίδουσα πρὸς τὴν αὐτῶν φύσιν ἑκάτερον*), т.-е. распредѣляя почести соотвѣтственно добродѣтели¹⁾. Такова политическая справедливость, которой необходимо придерживаться и при устройствѣ новой колоніи.

Земельные надѣлы во всякомъ случаѣ для всѣхъ одинаковы. Они обрабатываются рабами, которыхъ здѣсь Платонъ считаетъ необходимою принадлежностью хозяйства, такъ какъ землевладѣльцы несутъ военную службу и участвуютъ въ управленіи государствомъ. Но онъ все же считаетъ, что рабы—самая безпокойная часть имущества (*χαλεπὸν δὲ τὸ κτήμα*), доставляющая много заботъ и опасностей (возможны, какъ показываетъ опытъ нѣкоторыхъ государствъ, обширныя возстанія). Поэтому полезно смѣшивать рабовъ различныхъ національностей, чтобы они не могли сговариваться противъ господъ; во-вторыхъ, надо хорошо обращаться съ ними не только ради нихъ, но и ради себя самихъ, чтобы поддерживать въ себѣ чувство справедливости²⁾. Сколько надо давать рабовъ гражданамъ, Платонъ не указываетъ точно, ограничиваясь замѣчаніемъ, что каждый долженъ быть снабженъ ими какъ по числу, такъ и по способности выполнять требуемыя работы (*οὐκοῦν ὅτε τις οἰκέτας κατεσκευασμένος εἰς δύναμιν εἴη πλήθει καὶ ἐπιτηδείότητι πρὸς ἑκάστας τὰς τῶν ἔργων παραβηθείας*)³⁾. Такъ составитъ нормальный ойкасъ въ традиціонно-эллинскомъ духѣ, но Платонъ хочетъ совмѣстить его съ усиленіемъ военной мощи государства и нравственной выдержки гражданъ, и потому требуетъ, чтобы граждане не замыкались въ своихъ домахъ, а ежедневно сходились бы на общіе обѣды, и притомъ не только мужчины, но и женщины. Даже здѣсь, въ государствѣ компромисса, Платонъ не хочетъ отказаться отъ своей любимой идеи о равноправіи половъ, и предвидя боль-

1) De Legibus, VI, 757.

2) Рекомендую господамъ мягкое обращеніе съ рабами, Платонъ жесточайшимъ образомъ расправляется съ ними въ своемъ уголовномъ кодексѣ. Проступки, сравнительно маловажные, обычно влекутъ для нихъ тяжелое тѣлесное наказаніе. Напр., если рабъ безъ разрѣшенія владѣльца соберетъ фиги или виноградъ въ его саду, то онъ долженъ получить столько ударовъ плетью, сколько было ягодъ въ виноградной кисти или фигъ на фиговомъ деревѣ. De Legibus, VIII, 845.

3) De Legibus, VI, 777—779.

шія затрудненія въ привлеченіи всѣхъ женщинъ колоніи къ общимъ обѣдамъ, считаетъ однако это необходимымъ для нравственной выработки женщинъ. Существующій порядокъ сисситій на Спартѣ и Критѣ, гдѣ участвуютъ только мужчины, кажется ему недостаточнымъ, потому что женщины, склонныя по природѣ дѣйствовать скрытно и непрямими путями, даже болѣе мужчинъ нуждаются въ воспитательномъ учрежденіи, гдѣ онѣ получили бы необходимую прямоту характера и нравственную выдержку. Самая семейная жизнь при такомъ порядкѣ будетъ устроена въ большей мѣрѣ къ благу государства, ибо супруги, приученные къ умѣренности и воздержности, будутъ давать ему въ своихъ дѣтяхъ новое здоровое и сильное поколѣніе. Женщины будутъ привлекаться и къ общественнымъ должностямъ (εις ἀρχάς) и даже къ войнѣ, но позже мужчинъ (къ общественнымъ обязанностямъ не ранѣ сорокалѣтняго возраста, а на войну—послѣ того, какъ они прекратятъ рожать и не старше пятидесяти лѣтъ, причемъ имъ будутъ даваемы порученія, отвѣчающія ихъ силамъ и подобающія ихъ полу) ¹⁾. Поэтому и воспитаніе женщинъ должно быть такое же, какъ для мужчинъ. Нельзя подражать фракійцамъ и другимъ народамъ, заставляющимъ женщинъ обрабатывать землю, пасти скотъ и ухаживать за нимъ, выполнять разныя другія услуги, не отличая ихъ отъ рабовъ, ни аѳинянамъ, которые, напротивъ, оставляютъ для женщинъ только наблюденіе за домашнимъ хозяйствомъ да тканье. Даже лакедемоняне, требующіе, чтобы молодыя дѣвушки занимались гимнастикой и музыкой, и запрещающіе имъ ткать шерсть, поступаютъ не вполне послѣдовательно, не допуская женщинъ къ военнымъ упражненіямъ. Законодатель долженъ быть цѣльнымъ, а не половинчатымъ (τέλειον γὰρ καὶ οὐδ'ἡμίτερον δεῖν τὸν νομοθέτην εἶναι) и устраивать блаженство всего государства, а не одной его половины, давая другою недостаточное воспитаніе ²⁾. Вѣдь даже птицы защищаютъ своихъ птенцовъ отъ нападенія хищниковъ, женщины же при приближеніи непріятеля при малѣйшей тревогѣ бросаются въ храмы, обнимая тамъ жертвенники и статуи боговъ, оставляя впечатлѣніе, будто человѣчeskій родъ трусливѣе животныхъ. При надлежащемъ военномъ воспитаніи женщинъ можно уже не опасаться столь позорнаго зрѣлища ³⁾.

Вообще Платонъ считаетъ очень важнымъ и для гражданъ государства „Законовъ“ правильное воспитаніе. Для всѣхъ нихъ обязательна гимнастика (включая военныя упражненія) и музыка (т.е. литературное и эстетическое образованіе), а также начатки ариѳметики,

¹⁾ Мужчины могутъ занимать общественныя должности съ тридцати лѣтъ и носить оружіе съ двадцати до шестидесяти. De Legibus, VI, 780—785.

²⁾ De Legibus, VII, 805—806.

³⁾ De Legibus, VII, 813—814. Здѣсь же подробно указывается, въ чемъ именно должны состоять военныя упражненія.

геометріи и астрономіи. Болѣе глубокое изученіе математическихъ наукъ доступно немногимъ избраннымъ, для массы же достаточно нѣкоторой необходимѣйшей части этихъ наукъ ¹⁾. Цѣль воспитанія — сдѣлать гражданъ добродѣтельными, сильными, мужественными и воздержными, а такъ какъ къ этому направлено и все законодательство, то воспитаніе должно незамѣтно приучить молодыхъ людей любить и уважать законы и правила, внушаемая въ соотвѣтствіи съ ними старѣйшими и болѣе опытными гражданами ²⁾. Толкованіе этого мѣста въ смыслѣ подчиненія всей жизни неизблемому *внѣшнему* авторитету, въ противоположность государству „Политіи“, гдѣ граждане добровольно, силой внутренняго убѣжденія влекутся къ высшимъ цѣлямъ, ставимымъ государствомъ ³⁾, представляется намъ нѣсколько натянутымъ. Платонъ требуетъ и отъ гражданъ государства „Законовъ“, чтобы они не только подчинялись законамъ, но чтобы они вообще слѣдовали въ своей жизни духу, вложенному въ законодательство. Вполнѣ совершенный гражданинъ повинуется законамъ не изъ страха наказанія, но потому что онъ раздѣляетъ убѣжденія законодателя въ томъ, что онъ хвалитъ или порицаетъ ⁴⁾. Платонъ подчеркиваетъ, что и во второмъ государствѣ гражданамъ обезпечены достаточныя внѣшнія условія для того, чтобы они могли жить разумно и стремиться къ высшимъ цѣлямъ силою внутренняго влеченія. При всемъ желаніи регламентировать жизнь гражданъ Платонъ отказывается входить во всѣ мелочи житейскаго обихода и домашняго распорядка, надѣясь, что здѣсь достаточнымъ регулирующимъ началомъ должно быть именно внутреннее убѣжденіе. Внѣшняя сторона жизни гражданъ устроена достаточно: они обезпечены всѣмъ, необходимымъ для приличной жизни; угнетающія душу и портящія тѣло ремесла выполняются людьми низшаго ранга; земля обрабатывается рабами, обязанными доставлять своимъ господамъ часть продукта, достаточную для умѣренной жизни, имѣются общія столовыя, однѣ для мужчинъ, другія — рядомъ — для женщинъ, членовъ ихъ семьи (женъ и дочерей); порядокъ обезпечивается постояннымъ наблюденіемъ должностныхъ лицъ. Какъ же вести жизнь при такихъ счастливыхъ условіяхъ? Развѣ допустимо, чтобы граждане зажили какъ скоть, поставленный на откормъ (ἐν τρώφῃ βοσκίματος ἕκαστον παινόμενον αὐτῶν δεῖ ζῆν)? Вѣдь тогда они испытали бы участь всякаго лѣниваго и разжирѣвшаго отъ праздности животнаго, которое становится добычей болѣе смѣлаго и закаленнаго трудами. Человѣкъ, полагающій цѣлью жизни добродѣтель, дол-

¹⁾ De Legibus, VII, passim.

²⁾ De Legibus, II, 659.

³⁾ См. кн. Е. Трубецкой. Соціальная утопія Платона, стр. 92—93.

⁴⁾ τελειώτερον δὲ φέρε εἰρημένον, ὡς ἄρα ἔς ἂν τὰς τοῦ νομοθετοῦντος τε καὶ ἐπαινοῦντος καὶ φέροντος παιδόμενος γράμματα διεξέλιθη τὸν βίον ἄκρατον. De Legibus, VII, 822.

женъ сообразовать съ ней всю свою жизнь. Онъ долженъ считать позорнымъ и недостойнымъ свободнаго человѣка проводить цѣлую ночь во снѣ и не пробуждаться первымъ въ своемъ домѣ, показывая примѣръ всѣмъ домашнимъ и слугамъ. Точно также и для хозяйки дома было бы постыдно въ глазахъ рабовъ, дѣтей и всего дома, если бы она заставляла служанокъ будить себя, а не вставала первая, чтобы разбудить ихъ ¹⁾.

Представляется преувеличеннымъ также и утверженіе кн. Е. Н. Трубецкого, будто только въ идеальномъ государствѣ имѣются особе божественные избранники, придающіе ему весь смыслъ и всю цѣну, тогда какъ „въ „Законахъ“ государство держится уже не *философской религіей, не знаніемъ, а внѣшней* (курсивъ кн. Е. Н. Трубецкого) силой; тутъ Платонъ ставитъ себѣ задачей то самое, что раньше онъ считалъ занятіемъ празднымъ и антифилософскимъ — всестороннюю и мелочную законодательную регламентацію“ ²⁾. Въ государствѣ „Законовъ“ нельзя найти достаточно людей, которые образовали бы необходимые кадры воиновъ-аскетовъ типа идеальнаго государства, но и тамъ имѣются немногіе избранники, изъ которыхъ составляется верховный „божественный“ совѣтъ (ὁ θεῖος συνέλευσις), хранитель высшихъ завѣтовъ, ради которыхъ существуетъ государство, его твердый „якорь“ (ἄγκυρα πάσης τῆς πόλεως) ³⁾. Онъ слагается изъ десяти постоянныхъ членовъ, старѣйшихъ хранителей законовъ, къ которымъ присоединяются особо отличившіеся добродѣтели и лица, путешествовавшія въ другія страны для изслѣдованія того, что можетъ способствовать благу родины. Кромѣ того, каждое изъ этихъ лицъ должно привести съ собой одного изъ молодыхъ гражданъ, не моложе, однако, тридцати лѣтъ, достойнаго, по его мнѣнію, участвовать въ совѣтѣ по нравственному характеру и воспитанію. Такой кандидатъ подвергается предварительно избранію въ совѣтъ, производимому тайно, такъ что если совѣтъ не признаетъ его достойнымъ допущенія въ свою среду, онъ ничего не узнаетъ объ этомъ. Эти люди должны имѣть наиболѣе глубокое познаніе цѣли государства, и для нихъ поэтому предназначается то углубленное изученіе математическихъ наукъ, о которомъ говорилось выше. Они должны понимать четверную добродѣтель государства (мудрость, умеренность, мужество, справедливость), какъ *единую* добродѣтель. Подобно тому какъ во всякомъ дѣлѣ хорошій исполнитель долженъ всегда стремиться къ единой цѣли и умѣть обнять разнообразіе представляющихся ему задачъ единымъ взглядомъ, такъ и члены верховнаго совѣта должны составить себѣ прежде всего точное понятіе

¹⁾ De Legibus, VII, 807—808.

²⁾ Соціальная утопія Платона, стр. 90—91.

³⁾ De Legibus, XII, 969 и 961.

(ἀκριβῆς ἰδεῖν) о томъ, что приводитъ къ единенію всѣ четыре отдѣльныхъ добродѣтели, дѣлая изъ нихъ единую добродѣтель. Хранитель государства долженъ понимать предсуществованіе душъ и руководство вселенной міровымъ разумомъ, долженъ настолько глубоко изучить математическія науки, чтобы уловить ихъ внутреннюю связь съ музыкой, и пользоваться такимъ знаніемъ, чтобы ввести гармонию въ законы и нравы. Только объединеніе такихъ познаній съ гражданскими добродѣтелями даетъ человѣку возможность быть руководителемъ государства, иначе онъ былъ бы годенъ лишь къ вѣшнему подчиненію, исполненію чужихъ приказаній. Въ этомъ совѣтѣ старыя члены будутъ играть роль разума въ отдѣльной человѣческой личности, а молодые—были бы какъ бы глазами, наблюдающими за всѣмъ, что происходитъ въ государствѣ, и доводящими объ этомъ до свѣдѣнія старшихъ. И если бы удалось именно такъ составить этотъ верховный совѣтъ, ему смѣло можно было бы ввѣрить охрану государства. Помѣщенный въ центральной крѣпости, онъ образовалъ бы „голову государства“ и члены его были бы совершеннѣйшими его хранителями и руководителями ¹⁾).

Но и для рядовой массы гражданъ Платонъ старается устроить жизнь такъ, чтобы они по возможности приближались къ воинамъ идеальнаго государства. Отъ нихъ не отняты, правда, совсѣмъ заботы о матеріальныхъ интересахъ, они надѣлены собственностью и должны вести хозяйство, но вѣдь непосредственный хозяйственный трудъ выполняется для нихъ рабами, и потому они имѣютъ достаточно досуга для умственнаго развитія и постоянныхъ военныхъ упражненій. Они образуютъ, хотя и не совершенно поглощенную одними государственными заботами, но все же тѣсно сплоченную военную общину, и матеріальный интересъ долженъ играть въ ихъ жизни подчиненную роль. Ихъ имущественное положеніе и воспитаніе искореняютъ въ нихъ пагубное стремленіе къ богатству, которое обычно препятствуетъ развитію воинскихъ доблестей. Ихъ не дѣлаютъ аскетами, но тѣмъ не менѣе государство вырабатываетъ изъ нихъ людей высокаго нравственнаго склада, свободно властвующихъ надъ чувственными вождѣльнїями. Хозяйственная дѣятельность ограничена для нихъ предѣлами землевладѣльческаго ойкаса умѣреннаго размѣра, управленіе которымъ само по себѣ не способно заглушить высшіе порывы и выдвинуть на первый планъ жажду къ обогащенію. Другія же формы прїобрѣтенія, сопряженныя съ такимъ соблазномъ, для нихъ закрыты. Вотъ почему и въ государствѣ „Законовъ“ военныя упражненія могутъ быть поставлены на надлежащую высоту. Въ существующихъ государствахъ этому въ большой мѣрѣ препятствуетъ страсть къ бо-

¹⁾ De Legibus, XII, 961—969.

гатству, не оставляющая досуга подумать и позаботиться о чемъ-либо другомъ, такъ что вся душа гражданина бываетъ наполнена мыслью о наживѣ текущаго дня (τοῦ καθ' ἡμέραν κέρδους). Поэтому всѣ они стараются научиться чему угодно, что можетъ способствовать ихъ обогащенію, пренебрегая всѣми другими науками и всякой другой дѣятельностью. Они готовы для удовлетворенія безпредѣльной жажды золота и серебра (διὰ τὴν τοῦ χρυσοῦ τε καὶ ἀργύρου ἀπληστίαν) взяться за какое угодно дѣло, будетъ ли оно честное или позорное, лишь бы оно обогащало ихъ и давало имъ возможность удовлетворять ихъ животныя влеченія—ѣсть и пить вволю и предаваться безудержно любовнымъ наслажденіямъ¹⁾. Напротивъ, граждане государства „Законовъ“ будутъ имѣть большой досугъ, будутъ чувствовать себя дѣйствительно свободными людьми, благородно праздными, и при такихъ законахъ они никакъ не могутъ стать любителями богатства²⁾.

Самый земледѣльческій доходъ не поступаетъ въ непосредственное распоряженіе владѣльцевъ надѣловъ, а распределяется между всѣми жителями по образцу критскаго закона слѣдующимъ образомъ: такъ какъ территория государства дѣлится на двѣнадцать частей, то и распределеніе продукта происходитъ въ предѣлахъ каждой двѣнадцатой части такимъ образомъ, что ее дѣлятъ (всѣ сельскохозяйственные продукты и животныхъ, подлежащихъ сбыту) на три части—одну—для свободныхъ, другую—для ихъ рабовъ, третью—для ремесленниковъ и вообще для иностранцевъ. Эта третья часть поступаетъ въ продажу, двѣ первыя продавать не обязательно. Продукты всѣхъ трехъ частей должны быть одинаковы по качеству. На долю каждаго гражданина, т.-е. владѣльца земельного надѣла, достанется т. обр. двѣ части, и онъ ужъ въ правѣ по своему усмотрѣнію распределить полученныя продукты между свободными и рабами въ своей семьѣ³⁾.

Продажа продуктовъ на рынкѣ подлежитъ строгому регулированію. Всѣ сдѣлки купли-продажи производятся на рыночной площади въ мѣстахъ, указанныхъ для каждаго рода товаровъ, подъ наблюденіемъ агораномовъ и астиномовъ, которые устанавливаютъ и цѣны на товары. Продажа допускается только за наличныя; отпускъ товаровъ въ кредитъ не разрѣшается. Если кто сдѣлаетъ такъ, онъ не наказывается, но законъ не даетъ ему юридической защиты, и если покупатель не уплатитъ ему денегъ, онъ не будетъ имѣть возможности взыскать съ него. Такимъ же образомъ законъ относится и къ займамъ; другъ можетъ занять у своихъ друзей, но если между ними произойдетъ споръ, имъ придется улаживать дѣло безъ помощи закона, который не вмѣшивается въ такого рода сдѣлки⁴⁾. Платонъ

1) De Legibus, VIII, 831.

2) De Legibus, VIII, 832.

3) De Legibus, VIII, 848.

4) ἐράνων δὲ περὶ τὸν βουλευόμενον ἐρανίζειν φίλον παρὰ φίλοις· ἐὰν δὲ τις διαφορὰ γίνηται περὶ

придерживается здѣсь стариннаго эллинскаго обычая *ἔρανος*—безпроцентной ссуды, даваемой въ видѣ дружеской услуги въ трудную минуту. Но даже и такую кредитную сдѣлку онъ не считаетъ нормальной формой мѣноваго оборота въ рационально устроенномъ государствѣ и не рѣшается дать ей юридическую санкцію.

Таковъ хозяйственный строй второго по совершенству изъ проектируемыхъ Платономъ рациональныхъ типовъ государства. И для него характерно рациональное устройство не самой хозяйственной дѣятельности, а ея цѣлей, не производства, а потребленія. Этими Платоновы идеалы человѣческаго общежитія рѣзко отличаются отъ современныхъ, имѣющихъ въ виду прежде всего рациональную организацію производства. Платонъ не интересуется самымъ процессомъ хозяйства. Организація необходимыхъ въ обществѣ хозяйственныхъ работъ представляется ему дѣломъ чрезвычайно легкимъ, доступнымъ низшимъ натурамъ, далеко уступающимъ дѣлу обороны государства. Любопытно, что слабость военной и промышленной техники, казалось бы, сближавшая между собой военное дѣло и хозяйство, приводила Платона къ противоположной оцѣнкѣ ихъ. Именно недостатки механической техники военного дѣла требовали отъ воиновъ высокихъ физическихъ качествъ, постоянной тренировки и недюжинныхъ нравственныхъ силъ, тогда какъ примитивность хозяйственныхъ работъ, особенно въ промышленной (ремесленной) области, не требовала такого подбора дѣятелей. Здѣсь годились и люди менѣе совершеннаго физическаго и моральнаго типа. Платонъ не имѣлъ передъ глазами сложнаго хозяйства, вооруженнаго тонко развитымъ механическимъ аппаратомъ и не менѣе хитросплетенной организаціей, требующаго самыхъ разнообразныхъ силъ и способностей и степеней технической и общей подготовки, отъ представителей низшихъ формъ труда до первостепенныхъ организаторскихъ и техническихъ талантовъ. Военное же дѣло на верхнихъ ступеняхъ іерархіи требовало, конечно, и тогда крупныхъ стратегическихъ дарованій и организаторскаго умѣнья, а для рядовыхъ воиновъ—выдержки и способности къ самопожертвованію. И потому Платонъ провелъ столь рѣзкую демаркаціонную линію между военной и хозяйственной дѣятельностью, не считая достойнымъ философа входить въ детали промышленныхъ занятій. Процессы производства интересуютъ его лишь какъ матеріалъ для наглядныхъ поясненій болѣе возвышенныхъ формъ человѣческой дѣятельности. Современному социальному реформатору найдется мало чему поучиться у Платона въ дѣлѣ созиданія самой хозяйственной организаціи. Въ рациональномъ устройствѣ производства современный социализмъ, какъ

τῆς ἐρανοῦσως, οὕτω πράττειν ὡς δίκην μηδενὶ περὶ τούτων μηδαμῶς ἐσομένον. De Legibus, XI, 915. VIII, 849—850.

бы рѣзко онъ ни противопоставлялъ себя капитализму, учится именно у него, а не у старыхъ творцовъ идеалистическихъ социальныхъ системъ. Капитализмъ довелъ рационализацію хозяйства до виртуозности, до учета и использованія мельчайшихъ мелочей и въ этомъ отношеніи онъ даетъ готовый образецъ для всякаго рациональнаго устроенія производства. Но онъ страдаетъ однимъ кореннымъ дефектомъ, неустранимымъ, потому что онъ кроется въ самомъ его существѣ. Въ капиталистической системѣ хозяйства все рационализировано и упорядочено, *кроме самой ир.м.*, ради которой существуетъ хозяйство, и которая остается *иррациональной*. Эту особенность капитализма прекрасно понимали греческіе мыслители, уловивъ ее въ зачаточныхъ формахъ современнаго имъ капиталистическаго хозяйства. Разумная цѣль хозяйства заключается въ удовлетвореніи потребностей, цѣлью же капиталистическаго хозяйства является безпредѣльное накопленіе хозяйственныхъ благъ, безотносительно къ потребности въ нихъ. Философы протестовали противъ такого неразумія въ постановкѣ хозяйственной цѣли и совершенно правильно настаивали на томъ, что разумная хозяйственная цѣль немыслима внѣ общей системы жизненныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ отдѣльной человѣческой личностью или цѣлымъ обществомъ. Эта сторона дѣла привлекаетъ глубокой интересъ и въ наше время. Рационализму средствъ долженъ соответствовать рационализмъ цѣлей. А рациональная постановка цѣли человѣческаго хозяйства не можетъ быть самодовлѣющей, оторванной отъ другихъ человѣческихъ цѣлей. Въ хозяйственномъ идеалѣ люди вступаютъ въ высшую область человѣческихъ стремленій, долженствующую объединять ихъ всѣ въ гармоническомъ созвучіи, въ опредѣленной связи и соподчиненіи. Эту необходимую гармонію жизненныхъ цѣлей и идеаловъ Платонъ видѣлъ въ идеѣ добра, неразрывно слитой съ идеѣй красоты. Конечно, наше время не можетъ уже принять идеаль Платона, имѣвшій ярко выраженный національно-эллинскій характеръ, ставившій на первое мѣсто красоту и совершенство формы. Люди, воспитанные въ христіанскомъ ученіи, привыкли доискиваться внутренней жизненной правды больше, чѣмъ внѣшней красоты и гармоніи, и въ ихъ стремленіяхъ громче слышится голосъ совѣсти. Какъ бы то ни было, одно едва ли подлежить сомнѣнію: нельзя спокойно вести работу по выясненію условій упорядоченія хозяйственныхъ отношеній, пока не ясна самая цѣль, ради которой существуетъ и ведется хозяйство. И при выясненіи этой цѣли надо идти не такъ, какъ предпочитаютъ многіе современные экономисты, обсуждая выхваченные наудачу частные вопросы „политики потребленія“, въ родѣ борьбы съ алкоголизмомъ и т. п., а тѣмъ широкимъ и единственно правильнымъ путемъ, который былъ проложенъ много вѣковъ тому назадъ вдохновеннымъ порывомъ Платона.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическое міровоззрѣніе Аристотеля. I. Хозяйственное благо и основанія его оцѣнки.

Особенности философскаго міровоззрѣнія Аристотеля.—Чувственный опытъ, какъ источникъ познанія.—Идеализмъ Аристотеля.—Идея формы, какъ конечной цѣли вещей.—Градація жизненныхъ формъ.—Цѣль человѣческой дѣятельности.—Высшее благо.—Понятіе совершеннаго, искуснаго въ добродѣтели (*εὐδαιμονία*) челоѣка.—Ученіе о серединѣ и срединности (*τὸ μέσον, μεσότης*).—Способность людей къ совершенствованію.—Созерцательная дѣятельность, какъ высшее блаженство.—Послѣдовательный порядокъ благъ.—Хозяйственное благо.—Служебный, подчиненный характеръ хозяйственныхъ благъ (богатства).—Предѣлы моральнаго оправданія богатства.—Щедрость, какъ основная добродѣтель по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ.—Скупость (и жажда стяжанія) и расточительность.—Великолѣпіе.—Среднее состояніе какъ достаточная основа блаженной жизни.—Экономическая оцѣнка хозяйственныхъ благъ.—Разграниченіе экономикки и хрематистикки.—Въ нормальной хозяйственной дѣятельности блага выступаютъ больше стороны полезности, въ хрематистикѣ—мѣновой цѣнности.—Необходимый, согласный съ природой, и противоположенный мѣновой оборотъ.—Появленіе рациональнаго денежнаго обращенія, какъ толчекъ развитію хрематистикки (капиталистическихъ стремленій).—Безпредѣльность хозяйственной цѣли въ хрематистикѣ и разумный предѣлъ для нея въ экономикѣ.—Близость другъ къ другу обоимъ способамъ приобрѣтенія—источникъ заблужденій относительно нихъ.—Необходимость отчетливаго разграниченія моральной и экономической оцѣнки.

Платонъ подходилъ къ изслѣдованію экономическихъ проблемъ какъ моралистъ и соціальныи реформаторъ, считаясь съ хозяйствомъ лишь какъ съ необходимымъ условіемъ индивидуальной и общественной жизни и пытаясь найти ему мѣсто, приличествующее его значенію въ постепенно поднимающейся лѣстницѣ челоѣческихъ стремленій. У Аристотеля, рядомъ съ этими точками зрѣнія, мы встрѣчаемъ уже и попытку объяснить экономическія явленія какъ таковыя. Онъ ставитъ экономическія проблемы какъ экономистъ, желая вникнуть въ сущность хозяйственныхъ явленій и понять отношенія, складывающіяся между людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. И хотя онъ излагаетъ свои экономическія ученія въ сочиненіяхъ, посвященныхъ по преимуществу инымъ вопросамъ, мы находимъ у него довольно развитую систему теоретической экономіи. И здѣсь онъ слѣдо-

валь своей несконной жаждѣ познанія живой дѣйствительности во всѣхъ ея многообразныхъ проявленіяхъ, распредѣляя изслѣдовательскую работу по обособленнымъ научнымъ отраслямъ и устанавливая для каждой отрасли свои особенные принципы. Въ отличіе отъ Платона, для котораго единство было верховной цѣлью бытія и познанія и который согласно съ этимъ строилъ всю свою философскую систему, исходя изъ единой высшей идеи добра,—Аристотель создалъ совокупность отдѣльныхъ, законченныхъ въ себѣ научныхъ дисциплинъ, не пытаясь объединить ихъ основные принципы въ какомъ-нибудь общемъ началѣ. Его мысль лишена вдохновеннаго творческаго порыва Платона къ единому источнику бытія, въ ней нѣтъ захватывающей поэтической прелести, но она крѣпче обоснована и больше углублена въ детали изслѣдуемыхъ вопросовъ. Какъ исходный пунктъ научнаго изслѣдованія, разсужденія Аристотеля не утратили цѣны въ цѣломъ рядѣ отраслей человѣческаго вѣдѣнія и въ наше время, и если не въ рѣшеніи экономическихъ проблемъ, то во всякомъ случаѣ въ постановкѣ ихъ современный экономистъ не разъ встрѣтится у Аристотеля съ мыслями и заботами, аналогичными его собственнымъ. Но и у Аристотеля всѣ частныя изслѣдованія находятся въ неразрывной связи съ его общимъ міровоззрѣніемъ, уясненіе котораго также безусловно необходимо для пониманія его экономическихъ идей, какъ и у его учителя. Основное понятіе политической экономіи—о хозяйственномъ благѣ—устанавливается Аристотелемъ въ связи съ общимъ понятіемъ блага, а это послѣднее, въ свою очередь, опредѣляется въ зависимости отъ метафизическихъ предпосылокъ, образующихъ корень всей Аристотелевой философской системы. Съ нихъ необходимо приходится начинать и намъ.

Аристотель не принимаетъ ученія Платона объ идеяхъ. Онъ рѣзко возражаетъ противъ проводимаго Платономъ раздѣленія міра идей, какъ реальныхъ сущностей, и міра видимаго, „призрачнаго“. И онъ ищетъ сущности вещей въ ихъ общихъ началахъ, родовыхъ формахъ или видахъ, раскрываемыхъ изслѣдованіемъ понятій, но онъ считаетъ ихъ существующими въ окружающемъ насъ дѣйствительномъ, видимомъ мірѣ явленій. Чтобы найти сущность вещей, нѣтъ надобности искать „чистаго знанія“, свободнаго отъ всякихъ чувственныхъ воспріятій, устремляться въ экстагическомъ изступленіи къ горнему міру идей; достаточно наблюдать самую дѣйствительность. Идеи Платона имѣютъ свое самостоятельное существованіе, они отыскиваются разумомъ не посредствомъ наблюденія дѣйствительности, а припоминаніемъ ихъ, возвращеніемъ мыслью къ тому блаженному времени, когда душа, не заключенная еще въ тѣлесную оболочку, свободно созерцала ихъ въ за-небесномъ пространствѣ. Аристотель строитъ теорію познанія иначе. По его убѣжденію, человѣческой умъ

способенъ отвлекать видовые и родовые признаки индивидуальныхъ вещей, и потому наблюденіе дѣйствительности, чувственный опытъ становится, наряду съ мышленіемъ, реальнымъ источникомъ познанія: „разумъ не создаетъ изъ себя понятій, онъ воспринимаетъ ихъ изъ опыта, изъ матеріи. Истинное знаніе не только логично, оно положительно“¹⁾. Аристотель съ любовью наблюдаетъ явленія природы и человѣческаго общества, собираетъ громадный фактической матеріаль, старательно группируетъ и анализируетъ его. Но онъ не былъ и простымъ эмпирикомъ. Въ основахъ своей теоріи познанія онъ оставался весьма близкимъ къ ученію Платона. Еще Гегель справедливо протестовалъ противъ пониманія Аристотелевой философіи, какъ противоположности идеализму Платона²⁾. Аристотель былъ также идеалистомъ и спекулятивнымъ мыслителемъ и несмотря на рѣзкую и настойчивую полемику съ ученіемъ объ идеяхъ³⁾ отвергалъ въ немъ не самый принципъ, не признаніе родовыхъ признаковъ, раскрываемыхъ понятіями, самостоятельными реальными сущностями, а лишь ихъ отдѣльное существованіе въ потустороннемъ мірѣ. Общія родовые или видовые признаки представляются и Аристотелю самостоятельными сущностями, единственно истиннымъ и реальнымъ въ индивидуальныхъ вещахъ, но онъ считаетъ ихъ нераздѣльно слитыми съ этими конкретными вещами. „Идеи не противоплагаются міру, но осуществляются въ немъ, наполняютъ его“⁴⁾. Не противорѣчитъ ученію Платона и устанавливаемое Аристотелемъ понятіе о возможномъ и дѣйствительномъ, или потенциальномъ и актуальномъ бытіи. Платонъ считалъ идеи образцами, къ которымъ стремится, путемъ подражанія, приблизиться все, существующее въ видимомъ несовершенномъ мірѣ. Аристотель доказывалъ, что общія родовые признаки, какъ сущности, заложенные въ явленіяхъ дѣйствительнаго міра, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и конечной цѣлью, ради которой эти явленія существуютъ, ихъ вѣчной и неизмѣнной формой, достиженіе которой и является ихъ завершеніемъ. Каждой вещи присуща опредѣленная форма, раскрываемая разумомъ; міровая жизнь представляется философу именно постепеннымъ развитіемъ такихъ формъ, стремленіемъ вещей къ цѣлямъ, поставленнымъ имъ природой. „Матерія и форма относятся другъ къ другу, какъ возможность къ дѣйствительности... Къ формѣ,

1) Кн. С. Н. Трубецкой. Ученіе о логосѣ. Собраніе сочиненій, т. IV. Москва 1906, стр. 33.

2) Geschichte der Philosophie, II, стр. 299.

3) См. Метафизику, VII главу 1-ой книги, IV и V главы 13-ой книги и III и IV главы 14-ой книги. Aristotelis Metaphysica, изд. Bonitz'a (франц. перев. J. Barthélemy-Saint-Hilaire, три тома, Paris 1879).

4) Кн. С. Н. Трубецкой. Исторія древней философіи. Часть II. Москва 1908, стр. 60.

или, какъ Аристотель называетъ ее еще, къ природѣ приводитъ процессъ становленія; чѣмъ является вещь по завершеніи своего развитія, въ томъ именно заключается ея природа и имя, которое вещь носить, относится въ собственномъ смыслѣ не столько къ несовершенной возможности, какъ къ ея совершенной дѣйствительности“¹⁾. Идея формы, какъ конечной цѣли вещей, постепенно достигаемой ихъ развитіемъ, составляетъ краеугольный камень метафизической системы и всего вообще міровоззрѣнія Аристотеля, сближая его, при всемъ его отличіи, съ ученіемъ Платона. И Аристотель понимаетъ процессъ развитія не въ видѣ безконечной эволюціи жизненныхъ формъ, а какъ достиженіе индивидуальной вещью совершенства ея родового типа. Самые же типы или роды вещей онъ предполагаетъ столь же неподвижными и законченными въ себѣ, какъ Платонъ свои идеи. Въ природѣ Аристотель видитъ опредѣленную, данную разумомъ, градацію формъ, составляющихъ душу и цѣль всѣхъ вещей, къ которой онъ призваны стремиться. „Вся природа представляется Аристотелю живымъ воплощеніемъ объективной мысли, которая *формуется* или образуетъ матерію. Это и обусловливаетъ возможность воспріятія, познанія и пониманія природы... Сама по себѣ матерія есть только „матеріаль“ (ύλη) формы, возможность или „потенція“ (δύναμις) формы. Напротивъ того, „видъ“ (εἶδος) или форма (μορφή) составляютъ всю „дѣйствительность“ или „энергію“ матеріи въ смыслѣ Аристотеля... Природа представляется лѣствицей формъ, которыя воплощаются въ матеріи въ процессѣ генезиса. Поскольку матерія есть лишь потенція, возможность или способность формы, генезисъ понимается какъ переходъ отъ возможности къ дѣйствительности, отъ потенциальнаго къ актуальному, причемъ „форма“ является и производящей причиной такого процесса, „началомъ движенія“, и вмѣстѣ съ тѣмъ его конечною цѣлью, его идеальнымъ предѣломъ. Такимъ образомъ, объективное понятіе вещи или ея „логосъ“ становится ея образующею „формою“ въ процессѣ развитія и опредѣляетъ собою ея окончательный „видъ“ (εἶδος) по завершеніи этого процесса. Въ этомъ логосѣ совпадаетъ слѣдовательно и „форма“ вещи, и ея конечная „цѣль“, и самое начало, или производящая причина всего процесса“²⁾.

Градація формъ завершается у Аристотеля чистымъ универсальнымъ разумомъ. Ибо только въ разумѣ можетъ осуществиться вполнѣ чистая энергія, свободная отъ всего потенциальнаго, отъ матеріи. Чистый разумъ есть верховное божественное начало міра, вѣчное и совершенное, осуществляющееся въ себѣ самомъ, начало всѣхъ на-

1) E. Arleth. Die metaphysischen Grundlagen der aristotelischen Ethik. Prag 1903, стр. 41—42.

2) Кн. С. Н. Трубецкой. Ученіе о логосѣ, стр. 33—34.

часть, ибо оно, будучи само неподвижнымъ и неизмѣннымъ, является въ то же время источникомъ всякаго движенія. Это—„первый двигатель“, движущій все существующее не собственнымъ усиленіемъ, а тѣмъ, что онъ служитъ предметомъ всеобщихъ стремленій и любви. Здѣсь Аристотель опять, незамѣтно для себя, возвращается къ ученію Платона. Природа проникнута стремленіемъ къ высокой цѣли, указываемой божественнымъ совершенствомъ; ея движеніе и развитіе имѣетъ слѣдовательно глубокой и разумный смыслъ. Для каждой вещи есть опредѣляющая ее форма, цѣль и смыслъ ея существованія, и высшій смыслъ мірового процесса заключается въ цѣлесообразномъ развитіи вещей. Но почему же при такомъ порядкѣ природы въ ней не все совершенно? И на этотъ вопросъ Аристотель не находитъ въ концѣ концовъ иного отвѣта, кромѣ того, который былъ уже данъ въ системѣ Платона. Въ мірѣ существуетъ не одно доброе, но и злое начало, и стремленіе къ благой цѣли, заложенное во всякой вещи, наталкивается на препятствіе, коренящееся также въ природѣ вещей. „Оказывается, что матерія есть въ дѣйствительности не простая потенція, не чистая возможность формы, но нѣчто прямо противоположное формѣ—особаго рода отрицательное начало или *причина*. Изъ нея объясняется случайность (τύχη) въ природѣ, косная сила, противодѣйствующая формѣ, которая ограничиваетъ цѣлесообразную дѣятельность природы и человѣка“¹⁾.

Все въ мірѣ, однако, стремится къ предуказаннымъ цѣлямъ, образующимъ для каждой вещи ея благо. Такъ опредѣляются и задачи человѣческой дѣятельности. „Всякое искусство и всякое научное исканіе, равно какъ всякая дѣятельность и намѣреніе, такъ начинается Аристотель свою Этику, стремятся, повидимому, къ нѣкоторому благу; поэтому хорошо опредѣлили благо какъ то, къ чему все стремится (οὐ παντ' ἐφίεται)“²⁾. Цѣли, однако, бываютъ различны, въ зависимости отъ различій въ формахъ человѣческой дѣятельности, и значеніе ихъ не можетъ быть одинаковымъ. Нѣкоторыя цѣли оказываются по отношенію къ другимъ цѣлямъ только средствами и должны быть подчинены имъ. Если же нашлась бы цѣль, которой мы желаемъ ради ея самой, а всѣхъ другихъ цѣлей—ради нея (ὁ δι' αὐτὸ βουλόμεθα, τὰλλα δὲ διὰ τοῦτο), то ясно, что она была бы благомъ и притомъ высшимъ (δηλον ὡς τοῦτ' αὖν εἶη τὰγαθὸν καὶ τὸ ἄριστον)³⁾. Эту цѣль раскрываетъ политика, какъ верховная и наиболѣе руководящая наука (τῆς κυριωτάτης καὶ μάλιστα ἀρχιτεκτονικῆς), цѣль которой обнимаетъ цѣли всѣхъ остальныхъ наукъ. Правда, человѣческое благо (τὰνθρώπινον

¹⁾ Кн. С. Н. Трубецкой. Исторія древней философіи, II, стр. 74.

²⁾ Никомахова этика, I, гл. 1, 1—2 (изд. Alex. Grant: The Ethics of Aristotle vol I, London 1885).

³⁾ Ник. этика, I, 2, 1.

ἀγαθόν) одинаково для отдѣльнаго лица и для государства; однако, достигнуть и сохранить благо всего государства—задача большая и болѣе совершенная¹⁾. Въ чемъ же заключается это высшее благо? Въ названіи его всѣ люди согласны, говоритъ Аристотель, всѣ говорятъ, что высшее благо есть блаженство (εὐδαιμονία), понимая, подъ этимъ словомъ хорошую жизнь и дѣятельность (τὸ δ'εὖ ζῆν καὶ τὸ εὖ πράττειν). Но въ чемъ должна заключаться такая жизнь, мнѣнія расходятся. Люди малокультурные видятъ цѣль жизни и высшее благо ея въ простомъ животномъ наслажденіи, болѣе образованные—въ чести, т.-е. въ сущности въ добродѣтели, потому что они ожидаютъ почтенія къ себѣ именно въ силу своихъ хорошихъ качествъ. Все это, однако, не составляетъ еще дѣйствительнаго блага, ибо для него мало даже одной добродѣтели. И уже совѣмъ далека отъ истиннаго блага цѣль жизни, полагаемая въ наживѣ. Человѣкъ, занятый наживой, какъ бы нарушаетъ установленную природой, нормальную цѣль человеческой жизни (ὁ δὲ χρηματιστῆς βίαιός τις ἐστίν). Ибо явно, что богатство не можетъ быть искомымъ благомъ (какъ цѣлью жизни), такъ какъ оно только служитъ для какого-нибудь употребленія, какъ средство ради иныхъ цѣлей (χρησίων γὰρ καὶ ἄλλου χάριν²⁾).

Гдѣ же искать истиннаго высшаго блага? Разсматривая отдѣльные виды благъ въ различныхъ отрасляхъ человеческой дѣятельности, находимъ, что въ каждой изъ нихъ, будетъ ли это медицина, стратегія или строительное искусство, благо образуетъ послѣдняя, высшая для каждаго изъ нихъ цѣль, ради которой предпринимается все остальное, преслѣдуются низшія, подчиненныя цѣли. Вѣдь цѣли, ставимыя себѣ людьми, неодинаковы по значенію, и существуетъ цѣлый рядъ цѣлей, образующихъ только средства для другихъ, болѣе высокихъ цѣлей. Таково, напр., богатство, музыкальные инструменты и вообще всякаго рода орудія. Въ нихъ нѣтъ совершенства, въ смыслѣ законченности, тогда какъ высшее благо мы предполагаемъ уже чѣмъ-то законченнымъ въ себѣ. Вообще мы считаемъ болѣе совершенной ту цѣль, къ которой стремятся ради нея самой, а не какъ къ средству для чего-либо другого; вполне же совершенной цѣлью мы назовемъ то, къ чему всегда стремятся ради него самого и никогда ради чего-нибудь другого. Высшее благо—самодовлѣющее (αὐταρκές), не въ смыслѣ самоудовлетворенности отдѣльнаго лица, живущаго только для себя самого, но какъ нѣчто, составляющее конечное благо и семейнаго, дружескаго и государственнаго союза, къ которому оно принадлежитъ, ибо человѣкъ по природѣ есть существо общественное (φύσει πολιτικὸς ἄνθρωπος). Иначе говоря, самодовлѣющимъ благомъ

¹⁾ Тамъ же, I, 2, 8.

²⁾ Ник. этика, I, 5, 1—8.

нужно считать такое, которое дѣлаетъ жизнь достойной цѣли саму въ себѣ, ни въ чемъ не нуждающуюся (τὸ δ'αὐταρκές τιθεμεν ὁ μονοῦμενον αἰρετὸν ποιεῖ τὸν βίον καὶ μηδενὸς ἐνθεῶ). Въ такомъ смыслѣ надо понимать блаженство какъ цѣль человѣческой жизни и какъ высшее благо. Оно должно быть совершенно и самодовлѣюще, составляя истинную цѣль всѣхъ формъ человѣческой дѣятельности (τέλειον δι' ἡ τὴ φαίνεται καὶ αὐταρκές ἢ εὐδαιμονία, τῶν πρακτικῶν οὐσα τέλος) ¹⁾. Но вѣдь это—пока только формальное опредѣленіе. Сущность же блаженства, какъ высшего блага, можно найти, исходя изъ идеи о назначеніи человѣка. Благо человѣческой жизни должно соответствовать назначенію самого человѣка. Каждый работникъ имѣетъ свое дѣло, плотникъ свое, сапожникъ свое, каждый членъ человѣческаго тѣла также имѣетъ свое дѣло, и неужели же только нѣтъ никакого дѣла у человѣка, какъ такового? Чтобы найти это дѣло, присущее человѣку, необходимо сравнить ступени лѣстницы живыхъ существъ: растенія довольствуются питаніемъ, животныя—имѣютъ чувства и лишь человѣкъ владѣетъ самостоятельнымъ разумомъ. Отсюда истинно-человѣческое дѣло—разумная дѣятельность или, по крайней мѣрѣ, дѣятельность не безъ разума. Но высшее благо должно предполагать не просто человѣческую дѣятельность, а дѣятельность совершеннаго человѣка, подобно тому какъ въ специальныхъ родахъ дѣятельности высшею цѣлью считается и высшее умѣнье. Назначеніемъ, или дѣломъ (ἔργον) человѣка мы полагаемъ жизнь, заключающуюся въ душевной энергіи и разумной дѣятельности, назначеніе же совершеннаго человѣка—въ хорошемъ и прекрасномъ выполненіи этой дѣятельности, каждое же дѣло выполняется хорошо тогда, когда оно сообразуется со специальной добродѣтелью ²⁾. Значитъ, если такъ, то благо человѣка заключается въ душевной дѣятельности, согласной съ добродѣтелью, а если добродѣтелей нѣсколько, то съ лучшей и совершеннѣйшей изъ нихъ. Такая дѣятельность должна простираться на всю жизнь человѣка. Какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ одинъ день, или недолгое время не дадутъ человѣку настоящаго блаженства ³⁾. Наконецъ, дѣятельность, доставляющая блаженство, должна быть успѣшна, благополучна: о блаженномъ говорятъ, что онъ имѣетъ хорошую жизнь и дѣятельность (τὸ εὖ ζῆν καὶ τὸ εὖ πράττειν τὸν εὐδαιμόνα) ⁴⁾. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Аристотель особенно подчеркиваетъ дѣятельный характеръ благой жизни: человѣкъ можетъ обладать хорошими качествами, но не проявлять ихъ, и въ такомъ случаѣ его нельзя назвать блаженнымъ. Подобно тому какъ на олимпійскихъ играхъ награду получа-

¹⁾ Ник. этика, I, 7, 1—9.

²⁾ Ник. этика, I, 7, 14—15.

³⁾ Ник. этика, I, 7, 15—16.

⁴⁾ Тамъ же, I, 8, 4.

еть не тотъ, кто всѣхъ сильнѣе и красивѣе, а кто выигралъ призъ, участвуя въ состязаніи, такъ и въ жизни достигаютъ благого и прекраснаго лишь люди дѣятельные ¹⁾. Но въ блаженствѣ люди достигаютъ не только благой и прекрасной, но и пріятной жизни, добавляетъ Аристотель, ибо хорошему человѣку дѣятельность, согласная съ добродѣтелью, доставляетъ наслажденіе сама по себѣ. Значить, въ высшемъ благѣ, доступномъ совершенному человѣку, нераздѣльно сливаются три основныя качества: *оно самое лучшее, самое прекрасное и самое пріятное* (ἀριστον ἄρα καὶ κάλλιστον καὶ ἡδίστον ἢ εὐδαιμονία) ²⁾. Помимо этихъ внутреннихъ качествъ блаженство предполагаетъ еще нѣкоторыя внѣшнія условія, которыя не могутъ быть цѣлью въ себѣ, но безъ которыхъ блаженство было бы неполнымъ: это какъ бы средства или орудія блаженной жизни. Таковы — богатство, друзья, политическое вліяніе. Человѣку неимущему невозможно или не легко выполнять прекрасныя дѣла ³⁾.

Подобно Платону, и Аристотель намѣчаетъ кругъ соподчиненныхъ цѣлей человѣческой жизни, включая въ него, какъ необходимое условіе, хозяйственную дѣятельность, или лучше сказать, обладаніе извѣстной мѣрой хозяйственныхъ благъ. Тѣмъ самымъ опредѣленно выясняется его отношеніе къ хозяйству: оно не можетъ составить само по себѣ цѣль человѣческой жизни, но и обойтись безъ него невозможно, значить, оно должно входить въ кругъ нормальныхъ человѣческихъ заботъ и нормальной человѣческой дѣятельности, помогая, а никакъ не заслоняя собой другія, болѣе высокія жизненныя задачи. Поскольку оно необходимо для жизни, оно должно быть поставлено правильно, должно строиться согласно своей природѣ, т. е. согласно своей собственной цѣли. Раскрытіе этой цѣли требуетъ созданія особой науки о хозяйствѣ, какъ отрасли „политики“, подъ которой Аристотель понималъ, какъ подробно будетъ показано ниже, науку о всякаго рода общественныхъ отношеніяхъ. Эта наука должна непосредственно слѣдовать за этикой, какъ ученіемъ о благѣ и добродѣтели, обосновывающемъ верховный смыслъ человѣческаго хозяйства. Поэтому у Аристотеля мы находимъ набросокъ политической экономіи, довольно цѣльный и законченный, но формально не выдѣленный еще изъ трактатовъ по этикѣ и политикѣ. Вѣроятно, дальнѣйшая разработка названныхъ дисциплинъ привела бы въ концѣ концовъ и къ такому формальному обособленію науки о народномъ хозяйствѣ ⁴⁾, но и въ

¹⁾ Ник. этика, I, 8, 9.

²⁾ Тамъ же, I, 8, 14.

³⁾ Ник. этика, I, 8, 15.

⁴⁾ Г р а н т ъ высказываетъ предположеніе, что перипатетическая школа усердно разрабатывала начатки политической экономіи, содержащіяся въ ученіяхъ Платона и Аристотеля, что и объясняетъ мастерскую характеристику пятой книги Никомаховой

томъ видѣ, въ какомъ дошли до насъ экономическія разсужденія Аристотеля, они составляютъ уже вполне опредѣленный комплексъ идей, выясняющихъ сущность и взаимоотношеніе хозяйственныхъ явленій при свѣтѣ основной и руководящей мысли о назначеніи хозяйства, цѣли, заложенной въ немъ согласно его природѣ.

Эта цѣль раскрывается Аристотелемъ при опредѣленіи понятія блаженства. Но самое понятіе блаженной жизни неразрывно связано у него съ понятіемъ субъекта и дѣятеля такой жизни — „совершеннаго“ человѣка, и потому намъ необходимо прослѣдить развитіе мыслей Аристотеля въ этомъ направленіи. Согласно основному метафизическому міросозерцанію Аристотеля истинное существо всякаго явленія развертывается при достиженіи цѣли, поставленной ему природой. Цѣль явленія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и его понятіе. Настоящій, нормальный человѣкъ есть существо, достигшее цѣли, т.-е. нравственного совершенства, вытекающаго изъ его сознанія, дарованнаго ему въ отличіе отъ другихъ живыхъ существъ, населяющихъ землю, и сближающаго его съ божественнымъ началомъ міра. Характерно, что для обозначенія совершеннаго человѣка Аристотель пользуется терминомъ *σπουδαίος*, который буквально значитъ „искусный“, достигшій совершенства въ выполненіи какого-нибудь дѣла. Главное дѣло человѣка и есть его нравственное совершенство, достиженіе нормальнаго типа, образующаго понятіе и цѣль человѣка, какъ высшаго изъ земныхъ существъ. Но чтобы хорошо выполнять свое дѣло, надо имѣть или развить въ себѣ соотвѣтственное качество; такимъ качествомъ является у совершеннаго человѣка добродѣтель (*ἀρετή*). Въ этотъ терминъ Аристотель вкладываетъ, вполне въ духѣ національно-эллинскихъ представленій, отгѣнокъ технического умѣнья. Добродѣтель — качество, въ силу котораго что-либо оказывается способнымъ достигать поставленной ему цѣли, хорошо выполнять указанное ему дѣло. Добродѣтель глаза дѣлаетъ его искуснымъ, а выполняемое имъ дѣло совершеннымъ; мы хорошо видимъ именно добродѣтелью глаза. Равнымъ образомъ добродѣтель лошади позволяетъ ей хорошо выполнять ея дѣло и быть хорошей, искусной, совершенной лошадыю¹⁾. Точно также и добродѣтель человѣка. Это — способность, въ силу которой онъ дѣлается хорошимъ и хорошо выполняетъ предназначенное ему дѣло.

Добродѣтель есть умѣнье. И именно умѣнье найтись въ сложныхъ условіяхъ жизни, умѣнье сдѣлать правильный выборъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ жизни предпочесть добро злу, находя его именно въ томъ пунктѣ, гдѣ оно помѣщается. Это и есть знаменитое

этики (приписываемой имъ Эвдему). Но изъ всего текста Этики и Политики, а также Метафизики и Риторики, видно, что у самого Аристотеля сложилась на этотъ счетъ совершенно опредѣленная система воззрѣній. См. Grant, *Ethics of Aristotle*, II, стр. 95—96.

¹⁾ Ник. этика, II, 6, 2—3. Ср. Arleth, указ. соч., стр. 45—46.

ученіе Аристотеля о серединѣ, которое часто неправильно понималось и истолковывалось, ученіе, которое мы видѣли уже у Платона и которое вообще характерно для эллинскаго міропониманія. Греки нераздѣльно сливали этическій и эстетическій идеаль и выше всего въ жизни цѣнили чувство мѣры, дающее ей гармонію и красоту. Во всемъ надо умѣть найти надлежащій средній пунктъ (τὸ μέσον). Аристотель подробно разъясняетъ, что въ человѣческихъ дѣлахъ нельзя говорить о средней въ ариѳметическомъ смыслѣ. Правильный пунктъ лежитъ обычно гдѣ-нибудь между противоположными крайностями, между излишествомъ и недостаткомъ, но гдѣ именно, это зависитъ отъ обстоятельствъ даннаго случая, и потому правильное опредѣленіе средняго пункта требуетъ большого искусства. „Каждый образованный (πᾶς ἐπιστήμιων) человѣкъ избѣгаетъ излишества и недостатка, ищетъ средняго пункта и стремится къ нему, и именно средняго не по отношенію къ дѣлу, а къ самому себѣ. И если всякая наука хорошо достигаетъ своихъ цѣлей, устремляя взоръ къ среднему пункту и направляя къ нему свою работу,... если хорошіе мастера (τεχνῖται)... также работаютъ, имѣя въ виду средній пунктъ, то и добродѣтель, которая точнѣе и лучше всякаго искусства, должна стремиться, подобно природѣ, къ среднему...“ Въ чувствахъ, съ которыми имѣетъ дѣло этическая добродѣтель, крайности всегда возможны, равно какъ и въ дѣйствіяхъ людей. Въ нихъ очень важно умѣть найти надлежащій средній пунктъ, отвѣчающій обстоятельствамъ, и придерживаться его. Въ этомъ смыслѣ „добродѣтель и есть срединность, ибо она по существу стремится къ среднему“ (μεσότης τις ἄρα ἐστὶν ἢ στοχαστικὴ ἢ οὐσα τοῦ μέσου). Ошибаться можно на многіе лады (ибо зло безпредѣльно, какъ изображали его пифагорейцы, а добро—имѣетъ предѣлъ), поступать правильно можно только однимъ путемъ. Поэтому—первое легко, а второе трудно, легко промахнуться, трудно попасть въ цѣль; отсюда—избытокъ и недостатокъ свойственны пороку, середина—добродѣтели; „честные люди просты, дурные—сложны“¹⁾. Добродѣтель образуетъ средину между двухъ золъ—излишества и недостатка, но, поясняетъ Аристотель, въ ней нельзя видѣть средину въ хорошемъ. Здѣсь она сама—крайность; добродѣтель выбираетъ среди хорошаго самое лучшее и тѣмъ рѣзко противопоставляетъ себя пороку. Съ точки зрѣнія ея существа, она опредѣляется какъ срединность, т.-е. какъ „попаданіе въ точку“, но найденный средній пунктъ не будетъ лежать среди чего-нибудь порочнаго, онъ всегда помѣщается въ хорошемъ и въ этомъ хорошемъ занимаетъ крайнее, высшее мѣсто²⁾. Если взять порокъ самъ по себѣ, то въ немъ нечего искать середины, порочное дѣяніе всегда дурно, будетъ ли оно велико или мало. Надле-

¹⁾ Ник. этика, II, 6, 8—14.

²⁾ Ник. этика, II, 6, 17.

жащаго пункта, образующаго предметъ выбора для совершеннаго человѣка, здѣсь просто не существуетъ. Въ избыткѣ и недостаткѣ нѣтъ середины; то же, что правильно избрано какъ средній пунктъ, не допускаетъ дальнѣйшихъ градаций и въ немъ нельзя разыскивать при-сущаго ему избытка или недостатка (*ὅλως γὰρ οὐθ' ὑπερβολῆς καὶ ἑλλείψεως μεσότης ἐστίν, οὔτε μεσότητος ὑπερβολῆ καὶ ἑλλείψεως*)¹⁾.

Эту особенность терминологіи Аристотеля необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ всѣхъ его ученій, гдѣ онъ говоритъ о срединѣ и среднемъ, потому что принимая эти слова въ ихъ обычномъ для насъ, общепринятомъ значеніи, мы составили бы себѣ неправильное понятіе о томъ, что хочетъ въ каждомъ случаѣ сказать Аристотель. Было бы, можетъ быть, даже удобнѣе переводить слова „*τὸ μέσον*“ и „*μεσότης*“ не буквально, а близко къ смыслу, придаваемому имъ Аристотелемъ, но подходящій терминъ подыскать трудно. Слѣдуя Платону, Аристотель считаетъ непремѣннымъ свойствомъ всего добраго мѣру и гармонію. Эту мѣру разумъ находитъ повсюду какъ нѣкоторый образецъ, согласно которому должна строиться дѣйствительность, ея норму, выражаемую понятіемъ. Какъ справедливо замѣчаетъ А. Грантъ, терминъ *μεσότης* болѣе всего отмѣчаетъ „законъ красоты“ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ. „Если добродѣтель есть гармонія, грація и красота въ дѣйствіяхъ, *μεσότης* превосходно выражаетъ это... Законъ *μεσότης*, обнаруживаемый въ храбрости, умѣренности, щедрости и великодушіи, образуетъ благородный, свободный и блестящій человѣческій типъ. Распространите его такъ же, какъ это дѣлаетъ Аристотель, на нѣкоторыя качества темперамента, рѣчи, манеры, и вы будете имѣть передъ собой портретъ изящнаго греческаго гражданина“²⁾...

Въ заключеніи второй книги Никомаховой этики Аристотель еще разъ указываетъ на трудность находить средину: не всякій можетъ опредѣлить, гдѣ находится центръ круга, а лишь человѣкъ звающій. Легко гнѣваться или тратить деньги, но если дѣлать это надлежащимъ образомъ, сообразно съ добродѣтелью, т.-е. находя средину, то это уже не легкое дѣло и не всякій сумѣетъ сдѣлать его. Поэтому-то хорошее выполненіе своего дѣла, хорошая жизнь въ нравственномъ смыслѣ есть нѣчто рѣдкое, достойное похвалы и прекрасное³⁾. Она составляетъ удѣлъ людей, выработавшихъ въ себѣ необходимыя душевныя качества, ибо одна только способность стать со временемъ совершеннымъ не дѣлаетъ еще человѣка блаженнымъ. Какъ нельзя назвать блаженнымъ животное, ибо оно вообще не можетъ до-

¹⁾ Тамъ же. II, 6, 20.

²⁾ Grant, указ. соч., I, стр. 261. Ср. также O. Kraus. Die Lehren von Lob, Lohn, Tadel und Strafe bei Aristoteles. Halle a. S. 1905, стр. 20—22.

³⁾ Ник. этика, II, 9, 4—11.

стигнуть блаженства по своей природѣ, такъ нельзя назвать блаженнымъ и ребенка, потому что онъ, по условіямъ возраста, не можетъ еще быть совершеннымъ¹⁾.

Трудно достигнуть умѣнья находить средину, т.-е. дѣлать правильный выборъ во всѣхъ случаяхъ жизни, но все же оно доступно многимъ. Всѣ, не лишенные добродѣтели, могутъ развить его въ себѣ обученіемъ и стараніемъ. Имъ должна помочь въ этомъ политика, главная цѣль которой—дѣлать гражданъ совершенными. Здѣсь, однако, Аристотель колеблется и не рѣшается сдѣлать естественный логическій шагъ. Разъ совершенный человѣкъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нормальный типъ человѣка вообще, т.-е. цѣль, ставимая природой каждой конкретной человѣческой личности, то отсюда вытекало бы, какъ необходимое слѣдствіе, потенциальное равенство всѣхъ людей. Человѣкъ можетъ и не достигнуть поставленной ему цѣли, по внѣшнимъ ли обстоятельствамъ, или по собственной винѣ, но ему нельзя отказать въ возможности достиженія этой цѣли, нельзя, вмѣстѣ съ Платономъ, отъ рожденія предугадать ему болѣе низкую долю въ жизни. И Аристотель дѣйствительно не сходится здѣсь съ Платономъ и не считаетъ правильнымъ дѣленіе людей на классы по прирожденнымъ особенностямъ ихъ душъ. Но въ то же время онъ признаетъ, что даже въ идеальномъ устроенномъ государствѣ пришлось бы считаться съ крупными различіями въ нравственномъ характерѣ гражданъ. Онъ готовъ мириться съ этимъ и считаетъ достаточнымъ для блага государства, чтобы правители его были людьми совершенными, масса же (подчиненныхъ) гражданъ можетъ довольствоваться известнымъ минимумомъ необходимыхъ добродѣтелей. Это было бы, конечно, вполне согласно съ его основнымъ взглядомъ на назначеніе человѣка, ибо путь къ блаженству дологъ и труденъ и не всякому дано дойти по немъ до конца. Но Аристотель идетъ дальше и считаетъ, что даже въ кругу людей свободныхъ, образующихъ составъ гражданъ благоустроеннаго государства, не всѣ отъ рожденія обладаютъ способностью достигнуть совершенства. Въ третьей книгѣ Никомаховой этики мы находимъ мѣсто, опредѣленно свидѣтельствующее, что, по убѣжденію Аристотеля, даръ правильного выбора средины дается человѣку отъ природы и что истинное благородство есть прирожденное качество и не можетъ быть приобрѣтено воспитаніемъ. Подобно человѣку, надѣленному острымъ зрѣніемъ, человѣкъ, благородный по природѣ, обладаетъ способностью различенія въ нравственныхъ вопросахъ. Этого нельзя перенять ни отъ кого другого, съ этимъ надо родиться. Совершенное и истинное благородство кроется въ томъ, что способ-

---

¹⁾ Тамъ же, I, 9, 4.—11.

ность къ хорошему и прекрасному дана природой (καὶ τὸ εὖ καὶ τὸ καλῶς ταῦτο πεφικέναι ἢ τελεία καὶ ἀληθινῇ ἂν εἶη εὐφυῖα)¹⁾.

И уже совѣмъ въ особую категорію существъ Аристотель выдѣляетъ людей, надѣленныхъ отъ природы рабскими качествами души, которымъ вообще нельзя стать людьми въ истинномъ значеніи этого слова и значить незачѣмъ стремиться къ совершенству, доступному настоящему человѣку. Это—рабы по природѣ, имъ и слѣдуетъ оставаться рабами и выполнять рабскія дѣла, ибо въ этомъ заключается все ихъ жизненное назначеніе²⁾. Говоря о людяхъ и ихъ нравственныхъ задачахъ, Аристотель не поднимается до идеи человѣка вообще, ограничивая, согласно общему эллинскому воззрѣнію, свой кругозоръ только людьми, способными быть свободными гражданами.

Но пока намъ важно отмѣтить, что Аристотель признаетъ за нѣкоторыми людьми способность достигать совершенства, т. е. находить истинное благо. Ихъ поступки служатъ въ его глазахъ какъ бы образцомъ и мѣриломъ самого блага. Воля нравственно совершеннаго человѣка всегда стремится къ правильной, истинной цѣли; какъ нормальный и здоровый человѣкъ считаетъ здоровымъ то, что по истинѣ здорово, а не только кажется такимъ, такъ и человѣкъ, нормальный въ нравственномъ отношеніи, считаетъ благомъ то, что является по истинѣ благомъ. „Совершенный человѣкъ обо всемъ судитъ правильно и во всемъ ему раскрывается истина... Совершенный человѣкъ тѣмъ болѣе всего отличается отъ другихъ, что онъ во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ видитъ истину, будучи какъ бы мѣриломъ и нормой ихъ (τάληθές ἐν ἐκάστοις ὄραν, ὡσπερ κανὼν καὶ μέτρον αὐτῶν ὄν)³⁾. Если человѣкъ способенъ къ совершенству, его необходимо воспитать правильно. Еще съ молодости, какъ совѣтовалъ Платонъ, его надо вести такъ, чтобы онъ не уклонялся отъ правильного пути ни жаждой наслажденія, ни боязнью страданія. Необходимо приучить человѣка радоваться, когда слѣдуетъ, и когда слѣдуетъ, страдать. Такая нравственная закалка и дѣлаетъ человѣка добродѣтельнымъ. Добродѣтель есть наилучшее отношеніе къ удовольствію и страданію, тогда какъ порочность—противоположное этому. Нашъ выборъ опредѣляется тремя нормальными и тремя аномальными цѣлями: прекраснымъ, полезнымъ (выгоднымъ) и пріятнымъ, съ одной стороны, и некрасивымъ, вреднымъ и непріятнымъ—съ другой. Во всемъ этомъ хорошей человѣкъ разбирается правильно, дурной же—ошибается, въ особенности въ томъ, что касается удовольствія. Ибо удовольствіе обще всѣмъ животнымъ и человѣкъ привыкаетъ слѣдовать ему съ малыхъ лѣтъ, отсюда и борьба съ нимъ труднѣе. Но вѣдь всякія искусства,

¹⁾ Ник. этика III, 5, 17.

²⁾ Подробно объ этомъ см. ниже.

³⁾ Ник. этика, III, 4, 4—5.

а тѣмъ болѣе добродѣтели, имѣють дѣло съ трудными вещами. Этика и политика призваны научить людей, какъ правильно относиться къ наслажденію и страданію, и кто умѣетъ хорошо обращаться съ ними, тотъ хорошій человѣкъ, кто плохо—тотъ дурной¹⁾. Мало, однако, научиться или вообще развить въ себѣ умѣнье сдѣлать правильный выборъ; необходимо постоянно практиковать его, надо не только быть способнымъ къ добродѣтели, но и подвизаться въ ней. Трудно не только достигнуть добродѣтели, но и проявлять ее въ жизни, ибо человѣка всюду подстерегаютъ соблазны. Надо всегда направлять волю къ правильному дѣйствію, потому что мы можемъ поступать, какъ захотимъ. Добродѣтель въ нашей власти, такъ же какъ и порочность. Въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ насъ зависитъ дѣйствовать, отъ насъ же зависитъ и не дѣйствовать, и тамъ, гдѣ мы властны сказать „да“, мы властны сказать и „нѣтъ“. Какъ прекрасныя, такъ и постыдныя дѣяствія равно въ нашей власти²⁾.

Совершеннѣйшимъ блаженствомъ, доступнымъ человѣку, Аристотель считаетъ созерцательную дѣятельность (θεωρητική). Это—дѣятельность, согласная съ добродѣтелью лучшей части души. Она наиболѣе длительна (непрерывна), ибо мы болѣе способны къ постоянному созерцанію, чѣмъ къ какой-либо другой дѣятельности, она доставляетъ высокое и чистое наслажденіе, она болѣе всего самодовлѣюща, потому что въ ней можно обойтись безъ посторонней помощи и она не связана ни съ какими побочными цѣлями и слѣдствіями, наконецъ, она менѣе всего нарушаетъ покой (συχολή), въ которомъ и заключается блаженство. Жизнь, отданная созерцанію, имѣетъ въ себѣ нѣчто божественное, она сходна съ жизнью божества, которая протекаетъ именно въ созерцательной дѣятельности³⁾.

Таково основное ученіе Аристотеля о благѣ, какъ системѣ цѣлей, вѣнчаемой созерцаніемъ, въ стремленіи къ которымъ человѣкъ долженъ руководиться развитымъ въ себѣ искусствомъ нравственной жизни, системой специальныхъ добродѣтелей. Совершенный, искусный въ добродѣтели (σπουδαίος) найдетъ всюду правильный средній пунктъ, вѣрно оцѣнивая сравнительное значеніе каждой конкретной цѣли, къ которой онъ направляетъ свои дѣяствія⁴⁾. Умѣнью разбираться въ конкретныхъ жизненныхъ цѣляхъ соотвѣтственно установленной лѣстницѣ отдѣльныхъ жизненныхъ благъ Аристотель придаетъ громадное значеніе. Необходимы и важны для жизни различныя блага.

1) Ник. этика, II, 3, 6—10.

2) Ник. этика, III, 5, 2—4.

3) Ник. этика, X, 7.

4) О благѣ, какъ дѣятельности, руководимой разумной и правильной оцѣнкой см. между прочимъ у А. Kastil. Die Frage nach der Erkenntnis des Guten bei Aristoteles und Th. v. Aquin. Wien 1900.

Даже высшее состояніе блаженства, достигаемое философомъ въ созерцательной дѣятельности, требуетъ по несовершенству человѣческой природы, неполному „самодовлѣнію“ ея для созерцанія, ряда вспомога- тельныхъ благъ низшаго порядка, но равно необходимыхъ—тѣлеснаго здоровья, пищи, нѣкоторыхъ жизненныхъ удобствъ¹⁾. Этотъ послѣдова- тельный порядокъ благъ интересенъ для насъ потому, что Аристо- тель включаетъ въ него хозяйственные блага. Съ одной стороны, по- мѣщеніе хозяйственныхъ благъ въ общемъ ряду нормальныхъ цѣлей, ставимыхъ индивидуумомъ и цѣлымъ обществомъ, опредѣляетъ для Аристотеля (какъ до него для Платона) рѣшеніе труднаго вопроса о мѣстѣ, занимаемомъ хозяйствомъ и хозяйственной дѣятельностью въ общемъ строѣ человѣческой жизни, человѣческихъ дѣлъ и заботъ,— съ другой стороны, оно облегчаетъ ему выясненіе способа, какимъ должна производиться оцѣнка хозяйственныхъ благъ, какъ таковыхъ, не выходя изъ круга самихъ хозяйственныхъ отношеній.

Что же такое хозяйственное благо? Обсуждая въ этикѣ вопросъ о благѣ вообще, Аристотель опредѣляетъ, какъ мы видѣли, богатство, т.-е. совокупность хозяйственныхъ благъ, какъ необходимое орудіе или средство человѣческой жизни. „Богатство полезно и служить инымъ цѣлямъ“ (χρήσιμον γὰρ καὶ ἄλλου χάριν)²⁾, оно сходно съ флейтой, какъ инструментомъ для игры, и съ другими орудіями (καὶ ὅπως τὰ ὄργανα), избираемыми нами въ качествѣ средствъ для какой-либо цѣли³⁾; какъ орудіе для жизни, оно сходно съ другими, внѣшними для человѣка благами—друзьями и политическимъ вліяніемъ (πολλὰ μὲν γὰρ πράττεται, καθάπερ δι' ὀργάνων, διὰ φίλων καὶ πλοῦτος καὶ πολιτικῆς δυνάμεως)⁴⁾; блага, противопологаемые вышему благу, какъ цѣли въ себѣ, въ число которыхъ входитъ богатство, „или необходимы, или помогаютъ, или представляются полезными въ качествѣ орудій“ (τὰ μὲν ὑπάρχειν ἀναγκαῖον, τὰ δὲ συνεργὰ καὶ χρήσιμα πέφυκεν ὀργανικῶς)⁵⁾. Та- кимъ образомъ, основные признаки хозяйственнаго блага—полезность и служебный, подчиненный характеръ. Въ этомъ опредѣленіи Ари- стотель твердъ и послѣдователенъ, строго выдерживая его какъ въ „Этикѣ“, такъ и въ другихъ произведеніяхъ, гдѣ ему приходится выска- зываться о сущности богатства. Такъ, въ первой книгѣ „Политики“, ✓ главное содержаніе которой заключается въ выясненіи основныхъ экономическихъ понятій, Аристотель опредѣляетъ богатство какъ „совокупность хозяйственныхъ благъ, необходимыхъ для жизни и по- лезныхъ для государственнаго и домашняго общенія“ (θησαυρισμός

1) Ник. этика, X, 8, 9.

2) Ник. этика, I, 5, 8.

3) Тамъ же, I, 7, 3.

4) Тамъ же, I, 8, 15.

5) Ник. этика, I, 9, 7.

χρημάτων πρὸς ζωὴν ἀναγκαίων καὶ χρησίμων εἰς κοινωνίαν πόλεως ἢ οἰκίας). причемъ „истинное, самодовлѣющее для благой жизни (т.-е. отвѣчающее своей цѣли) имущество не безпредѣльно“ (ἢ γὰρ τῆς τοιαύτης κτήσεως αὐτάρκεια πρὸς ἀγαθὴν ζωὴν οὐκ ἄπειρός ἐστιν), ибо для правильной хозяйственной дѣятельности, какъ для всякаго искусства, есть предѣлъ въ той цѣли, которой оно служить орудіемъ, богатство же есть совокупность орудій для государственной и домашней жизни (ὁ δὲ πλοῦτος ὀργάνων πληθὸς ἐστὶν οἰκονομικῶν καὶ πολιτικῶν)¹⁾. Въ Риторикѣ Аристотель помѣщаетъ богатство среди полезныхъ благъ („полезное есть благо“ — τὸ δὲ συμφέρον ἀγαθόν), говоря о немъ, что оно составляетъ „добродѣтель имущества“ и „производитъ многое“ (ἀρετὴ γὰρ κτήσεως καὶ πολιτικῶν πολλῶν). Судя по контексту, онъ хочетъ сказать этимъ, что богатство служить источникомъ удовлетворенія, средствомъ для нормальной жизни²⁾. Тотъ же смыслъ Аристотель вкладываетъ и въ общую характеристику богатства, предшествующую только что приведенной: вообще быть богатымъ значить больше пользоваться, чѣмъ владѣть, ибо богатство есть пользованіе всѣмъ (составляющимъ имущество), дѣйствительное осуществленіе владѣнія (ὅλως δὲ τὸ πλουτεῖν ἐστὶν ἐν τῷ χρῆσθαι μᾶλλον ἢ ἐν τῷ κекτῆσθαι καὶ γὰρ ἡ ἐνέργεια ἐστὶ τῶν τοιούτων καὶ ἡ χρῆσις πλοῦτος)³⁾. Какъ средство для болѣе высокихъ жизненныхъ цѣлей, богатство цѣнится въ зависимости отъ нихъ, такъ что эти цѣли служатъ для него мѣриломъ. Цѣнится (въ нравственномъ смыслѣ) только то, что необходимо для достиженія цѣли, которой служить богатство, все, что сверхъ того, недостойно цѣниться, и оно должно быть просто отбрасываемо какъ нѣчто вредное, какъ избытокъ матеріи, препятствующій ей принять присущую ей форму. Въ Риторикѣ Аристотель устанавливаетъ какъ общее правило, что „благо есть то, что оказывается не въ избыткѣ, чего же имѣется больше, чѣмъ нужно, то дурно“ (καὶ ὃ μὴ ἐστὶν ὑπερβολή, τοῦτο ἀγαθόν, ὃ δ' ἂν ἢ μείζον ἢ δεῖ, κακόν)⁴⁾. Правильную оцѣнку этого даетъ разумный и хорошій человекъ, будетъ ли то мужчина или женщина; на чемъ онъ остановитъ свой выборъ, что предпочтетъ, то и есть благо; благо есть предметъ разумныхъ стремленій (καὶ ὃ τῶν φρονίμων τις ἢ τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν προέκρινεν... καὶ ὅλως τὰ προαιρετά)⁵⁾. Поэтому большее не всегда цѣнится выше, чѣмъ меньшее. Только для благъ, образующихъ цѣль въ себѣ, къ которымъ люди стремятся ради нихъ самихъ, большее считается и большимъ благомъ. Тамъ

1) Aristotelis Politica, изд. Immisch'a, Lipsiae, 1909, кн. I, гл. 3, 8—9.

2) Aristotelis Ars Rhetorica, изд. Roemer'a, Lipsiae, 1898, кн. I, гл. 6, 1362 а. 20 и 1362 в. 18—19.

3) Ars Rhetorica, I, 5, 1361а, 23—24.

4) Тамъ же, I, 6, 1363а, 2—3.

5) Ars Rhetorica, I, 6, 1363а, 17—18 и 19—20.

большее по размѣру и по численности представляется большимъ благомъ¹⁾.

Такъ устанавливается различная расцѣнка благъ съ точки зрѣнія ихъ значенія для человѣческой жизни вообще. Хозяйственныя блага попадаютъ здѣсь въ послѣднюю, низшую категорію, завися въ ихъ общей оцѣнкѣ отъ тѣхъ самодовлѣющихъ жизненныхъ цѣлей, которымъ они призваны служить²⁾. Здѣсь Аристотель идетъ по пути, проложенному уже до него эллинскими мыслителями, повторяя болѣе всего Платона, который, какъ было показано въ предыдущемъ, особенно ревниво относился къ вопросу объ іерархіи жизненныхъ благъ. Аристотель пытается лишь установить болѣе точную формулировку и болѣе опредѣленно отмѣтить характеръ цѣлей, которымъ служить богатство. Онъ вводитъ ученіе о хозяйственныхъ благахъ, о приобрѣтеніи ихъ и пользованіи ими въ общую теорію индивидуальной нравственной выработки и общественной организаціи, расходясь здѣсь съ Платономъ въ тонѣ моральныхъ требованій, предъявляемыхъ къ людямъ какъ индивидуумамъ и какъ членамъ общественнаго союза. вмѣстѣ съ Платономъ онъ рѣзко протестуетъ противъ увлеченія богатствомъ какъ цѣлью въ себѣ, видя въ этомъ нарушеніе основного закона человѣческой природы, требующаго подчиненія средствъ цѣлямъ и цѣлей низшаго порядка — цѣлямъ высшаго порядка. Но онъ не предъявляетъ къ людямъ очень суровыхъ нравственныхъ требованій, и „средина“, находямая въ образѣ жизни совершеннымъ человѣкомъ въ его смыслѣ, далека отъ аскетизма стражей идеальнаго государства Платона. Это — идеаль, отвѣчающій гораздо больше традиціонному эллинскому сознанію, допускающій нѣкоторую широту жизненной обстановки для людей, выдающихся своимъ происхожденіемъ или общественнымъ положеніемъ, не превосходящую, однако, въ общемъ умѣреннаго образа жизни, характернаго и для греческой аристократіи, жившей въ духѣ старинныхъ традицій. Благородный состоятельный человѣкъ отличается не столько тратой на себя лично, сколько щедрой раздачей принадлежащихъ ему благъ. Этотъ взглядъ нашель себѣ отраженіе въ языкѣ, ибо самое слово щедрость — *ἐλευθεριότης* — буквально значить качество свободнаго, благороднаго человѣка. Аристотель и здѣсь остается вѣренъ духу старой традиціи, объявляя щедрость первой добродѣтелью по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ. Она и есть та „средина“, которую находитъ совершенный человѣкъ въ распоряженіи принадлежащимъ ему имуществомъ (*ἡ περὶ χρίματα μεσότης*)³⁾. Крайности, между которыми лежитъ правильно

¹⁾ Тамъ же, I, 7, 1363b, 18—20.

²⁾ См. интересную таблицу благъ въ системѣ Аристотеля, приводимую Арлетомъ въ приложеніи къ цитированной выше его работѣ.

³⁾ Ник. этика, IV, 1, 1.

избираемый средній пунктъ, образуютъ, съ одной стороны, расточительность (*ἀσωτία*), съ другой — скупость (*ἀνελευθερία*). При этомъ подъ скупостью или алчностью Аристотель понимаетъ большее стараніе о хозяйственныхъ благахъ, чѣмъ нужно, подъ расточительностью — недостаточное. Скупецъ извращаетъ истинную цѣль своей жизни, расточитель — уничтожаетъ ея источникъ. Разоряя свой домъ, расточитель губитъ не только свое имущество, но и себя самого, лишая себя необходимыхъ средствъ существованія¹⁾. Какъ средство для жизни, какъ полезный предметъ, существующій ради посторонней ему цѣли, имущество требуетъ разумнаго, цѣлесообразнаго пользованія имъ. Не всякій можетъ хорошо пользоваться богатствомъ, а лишь кто умѣетъ, настоящее же умѣнье и здѣсь есть специальная добродѣтель, образующая одно изъ качествъ совершеннаго человѣка. „Всякою полезностью можно пользоваться или хорошо, или дурно. Богатство принадлежитъ къ разряду полезныхъ вещей (*ὁ πλοῦτος δ' ἐστὶ τῶν χρησίμων*), а каждой полезной вещи наилучшимъ образомъ пользуется имѣющей соотвѣтственную добродѣтель (*ὁ ἔχων τὴν περὶ τοῦτο ἀρετὴν*), и значить богатствомъ будетъ лучше всего пользоваться имѣющей добродѣтель по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ (*ὁ ἔχων τὴν περὶ τὰ χρήματα ἀρετὴν*). А таковъ именно человѣкъ щедрый²⁾. Щедрость — добродѣтель, относящаяся больше къ пользованію, чѣмъ приобрѣтенію богатства, и потому Аристотель не останавливается при ея характеристикѣ на вопросѣ о правильныхъ способахъ приобрѣтенія имущества, устанавливая лишь общее положеніе, что щедрый человѣкъ не только тратитъ, сколько слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ, но и приобрѣтаетъ точно такимъ же образомъ. Объединяя въ общемъ нравственномъ идеалѣ благое и прекрасное, Аристотель цѣлью щедрой раздачи хозяйственныхъ благъ ставитъ прежде всего красоту. Дѣла добродѣтели прекрасны и выполняются ради прекраснаго. И щедрый человѣкъ раздаетъ ради прекраснаго и надлежащимъ образомъ (*καὶ ὁ ἐλευθέριος οὖν δώσει τοῦ καλοῦ ἕνεκα καὶ ὀρθῶς*)³⁾. Истинно щедрый человѣкъ будетъ раздавать имущество съ толкомъ, не кому попало, а кому слѣдуетъ и сколько ему слѣдуетъ и когда слѣдуетъ. Этимъ онъ отличается отъ расточительнаго человѣка, растрачивающаго чрезмѣрно свое имущество не въ силу порочности, а по неразумію. Поэтому расточительность сама по себѣ — порокъ не очень большой, во всякомъ случаѣ меньшій, чѣмъ скупость. Неразумнаго расточителя годы и нужда научатъ правильному распоряженію богатствомъ, и онъ можетъ стать въ концѣ-концовъ истинно щедрымъ. Поэтому расточительный человѣкъ лучше скупого, да кромѣ того онъ и

¹⁾ Тамъ же, IV, 1, 3—5.

²⁾ Ник. этика, IV, 1, 6—7.

³⁾ Ник. этика, IV, 1, 12.

помогаетъ многимъ, скупой же—никому, ни даже себѣ самому ¹⁾. Неразумная расточительность и у порочныхъ людей скорѣе недостатокъ воспитанія, человѣкъ же, о воспитаніи котораго достаточно позаботились, при склонности къ расточительности можетъ достигнуть середины, т. е. истинной щедрости. Напротивъ, скупость—неизлѣчима (ἡ δ' ἀνελευθερία ἀνίατός ἐστιν) ²⁾. А между тѣмъ это недостатокъ, распространенный очень широко: большинство больше любятъ приобрѣтать хозяйственныя блага, чѣмъ раздавать ихъ (οἱ γὰρ πολλοὶ φιλοχρήματοι μᾶλλον ἢ δοτικοί). Скупость имѣетъ много различныхъ формъ, но сущность ея состоитъ въ ограниченіи раздачи и преувеличеніи приобрѣтенія, причемъ встрѣчаются случаи, когда преобладаетъ какой-либо одинъ изъ этихъ признаковъ. Есть скупые, которые любятъ чрезмерно приобрѣтать, и есть скупые, которые не любятъ отдавать, но не очень жадны до чужого. Коснувшись вопроса о неправильномъ приобрѣтеніи, Аристотель не удерживается въ намѣченныхъ рамкахъ разсужденія, и увлекаясь ненавистью къ неразумной жаднѣ стяжанія, посвящаетъ ей горячую тираду, ставя въ одну линію ростовщиковъ и содержателей публичныхъ домовъ, ибо имъ, да и вообще всеѣмъ людямъ, занятымъ неблагородными дѣлами (οἱ τὰς ἀνελευθέρους ἐργασίας ἐργαζόμενοι), обща позорная жажда наживы (κοινὸν δ' ἐπ' αὐτοῖς ἡ αἰσχροκέρδεια φαίνεται). Это—низкіе люди, которыхъ нельзя сравнивать даже съ грабителями крупнаго масштаба. Тиранновъ, опустошающихъ города и оскверняющихъ святыни, можно скорѣе назвать злодѣями, нечестивыми и несправедливыми. Напротивъ, къ скупымъ слѣдуетъ отнести шулеровъ, карманщиковъ и разбойниковъ, ибо и они ищутъ позорной добычи (αἰσχροκέρδεις γάρ). Мошенники еще хоть подвергаются большой опасности въ погонѣ за своей добычей, а скупые прямо наживаются за счетъ своихъ друзей. Во всякомъ случаѣ и скупые или алчные люди, и мошенники всякаго рода—одного поля ягода: ибо и тѣ и другіе желаютъ пррбытковъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, какъ люди, ищущіе позорной наживы (ἀμφότεροι δὲ ὅθεν οὐ δεῖ κερδαίνειν βουλόμενοι αἰσχροκέρδεις). Поэтому-то скупость (или алчность) есть большее зло, чѣмъ расточительность, и люди, зараженные ею, больше ошибаются, т. е. дальше удаляются отъ правильнаго выбора, отъ μεστότης, чѣмъ люди расточительные ³⁾.

Находить истинную мѣру въ отношеніи къ хозяйственнымъ благамъ только щедрый человѣкъ. При этомъ онъ дѣлаетъ это съ удовольствіемъ, ибо для человѣка, обладающаго извѣстной добродѣтелью, дѣйствіе, согласное съ этой добродѣтелью, должно быть пріятно. И не важно, много ли раздастъ щедрый; можетъ оказаться болѣе щедрымъ

¹⁾ Ник. этика, IV, 1, 30—32.

²⁾ Тамъ же, IV, 1, 36—37.

³⁾ Ник. этика, IV, 1, 37—45.

тотъ, кто раздалъ меньше, если его имущество еще меньше, чѣмъ у другого. Ибо щедрость—не въ размѣрѣ даваемого, а въ настроеніи дающаго (ἐν τῇ τοῦ δίδόντος ἕξει) ¹⁾. Щедрые люди—рѣдки, и потому часто слышатся жалобы на судьбу, что люди, болѣе всего достойные, всего рѣже бываютъ богатыми. Но вѣдь это естественно, прибавляетъ Аристотель, вѣрный своему трезвому отношенію къ дѣйствительности: развѣ можно добиться чего-нибудь, не заботясь о немъ, а вѣдь люди, щедрые по природѣ, всего менѣе заботятся о приобрѣтеніи богатства ²⁾.

Подводя итоги своимъ мыслямъ о щедрости, какъ добродѣтели по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ, Аристотель даетъ слѣдующее опредѣленіе ея: щедрость заключается въ выборѣ середины при раздачѣ и приобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ, а потому щедрый даетъ и расходуетъ, когда нужно и сколько нужно, одинаково какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ, выполняя это съ удовольствіемъ. Также и приобрѣтаетъ онъ, когда нужно и сколько нужно. Такъ какъ добродѣтель состоитъ въ выборѣ середины въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, то онъ дѣлаетъ то и другое, какъ слѣдуетъ. Ибо за правильной раздачей слѣдуетъ и такое же приобрѣтеніе, неправильная же—влечетъ за собой противоположное ³⁾.

Щедрость, проявляемая въ особенно крупныхъ размѣрахъ, образуетъ особый видъ добродѣтели—великолѣпіе (μεγαλοπρέπεια), повторяющій въ себѣ всѣ основныя свойства щедрости, но въ примѣненіи къ очень большому имуществу и крупному общественному положенію. И великолѣпный (μεγαλοπρεπής) расходуетъ свое имущество ради прекрасной цѣли, и хотя онъ вообще можетъ много тратить безъ ущерба для себя, но онъ долженъ соблюдать чувство мѣры. Онъ долженъ умѣть красиво и подобающимъ цѣли образомъ выполнить намѣченное дѣло. Для этого не всегда нужно, чтобы затраты по цѣнности были особенно велики. Необходимо различать, указываетъ Аристотель, между сравнительнымъ значеніемъ хозяйственнаго блага, какъ предмета имущества, и значеніемъ самого дѣла, выполняемаго съ его помощью. Тамъ оцѣнка другая, тамъ важно не то, чтобы предметъ дорого стоилъ, а чтобы онъ былъ величественъ и прекрасенъ, чтобы созерцаніе его возбуждало удивленіе, ибо все великолѣпное—удивительно ⁴⁾. Великолѣпному свойственно дѣлать все въ своемъ родѣ удивительнымъ, будетъ ли это храмъ для боговъ или ничтожный дѣтскій по-

1) Тамъ же, IV, 1, 19.

2) Ник. этика, IV, 1, 20—21.

3) Ник. этика, IV, 1, 24.

4) Ник. этика, IV, 2, 10. Проводимое здѣсь мимоходомъ разграниченіе любопытно какъ показатель пониманія Аристотелемъ особеннаго характера хозяйственной цѣнности по сравненію съ иными оцѣнками. Ниже мы будемъ еще имѣть случай вернуться къ нему.

дарокъ. Само собою разумѣется, что великолѣпными могутъ быть лишь очень немногіе. Было бы странно, если бы великолѣпнымъ пожелалъ быть человѣкъ съ недостаточными средствами. Великолѣпіе приличествуетъ людямъ богатымъ, или самимъ пріобрѣвшимъ богатство, или получившимъ его отъ родныхъ, людямъ высокаго происхожденія или знаменитымъ. Такіе люди много тратятъ на общественныя цѣли, на украшеніе города. Но имъ приличествуетъ строить и собственные дома соотвѣтственно ихъ богатству, ибо такія зданія будутъ также украшеніемъ для города ¹⁾.

Таковъ крайній предѣлъ сосредоточенія богатствъ въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, оправдываемый его назначеніемъ. Но крупныя состоянія не образуютъ, однако, основы для наиболѣе блаженной жизни. Для подъема на высшую ступень блаженства, какая вообще доступна человѣку, Аристотель считаетъ вполне достаточнымъ очень скромнаго матеріальнаго обезпеченія. „Не слѣдуетъ думать, будто блаженный нуждается во многихъ и великихъ (внѣшнихъ благахъ), хотя безъ нихъ нельзя быть благополучнымъ. Ибо самодовлѣніе и нравственная дѣятельность не требуютъ (матеріальнаго) избытка (*οὐ γὰρ ἐν τῇ ὑπερβολῇ τὸ αὐταρκές οὐδ' ἡ πρᾶξις*), и можно совершать прекрасныя дѣйствія, не будучи повелителемъ земли и моря. И съ умѣренными средствами можно жить добродѣтельно... Солонъ, кажется, хорошо опредѣлилъ блаженныхъ людей, говоря, что таковы были люди съ умѣреннымъ достаткомъ, совершившіе, по его мнѣнію, прекрасныя дѣла и жившіе разумно. Вѣдь возможно властвующимъ умѣренными средствами (*μετρία κερτημένους*) поступать какъ слѣдуетъ ²⁾.

Поскольку хозяйственныя блага являются орудіемъ нормальной жизни людей, необходимымъ вспомогательнымъ средствомъ, дающимъ возможность развивать въ себѣ добродѣтели нравственно-совершеннаго человѣка, оцѣнка ихъ проста и понятна. Начиная съ Сократа, объ этомъ много размышляли греческіе философы, и уже въ системѣ Платона моральная оцѣнка хозяйственныхъ благъ достигла такой опредѣленности и законченности, что Аристотелю оставалось только повторить установленныя его учителемъ положенія, приспособивъ ихъ къ особенностямъ своего ученія о добродѣтеляхъ и сущности благъ вообще. Но оставался очень темнымъ для античнаго мыслителя вопросъ объ особенной природѣ хозяйственныхъ благъ, какъ таковыхъ. Платонъ подошелъ и къ этому вопросу, стараясь уяснить себѣ существенныя черты не только положительнаго типа хозяйственной организаціи, гдѣ стремленіе къ хозяйственнымъ благамъ строго подчинено высшимъ цѣлямъ, но и типа отрицательнаго, гдѣ къ хозяйственнымъ благамъ

¹⁾ Ник. этика, IV, 2.

²⁾ Ник. Этика, X, 8, 9—11.

стремятся ради нихъ самихъ, и гдѣ поэтому господствуютъ иныя оцѣнки. Аристотель, вообще гораздо ближе слѣдующій Платону, чѣмъ это можетъ казаться при первомъ впечатлѣніи отъ его постоянной, порою рѣзкой, часто весьма придирчивой критики Платоновыхъ учений, также пошелъ по этому пути и столь же рѣзко разграничилъ положительный и отрицательный типы хозяйственной организаціи и также отнесся съ рѣзкимъ осужденіемъ къ отрицательному типу. Этимъ объясняются его постоянные выпады противъ капиталистическихъ формъ полученія дохода, въ особенности противъ отдачи денегъ въ ростъ, какъ наиболее яркой формы капиталистическаго приобрѣтенія, стремленія къ деньгамъ ради самихъ денегъ, безотносительно къ высшимъ цѣлямъ жизни, для которыхъ матеріальныя средства должны быть только подсобнымъ орудіемъ и ничѣмъ больше. Но протестуя противъ противорѣчащихъ разумнымъ требованіямъ настоящей человѣческой жизни капиталистическихъ отношеній, Аристотель, какъ зоркій наблюдатель живой дѣйствительности, не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ не подмѣтить, что въ этомъ ненормальномъ строѣ отношеній имѣется своя закономерность, и онъ старался со всей присущей ему добросовѣстностью уловить ее и понять ее пружины. Онъ пытается проникнуть въ природу хозяйственныхъ благъ какъ таковыхъ и уяснить процессъ ихъ оцѣнки независимо отъ соображеній о томъ, мѣстѣ, которое они должны занимать въ послѣдовательномъ ряду человѣческихъ благъ вообще.

Любитель тонкихъ разграниченій и точной терминологіи, Аристотель предложилъ для двухъ противоположныхъ типовъ хозяйственной организаціи и спеціальныя, отвѣчающія ихъ духу, обозначенія. Правильная хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью удовлетвореніе разумныхъ потребностей основной ячейки общественной организаціи—семьи или „дома“ (οἴκου), доставляя ей все необходимое для того, чтобы полноправные члены ея могли достигать доступныхъ имъ и сознаваемыхъ ими какъ высшія цѣли жизни ступеней блаженства. Онъ называетъ ее поэтому „частью экономіи“ (μέρος τῆς οἰκονομίας), или „экономикой“ (οἰκονομική). Это—хозяйственная дѣятельность, „согласная съ природой“ (κτῆτικὴ κατὰ φύσιν), отъ которой рѣзко отличается приобрѣтеніе, руководящееся не высшими цѣлями человѣческаго существованія, а стремленіемъ къ безграничной наживѣ, образующее цѣль въ самомъ себѣ,—дѣятельность, предпринимаемая просто ради самихъ хозяйственныхъ благъ (χρημάτα), которую Аристотель называетъ поэтому хрематистикой (χρηματιστική)¹⁾. Объ спеціальныя формы приобрѣте-

¹⁾ С. А. Жебелевъ передаетъ этотъ терминъ словами: „искусство наживать состояніе“. Но такъ какъ и нормальная, въ смыслѣ Аристотеля, хозяйственная дѣятельность также имѣетъ цѣлью наживать состояніе въ предѣлахъ, устанавливаемыхъ

нія хозяйственныхъ благъ объединяются общимъ понятіемъ пріобрѣтенія безотносительно къ какой-либо цѣли, обозначаемымъ терминомъ „κτητική“. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Аристотель не всегда строго выдерживаетъ эту терминологию, примѣняя напр. терминъ χρημαστικὴ и къ правильнымъ формамъ пріобрѣтенія. Терминъ κτητική, принимаемый Аристотелемъ для обозначенія общаго понятія пріобрѣтенія хозяйственныхъ благъ¹⁾, ярко характеризуетъ основной взглядъ философа на созданіе хозяйственныхъ цѣнностей. Хозяйственные блага суть результатъ *завладѣнія*, захвата, они берутся человѣкомъ у природы или отнимаются отъ другихъ людей, причемъ въ составъ хозяйственныхъ благъ, заготовленныхъ природой для человѣка, входятъ и люди низшей породы, отъ рожденія предназначенные къ рабству. Захватъ такихъ людей представляетъ завладѣніе естественными источниками хозяйственныхъ благъ совершенно такъ же, какъ завладѣніе территоріей или ловля дикихъ животныхъ. Не производство, какъ плановѣрный процессъ, слагающійся изъ человѣческихъ усилій и пожертвованій, направленныхъ на созданіе хозяйственныхъ цѣнностей, а захватъ готовыхъ благъ (предметовъ непосредственнаго потребленія и источниковъ новыхъ хозяйственныхъ благъ), которыя природа должна доставлять человѣку, чтобы онъ могъ выполнить свое высшее назначеніе въ этомъ мірѣ,—вотъ что прежде всего интересуется Аристотеля въ томъ отдѣлѣ экономического изслѣдованія, который на современномъ языкѣ политической экономіи принято называть производствомъ.

Вся же хозяйственная дѣятельность въ нормальномъ ея теченіи распадается у Аристотеля на двѣ части: пріобрѣтеніе (завладѣніе) и пользованіе. Эта мысль послѣдовательно проводится Аристотелемъ во всѣхъ его экономическихъ разсужденіяхъ, и особенно отчетливо формулируется имъ при разсмотрѣніи вопроса о рабствѣ. Чтобы воспользоваться рабами какъ источникомъ необходимыхъ для свободнаго гражданина хозяйственныхъ благъ, необходимо завладѣніе ими (κτητική), представляющеея „какъ бы справедливымъ военнымъ искусствомъ или охотой“ (οἷον ἢ δίκαια πολεμικὴ τῆς οὐσα ἢ θηρευτικὴ). А затѣмъ должно быть налажено рациональное пользованіе ими, составляющее особое искусство или „господскую науку“ (δεσποτικὴ δ' ἐπιστήμη ἐστὶν ἢ χρηστικὴ δοῦλων)²⁾. Подробному развитію этихъ мыслей Аристотель отво-

высшими цѣлями жизни, то было бы правильнѣе перевести слово „χρημαστικὴ“ выраженіемъ: „искусство безпредѣльной наживы“. Намъ представляется, однако, наиболѣе удобнымъ просто сохранить терминъ Аристотеля.

1) Общее значеніе термина κτητική устанавливается съ наибольшей опредѣленностью въ третьей главѣ первой книги „Политики“ при противопоставленіи правильнаго и противнаго природѣ способовъ пріобрѣтенія. Особенно характерна фраза: „ἔστι δὲ γένος ἄλλο κτητικῆς“... (дѣло идетъ о хрематистикѣ). Ar. Pol. I, 3, 1256b 40—41.

2) Arist. Politica, I, 2, 1255b 31—40.

дить значительную часть экономическихъ разсужденій „Политики“ (въ особенности въ введеніи и характеристикѣ идеальнаго государства), и они составляютъ основу всего анализа хозяйственной цѣнности какъ въ „Политикѣ“, такъ и въ „Этикѣ“. Особенно важно имѣть въ виду указанный взглядъ Аристотеля на условія происхожденія хозяйственныхъ благъ при критическомъ разсмотрѣніи положеній, устанавливаемыхъ имъ по вопросу о мѣнливости въ Никомаховой этикѣ, текстъ которой не даетъ на нихъ прямыхъ указаній и порой отвлекаетъ мысль читателя въ иную сторону избранной виѣшней формой изложенія.

Разграниченію экономики и хрематистики Аристотель удѣляетъ много вниманія, потому что, будучи различны по цѣли, обѣ эти формы хозяйственной дѣятельности одинаково имѣютъ дѣло съ хозяйственными благами и пользуются часто одинаковыми техническими и экономическими средствами и потому могутъ быть легко смѣшиваемы другъ съ другомъ.

Аристотель ставитъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находится хрематистика къ экономикѣ, тождественна ли она съ нею, или она образуетъ ея часть, или, наконецъ, не есть ли она дѣятельность служебная, вспомогательная, доставляющая экономикѣ необходимыя ей орудія или матеріалъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ даетъ не сразу, а подготавливаетъ къ нему читателя предварительнымъ выясненіемъ дѣла на примѣрѣ одного изъ выдающихся видовъ хозяйственной дѣятельности или искусства приобрѣтенія вообще—добыванія средствъ пропитанія. Люди различно добываютъ себѣ пищу: одни кочуютъ съ мѣста на мѣсто ради пастбищъ для своихъ стадъ, извлекая изъ нихъ пищу, какъ изъ „живой пашни“ (ὄσπερ γεωργίαν ζωσαν), другіе—живутъ захватомъ животныхъ, охотой (οἱ δ' ἀπὸ θήρας ζωσι), имѣющей разнообразныя виды, и главнымъ образомъ распадающейся на ловлю рыбъ, сухопутныхъ животныхъ и птицъ (охота въ собственномъ смыслѣ) и людей (рабовъ). Наконецъ, остальные (составляющіе большинство) живутъ земледѣліемъ. Такимъ образомъ имѣются слѣдующіе основные способы добыванія средствъ существованія: кочеваніе, земледѣліе, пиратство, рыбная ловля, охота (νομαδικὸς γεωργικὸς ληστικὸς ἀλιευτικὸς θηρευτικὸς). Природа позаботилась о всѣхъ живыхъ существахъ и всѣмъ имъ даетъ подходящія для нихъ средства къ жизни. Растенія существуютъ для животныхъ, а животныя для человѣка, и онъ пользуется ими самыми разнообразными способами. А такъ какъ природа ничего не творитъ безцѣльно, то необходимо признать, что она именно создала возможность такого разнообразнаго пользованія животными именно ради людей. Пользованіе животными не могло, конечно, возбуждать сомнѣній, и Аристотель не останавливается на немъ дальше, захватъ же людей нуждается въ его глазахъ въ дополнительной мотивировкѣ и онъ даетъ

ее: „Значитъ и война—по природѣ хозяйственная дѣятельность, искусство приобрѣтенія (κτητική), поскольку часть ея составляетъ охота: охотиться слѣдуетъ какъ на звѣрей, такъ и на людей, которые, будучи по природѣ предназначены къ подчиненію, не желаютъ подчиняться: такая война справедлива по природѣ“. На этомъ примѣрѣ Аристотель показываетъ, по какому признаку слѣдуетъ относить тотъ или иной видъ хозяйственной дѣятельности къ экономикѣ, т. е. къ нормальному приобрѣтенію хозяйственныхъ благъ. Рассмотрѣнные способы добыванія средствъ существованія отвѣчаютъ цѣлямъ, ставимымъ природой, и потому они всѣ входятъ въ составъ экономики. Отсюда и общій выводъ: нормальная хозяйственная дѣятельность имѣетъ цѣлью приобрѣтеніе и сосредоточеніе „истиннаго богатства“, отвѣчающаго природѣ, состоящаго изъ средствъ, необходимыхъ для жизни и полезныхъ для государственнаго и домашняго общенія ¹⁾. Аристотель спѣшитъ добавить къ этому, что такое богатство, какъ самодовлѣющее орудіе для благой жизни, не безпредѣльно. Объ этомъ предупреждалъ уже Солонъ, говоря, что люди не знаютъ границы богатства. Граница эта существуетъ въ правильной хозяйственной дѣятельности, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ (τέχναις): ни въ одномъ искусствѣ ни одно орудіе не бываетъ безпредѣльнымъ ни по количеству, ни по величинѣ, богатство же именно есть совокупность орудій для домашней и государственной жизни. Теперь ясно, заключаетъ Аристотель, въ какомъ отношеніи приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ согласно природѣ находится къ дѣятельности людей, управляющихъ домами и государствомъ, и по какой причинѣ ²⁾. Отвѣтъ дѣйствительно вполне ясенъ: приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ согласно природѣ совпадаетъ съ экономикой, это истинная хозяйственная дѣятельность, оправдываемая назначеніемъ людей и вещей. Тѣмъ самымъ дано уже и опредѣленіе хрематистики въ отрицательномъ смыслѣ: она есть хозяйственная дѣятельность, или приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ вопреки природѣ, вопреки истиннымъ цѣлямъ, ради которыхъ живетъ человекъ и существуетъ окружающій его міръ. Не имѣя ограничивающей и болѣе высокой цѣли, хрематистика по существу безпредѣльна, и какъ таковая образуетъ совершенно особый видъ приобрѣтенія хозяйственныхъ благъ. „Есть другой родъ приобрѣтенія, говоритъ Аристотель, который чаще всего и справедливо называютъ хрематистикой, при которомъ не видно предѣла богатству и владѣнію хозяйственными благами“. Она есть видъ искусства приобрѣтенія вообще или, лучше сказать, видъ приобрѣтенія, потому что лишенная облагораживающей цѣли она не можетъ быть признана истиннымъ искусствомъ. Искусство приобрѣтенія согласно природѣ; хрематистика же есть дѣятельность, выполняемая не по указаніямъ

¹⁾ Это опредѣленіе было уже приведено выше въ другой связи.

²⁾ Aristotelis Politica, I, 3, 1256a—1256b 39.

природы, а известной опытностью и ловкостью (δι'εμπειρίας τινὰς καὶ τέχνης).¹⁾ Здѣсь Аристотель и подходит къ выясненію особой хозяйственной природы благъ, служащихъ предметомъ одинаково экономики и хрематистики, но выявляющихъ свои специфически экономическія свойства болѣе ярко именно въ послѣдней.

Что всего болѣе характерно для благъ, служащихъ предметомъ дѣятельности, основная цѣль которой—безграничное накопленіе богатства? Конечно, ихъ мѣновая, а не субъективная цѣнность, не значеніе ихъ для непосредственнаго удовлетворенія потребностей ихъ владѣльца. И Аристотель съ удивительной проницательностью начинаетъ свою характеристику отрицательнаго типа хозяйственной дѣятельности разграниченіемъ понятій субъективной и мѣновой цѣнности. „Пользованіе каждымъ предметомъ владѣнія, или хозяйственнымъ благомъ (κτῆματος) бываетъ двоякое: въ обоихъ случаяхъ имъ пользуются какъ таковымъ, но не одинаково. Одно пользованіе отвѣчаетъ его назначенію, другое — нѣтъ. Напр., обувью пользуются и для того, чтобы носить ее, и для обмѣна на чтолибо другое. И то и другое суть формы пользованія обувью: ибо и тотъ, кто промѣниваетъ обувь нуждающемуся въ ней на деньги или за пищу, пользуется обувью, какъ обувью, но не въ ея прямомъ, присущемъ ей назначеніи (οὐ τὴν οἰκείαν χρῆσιν), ибо она сдѣлана не ради обмѣна. То же самое бываетъ и съ другими хозяйственными благами. Всѣмъ имъ свойственно быть предметами обмѣна, который первоначально зачинался вполнѣ согласно природѣ, такъ какъ люди обладаютъ необходимыми для нихъ вещами одними въ большемъ, другими—въ меньшемъ количествѣ. Такимъ образомъ обмѣнъ самъ по себѣ, какъ непосредственный мѣновой оборотъ типа розничной торговли (ἢ κατῆλκῆ), очевидно, не составляетъ существа хрематистики. Аристотель хочетъ подчеркнуть, что мѣновой оборотъ можетъ существовать одинаково какъ въ нормальной, согласной съ природой, такъ и аномальной хозяй-

1) Arist. Politica, I, 3, 1256b 40—1257a 5. Аристотель отказывается умѣнью наживать деньги въ титулѣ искусства, потому что, по его убѣжденію, искусство въ настоящемъ значеніи слова должно соединяться съ знаніемъ причинъ, съ пониманіемъ истинной сущности вещи. Тамъ, гдѣ нѣтъ такого пониманія, гдѣ люди идутъ по ложнымъ путямъ, нѣтъ и искусства. Эта мысль отчетливо выражена уже въ „Метафизикѣ“: „Люди, основывающіеся только на опытности, знаютъ, что вещь существуетъ, почему же она существуетъ, не знаютъ. Потому мы считаемъ архитекторовъ болѣе достойными уваженія, болѣе видящими, болѣе мудрыми, чѣмъ простыхъ работниковъ, что они знаютъ причины производимыхъ вещей,... болѣе мудрыми не ради того, что они практически лучшіе исполнители, а потому что они дѣлаютъ по разуму и знаютъ причины. А такъ какъ вообще признакомъ знанія является способность научить, то и поэтому мы считаемъ искусство больше наукой, чѣмъ простую опытность (τὴν εἰρημυτικὴν ἐμπειρίαν πολλὸν ἐπιστήμῃν εἶναι), ибо (владѣющіе имъ) могутъ, другіе же (обладающіе только опытностью) не могутъ научить“. Aristotelis Metaphysica, изд. Bonitz'a, pars I, кн. I, гл. I, 981a 28—981b 9.

ственной дѣятельности. Дѣло не въ обмѣнѣ, а въ той цѣли, которой служить обмѣнъ. „Поскольку обмѣнъ производился ради цѣлей ихъ жизни, онъ былъ самъ необходимъ. Въ первой формѣ общенія людей, какой является семья, онъ явно не имѣлъ цѣли (*φαυερὸν ὅτι οὐδὲν ἔστιν ἔργον αὐτῆς*), а лишь съ того времени, когда человѣческое общеніе стало болѣе многочисленнымъ. Въ первоначальной семьѣ все было общимъ; когда же она раздробилась на много чуждыхъ, обособленныхъ другъ отъ друга семействъ, каждое изъ этихъ семействъ стало нуждаться въ чемъ-нибудь, и помощь другъ другу, посредствомъ взаимнаго обмѣна, стала тогда для нихъ необходимой, какъ это часто наблюдается и теперь среди варварскихъ народовъ. Они непосредственно обмѣниваютъ одни полезныя вещи на другія, и ничего больше, напр. вино на хлѣбъ, и такъ во всемъ остальномъ: давая одно и получая другое. Такого рода мѣнновой оборотъ согласенъ съ природой, и никоимъ образомъ не составляетъ вида хрематистики, ибо онъ имѣетъ цѣлью восполненіе недостающаго для самодовлѣнія, согласнаго съ природой“. Постепенно, однако, развитіе мѣнновыхъ отношеній привело къ тому, что обмѣнъ утратилъ непосредственную связь съ удовлетвореніемъ потребностей и сталъ служить средствомъ безграничнаго обогащенія. Моментомъ перелома въ характерѣ обмѣна было появленіе денегъ, какъ орудія обращенія и средства сбереженія цѣнностей. Аристотель съ поразительной прозорливостью отмѣтилъ здѣсь основную причину развитія древне-эллинскаго капитализма. Стремленіе къ безпредѣльному накопленію цѣнностей стало возможнымъ только послѣ укрѣпленія и развитія денежнаго обмѣна, говоритъ Аристотель, а оно и составляетъ сущность новыхъ хозяйственныхъ отношеній, противоположающихъ себя старому укладу быта, гдѣ хозяйственная дѣятельность непосредственно связывалась съ ея прямымъ назначеніемъ, т.-е. удовлетвореніемъ потребностей, и легко согласовывалась съ другими жизненными задачами. „Изъ такого мѣнноваго оборота, продолжаетъ Аристотель, логически естественно развились и хрематистика. Когда взаимопомощь посредствомъ обмѣна распространилась на отдѣльные государства, и они стали ввозить къ себѣ то, въ чемъ испытывали недостатокъ, и вывозить, что было у нихъ въ избыткѣ, по необходимости возникла потребность въ деньгахъ. Ибо изъ предметовъ, необходимыхъ по природѣ, не каждый удобопереносимъ. Поэтому согласились для облегченія обмѣна давать и принимать другъ отъ друга нѣчто такое, что, будучи само по себѣ полезнымъ предметомъ, имѣло бы общедоступную (широко чувствуемую) полезность для жизни (*τὴν χρεῖαν εὐμεταχέριστον πρὸς τὸ ζῆν*), какъ, напр., желѣзо, серебро и другое подобное. Сначала просто (въ каждомъ случаѣ) опредѣляли ихъ размѣръ и вѣсъ, и наконецъ на нихъ стали налагать знакъ (штемпель), чтобы освободиться отъ (постояннаго) взвѣшиванія ихъ, ибо

этотъ знакъ указывалъ уже ихъ количество. Послѣ того, какъ деньги возникли ради потребности въ необходимомъ обмѣнѣ, созданъ другой видъ хрематистики, именно, розничная, мелочная торговля (τὸ κατηλόβον), которая велась сначала попросту, затѣмъ была технически усовершенствована при помощи нѣкоторой опытности, указывавшей, откуда и какимъ образомъ, съ помощью какихъ изворотовъ можно получить наибольшій барышъ. Поэтому хрематистика, повидимому, болѣе всего имѣетъ дѣло съ деньгами, и ея задачей служить изслѣдованіе, откуда можно получить много хозяйственныхъ благъ. Это—творчество богатства и хозяйственныхъ благъ (ποιητικὴ γὰρ τοῦ πλοῦτου καὶ χρημάτων). И такъ какъ часто подъ богатствомъ понимаютъ изобиліе денегъ, то и хрематистику и торговлю считаютъ дѣломъ, направленнымъ именно на ихъ добываніе¹⁾. Итѣкъ цѣль хрематистики—добываніе денегъ. Можетъ ли такая цѣль истинно удовлетворить человѣка, доставить ему „самодовлѣніе“? Изъ всего предыдущаго ясно, что именно возможность безпредѣльнаго накопленія денегъ Аристотель считалъ дѣломъ, противнымъ природѣ истиннаго хозяйства²⁾. „Поэтому-то, продолжаетъ Аристотель развитіе своей основной мысли, тѣ, кто ищутъ отличія богатства отъ хрематистики, ищутъ правильно. Ибо хрематистика отлична отъ богатства, согласнаго съ природой, составляющаго предметъ экономики. Торговля же есть созданіе хозяйственныхъ благъ, но не всякими способами, а только путемъ промѣна хозяйственныхъ же благъ. Она имѣетъ, повидимому, главное дѣло съ деньгами, ибо деньги—основаніе и предѣлъ обмѣна. Дѣйствительно, богатство, приобретенное такой хрематистикой, безпредѣльно“³⁾. Аристотель проводитъ здѣсь сравненіе съ другими видами человѣческой дѣятельности. Въ дѣятельности, согласной съ природой, на примѣръ въ врачеваніи, безпредѣльно доставляемое ею благо—здоровье человѣка. Средства же, которыя употребляются для достиженія этого блага, не безпредѣльны, ибо предѣломъ для нихъ служитъ общая цѣль дѣятельности. Больше медикаментовъ, чѣмъ нужно для здоровья, не слѣдуетъ ни изготовлять, ни накоплять. Въ хрематистикѣ же цѣль и средства слиты въ одно, и потому тамъ богатство, которое, какъ средство для человѣческой жизни вообще, должно было бы находить себѣ предѣлъ въ вышнихъ цѣляхъ этой жизни, оказывается, наоборотъ, само безпредѣль-

1) Arist. Politica. I, 3, 1257a 6—1257b 10.

2) Аристотель вставляетъ здѣсь попутное соображеніе, непосредственно не связанное съ развитіемъ основной мысли, что деньги сами по себѣ могутъ быть противостественными, что можетъ наступить такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ деньги окажутся вообще негодными. Эта мысль брошена вскользь, выражена очень неясно и допускаетъ разнообразныя толкованія. Мы вернемся къ этому мѣсту впоследствии, при разсмотрѣніи взглядовъ Аристотеля на природу денегъ.

3) Arist. Politica, I, 3, 1257b 17—24.

нымъ, ибо оно признается уже не средствомъ, а цѣлью. „Въ хрематистикѣ нѣтъ предѣла цѣли, и цѣлью этой является именно богатство и приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ“ (οὐκ ἔστι τοῦ τέλους πέρας, τέλος δὲ ὁ τοιοῦτος πλοῦτος καὶ χρημάτων κτήσις). Другое дѣло—экономика. Здѣсь есть предѣлъ, ибо ея дѣло не приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ, какъ цѣль въ себѣ. И вообще всякое богатство необходимо должно было бы, какъ ясно изъ предыдущаго, имѣть свой предѣлъ, въ дѣйствительной же жизни мы видимъ противоположное, ибо всѣ, увлеченные страстью къ стяжанію, безъ конца увеличиваютъ свой денежный запасъ ¹⁾.

Причину этого прискорбнаго явленія Аристотель усматриваетъ въ большой близости другъ къ другу обоихъ способовъ приобрѣтенія. Въ томъ и другомъ случаѣ дѣятельность выражается въ приобрѣтеніи хозяйственныхъ благъ, только въ одномъ этому приобрѣтенію ставится иная цѣль, въ другомъ—простое расширение его (τῆς μὲν ἕτερον τέλος, τῆς δ' ἡ αὐξήσις). Поэтому люди, стремящіеся къ сохраненію и безпредѣльному увеличенію своего денежнаго имущества, впадаютъ въ заблужденіе, думая, что въ этомъ и состоитъ суть правильной хозяйственной дѣятельности, или экономики. Причина этого заблужденія въ томъ, что они стараются только о жизни, но не о благой жизни (τὸ σπουδάσειν περὶ τὸ ζῆν, ἀλλὰ μὴ τὸ εὖ ζῆν). Но вѣдь жажда жизни вообще безпредѣльна, и потому люди, охваченные такой жаждой, не знаютъ предѣла въ творествѣ средствъ для нея. Но даже и люди, стремящіеся къ благой жизни, увлекаемые соблазномъ физическихъ наслажденій, ради нихъ вступаютъ на путь безпредѣльнаго стяжанія. Именно въ силу такого соблазна они, сами не замѣчая, ведутъ свою хозяйственную дѣятельность вполнѣ въ духѣ хрематистики, такъ какъ погоня за наслажденіями заслоняетъ для нихъ истинную цѣль жизни, становится на мѣсто ея, какъ единственная цѣль, ради которой всякія средства оказываются нужными и дозволенными. Аристотель близко подходитъ здѣсь къ вопросу о чисто-хозяйственной цѣнности (безотносительно къ цѣлямъ хозяйства). Вѣдь и въ хрематистикѣ обмѣнъ благъ основывается на ихъ цѣнности и значить законы ея должны быть одинаковы какъ для нормальнаго, такъ и для аномальнаго хозяйственнаго оборота. Но онъ не останавливается здѣсь на этомъ вопросѣ, а снѣшить отгнѣнить важную въ его глазахъ разницу между экономикой и хрематистикой, ограничиваясь молчаливымъ признаніемъ факта оцѣнки людьми хозяйственныхъ благъ и за предѣлами истинной цѣли хозяйства. По настоящему же, продолжаетъ онъ, нужно разбирать, гдѣ кончается необходимое приобрѣтеніе хозяйственныхъ благъ и гдѣ начинается не необходимое, или хрематистика

¹⁾ Arist. Politica, I, 3, 1257b 20—34.

въ собственномъ смыслѣ слова. Необходимое пріобрѣтеніе, или экономика, согласно съ природой, направлено на добываніе средствъ существованія и не безпредѣльно, какъ предыдущее, а имѣетъ свою границу ¹⁾. Ибо природа должна доставлять человѣку средства существованія, какъ ихъ даетъ земля, море или другое что, и человѣку, правильно занятому хозяйственной дѣятельностью (*τὸν οἰκονόμον*), надлежитъ какъ слѣдуетъ использовать эти предметы. Добываніе средствъ къ жизни изъ растительнаго и животнаго царства, пользованіе плодами и животными, есть правильное занятіе, дѣятельность, согласная съ природой (*κατὰ φύσιν ἐστὶν ἢ χρηματιστικὴ πᾶσιν ἀπὸ τῶν καρπῶν καὶ τῶν ζῴων*) ²⁾. Въ послѣднихъ словахъ терминъ *χρηματιστικὴ* употребленъ вопреки разграниченію, только что проведенному самимъ Аристотелемъ. И какъ бы спохватившись, что эти слова могутъ повести къ неправильному толкованію предыдущихъ разсужденій, Аристотель спѣшитъ напомнить, что пріобрѣтеніе бываетъ двоякаго рода: экономика необходима и достойна похвалы, обмѣнъ же справедливо порицается (ибо онъ совершается не согласно природѣ, а за счетъ другихъ). Поэтому съ полнымъ основаніемъ вызываетъ ненависть мелкое ростовщичество (*ἢ ὀβολοστατικὴ*), при которомъ самыя деньги дѣлаются предметомъ пріобрѣтенія, а не используются для той цѣли, для которой они назначены. Ибо деньги созданы для того, чтобы быть орудіемъ обмѣна, взиманіе же процентовъ увеличиваетъ количество самыхъ денегъ. Отсюда и его названіе ³⁾: какъ порожденія похожи на родившихъ ихъ, такъ и проценты рождаются—деньги изъ денегъ. Эготъ видъ хрематистики болѣе всего противенъ природѣ ⁴⁾.

Какъ видимъ, несмотря на странности съ нашей точки зрѣнія (пиратство—естественный способъ пріобрѣтенія, отдача въ займы за проценты въ высшей степени противоестественный), основная мысль Аристотеля развита въ изложенной части „Политики“ съ замѣчательной послѣдовательностью и цѣльностью. Аристотель видитъ сходство между нормальной хозяйственной дѣятельностью и жадной безпредѣльной наживы, но онъ предупреждаетъ противъ безразличія въ ихъ моральной оцѣнкѣ. Пусть хозяйственная цѣнность пріобрѣтаемыхъ благъ будетъ одинакова въ томъ и другомъ случаѣ, моральная оцѣнка дѣйствій, направленныхъ на ихъ пріобрѣтеніе, должна быть глубоко различна. А такъ какъ для индивидуума и общественнаго дѣятеля моральная оцѣнка должна идти впереди всего, то Аристотель и выдвигаетъ на первый планъ эту сторону дѣла не только въ Этикѣ, но и въ общемъ введеніи къ Политикѣ. Есть двѣ мѣрки хозяйственныхъ

1) Arist. Politica, I, 3, 1257b 35—1258a 18.

2) Тамъ же, I, 3, 1258a 19—25, 37—40.

3) *Τόκος*—рогъ, проценты, буквально значить порожденіе.

4) Arist. Politica, I, 3, 1258b—8.

благъ: одна экономическая, одинаково примѣнимая ко всеѣмъ хозяйственнымъ благамъ, въ чьихъ бы рукахъ они ни находились, другая—моральная, рѣзко различающая цѣли, ради которыхъ приобретаются хозяйственные блага. При существованіи денежнаго обмѣна хозяйственными благами можно назвать все, цѣнность чего измѣняется деньгами (*χρηματα δὲ λέγονται πάντα ὅσων ἢ ἀξία νομισμάτων μετρεῖται*) ¹⁾. Это не значитъ, однако, что деньгами же можно измѣрить и цѣль, для которой данное хозяйственное благо служитъ средствомъ. „Не одно и то же достоинство имущества и дѣла (выполняемаго съ его помощью): имущество оцѣнивается какъ самое дорогое по его большой хозяйственной цѣнности, напр. золото, дѣло же—по его величію и красотѣ“ (*οὐ γὰρ ἡ αὐτὴ ἀρετὴ κτήματος καὶ ἔργου· κτήμα μὲν γὰρ τὸ πλείστου ἀξίον τιμῶνται, οἷον χρυσός, ἔργον δὲ τὸ μέγα καὶ καλόν*) ²⁾.

Такимъ образомъ нравственные и экономическія основанія оцѣнки хозяйственныхъ благъ рѣзко отличны. Хозяйственное благо, какъ таковое, можетъ оцѣниваться высоко или низко, и по этой оцѣнкѣ мы не можемъ еще судить объ его моральномъ значеніи. Только когда совокупность хозяйственныхъ благъ сосредоточена въ домѣ какого-нибудь лица и мы можемъ обозрѣть ее въ ея цѣломъ и въ ея отношеніи къ потребностямъ хозяина дома и его семьи, мы можемъ, кромѣ экономической, дать ей и моральную оцѣнку. Поэтому еще въ Риторикѣ Аристотель характеризовалъ богатство какъ обширное сосредоточіе въ однихъ рукахъ денегъ, земли и имѣній, а также разныхъ движимыхъ вещей, рабовъ и стадъ животныхъ, выдающихся большимъ количествомъ, размѣрами и красотой, причѣмъ все это должно быть надежнымъ, приличнымъ и полезнымъ. Полезность вещей Аристотель опредѣляетъ здѣсь какъ ихъ способность приносить плоды, собственно же пользованіе ими отмѣчаетъ терминомъ *ἐλευθέρως*, содержащимъ въ себѣ моральную оцѣнку. Пользованіе богатствомъ должно быть достойнымъ благороднаго чловѣка, и вообще сущность богатства заключается не въ обладаніи, а пользованіи имъ. Богатство есть цѣлесообразное пользованіе вещами, проявленіе разумной дѣятельности чловѣка по отношенію къ хозяйственнымъ благамъ ³⁾.

Итакъ, хозяйственное благо оцѣнивается различно, смотря потому, будемъ ли мы исходить изъ чисто-экономическихъ, или моральныхъ основаній. Въ чемъ же заключается содержаніе экономической цѣнности и каковъ способъ ея установленія? Аристотель отвѣчаетъ на эти вопросы, исходя изъ представленія о нормальномъ строѣ хозяйственныхъ отношеній, складывающемся въ обществѣ сообразно его идеалу, т.е. его существенному понятію, той цѣли, по направленію

¹⁾ Ник. этика, IV, I, 2.

²⁾ Тамъ же, IV, 2, 10.

³⁾ Ars. Rhetorica, I, 5, 1361a 12—24. См. выше, опредѣленіе богатства.

къ которой должно двигаться развитіе каждаго общества, способнаго къ совершенствованію. Поэтому и намъ необходимо предварительно познакомиться съ этими соціологическими предпосылками, лежащими въ основѣ объясненія хозяйственной цѣнности, предлагаемаго Аристотелемъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Экономическое міровоззрѣніе Аристотеля. II. Нормальный хозяйственный составъ общества и цѣнность хозяйственныхъ благъ.

Понятіе общенія (*κοινωνία*) у Аристотеля обнимаетъ разнаго рода соціальныя отношенія, въ томъ числѣ и хозяйственныя.—Происхожденіе государства.—Государство какъ высшая форма общенія, по природѣ предшествующая индивиду и инымъ формамъ общенія.—Ученіе Аристотеля о рабствѣ.—Рабъ какъ орудіе общей дѣятельности жизни.—Разграниченіе терминовъ *κωλύς* и *πράκτος*, *πολίτης* и *πράξις*.—Рабство по природѣ и рабство по закону.—Аристотелевъ идеаль государства.—Критика предложенныхъ ранѣе проектовъ идеальнаго государства.—Возраженія противъ основной мысли Платоновой „Политикъ“ объ единствѣ государства.—Себялюбіе, какъ необходимое качество хорошаго человѣка и гражданина.—Критика государства „Законовъ“.—Возраженія противъ проекта Фалея Халкедонскаго.—Недостатки лакедемонскаго государственнаго строя.—Набросокъ собственнаго проекта идеальнаго государства.—Государство должно быть общеніемъ свободныхъ и равныхъ.—Территорія и населеніе идеальнаго государства.—Система раздѣленія занятій въ идеальномъ государствѣ.—Свободные граждане, рабы и метэки.—Освобожденіе гражданъ отъ всякаго хозяйственнаго труда.—Условія ихъ матеріальнаго обезпеченія—землевладѣніе и рабскій трудъ.—„Средній“ достатокъ гражданъ идеальнаго государства.—Методологическое значеніе двучленнаго дѣленія жителей идеальнаго государства для изслѣдованія экономическихъ отношеній.—Удачное упрощеніе постановки проблемы цѣнности.—Основанія и процессъ хозяйственной оцѣнки.—Значеніе полезности и размѣра запаса хозяйственныхъ благъ.—Отношеніе къ труду, какъ фактору цѣнности.—Установленіе мѣновой цѣнности.—Оцѣнка дающаго и получающаго.—Справедливость въ мѣновыхъ отношеніяхъ.—Распредѣлительная и выравнивающая справедливость.—Выравниваніе въ добровольныхъ и недобровольныхъ дѣйствіяхъ.—Распредѣленіе благъ по соціальнымъ и экономическимъ основаніямъ.—Равенство въ обмѣнѣ не есть тождество (талонъ, „око за око“).—Воздаяніе пропорціонально потребностямъ.—Роль денегъ въ сравненіи потребностей.—Функции денегъ.—Монета какъ мѣновой знакъ.—Характеристика постепеннаго развитія денегъ въ „Политикѣ“.—Монета изъ цѣннаго матеріала и монета-знакъ.—Постановка денежной проблемы у Аристотеля.—Сходство съ ней ученія Маркса (при рѣзко-противоположномъ рѣшеніи самой проблемы).—Взгляды Аристотеля на экономическую дѣятельность, развертывающуюся въ рамкахъ капиталистическихъ отношеній.—Различное отношеніе къ ростовществу и монополіямъ.—Пониманіе Аристотелемъ „духа капитализма“.—Сліянніе экономической и моральной точки зрѣнія при изслѣдованіи нормальнаго уклада хозяйства.—Заключеніе.

Аристотель открываетъ свою „Политику“ опредѣленіемъ государства какъ „нѣкотораго общенія“ (*κοινωνίαν τινά*). Этимъ онъ вводитъ въ изслѣдованіе государства чрезвычайно плодотворную соціологическую

идею. Виды человеческих общеній многообразны. И хотя, слѣдуя традиціонному эллинскому взгляду, Аристотель считаетъ государство высшей формой общенія людей, объединяющей въ себѣ всѣ другіе виды общенія, онъ рѣзко отграничиваетъ его отъ этихъ иныхъ видовъ. Его аналитическому уму человеческое общество представляется системой отдѣльных, своеобразныхъ социальныхъ отношеній, вѣнчаемой государственной организаціей, но имѣющей въ каждой изъ своихъ составныхъ частей особыя пути развитія и особыя, присущія, имѣ, цѣли. Аристотель рѣзко возражаетъ противъ смѣшенія понятій „государственный дѣятель“, „царь“, „хозяинъ“ и „господинъ“, доказывая, что разница здѣсь не въ одномъ количествѣ подвластныхъ, а въ самомъ характерѣ складывающихся отношеній ¹⁾. Еще въ „Этикѣ“ характеризуя дружбу, какъ особую добродѣтель, Аристотель отмѣтилъ, что въ широкомъ смыслѣ всякое общеніе представляется дружественной связью, только характеръ этой связи будетъ различенъ, въ зависимости отъ цѣли, ради которой завязывается то или иное общеніе. Поговорка: „у друзей все общее“ (κοινὰ τὰ φίλων) справедлива, но ее надо понимать такъ, что у людей, образующихъ общеніе, общее всегда есть именно то, ради чего они объединились (κατ' ὄσον δὲ κοινωοῦσιν, ἐπὶ τὸσοῦτόν ἐστι φίλια). Аристотель отмѣчаетъ здѣсь это общее какъ нѣкоторую пользу, доставляемую людямъ общеніемъ. Законодатели, устраивая государственный союзъ, имѣютъ въ виду общую пользу, другіе виды общеній, входящіе въ составъ государства, имѣютъ цѣлью каждый нѣкоторую частную, специальную пользу (κατὰ μέρην τοῦ συμφέροντος) участниковъ. Такъ, напр., плывущіе вмѣстѣ на кораблѣ имѣютъ въ виду денежную или какую-либо подобную выгоду; воюющіе вмѣстѣ—или денежную выгоду или побѣду, или завладѣніе городомъ ²⁾. Въ „Политикѣ“ Аристотель формулируетъ эту мысль ближе къ установленнымъ имѣ общимъ метафизическимъ и этическимъ началамъ: каждое общеніе образуется ради какого-нибудь блага (ἀγαθῶν τινος ἕνεκεν) ³⁾. Намъ важно отмѣтить, что и экономическія отношенія Аристотель разсматриваетъ какъ особыя формы общенія, рачищая тѣмъ путь къ ихъ специальному изученію. Онъ разграничиваетъ въ нихъ съ особенной отчетливостью три вида: хозяйственные отношенія въ предѣлахъ замкнутой семьи (οἰκός), общеніе въ имуществѣ, въ смыслѣ общаго предпріятія (ἐν χρημάτων κοινωνία) и общеніе участниковъ въ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ (κοινωνία ἀλλακτικῆ). Особенностью хозяйственныхъ отношеній Аристотель считаетъ опредѣляющіе ихъ мотивы чисто-дѣлового расчета. Напр., разсуждая объ истинной дружбѣ, Аристотель противопоставляетъ ей, какъ болѣе

¹⁾ Arist. Politica, I, 1, 1252a—13.

²⁾ Ник. этика, VIII, 9, 1—5.

³⁾ Arist. Politica, I, 1, 1252a 2.

высокой формѣ общенія, основывающейся не на соображеніяхъ выгоды,—общеніе въ имуществѣ, въ которомъ—по особому характеру отношеній—дѣловые расчеты вполне умѣстны. Въ имущественномъ общеніи вложившіе больше и получаютъ больше (*ἐν χρημάτων κοινωνίᾳ πλεῖον λαμβάνουσιν οἱ συμβαλλόμενοι πλεῖον*), тогда какъ между друзьями должны господствовать иные мотивы ¹⁾. И государство, какъ таковое, не должно строиться на имущественныхъ соображеніяхъ. Давать участіе въ государственныхъ дѣлахъ сообразно имуществу значило бы смѣшивать государственный союзъ съ чисто-хозяйственнымъ общеніемъ. Если бы люди, составляющіе государство, сошлись и объединились въ немъ ради имущественныхъ выгодъ, то для такихъ людей умѣстно было бы участіе въ государственной дѣятельности въ той же мѣрѣ, какъ и во владѣніи имуществомъ (*εἰ μὲν γὰρ τῶν κτημάτων χάριν ἐκοινωνήσαν καὶ συνῆλθον, τοσοῦτον μετέχουσι τῆς πόλεως ὅσοντες καὶ τῆς κτήσεως*) ²⁾. Но государство имѣетъ иную, болѣе высокую цѣль. Оно существуетъ не просто ради матеріальнаго существованія, а ради благой жизни (*μῆτε τοῦ ζῆν μόνον ἐνεκεν ἀλλὰ μᾶλλον τοῦ εὖ ζῆν*). Государство не возникаетъ ни ради военного союза для защиты отъ несправедливостей, ни ради обмѣна и взаимной хозяйственной пользы (*μῆτε διὰ τὰς ἀλλαγὰς καὶ τὴν χρῆσιν τὴν πρὸς ἀλλήλους*)... Государство не образовалось бы и въ томъ случаѣ, если бы между людьми, могущими вступать въ хозяйственныя отношенія, были установлены по соглашенію извѣстныя юридическія нормы, защищающія ихъ отъ несправедливостей при обмѣнѣ товарами, напр. если бы одинъ изъ нихъ былъ плотникомъ, другой—земледѣльцемъ, третій—сапожникомъ, четвертый—тоже къ-мъ-нибудь такимъ, и хотя число ихъ измѣрялось бы мириадами, ихъ общеніе было бы не государственнымъ, а только мѣновымъ и военнымъ союзомъ (*μὴ μὲντοι κοινωνοῖεν ἄλλου μηδεὸς ἢ τῶν τοιούτων, οἷον ἀλλαγῆς καὶ συμμαχίας, οὐδ' οὕτω πῶ πόλις*). Государство вмѣщаетъ въ себя всѣ подобныя (низшіе) союзы, но оно имѣетъ сверхъ того присущую ему одному черту: только въ немъ для человѣка создается вполне законное существованіе, достигается цѣльность и полнота жизни, осуществляются наиболѣе высокія жизненные цѣли. „Ясно, что государство не есть топографическое общеніе, ни охранительный союзъ противъ несправедливостей и не общеніе ради хозяйственнаго обмѣна. Все это необходимо должно быть, чтобы создалось государство, но пока есть только это, государство еще не возникаетъ. Оно возникаетъ только тогда, когда создается общеніе ради благой жизни между семействами (οἰκοσάμῃ) и родами, ради совершенной и долговѣющей себѣ жизни (ἢ τοῦ εὖ ζῆν κοινωνία καὶ ταῖς οἰκίαις καὶ τοῖς γένεσι, ζωῆς τελείας χάριν καὶ αὐτάρκους) ³⁾.

¹⁾ Ник. этика, VIII, 14, 1.

²⁾ Aristotelis Politica, III, 5, 1280a 25—27.

³⁾ Arist. Politica, III, 5, 10—13. О различныхъ случаяхъ употребленія словъ

Замкнутая семейная организація—ойкосъ—представляется Аристотелю болѣе сложнымъ союзомъ, чѣмъ простое хозяйственное общеніе, она образуетъ какъ бы зародышъ, изъ котораго постепенно развѣртывается и наиболѣе совершенная форма человѣческаго общенія—государство. Источникомъ происхожденія этой основной соціальной ячейки Аристотель указываетъ два глубокихъ инстинкта человѣческой природы: стремленіе къ воспроизведенію и къ самосохраненію. Отсюда семья слагается необходимо изъ двухъ элементовъ: членовъ семьи въ собственномъ смыслѣ, т.-е. прежде всего мужа и жены, затѣмъ родителей и дѣтей, и семейнаго имущества, главнымъ представителемъ котораго въ нормальной семьѣ Аристотель считаетъ рабовъ. Именно въ силу инстинкта самосохраненія объединяются существо, способное къ власти, съ существомъ, по природѣ способнымъ только къ подчиненію (ἀρχὸν δὲ φύσει καὶ ἀρχόμενον). Существо, способное къ разумной предусмотрительности, есть по природѣ властвующее и господствующее, существо же, могущее лишь физически выполнять такіа предубаванія,—по природѣ есть подвластное и рабское. И такимъ образомъ соединеніе ихъ полезно имъ обоимъ, т.-е. какъ господину, такъ и рабу (διὸ δεσπότη καὶ δούλῳ ταὐτὸ συμφέρει). Поработать женщину, какъ это дѣлаютъ варвары въ своихъ семьяхъ, неправильно, ибо свободная женщина не имѣетъ отъ природы рабскихъ свойствъ, и если у варваровъ положеніе жены и рабыни одинаково, то это потому, что вообще они—рабы по природѣ, надъ которыми, по словамъ поэтовъ, прилично было бы господствовать эллинамъ. Таковъ составъ первичной ячейки человѣческаго общезитія: мужъ, жена (и дѣти ихъ) и рабы. Правильно говоритъ Гезіодъ: „прежде всего домъ, затѣмъ жена и быкъ земляпашецъ“, ибо у бѣдныхъ людей быкъ заступаетъ мѣсто раба. Итакъ, общеніе, образовавшееся согласно природѣ для повседневной совмѣстной жизни, есть семья, или „домъ“ (ἡ μὲν οὖν εἰς πασαν ἡμέραν συνεστικυία κοινῶν κατὰ φύσιν οἶκός ἐστιν) ¹⁾.

Дальнѣйшее соціальное образование—селеніе (κώμη), возникающее чаще всего путемъ естественнаго разростанія семьи, выдѣленія изъ нея другихъ самостоятельныхъ семей. Семьи прежде всего объединяются ради постоянныхъ потребностей ихъ жизни въ нѣкоторый патриархальный союзъ, управляемый старѣйшимъ, „царемъ“, наподобіе отеческой власти въ отдѣльномъ ойкосѣ ²⁾. Это древнѣйшій типъ обширнаго общенія людей, который Аристотель не рѣшается еще назвать государствомъ изъ-за его переходнаго характера, большой близости

κοινῶν καὶ κοινῶν см. Index Aristotelicus Bonitz'a (Aristotelis Opera, изд. Прусской Акад., т. V, стр. 400). Ср. также W. L. Newman. The Politics of Aristotle. Oxford. 1887, vol' I, стр. 41—43 и vol. II, стр. 97.

1) Arist. Politica, I, 1, 1252a 26—1252b 14.

2) Тамъ же, I, 1, 1252b 15—24.

къ строю отношеній въ семьѣ, ойкосѣ. Онъ и не придаетъ ему особаго значенія для дальнѣйшаго изслѣдованія, въ которомъ онъ считается преимущественно съ государственнымъ и семейнымъ союзомъ.

Послѣднюю, высшую форму человѣческаго общенія образуетъ государство, складывающееся изъ совокупности селеній какъ законченная форма общенія, содержащая въ себѣ предѣлы всякаго самодовлѣнія. Ибо хотя оно возникаетъ просто ради жизненныхъ потребностей, но существо его, его цѣль—въ благой жизни (γινόμενῃ μὲν οὖν τοῦ ζῆν ἕνεκεν, οὕσα δὲ τοῦ εὖ ζῆν). Отсюда каждое государство есть общеніе, согласное съ природой, какъ и двѣ первыя формы общеній. Но оно вмѣстѣ съ тѣмъ является ихъ конечнымъ предѣломъ, завершающей цѣлью, а вѣдь природа и есть цѣль и завершеніе (ἢ δὲ φύσις τέλος ἐστίν). Аристотель напоминаетъ здѣсь, что согласно установленнымъ общимъ началамъ вообще природа cadaго явленія заключается въ достиженіи цѣли, данной ему при его возникновеніи, будетъ ли это человѣкъ, или конь, или домъ. Цѣль какого-либо предмета и ея завершеніе и есть лучшее въ немъ, ибо именно достиженіемъ цѣли онъ становится самодовлѣющимъ, находитъ свой предѣлъ и дѣлается наилучшимъ. Отсюда ясно, что и государство есть явленіе, согласное съ природой и что человѣкъ по природѣ существо политическое (ὅτι τῶν ψύσει ἢ πόλις ἐστὶ, καὶ ὅτι ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον¹⁾). Кто оказывается внѣ государства по природѣ, а не въ силу случайности, тотъ или ниже, или выше человѣка. Способность людей къ государственной жизни Аристотель выводитъ изъ дара рѣчи, благодаря которому человѣкъ обладаетъ особенностью, по сравненію съ другими животными, разбираться въ добромъ и зломъ, справедливомъ и несправедливомъ и т. д. А именно общеніе въ этомъ и создаетъ семью и государство. Индивидуумъ образуетъ необходимую часть государства; часть же государства составляетъ и семья; отсюда, согласно общему философскому ученію Аристотеля, государство по природѣ предшествуетъ семьѣ и индивиду (πρότερον δὲ τῇ φύσει πόλις ἢ οἰκία καὶ ἑκάστος ἡμῶν ἐστίν). Аристотель хочетъ сказать этимъ, что смыслъ жизни индивидуума вполнѣ раскрывается только въ государствѣ. Члены живого организма имѣютъ

¹⁾ Но такъ какъ, согласно вышеизложенному ученію, въ человѣка отъ природы заложена и способность къ инымъ нормальнымъ видамъ общенія, охватываемымъ государственнымъ союзомъ, то, по аналогіи съ приведеннымъ опредѣленіемъ, школа Аристотеля присоединила къ нему еще и опредѣленія человѣка какъ существа экономическаго (въ смыслѣ: „семейственнаго“) и социальнаго: человѣкъ всегда стремился завязывать постоянныя семейныя отношенія, и потому онъ „существо не только политическое, но и экономическое“ (ὁ γὰρ ἄνθρωπος οὐ μόνον πολιτικὸν ἀλλὰ καὶ οικονομικὸν ζῷον), а между сородичами также всегда устанавливалось общеніе, и потому онъ „существо социальное“ (ἀλλὰ κοινωνικὸν ἄνθρωπος ζῷον πρὸς εἰς φύσει συγγενεῖα ἐστίν). Эвдемова ἔθικα, кн. 8, 1242a 22—23 и 25—26. (Aristotelis Opera, въ ред. Беккера, изд. Прусской Академіи, т. II).

смысль, пока живъ организмъ, съ прекращеніемъ жизни организма прекратить существованіе и его члены. Внѣ государства человѣкъ не можетъ достигнуть самодовлѣнія, т. е. своего истиннаго назначенія, кто же продолжаетъ жить внѣ государственнаго союза и чувствуетъ себя самодовлѣющимъ существомъ, тотъ или животное, или божество (ἢ θηρίον ἢ θεός). По природѣ во всѣхъ людей вложено стремленіе къ государственному общенію, и первый, кто организовалъ его, былъ виновникомъ величайшихъ благъ¹⁾. Именно потому, что человѣкъ можетъ стать совершеннымъ только въ государствѣ, люди, образующіе государственное общеніе, извлекаютъ изъ него для себя пользу, неизмѣримо большую, чѣмъ изъ всякаго другого общенія. Объединившись въ государство, они могутъ устраивать себѣ благую и прекрасную жизнь²⁾. Такимъ образомъ государство, будучи самодовлѣющимъ цѣлымъ, существуетъ и ради блага составляющихъ его гражданъ. Благо индивидуума и благо государства сливаются воедино, ибо цѣль, ради которой существуетъ государство.—благая жизнь—есть въ то же время и цѣль каждаго гражданина. Но во всякомъ случаѣ, по убѣжденію Аристотеля, государство идетъ всегда впереди индивидуума и качества гражданина—впереди его нравственныхъ качествъ какъ человѣка³⁾.

Государство слагается изъ индивидуумовъ, семействъ, селеній. Но его истинной частью можетъ быть только свободный человѣкъ, или союзъ свободныхъ людей. Рабы образуютъ часть не государства, а имущества, а такъ какъ имущество входитъ въ составъ „дома“, то Аристотель и разсматриваетъ вопросъ о рабствѣ въ связи съ организацией семьи. Въ представленіи Аристотеля рабы являются нормальнымъ источникомъ матеріальныхъ благъ, необходимыхъ для семьи: это ея главный капиталъ, основной механизмъ, дающій возможность, не прилагая собственнаго труда, получать средства существованія. Въ пользованіи рабскимъ трудомъ Аристотель усматриваетъ осуществленіе разумной цѣли, коренящейся въ природѣ вещей. Міръ устроенъ такъ, что люди, способные стать совершенными, могутъ достигать совершенства, лишь освобождая себя отъ тяготы непосредственнаго хозяйственнаго труда. Было бы хорошо, если бы люди располагали вполнѣ автоматическими машинами для изготовленія всего необходимаго; но такихъ машинъ нѣтъ. Зато существуютъ люди особой породы,

1) Arist. Politica, I, 1, 1252d 27—1253a 31.

2) Arist. Politica, III, 4, 1278d 21—25.

3) „Совершенство (die Tüchtigkeit) гражданина, *politikos*, обуславливается качествомъ общества, *polis*, къ которому онъ принадлежитъ. Следовательно, кто желаетъ создать совершенныхъ людей, долженъ создать совершенныхъ гражданъ, а кто хочетъ создать совершенныхъ гражданъ, тотъ долженъ создать совершенное государство“. U. v. Wilamowitz-Moellendorf. Aristoteles und Athen. I-er Bd. Berlin 1893. стр. 343.

по виду такіе же, какъ прочіе люди, но по существу отличные отъ настоящихъ людей, и ими-то и слѣдуетъ пользоваться настоящимъ людямъ, чтобы исполнить свое истинное назначеніе въ этомъ мірѣ, стать добродѣтельными, совершенными гражданами благоустроеннаго государства. Такимъ образомъ, по ученію Аристотеля, рабство не только необходимо, но оно имѣетъ и высокую нравственную цѣнность, какъ средство достиженія свободными людьми своего высокаго жизненнаго назначенія. Поэтому именно совершенный домъ включаетъ въ себя рабовъ какъ необходимый элементъ (οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων). Безъ имущества вообще нельзя жить, а тѣмъ болѣе нельзя достигать благой жизни ¹⁾. Рабъ, какъ наиболѣе важная часть имущества, служитъ не только орудіемъ удовлетворенія необходимыхъ потребностей семьи, но и орудіемъ ея жизни вообще. Эту мысль и развиваетъ Аристотель въ часто цитируемомъ, но весьма различно толкуемомъ мѣстѣ „Политики“:

„Имущество (ἡ κτήσις) есть часть семьи и приобрѣтеніе имущества (ἡ κτητική) есть часть дѣятельности, выполняемой ради удовлетворенія потребностей семьи (τῆς οἰκονομίας): ибо безъ предметовъ необходимости нельзя ни просто жить, ни имѣть благоую жизнь (ἀδύνατον καὶ ζῆν καὶ εὖ ζῆν). Во всѣхъ искусствахъ, имѣющихъ опредѣленные техническія задачи, необходимы и соотвѣтствующія такимъ задачамъ орудія, если только хотятъ, чтобы работа была выполнена до конца, какъ слѣдуетъ. Орудія же ²⁾ бываютъ неодушевленные и одушевленные, напр., для кормчаго руля неодушевленное орудіе, а его помощникъ (πρωρεὺς)—одушевленное; ибо подчиненный человѣкъ въ искусствахъ выступаетъ въ видѣ орудія. Такимъ же образомъ и ³⁾ имущество (τὸ κτήμα) есть орудіе для жизни, рабъ же—одушевленное имущество. Каждый подчиненный работникъ является какъ бы первымъ инструментомъ среди другихъ орудій. Если бы каждое орудіе могло по данному ему приказанію, или предчувствуя его, выполнять свое дѣло, какъ автоматы Дедала или треножники Гефеста, о которыхъ поэтъ говорить, что они сами входили въ собраніе боговъ, если бы ткацкіе чел-

¹⁾ Эта сторона энергично выдвигалась и школой Аристотеля. Въ вступительныхъ замѣчаніяхъ къ „Экономикѣ“ (составленныхъ вполне въ духѣ Аристотеля), государство опредѣляется какъ „совокупность ойкосовъ, земли и имущества, вполне достаточная для благой жизни“ (πολις μὲν οὖν οἰκῶν πλῆθος ἐστὶ καὶ χώρας καὶ χρημάτων αὐτάρκεις πρὸς τὸ εὖ ζῆν). И непосредственно поясняется: когда этого нѣтъ, то и самое общеніе распадается (διαλύεται καὶ ἡ κοινωμία). Экономика, I, 1343a 10—12 (изд. Прусской Академіи, т. II).

²⁾ Въ изданіи Immisch'a, которымъ я пользовался, здѣсь вставлены слова: εὐτο καὶ τῶ οἰκονομικῶ. Мнѣ кажется, что они скорѣе затемняютъ смыслъ этого мѣста, чѣмъ помогаютъ уяснить его. Аристотель еще не закончилъ сравненія и переходъ къ управленію домою насильственно обрываетъ развитіе его мысли.

³⁾ Здѣсь также вставка: τῶ οἰκονομικῶ, которая мнѣ представляется лишнею.

ноки сами ткали, а плектры сами играли на киварѣ, то архитекторамъ не нужны были бы подчиненные работники, а господамъ—рабы“. Проведя это сравненіе рабовъ съ инструментами въ разнаго рода техническихъ дѣлахъ, Аристотель подчеркиваетъ и ихъ особенность, заключающуюся въ томъ, что они нужны не только какъ механическіе инструменты, но и какъ орудія для жизни вообще, т. е. для жизни ихъ господъ, которые, опираясь на рабскій трудъ, могутъ безпрепятственно стремиться къ высшимъ цѣлямъ человѣческаго существованія. Въ этомъ смыслѣ, мнѣ кажется, должно понимать довольно темно выраженное и вызывающее противорѣчивыя толкованія продолженіе только что цитированнаго отрывка:

„Названныя орудія суть орудія какой-либо технической дѣятельности, имущество же—орудіе для жизненной дѣятельности вообще (τὰ μὲν οὖν λεγόμενα ὄργανα ποιητικὰ ὄργανα ἔστι, τὸ δὲ κτήμα πρακτικόν). Вѣдь отъ ткацкаго челнока кромѣ пользованія имъ самимъ получается и нѣчто другое; отъ одежды же и ложа получается единственная польза. А такъ какъ техническая дѣятельность отличается по существу отъ общей дѣятельности жизни и обѣ онѣ нуждаются въ орудіяхъ, то по необходимости и орудія ихъ будутъ тѣмъ же отличаться другъ отъ друга. Жизнь есть вообще дѣятельность, а не опредѣленное техническое дѣло (ὁ δὲ βίος πρᾶξις, οὐ ποιησις ἔστιν). Отсюда и рабъ служитъ въ томъ, что имѣетъ отношеніе къ общей жизненной дѣятельности“¹⁾. С. А. Жебелевъ переводитъ слово „ποιησις“ выраженіемъ „продуктивная дѣятельность“, а πρᾶξις—„активная дѣятельность“²⁾, что затемняетъ смыслъ цитированнаго мѣста. Въ чемъ именно можно видѣть разницу между „продуктивной“ и „активной дѣятельностью“, трудно понять. Также неясно и крайне искусственно толкуетъ это мѣсто Jowett, усматривающій въ приведенныхъ словахъ попытку отграниченія домашнего раба отъ ремесленника. Отличіе это, по мнѣнію Jowett'a, заключается въ томъ, что рабъ „относится къ хозяину“ и получаетъ отъ него правила жизни, какъ обѣ этомъ яснѣе говорится въ другихъ мѣстахъ „Политики“³⁾. Между тѣмъ уже въ „Никомаховой Этикѣ“ опредѣленно проводится разграниченіе между ποιησις и πρᾶξις въ смыслѣ, принятомъ нами въ нашемъ переводѣ цитированнаго мѣста „Политики“. Говоря о такъ называемыхъ діанозическихъ добродѣтеляхъ, въ число которыхъ входитъ и направляемая разумомъ техническая дѣятельность (разнаго рода практическія искусства), Аристотель (или повторившій его взгляды его ученикъ Эвдемъ)⁴⁾ старается отграни-

1) Arist. *Politica*, I, 2, 1253b 23—1254a 8.

2) *Политика* Аристотеля, стр. 11.

3) B. Jowett. *The Politics of Aristotle*, vol. II, Part I, Oxford 1885, стр. 14.

4) А. Грантъ приписываетъ шестую книгу Никомаховой этики, гдѣ находится разсматриваемое разсужденіе,—Эвдему.

чить такого рода дѣятельность, съ одной стороны, отъ науки, съ другой—отъ общаго нравственнаго дѣланія жизни. Сославшись на разницу между ποιήσις и πράξις какъ на нѣчто уже установленное и разъясненное въ произведеніяхъ популярнаго характера ¹⁾ (ἕτερον δ' ἐστὶ ποιήσις καὶ πράξις), авторъ разсматриваемаго мѣста поясняетъ, что суть дѣла здѣсь даже не въ отношеніи того или другого вида дѣятельности къ разуму человѣка. Ибо хотя оба эти вида могутъ быть направляемы разумомъ, они никогда не сольются вмѣстѣ (οὔτε γὰρ ἡ πράξις ποιήσις οὔτε ἡ ποιήσις πράξις ἐστίν). Всякое искусство, напр. домостроительное, творить, повинаясь истинному разуму, и, однако, въ силу отличія ποιήσις отъ πράξις (ἔπει δὲ ποιήσις καὶ πράξις ἕτερον), должно быть относимо по необходимости только къ ποιήσις, а никакъ не къ πράξις (ἀνάγκη τὴν τέχνην ποιήσεως ἀλλοῦ πράξεως εἶναι).

Въ чемъ же дѣло? Отвѣтъ дается дальше, отграниченіемъ ποιήσις отъ общей разумной дѣятельности жизни, понимаемой въ смыслѣ правильнаго разсужденія человѣка о томъ, что ему хорошо и полезно, не въ смыслѣ частныхъ пользъ, напр. для здоровья или силы, а о томъ, что приводитъ къ благой жизни (ἀλλὰ ποῖα πρὸς τὸ εὖ ζῆν). Мы называемъ разумными (φρόνιμους) въ этомъ значеніи слова людей, хорошо разсуждающихъ о какомъ-нибудь подходящемъ средствѣ для жизненной цѣли, не входящемъ въ область искусства (πρὸς τέλος τι σπουδαῖον εὖ λογίσωνται, ἂν μὴ ἐστὶ τέχνη), а значить и ποιήσεως. Другое дѣло—πράξις. Разумная дѣятельность, въ смыслѣ выбора общаго правильнаго пути жизни, должна сливаться съ πράξις. Отграничивая разумность (φρόνησις), какъ направленіе общей дѣятельности жизни отъ науки, авторъ разсматриваемаго отрывка указываетъ, что φρόνησις не можетъ быть и искусствомъ именно потому, что искусство какъ ποιήσις отлично отъ πράξις ²⁾, и что „остается признать ее разумно приобрѣтенной способностью къ жизненной дѣятельности, способностью различенія того, что составляетъ добро и зло для человѣка“. Здѣсь эта особенная душевная способность обозначается уже терминомъ, производнымъ отъ πράξις (πρακτικὴν), причемъ авторъ присоединяетъ общее поясненіе: въ технической дѣятельности цѣль отлична отъ нея, въ общей же дѣятельности жизни дѣло обстоитъ иначе, ибо здѣсь самая дѣятельность въ ея хорошемъ, правильномъ выполненіи и есть цѣль (τῆς μὲν γὰρ ποιήσεως ἕτερον τὸ τέλος, τῆς δὲ πράξεως οὐκ ἄν εἴη· ἐστὶ γὰρ αὐτῇ ἡ εὐπραγία τέλος). Таково напр. хорошее веденіе государственныхъ или домашнихъ дѣлъ. Мы считаемъ Перикла и подобныхъ ему разумными дѣятелями, потому что они способны видѣть, что хорошо для нихъ самихъ и для

¹⁾ Такъ понимаетъ, повидимому, вполне основательно ссылку на ἐξωτερικοὶ λόγοι въ этомъ мѣстѣ Ник. этики извѣстный комментаторъ Аристотеля сэръ Алекс. Грантъ.

²⁾ οὐκ ἂν εἴη ἡ φρόνησις... τέχνη... ὅτι ἄλλο τὸ γένος πράξεως καὶ ποιήσεως.

другихъ людей; такихъ людей мы цѣнимъ какъ достойныхъ руководителей домохозяйствъ или какъ политическихъ дѣятелей ¹⁾).

Равнымъ образомъ, въ послѣдней книгѣ Никомаховой этики, характеризую высшую форму блаженства, какъ чистую созерцательную дѣятельность, составляющую удѣлъ боговъ, Аристотель отграничиваетъ ее отъ человѣческаго нравственнаго дѣланія, употребляя и здѣсь термины *πράττειν* и *πράξις* въ вышеустановленномъ значеніи ²⁾, и чтобы точнѣе опредѣлить, что же надо вычестъ, дабы осталась одна чисто-созерцательная дѣятельность, рядомъ съ *πράττειν*, охарактеризованнымъ только что какъ нравственное дѣланіе, особо упоминаетъ *ποιεῖν* какъ отдѣльный видъ дѣятельности ³⁾).

Любопытна ссылка на ἐξωτερικοί λόγοι. Она показываетъ, что разграниченіе между *ποιεῖν* и *πράττειν* во время Аристотеля было предметомъ сужденій въ широкой публикѣ. Первые попытки такого разграниченія относятся, повидимому, еще ко временамъ Сократа и софистовъ, и слѣды ихъ мы встрѣчаемъ уже въ „Хармидѣ“, одномъ изъ раннихъ діалоговъ Платона, гдѣ *ποίησις* хотя и не вполне опредѣленно, но все же довольно настойчиво противопоставляется *πράξις* какъ ремесленное и торговое занятіе общей дѣятельности жизни, имѣющей цѣлью добро и красоту ⁴⁾. Все сказанное, полагаемъ, достаточно свидѣтельствуетъ за то, что едва ли есть надобность въ какихъ-либо иныхъ толкованіяхъ и для приведеннаго выше мѣста „Политики“ о значеніи рабскаго труда. Именно въ такомъ смыслѣ его склонны толковать и столь выдающіеся авторитеты, какъ Ньюмэнъ въ своемъ извѣстномъ комментарий къ „Политикѣ“ и Эйкенъ ⁵⁾).

1) Ник. этика, VI, 4 и 5, 1—5.

2) О человѣкѣ: ἡ δ' ἀνθρωπός ἐστι καὶ πλείουςι συζῆ, αἰρεῖται τὰ κατ' ἀρετὴν πράττειν. О богахъ: *πράξις* δὲ *ποίησις* ἀπολείπει χρεῶν αὐτοῖς.

3) τῷ δὲ ζῶντι τοῦ πράττειν ἀφαιρουμένου, ἔτι δὲ μᾶλλον τοῦ ποιεῖν, τί λείπεται πλὴν θεωρίας; Ник. этика, X, 8, 7.

4) Charmides, изд. Becker'a, 163.

5) Ньюмэнъ полагаетъ, что Аристотель хотѣлъ здѣсь предупредить возможное недоразумѣніе, „будто рабъ есть простой инструментъ текстильнаго дѣла, простое дополненіе къ станку, тогда какъ въ дѣйствительности онъ есть скромный помощникъ въ жизни и дѣятельности, которая есть нѣчто высшее, чѣмъ ткань. Отсюда онъ изъ осторожности отмѣчаетъ, что рабъ не есть ὄργανον въ обычномъ смыслѣ слова, т. е. ποιητικὸν ὄργανον..., но πρακτικὸν ὄργανον, ибо 1) онъ есть κτῆμα, 2) онъ есть ὄργανον πρὸς ζῶντι, а жизнь есть *πράξις*, а не *ποίησις*“. Newman. The Politics of Aristotle, vol. II, Part I, стр. 139. Едва ли правильно видѣть въ проводимомъ Аристотелемъ разграниченіи простую оговорку; это одна изъ основныхъ мыслей всего его разсужденія о рабствѣ. Эйкенъ отмѣчаетъ, что разграниченіе *ποιεῖν* и *πράττειν* связывается у Аристотеля съ главнымъ понятіемъ его міровоззрѣнія о совершенной въ себѣ и покоящейся по себѣ дѣятельности. „Въ этомъ направленіи Аристотель проводитъ рѣзкое отграниченіе практической дѣятельности (*πράττειν*) отъ технического дѣла (*ποιεῖν*); въ первой цѣль работы направляется на готовое произведеніе, выходящее изъ дѣйствія, во вто-

Эту же мысль, что рабъ служитъ орудіемъ общей жизни господина, Аристотель развиваетъ и въ непосредственно слѣдующемъ разсужденіи о рабѣ какъ „части“ самого господина: „Имущество понимается и въ смыслѣ какъ бы части. Часть же есть не только часть чего-либо другого, но всецѣло принадлежитъ ему. Такъ же и имущество. Поэтому господинъ есть только господинъ раба, но не принадлежитъ ему; рабъ же есть не только рабъ господина, но и всецѣло принадлежитъ ему. Отсюда ясно, въ чемъ природа раба и каково его свойство (δύναμις). Ибо кто по природѣ принадлежитъ не себѣ самому, а другому, будучи человѣкомъ,—тотъ рабъ по природѣ. Человѣкъ же принадлежитъ другому, если онъ, будучи человѣкомъ, становится имуществомъ; имущество же—отдѣльно существующее орудіе для жизни (κτῆμα δὲ ὄργανον πρακτικὸν καὶ χωριστόν) ¹⁾. По мысли Аристотеля, рабъ не можетъ быть самостоятельнымъ существомъ. Внѣ жизни господина его собственная жизнь лишена смысла, присоединенная же къ жизни господина, какъ условіе нормальнаго существованія послѣдняго, она пріобрѣтаетъ крупное нравственное значеніе. Рабъ есть необходимое орудіе благой жизни свободнаго человѣка, а такъ какъ подобная жизнь возможна только въ государственномъ союзѣ, то безъ рабовъ нельзя хорошо устроить и государство. Отсюда—парадоксъ эллинскаго общественнаго идеала. О рабствѣ мечтаетъ не крѣпостникъ-реакціонеръ, а социальный реформаторъ, желающій устроить государство для высшаго блага всѣхъ его гражданъ, но только гражданъ. Рабамъ остается лишь образовать необходимый фундаментъ для общей благой государственной и индивидуальной жизни. Аристотель не закрываетъ глазъ на то, что перспектива быть основой чужого благополучія не очень утѣшительна для самихъ рабовъ. Онъ прямо говоритъ, что хотя по существу господская власть полезна и для господина по природѣ, и для раба по природѣ, тѣмъ не менѣе она существуетъ прежде всего для пользы господина, для раба же она можетъ быть полезна только по случайному стеченію обстоятельствъ (κατὰ συμβεβηκός) ²⁾.

Убѣжденіе въ фатальной необходимости рабства выдвигало щекотливый вопросъ: кому же принадлежитъ по природѣ столь незавидная роль? Для Аристотеля этотъ вопросъ представлялъ особенно трудную проблему, потому что согласно своему общему міросозерцанію

рой—цѣль заключается въ завершеніи, въ собственномъ благомъ состояніи дѣйствія. Всю жизнь, какъ цѣлое (das Gesamtleben) Аристотель прямо объявляетъ дѣятельностью (ein Handeln)—πράξις, а не техническимъ исполненіемъ (nicht ein technisches Leisten)—ποίησις. R u d. E u s k e n. Die Lebensanschauungen der grossen Denker. Leipzig 1890, стр. 94.

¹⁾ Arist. Politica, I, 2, 1254a 8—17.

²⁾ Arist. Politica, III, 3, 1278b 32—36. О значеніи термина κατὰ συμβεβηκός см. въ особ. Fr. Brentano. Von der mannigfachen Bedeutung des Seienden nach Aristoteles. Freiburg i. Br. 1862, стр. 8—21, а также Arleth въ указ. зтюдѣ, стр. 16—26.

нормальнымъ явленіемъ онъ всюду считалъ только такое, въ которомъ обнаруживается изначальная цѣль, поставленная ему природой. И рабство онъ могъ признать нормальнымъ только въ томъ случаѣ, если бы удалось открыть особыя существа, природой предназначенныя къ рабской долѣ. Установленное имъ общее понятіе человѣка давало только отрицательный отвѣтъ. Разъ природа вложила въ человѣка разумъ и сообщила ему стремленіе къ высшему благу, она открыла ему самостоятельный путь въ жизни. Стать орудіемъ жизни другого человѣка, сдѣлаться простой частью его имущества—значило бы извратить свою истинную природу, пойти по ложному пути въ жизни. Но Аристотель былъ слишкомъ эллинъ для того, чтобы быть логически послѣдовательнымъ въ этомъ вопросѣ. Онъ примѣняетъ свое общее опредѣленіе человѣка только къ существамъ, способнымъ къ самостоятельной государственной жизни, отграничивая настоящихъ людей, подходящихъ подъ это опредѣленіе, отъ человѣкообразныхъ существъ, по виду сходныхъ съ людьми, а по природѣ—съ животными, ибо они не могутъ разсуждать самостоятельно, а способны лишь получать приказанія отъ истинно-разумныхъ людей¹⁾. Аристотель дѣлитъ людей на двѣ категоріи: на способныхъ къ властвованію и къ подчиненію. Властвованіе имѣетъ двоякій характеръ: власти надъ неразумными существами, гдѣ подчиненіе безусловно, безъ разсужденія, и власти надъ подобными себѣ, гдѣ приказанія выполняются лицами, способными разсуждать. Первый видъ власти и есть господская, деспотическая (δеспотικὴ ἀρχή), второй—политическая (надъ свободными гражданами) и царская (въ семьѣ или патріархальномъ союзѣ)—πολιτικὴ καὶ βασιλική. Въ самомъ человѣкѣ душа господствуетъ надъ тѣломъ, какъ неразумной частью, деспотически. Если есть люди, которые не имѣютъ разумной души, а обладаютъ только тѣломъ, то надъ ними необходимо надо властвовать деспотически, т. е. сдѣлать ихъ рабами. Вопросъ о томъ, какъ вообще могутъ появляться на свѣтѣ такіе люди, Аристотель обходитъ, подразумѣвая какъ нѣчто данное, что такіе люди существуютъ, и притомъ не въ видѣ какихъ-либо рѣдкихъ, исключительныхъ по уродству экземпляровъ человѣческой породы, а въ количествѣ, значительно превышающемъ число людей, способныхъ къ властвованію. Признакомъ, свидѣтельствующимъ о такомъ психическомъ состояніи, для Аристотеля служить занятіе и приспособленность къ физическому труду. „Тѣ люди, которые настолько отличаются отъ (настоящихъ) людей, какъ душа отъ тѣла, а человѣкъ отъ животного (а это бываетъ тогда и у тѣхъ,

1) Справедливо отмѣчаетъ Вильг. Онкенъ, что положеніе Аристотеля: „человѣкъ есть существо политическое“ включало въ себя въ его устахъ и обратное положеніе: „только гражданинъ государства—человѣкъ“, и что поэтому рабы, какъ по существу лишеныя участія въ государственной жизни, лишаются и общечеловѣческихъ правъ. Wilh. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. 2-te Hälfte, Leipzig 1875, стр. 23 и 29.

чье дѣло заключается въ пользованіи ихъ тѣлесными силами, и это лучшее, что они могутъ дать)¹⁾,—тѣ рабы по природѣ, и имъ лучше всего подчиняться той же власти, какъ и упомянутымъ выше“ (т.-е. тѣлу—душѣ, а животнымъ—человѣку). И дальше Аристотель исходить уже прямо изъ допущенія, что есть люди, удѣлъ которыхъ подчиняться другимъ и принадлежать другимъ: „Рабомъ по природѣ является тотъ, кто способенъ принадлежать другому (потому-то онъ и принадлежитъ другому) и лишь настолько причастенъ разуму, что онъ можетъ воспринимать его (отъ другого, какъ приказаніе), самъ же его не имѣть“. Отличіе его отъ животнаго заключается лишь въ томъ, что животныя даже неспособны воспринимать указанія чужого разума. Но это не очень существенное различіе: польза отъ тѣхъ и другихъ почти одинакова. „Ибо отъ тѣхъ и другихъ получается помощь въ необходимомъ для тѣла“ (ἢ γὰρ πρὸς ταναγκαῖα τῆ σῶματι βοήθεια γίνεται παρ' αὐτοῖν). Въ такомъ дѣленіи людей на двѣ категоріи—предназначенныхъ къ свободѣ и рабству Аристотель видитъ разумное творчество природы. „Природѣ заблагоразсудилось“ (βούλεται μὲν οὖν ἡ φύσις) сдѣлать различными самыя тѣла свободныхъ и рабовъ, у рабовъ—крѣпкія, пригодныя для необходимыхъ работъ, у свободныхъ—прямыя, непригодныя для такихъ работъ, но полезныя для политической жизни. Уже одна эта разниа была бы достаточна для того, чтобы одни были свободными, а другіе рабами. Но такъ какъ между ними существуетъ еще болѣе глубокое различіе,—въ ихъ психическихъ свойствахъ, то ясно, что „одни по природѣ—свободные, другіе—рабы, и что послѣднимъ полезно и справедливо пребывать въ рабствѣ“²⁾.

Рабству по природѣ Аристотель противопоставляетъ „рабство по закону“, которое можетъ быть и неправильнымъ, если основывается на простомъ перевѣсѣ силы, а не на разницѣ въ душевныхъ качествахъ³⁾. Справедливо лишь рабство по природѣ, причемъ и пользованіе рабами, примѣненіе господской власти также должно согласоваться съ природой, т.-е. отвѣчать той цѣли, ради которой существуетъ рабство. Дурное пользованіе господской властью вредно какъ рабу, такъ и господину. Ибо что полезно для части, то полезно и для цѣлаго, а рабъ есть часть господина, именно какъ бы одушевленная отдѣльная часть его тѣла. Поэтому, если отношенія между рабомъ и господиномъ соотвѣтствуютъ природѣ, между ними устанавливается нѣкоторое дружественное общеніе, полезное для нихъ обоихъ (διὸ καὶ συμφέρον ἐστὶ τὴ καὶ φιλία δούλῳ καὶ δεσπότῃ πρὸς ἀλλήλους)⁴⁾. Наука о господской вла-

1) ὅσων ἐστὶν ἔργον ἢ τοῦ σώματος χρῆσις, καὶ τοῦτ' ἐστ' ἀπ' αὐτῶν βέλτιστον.

2) Arist. Politica, I, 2, 1254b 16—1255a 2.

3) Aristot. Politica, I, 2. 1255a.

4) Тамъ же, I, 2, 1255b 4—15. Необходимо все-таки имѣть въ виду, что терминъ φιλία употребляется Аристотелемъ въ болѣе широкомъ значеніи, чѣмъ дружба въ со-

сти есть наука о пользованіи рабами. Быть господином—значитъ не просто владѣть рабами, а пользоваться ими. Аристотель не высокаго мнѣнія объ этой наукѣ, какъ о всякой хозяйственной техникумъ. Господинъ можетъ и не заниматься ею и предоставить завѣдованіе рабами управляющему, посвящая свои силы политической дѣятельности или философіи. Что же касается науки о приобрѣтеніи рабовъ, то это—особая наука, которая могла бы быть названа или справедливымъ военнымъ искусствомъ, или охотовѣдѣніемъ ¹⁾. Рабъ есть часть семьи. Но часть служебная, подчиненная, сама по себѣ лишенная нравственнаго значенія. Главныя заботы домовладыки должны быть направлены на нравственное совершенствованіе свободныхъ членовъ семьи, на ея моральную крѣпость, о необходимомъ же матеріальномъ базисѣ ея, въ частности и о рабахъ, надо думать гораздо меньше. Правда, для того, чтобы рабы могли хорошо выполнять свое дѣло—снабжение семьи всѣмъ необходимымъ—они должны обладать нѣкоторыми качествами, сходными съ добродѣтелями настоящихъ людей. Дѣло раба маленькое, а потому ему достаточно обладать „малой добродѣтелью“ (*ἀρετῆς μικρᾶς*), не своевольничать, не лѣниться, чтобы его работа не терпѣла ущерба. Господинъ долженъ вызывать въ рабѣ такую добродѣтель, но не обученіемъ, а внушеніемъ, что, по видимому, Аристотель считаетъ довольно несложной задачей ²⁾.

Выяснивъ сущность рабства, какъ необходимаго учрежденія для правильной хозяйственной дѣятельности семьи, Аристотель характеризуетъ способы имущественнаго приобрѣтенія вообще, разграничивая

временномъ смыслѣ слова, включая въ себя просто понятіе соединенія людей ради взаимно полезной имъ цѣли.

¹⁾ Arist. Politic, I, 2, 1255b 31—40. См. выше, стр. 175.

²⁾ Arist. Pol., I, 5, 1260a 33—1260b 7. И въ „Ником. этикѣ“, при столь же неумолимой послѣдовательности въ уподобленіи раба простому орудію для жизни, Аристотель не рѣшается совершенно отказать ему въ общечеловѣческихъ качествахъ. Такъ, говоря, что при тиранической формѣ правленія невозможна дружба между тираномъ и его подданными, Аристотель поясняетъ эту мысль сравненіемъ съ господской властью. Господинъ имѣетъ тираническую власть надъ рабомъ, и это правильно, ибо при ней имѣется въ виду только польза господина. Тиранія же въ государствѣ противорѣчитъ сущности правильныхъ отношеній между властвующими и подчиненными и вноситъ въ нихъ рабскія черты. „Въ тираниіи или совсѣмъ не бываетъ дружбы, или очень мало. Ибо тамъ, гдѣ нѣтъ ничего общаго между властвующимъ и подчиненнымъ,—нѣтъ дружбы. Нѣтъ и справедливости. Но существуетъ такое отношеніе, какъ мастера къ инструменту, души къ тѣлу или господина къ рабу. Пользующійся заботится обо всемъ этомъ, но не можетъ же быть дружбы къ неодушевленнымъ предметамъ, ни справедливости. Не можетъ ихъ быть ни по отношенію къ лошади или быку, или къ рабу, поскольку онъ рабъ (*οὐδέ τις πρός δουλον ἢ βοῦλον*). Ибо между ними нѣтъ ничего общаго: вѣдь рабъ есть одушевленный инструментъ, инструментъ же—неодушевленный рабъ. Итакъ, поскольку онъ рабъ, не можетъ быть дружбы по отношенію къ нему, но лишь поскольку онъ—человѣкъ (*ἢ δ' ἀνθρώπος*)“. Ник. этика, VIII, 10, 4 и 11, 6—7.

въ нихъ, какъ было уже показано въ предыдущей главѣ, нормальный, согласный съ природой,—„экономику“ и аномальный, противоположенный,—„хрестистику“. Изслѣдованіе же самыхъ экономическихъ отношеній, завязывающихся въ обществѣ между самостоятельными хозяйственными единицами, онъ соединяетъ съ изслѣдованіемъ характера межчеловѣческихъ отношеній вообще, рассматривая ихъ поэтому болѣе детально въ „Этикѣ“, чѣмъ въ „Политикѣ“. Рамкой, въ которой развертываются экономическія отношенія, Аристотель беретъ мыслимый имъ, какъ идеальный, общественный строй, представляющійся въ одно и то же время и образцомъ совершеннаго государственнаго строительства (соціальнымъ идеаломъ) и орудіемъ теоретическаго изслѣдованія (идеально-логическимъ типомъ государства). Основные элементы такого идеальнаго государства онъ и рассматриваетъ въ вступительномъ очеркѣ генезиса государства изъ семьи и селенія. Разъ вообще существуютъ согласные съ природой элементы государственной жизни, они должны входить и въ идеальное государство. Въ частности хозяйственный базисъ идеальнаго государства долженъ строиться въ соотвѣтствіи съ экономическимъ составомъ нормальнаго ойкаса и значить, если основой ойкаса по природѣ служить рабскій трудъ, то на немъ же должно созидаться и идеальное государство.

Идеаль Аристотеля довольно близокъ къ ходячимъ взглядамъ его времени. Ему чуждъ и порой непонятенъ вдохновенный порывъ Платона въ таинственныя горнія пространства, далекія отъ земной суеты и неправды. Онъ смотритъ на жизнь спокойнымъ взглядомъ теоретика, разыскивающего въ ней самой точки опоры для ея улучшения, и его пожеланія трезвы и практичны. Особенно странными представляются его прозаическому уму мечты Платона о полномъ единствѣ государства. Аристотель выступаетъ противъ этого ученія, проникнутаго глубокимъ религіознымъ духомъ, съ чисто-формальными аргументами. Индивидъ болѣе единъ, чѣмъ семья, семья болѣе едина, чѣмъ государство; если бы государство развивалось по направленію къ большому единству, то оно выродилось бы сначала въ семью, затѣмъ—въ индивида. При этомъ его нравственная цѣнность постепенно падала бы, ибо семья болѣе самодовлѣюща, чѣмъ индивидъ, а государство болѣе самодовлѣюще, чѣмъ семья. Значить, развитіе въ обратномъ направленіи—къ меньшему единству—представляется лучшимъ, ибо оно даетъ въ итогѣ большее самодовлѣніе ¹⁾). Несогласенъ Аристотель и съ убѣжденіемъ Платона, что зло дурной государственной жизни—въ преобладаніи у гражданъ личныхъ интересовъ, разъединяющихъ ихъ и ставящихъ ихъ въ враждебныя отношенія другъ къ другу. По его мнѣнію, о томъ, что обще многимъ, заботятся всего

¹⁾ Arist. Politica, II, 1, 1261a 15—1261b 15.

меньше, ибо больше всего люди думают о своемъ собственномъ, объ общемъ же меньше или постольку, поскольку каждый находитъ въ немъ свою долю ¹⁾. Поэтому Аристотель возражаетъ и противъ строя отношеній, которымъ Платонъ надѣялся достигнуть въ идеальномъ государствѣ единства чувствъ и интересовъ стражей—общности женъ и дѣтей и запрещенія частной собственности. Въ присоединяемыхъ къ указаннымъ общимъ соображеніямъ специальныхъ доводахъ у Аристотеля много вѣрнаго. Онъ находитъ, что средства, рекомендуемыя Платономъ, въ дѣйствительности не привели бы къ намѣченной цѣли и скорѣе разъединяли бы стражей, чѣмъ скрѣпляли бы дружественныя узы между ними. Онъ считаетъ поэтому, что было бы практичнѣе рекомендовать общность женъ и дѣтей не стражамъ идеальнаго государства, а низшему классу, людямъ, занятымъ хозяйственной дѣятельностью: при общности женъ и дѣтей дружественныя чувства между ними были бы слабѣе, и они были бы таковы, какими подѣбаютъ быть людямъ подвластнымъ—послушными, а не замышляющими нововведенія ²⁾. Для полноправныхъ же гражданъ слѣдовало бы сохранить традиціонную форму семьи. Аристотель высказывается также и за существующую форму собственности, т.-е. за частную собственность, но съ оговоркой, что собственность, будучи вообще частной, въ извѣстныхъ отношеніяхъ должна быть и общей (δεῖ γάρ πῶς μὲν εἶναι κοινὰς, ἄλλως δ' ἰδίαις) ³⁾. Именно, владѣніе хозяйственными благами должно быть частнымъ, пользованіе же ими—общимъ ⁴⁾. Тогда нашло бы поддержку въ законодательствѣ естественное чувство любви къ себѣ и къ своему. Трудно выразить, восклицаетъ Аристотель, сколько удовольствія въ томъ, чтобы назвать что-либо своимъ собственнымъ. Не напрасно каждый изъ насъ имѣетъ чувство любви къ самому себѣ—оно согласно природѣ (φύσιν). Его не слѣдуетъ смѣшивать съ эгоизмомъ (τὸ φιλοῦτον), который справедливо порицается и который заключается не просто въ любви къ себѣ, а въ большей, чѣмъ слѣдуетъ. При правильномъ чувствѣ любви къ себѣ человѣку бываетъ въ то же время и чрезвычайно пріятно оказывать услуги и помощь друзьямъ, гостямъ и товарищамъ. При единствѣ государства въ смыслѣ Платона для всего этого не было бы мѣста. Не было бы и условій для проявленія въ жизни двухъ добродѣтелей: воздержности по отношенію къ женщинамъ и щедрости по отношенію къ имуществу ⁵⁾. Единство въ семьѣ и государствѣ должно быть, повторяетъ Аристотель, но лишь въ нѣ-

1) Aristot. Politica, II, 1, 1261b 33—35.

2) Aristot. Politica, II, 1, 1262a 40—1262b 3.

3) Подразумѣвается—κτῆσεις.

4) φανερόν τοίνυν ὅτι βέλτιον εἶναι μὲν ἰδίαις τὰς κτῆσεις, τῇ δὲ χρήσει ποιεῖν κοινὰς.

5) Arist. Politica, II, 2, 1263a 24—1263b 11.

которыхъ отношеніяхъ, а не всецѣло (δεῖ μὲν γὰρ εἶναί πως μίαν καὶ τὴν οἰκίαν καὶ τὴν πόλιν, ἀλλ' οὐ πάντως). Развитие государства по направленію къ чрезмѣрному единству ухудшило бы его, какъ если бы кто замѣнилъ симфонію унисономъ или ритмъ однимъ тактомъ ¹⁾. Единства и общности государства слѣдуетъ достигать воспитаніемъ, включая сюда и учрежденія, создаваемые закономъ, каковы напр. сисситіи, которыми законодатель установилъ общеніе имуществъ въ Лакедемонѣ и на Критѣ ²⁾. Умѣренное общеніе, основывающееся на разумно понятомъ личномъ интересѣ, направляемомъ воспитаніемъ и законодательствомъ, Аристотель противопоставляетъ страстному призыву Платона къ единенію гражданъ въ ихъ дѣлахъ, чувствованіяхъ и помышленіяхъ. Не аскетизмъ и самоотреченіе въ пользу цѣлаго, а любовь къ себѣ самому, умѣряемая дружелюбіемъ и благородной щедростью, должна составлять, по Аристотелю, главный стимулъ дѣятельности гражданъ и ихъ отношеній другъ къ другу. Въ такомъ частичномъ общеніи должны участвовать все граждане, и потому Аристотель возражаетъ противъ предлагаемаго Платономъ дробленія ихъ на отдѣльные классы. Онъ недоумѣваетъ, кто же былъ бы блаженъ въ Платоновомъ государствѣ. О стражахъ самъ Платонъ говоритъ, что они лишены блаженства, между тѣмъ законодатель желаетъ, чтобы все государство было блаженнымъ. Но кто же былъ бы блаженъ, спрашиваетъ Аристотель, если стражи не будутъ блаженны? Не ремесленники же и вся толпа подобныхъ имъ людей? ³⁾

Однимъ изъ условій блаженства индивидуума Аристотель считаетъ именно правильно понимаемое чувство любви къ самому себѣ, обозначаемое на древнегреческомъ языкѣ, за недостаткомъ спеціальнаго термина, тѣмъ же словомъ, что и эгоизмъ (τὸ φιλαυτοῦ; эгоистъ и правильно любящій себя—ὁ φιλοῦτος). Соображенія объ эгоизмѣ и себялюбіи, высказываемыя Аристотелемъ въ „Политикѣ“, являются не случайной обмолвкой и не нарочно придуманнымъ аргументомъ противъ ученія Платона, а вытекаютъ изъ глубоко-продуманнаго убѣжденія. Аристотель былъ въ этомъ отношеніи типичнымъ выразителемъ традиціоннаго эллинскаго сознанія, по которому каждому свойственно прежде всего отстаивать себя самого и выдвигать свои личные интересы. Мысли, развиваемыя въ „Политикѣ“, просто повторяютъ то, что было уже ранѣе установлено и разъяснено въ „Этикѣ“, при характеристикѣ дружбы какъ добродѣтели, въ которой проявляются истинно-альтруистическія чувства. Цѣлью дружбы Аристотель считаетъ благо, но

¹⁾ Тамъ же, II, 2, 1263b 31—35. Аристотель здѣсь несправедливъ къ Платону, потому что и Платонъ ищетъ единства въ разнообразіи элементовъ, но полнѣе охватывающаго жизнь.

²⁾ Arist. Politica, II, 2, 1263b 36—42.

³⁾ Arist. Politica, II, 1264b 22—24.

дѣлаетъ характерную оговорку, что другъ будетъ желать своему другу величайшихъ благъ, однако не всѣхъ, „ибо всякій болѣе всего желаетъ блага самому себѣ“¹⁾. Онъ посвящаетъ цѣлую главу доказательству положенія, что человѣкъ „болѣе всего другъ самому себѣ“ и что „слѣдуетъ больше всего любить самого себя“ (μάλιστα γὰρ φίλος αὐτῷ καὶ φιλητέον δὴ μάλιστα ἑαυτόν). Эгоизмъ справедливо порицается, поскольку подъ нимъ понимаютъ стремленіе къ деньгамъ, почестямъ, физическимъ наслажденіямъ, служеніе низменнымъ страстямъ, подчиненіе себя неразумной части души. Но вѣдь есть и другая форма любви къ себѣ. Человѣкъ, любящій себя, можетъ наоборотъ стремиться къ справедливости, воздержности, прекрасной дѣятельности. Слово φίλαυτοςъ больше подходитъ къ такому человѣку, потому что онъ будетъ любить въ себѣ то, что составляетъ существо его, какъ человѣка, и будетъ служить ему. Его стремленія, хотя и обращенныя къ себѣ самому, будутъ болѣе соотвѣтствовать общей природѣ человѣка, его изначальной цѣли, его назначенію. Въ человѣческомъ существѣ долженъ господствовать разумъ. Отсюда настоящій φίλαυτοςъ будетъ всегда повиноваться въ своей дѣятельности, въ своихъ стремленіяхъ, въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и государству указаніямъ разума. Онъ будетъ стремиться къ прекрасному и въ этомъ отношеніи, будучи человѣкомъ себялюбивымъ, будетъ въ то же время и хорошимъ человѣкомъ. „Хорошему человѣку слѣдуетъ быть себялюбивымъ“ (τὸν μὲν ἀγαθὸν δεῖ φίλαυτον εἶναι). Такой человѣкъ, дѣйствуя прекрасно, будетъ имѣть пользу для себя самого и будетъ полезенъ и другимъ. Аристотель понимаетъ здѣсь собственную пользу хорошаго человѣка въ ея высшемъ нравственномъ значеніи, большемъ по сравненію съ обычной житейской пользой. Нравственно-совершенный человѣкъ дѣлаетъ здѣсь просто правильный расчетъ выгоды: онъ отдаетъ по существу меньшее за большее, ибо разумъ указываетъ ему правильную оцѣнку жизненныхъ благъ. По самому своему существу совершенному человѣку свойственно дѣлать многое ради друзей и отечества, хотя бы ему пришлось даже пожертвовать жизнью. Онъ отвергнетъ имущество, почести и вообще всѣ блага, изъ-за которыхъ борются люди, обезпечивая себѣ этимъ прекрасное. Онъ охотно отдастъ свою жизнь, предпочитая прекрасный моментъ ея долговому безцвѣтному существованію. Онъ отдастъ хозяйственныя блага, если это дѣйствіе будетъ прекрасно, и не останется въ убыткѣ, ибо у друга окажутся хозяйственныя блага, у него же самого—прекрасное, т.-е. большее по значенію благо. Онъ откажется въ пользу друзей и отъ почестей и должностей, если такой отказъ будетъ прекраснымъ дѣяніемъ. Ибо совершенному человѣку естественно стремиться къ прекрасному прежде всего другого.

¹⁾ Ник. этика, VIII, 7, 6.

Значить, совершенный человек по существу не урѣзывает своей жизни въ пользу другихъ; наоборотъ онъ всегда выбираетъ въ жизни самое лучшее, а въ лучшемъ—наибольшую долю. Въ этомъ именно смыслъ и слѣдуетъ быть себялюбивымъ, а не такъ, какъ понимаетъ большинство (т.-е. обыкновеннымъ эгоистомъ) ¹⁾.

1) Ник. этика, IX, 8. Убѣжденіе, что человекъ нравственно силенъ не самоотреченіемъ и смиреніемъ, а возможно болѣе красивымъ проявленіемъ своей индивидуальности, было, повидимому, типичнымъ для культурнаго эллина эпохи расцвѣта. Къ нему былъ близокъ даже Платонъ при всемъ его аскетически-мрачномъ отношеніи къ суетнымъ земнымъ благамъ. Для людей же болѣе житейскаго склада представлялось вполне естественнымъ, что люди всюду ищутъ преобладанія надъ другими, преслѣдуютъ собственыя цѣли, руководятся завистью и желаніемъ успѣха, лишь бы они были хорошими гражданами и людьми порядочными, заботящимися прежде всего о томъ, чтобы своими дѣйствіями не нарушить необходимой мѣры, гармоніи и красоты жизни. Въ передачѣ Фукидида Перикль начинаетъ свою надгробную рѣчь надъ павшими въ бою афинянами оговоркой, что „похвалы, воздаваемыя другимъ, слушатели терпятъ въ той только мѣрѣ, въ какой каждый изъ нихъ сознаетъ себя способнымъ совершить дѣла, о которыхъ слышитъ; то, что въ похвалахъ превосходить эту мѣру, возбуждаетъ въ слушателяхъ зависть и потому самому недовѣрію“. А между тѣмъ онъ считаетъ афинянъ способными къ безкорыстному стремленію къ высшимъ жизненнымъ благамъ. „Мы любимъ изящество съ простотою, любимъ просвѣщеніе безъ извѣженности; мы пользуемся богатствомъ какъ удобнымъ средствомъ для дѣятельности, а не для пустого хвастовства, и сознаніе въ бѣдности у насъ не постыдно, болѣе порокъ— не выбиваться изъ нея трудомъ... Только мы одни почитаемъ не празднымъ, но никуда негоднымъ того, кто вовсе не участвуетъ въ государственной дѣятельности... Мы обнаруживаемъ и величайшую отвагу, и зрѣло обсуждаемъ задуманное предпріятіе... Доблестнѣйшими должны по справедливости почитаться тѣ люди, которые прекрасно знаютъ и лишения, и наслажденія, но черезъ это не отступаютъ передъ опасностями. Равнымъ образомъ по отношенію къ благодѣяніямъ мы поступаемъ противоположно большинству народовъ, ибо друзей мы приобрѣтаемъ не тѣмъ, что получаемъ услуги, но тѣмъ, что сами ихъ оказываемъ. Оказавшій благодѣяніе болѣе надежный другъ, такъ какъ онъ расположеніемъ своимъ къ получившему услугу старается сохранить въ немъ чувство признательности. Напротивъ, человекъ облагодѣтельствованный менѣе усерденъ, ибо онъ сознаетъ, что предстоитъ оказать услугу какъ повинность, а не изъ расположенія. Мы одни творимъ благодѣянія безобоязненно не столько изъ расчета на выгоды, сколько изъ взаимнаго довѣрія свободныхъ людей. Говоря вообще, цѣлый городъ нашъ есть школа Эллады, и каждый изъ насъ въ отдѣльности можетъ, какъ мнѣ кажется, приносить свою личность къ многочисленнымъ родамъ занятій, выполняемыхъ съ величайшей ловкостью и граціей.... Въ мужественной борьбѣ за такое-то государство положили свою жизнь эти войны, не желая лишиться его... Ни одинъ изъ павшихъ воиновъ не предпочелъ дальнѣйшаго наслажденія богатствомъ и не показалъ себя робкимъ, ни одинъ не струсилъ въ надеждѣ, что могъ бы еще избавиться отъ бѣдности и разбогатѣть, и не уклонился отъ опасности. Отомстить врагу для нихъ было желательнѣе, чѣмъ наслаждаться помянутыми благами; готовность умереть за родину они признали благороднѣйшею и пожелали цѣною такой опасности отомстить врагу и удостоиться такихъ почестей. На долю надежды они оставили невѣрность успѣха, а въ дѣйствительной борьбѣ, лицомъ къ лицу съ опасностью они считали долгомъ полагаться только на собственыя силы. Они предпочли огрызнуть врага въ борьбѣ и по-

Государственный идеаль Аристотеля гораздо ближе къ „второму государству“ Платона, изображенному въ „Законахъ“. И хотя онъ отвергаетъ и этотъ проектъ, находя въ немъ много недостатковъ, въ особенности поскольку въ немъ проявляются сходныя черты съ „Политіей“, онъ все же по существу раздѣляетъ предложенія Платона въ рядѣ очень важныхъ пунктовъ. И онъ желалъ бы привлеченія всѣхъ гражданъ къ государственнымъ обязанностямъ, освобожденія ихъ отъ непосредственной хозяйственной дѣятельности, но въ то же время и личнаго обезпеченія достаточнымъ земельнымъ надѣломъ. Быть можетъ, опасаясь, чтобы съ регламентаціей имущественнаго положенія гражданъ въ идеальное государство не проникли несимпатичныя ему крайне-аскетическія настроенія, Аристотель находитъ не вполне опредѣленнымъ положеніе Платона, что землевладѣніе должно обезпечивать гражданамъ „умѣренный образъ жизни“ (ζῆν σωφρόνως). Точнѣе говоря, это выраженіе должно было бы означать „благую жизнь“ (ζῆν εὖ), но во всякомъ случаѣ было бы желательнымъ охарактеризовать предѣлы желательнаго образа жизни болѣе отчетливо. Лучше было бы сказать: жить умѣренно и щедро (σωφρόνως καὶ ἐλευθερίως), потому что только тогда стало бы вполне ясно, что изъ нормальной жизни гражданъ исключается не только роскошь, но и скудость. Пользованіе имуществомъ предполагаетъ вѣдь именно двѣ основныя добродѣтели: умѣренность и щедрость¹⁾.

страдать, чѣмъ уступить и тѣмъ спасти себѣ жизнь. Такъ они избавили себя отъ позорящей молвы, самое дѣло спасли своею смертью и въ кратчайшій роковой моментъ разстались съ жизнью, преисполненные не столько страха, сколько надежды на славную побѣду“... И въ то же время, опять въ передачѣ Фукидида, явно раздѣляющаго излагаемый образъ мыслей, представители національнаго сознанія считаютъ вполне правильнымъ простое господство сильнѣйшаго надъ слабѣйшимъ. Передъ началомъ войны афинскіе послы заявляютъ лакедемонянамъ, что они не находятъ въ своемъ поведеніи ничего страннаго и противоестественнаго, удерживая власть надъ своими союзниками „подъ вліяніемъ могущественнѣйшихъ побужденій: честолюбія, страха и выгоды. Съ другой стороны,—продолжаютъ они,—не мы первые ввели такой порядокъ, онъ существуетъ искони,—что слабѣйшій обуздывается сильнѣйшимъ. Вместе съ тѣмъ мы считаемъ себя достойными власти, каковыми и вамъ казались до послѣдняго времени; только теперь, преслѣдуя собственные интересы, вы говорите о справедливости, которой никто еще не ставилъ выше стяжанія силою, если представлялся къ тому случай, ради которой никто еще не отворачивался отъ своихъ выгодъ“. Фукидидъ. Исторія пелопоннесской войны, пер. Мищенко, т. I, Москва 1887, стр. 207, 210—213 и 89. Соображенія Аристотеля о желательномъ господствѣ личнаго интереса тоньше и гуманнѣе, но они очень близки въ особенности къ мыслямъ, развиваемымъ въ приведенной рѣчи Перикла. Повидимому, историкъ древне-греческой этики правъ, говоря, что „по существу тотъ родъ себялюбія, который рекомендуетъ Аристотель, никогда не долженъ былъ встрѣчать неодобреніе со стороны грека“. L. Schmidt. Die Ethik der alten Griechen. II-er Bd. Berlin 1882, стр. 394.

¹⁾ Arist. Politica, II, 3, 1265a 28—37.

Аристотель—не сторонникъ полного уравненія имущества. Противъ проекта Фалея халкедонскаго, предлагавшаго полное уравненіе землевладѣнія, Аристотель возражаетъ, что недостаточно просто уравнять собственность. Законодатель долженъ еще отыскать ея надлежащую мѣру, ея „средину“ (τοῦ μέσου). Но если бы кто и установилъ такую среднюю норму имущества для всѣхъ (τὴν μετρίαν οὐσίαν πᾶσιν), это было бы бесполезно. Ибо болѣе всего слѣдуетъ уравнять чувственныя стремленія (τὰς ἐπιθυμίας), чѣмъ имущества, а это невозможно, если люди не будутъ достаточно воспитаны законами. Люди поступаютъ несправедливо не только изъ-за предметовъ необходимости, противъ чего Фалей и предлагаетъ уравненіе имуществъ, чтобы они не грабили изъ-за холода и нужды, но и потому, что они хотятъ веселья и чувственныхъ наслажденій. Наибольшія несправедливости люди совершаютъ ради избытка, а не изъ нужды въ необходимомъ, напр. становятся тираннами не для того, чтобы не дрожать отъ холода. Поэтому строй Фалеева государства можетъ помочь только противъ мелкихъ несправедливостей. При такомъ порядкѣ люди болѣе выдающіеся пожалуй протестовали бы противъ него, считая его недостойнымъ ихъ, ибо человѣческія вождельнія безпредѣльны (ἄπειρος γὰρ ἡ τῆς ἐπιθυμίας φύσις) и большинство не удовлетворяется тѣмъ, что имъ даютъ, а скоро начинаютъ желать большаго. Прежде всего надо поэтому не уравнивать имущества, а добиться того, чтобы люди болѣе совершенные по природѣ не желали имѣть больше, а худшіе—не могли бы¹⁾.

Критикуя лакедемонское государственное устройство, Аристотель объявляетъ безспорнымъ принципомъ государственнаго устройства освобожденіе гражданъ отъ работъ ради обезпеченія себя предметами необходимости (τὴν τῶν ἀναγκαίων σχολήν) и переложенія ихъ на зависимыхъ людей. Надо, однако, умѣть пользоваться досугомъ. Аристотель согласенъ съ Платономъ, что главнымъ недостаткомъ всей законодательной системы Спарты оказывается ея приспособленность исключительно къ одной частной добродѣтели—военной, ибо она полезна для властвованія. Но когда спартанцы достигли господства, они стали гибнуть, не умѣя пользоваться досугомъ и найти себѣ другое занятіе, которое было бы важнѣе военнаго дѣла²⁾.

Аристотель очень одобряетъ институтъ сисситій, но находитъ, что въ Лакедемонѣ онъ устроенъ менѣе удачно, чѣмъ на Критѣ. Уча-

¹⁾ Arist. Politica, II, 4. Аристотель видитъ недостатокъ Фалеева проекта еще и въ томъ, что предлагается одно уравненіе землевладѣнія. Между тѣмъ богатство слагается кромѣ земли изъ работъ, стада, денегъ, предметовъ домашняго обихода. Надо было бы уравнять и это все, или предложить для этого надлежащую среднюю мѣру.

²⁾ Arist. Politica, II, 6, 1269a 34—36 и 1271b—6.

стіе въ сисситіяхъ должно быть легко доступно всѣмъ гражданамъ, ибо, по мысли законодателя, это демократическое (т.е. общее всѣмъ полноправнымъ гражданамъ) учрежденіе. Между тѣмъ, обязанность дѣлать взносы для сисситій изъ личнаго имущества тяжела для бѣдныхъ гражданъ, при полной же невозможности участвовать въ сисситіяхъ граждане только изъ-за имущественныхъ недостатковъ лишаются и сопряженныхъ съ ними гражданскихъ правъ. Тогда какъ на Критѣ при устройствѣ сисситій на государственный счетъ такая несправедливость устраняется. Любопытно, что Аристотель (какъ и Платонъ) видитъ въ сисситіяхъ не столько обезпеченіе потребленія всѣхъ гражданъ („коммунизмъ потребленія“), сколько своеобразное воспитательное учрежденіе, и потому съ похвалой отзывается о заботѣ законодателя, чтобы критяне ѣли мало, ибо это полезно для нихъ (πρὸς δὲ τὴν ἀμφοσιαν ὡς ἰφελίων πολλὰ πεφιλοσόφηκεν ὁ νομοθέτης). Сисситіи и для него—не обезпеченіе сытости и наслажденія ѣдой, а школа воздержанія¹⁾.

Какъ же слѣдовало бы устроить совершенное государство? Аристотель имѣетъ свой готовый проектъ, къ сожалѣнію, дошедшій до насъ въ видѣ бѣглаго, незаконченнаго наброска. Но основныя черты его намѣчены довольно ярко²⁾ и дополняются критикой чужихъ проектовъ и теоретическимъ анализомъ сущности государственнаго строя, ибо для Аристотеля сущность явленія и въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ его наиболѣе развитой (въ смыслѣ приближенія къ совершенству) формой, образующей его послѣднюю, конечную цѣль. Намъ важно отмѣтить изъ относящихся сюда соображеній Аристотеля лишь немногое. Намъ нужно понять мыслимый имъ идеальный общественный строй какъ фонъ социально-экономическихъ отношеній, анализируемыхъ имъ всегда въ тѣснѣйшей связи съ личнымъ составомъ государственнаго союза.

Аристотель опредѣляетъ государство какъ „общеніе свободныхъ людей“ (ἡ δὲ πόλις κοινωμία τῶν ἐλευθέρων ἔστιν), откуда онъ выводитъ неперемѣнное требованіе, что правильно и справедливо организованное государство должно имѣть въ виду пользу всѣхъ участниковъ такого общенія (τὸ κοινῆ συμφέρον)³⁾. Польза эта можетъ выражаться просто въ гарантіи спокойной жизни, заманчивой по себѣ самой, въ болѣе же совершенной формѣ она проявляется въ удовлетвореніи стремленій отдѣльныхъ людей и объединенныхъ группъ ихъ создать

1) Arist. Politica, 6, 1271a 26—37, 7, 1272a 12—23.

2) „Эквизъ лучшаго государства, замѣчаетъ Вилламовицъ—Мёллендорфъ, написанъ цѣльно, понятно и гладко, частью превосходно и явно для опубликованія, но, конечно, совершенно незаконченъ“. Aristoteles und Athen, I, стр. 356.

3) Arist. Politica, III, 4, 1279a 17—21.

себѣ прекрасную жизнь (τοῦ ζῆν καλῶς)¹⁾. Подъ участниками государственнаго общенія въ собственномъ смыслѣ Аристотель понимаетъ только гражданъ, гражданами же онъ считаетъ лицъ, участвующихъ въ судѣ и управленіи (τῷ μετέχειν κρίσεως καὶ ὀρχῆς), подразумѣвая подъ этимъ и простое участіе въ народномъ собраніи²⁾. Совокупность такихъ лицъ, т.-е. гражданъ въ истинномъ смыслѣ слова, людей, участвующихъ въ совѣщательной и судебной власти (κοινωνεῖν ἀρχῆς βουλευτικῆς ἢ κριτικῆς), способную къ самодовлѣющему существованію (πλήθος ἰκανὸν πρὸς αὐτάρκειαν ζωῆς), Аристотель и называетъ государствомъ³⁾.

Терминъ „самодовлѣніе“ употребленъ здѣсь не случайно. Цѣлью хорошо устроеннаго государства должна быть полнота жизни, въ смыслѣ ея высшихъ благъ, жизнь, исполненная разума и красоты. Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ къ седьмой книгѣ „Политики“, посвященной спеціальной характеристикѣ идеальнаго государства, Аристотель горячо протестуетъ противъ отождествленія высшихъ цѣлей жизни съ погоней за наживой и иными внѣшними благами, напоминая читателю уже установленные ранѣе моральные принципы. Внѣшнія блага нужны для отдѣльныхъ людей и для государства, но въ стремленіи къ нимъ нужно быть умѣренными, не захватывать ихъ больше, чѣмъ нужно для высшихъ цѣлей, которымъ они служатъ только орудіемъ. „Внѣшнія блага имѣютъ предѣлъ, какъ нѣкоторое орудіе, а всякое орудіе полезно для чего-нибудь. Поэтому избытокъ такихъ благъ необходимо или принесетъ вредъ, или будетъ совершенно бесполезенъ имѣющимъ ихъ. Каждое же изъ духовныхъ благъ, поскольку оно оказывается въ избыткѣ, настолько же будетъ и болѣе полезнымъ, предполагая, что „такія блага бываютъ не только прекрасны, но и полезны“. Въ этомъ смыслѣ Аристотель и называетъ совершенное государство „блаженнымъ и развивающимъ прекрасную дѣятельность“ (πόλις εὐδαίμονα τὴν ἀρίστην εἶναι καὶ πρᾶττουσαν καλῶς)⁴⁾. Организациа совершеннаго государства открываетъ возможность его гражданамъ дѣйствовать наилучшимъ образомъ и благополучно существовать⁵⁾. Въ совершенномъ государствѣ и отдѣльная личность можетъ достигнуть наивысшаго, доступнаго человѣку, совершенства. Однако, вовсе нѣтъ надобности, чтобы совершенное государство слагалось исключительно изъ совершенныхъ людей. Государство можетъ быть совершенно, если составляющіе его элементы, будучи неодинаковыми съ точки зрѣнія общечеловѣческаго идеала,

1) Тамъ же, III, 3, 1278 b 15—30.

2) Тамъ же, III, 1, 1275a 23—34.

3) Arist. Politica, III, 1, 1275b 18—21.

4) Arist. Politica, VII, 1.

5) Тамъ же, VII, 2, 1324a 23—25.

будутъ совершенными гражданами въ кругу соответствующихъ имъ обязанностей. Подобно тому какъ моряки на кораблѣ при разнообразіи выполняемыхъ ими функций имѣютъ общую для нихъ единую цѣль—благополучное плаваніе, точно также и граждане государства, при всѣхъ ихъ отличіяхъ другъ отъ друга, имѣютъ общую цѣль—крѣпость ихъ общенія, т.-е. ихъ государственнаго союза (ἡ σωτηρία τῆς κοινωνίας ἔργον ἐστὶ, κοινωνία δ' ἐστὶν ἡ πολιτεία). Но крѣпость государственнаго союза зиждется именно на томъ, чтобы каждый гражданинъ хорошо выполнялъ дѣло, къ которому онъ способенъ. Если одни способны больше повелѣвать, чѣмъ подчиняться, имъ лучше повелѣвать, кто больше способенъ къ подчиненію, тѣмъ лучше повиноваться. Необходимо, однако, и для людей властвующихъ умѣть не только повелѣвать, но и подчиняться. „Добродѣтель гражданина, повидимому, заключается въ способности прекрасно повелѣвать и подчиняться“¹⁾. Этимъ власть государственная отличается отъ власти господской. Господину не надо умѣть выполнять работы, производимыя рабами, это было бы даже недостойно его, какъ свободного человѣка. Когда же человѣкъ властвуетъ не надъ рабами, а равными себѣ свободными людьми, ему необходимо пройти извѣстный служебный стажъ въ низшихъ должностяхъ, надо поучиться не только власти, но и подчиненію. Но, конечно, люди, способные пройти всѣ необходимыя ступени, чтобы достигнуть власти, встрѣчаются не часто, и такимъ образомъ добродѣтель правящихъ гражданъ оказывается несходной съ добродѣтелью управляемыхъ. Правитель долженъ быть одаренъ высшимъ разумомъ—это добродѣтель, отличающая его отъ остальныхъ гражданъ (ἡ δὲ φρόνησις ἄρχοντος ἴδιος ἀρετὴ μόνη). Во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ правящіе и управляемые граждане сходны. Интеллектуальною же добродѣтелью подчиненныхъ гражданъ представляется не φρόνησις, а способность къ простому правильному сужденію (δόξα ἀληθείας)²⁾.

Во всякомъ случаѣ власть надъ свободными людьми не должна вырождаться въ деспотическую, „господскую“ власть. Объектомъ господской власти должны служить только люди, по природѣ предназначенные къ рабству. Поэтому не слѣдуетъ ставить цѣлью государства завоевательную политику по отношенію къ народамъ, могущимъ оставаться свободными. Аристотелю рисуется идеаль всемірнаго свободного общенія, конечно, только въ узкихъ рамкахъ племенныхъ группъ, „по природѣ“ способныхъ быть свободными. Совершеннымъ законодателемъ былъ бы такой, который ставилъ бы своей задачей обезпечить

1) καὶ πολίτου δοκεῖ που ἡ ἀρετὴ εἶναι τὸ δύνασθαι καὶ ἄρχειν καὶ ἄρχεσθαι καλῶς. Arist. Politica, III, 2, 1277a 26—27.

2) Arist. Politica, III, 2, passim.

свободнымъ людямъ въ государствѣ и во всякомъ иномъ общеніи и для всего (необходимо подразумѣвать: истинно) человѣческаго рода благою жизнь и доступное для нихъ блаженство¹⁾.

Самодовлѣніе, какъ высшая цѣль государства, естественно опредѣляетъ необходимые размѣры его населенія и территоріи. Населеніе не должно быть ни слишкомъ многочисленно, ни слишкомъ мало. Оно должно быть достаточнымъ для самодовлѣнія, въ смыслѣ благой жизни, въ рамкахъ политическаго союза (*πλήθος αὐταρκές πρὸς τὸ εὖ εἶναι ἐστὶ κατὰ τὴν πολιτικὴν κοινωνίαν*). Аристотель не указываетъ примѣрной цифры, но онъ явно идетъ здѣсь по слѣдамъ Платона, считая возможнымъ наладить нормальную государственную жизнь только при довольно интимномъ общеніи, гдѣ граждане хорошо знали бы другъ друга, т.-е. при сравнительно небольшомъ числѣ ихъ²⁾. Естественно, что для такого небольшого населенія не понадобилась бы очень обширная территорія. Она должна быть, однако, достаточна для обезпеченія матеріальнаго самодовлѣнія, т.-е. должна доставлять все необходимое. На своей территоріи граждане должны имѣть все и ни въ чемъ не испытывать недостатка³⁾. Она должна быть удобно расположена для обороны, т.-е. трудно доступна для непріятельскаго вторженія и въ то же время должна имѣть удобные выходы для жителей и быть легко обозримой въ цѣляхъ ея защиты. Городъ долженъ помѣщаться на ней такъ, чтобы онъ былъ одинаково хорошо расположенъ какъ къ морю, такъ и къ материку. Онъ долженъ составлять центральный пунктъ государства, откуда было бы легко посылать помощь во всѣ концы. Къ нему долженъ быть и удобный подвозъ всѣхъ необходимыхъ продуктовъ и матеріаловъ. Близость къ морю представляетъ удобства и въ смыслѣ военной обороны и въ смыслѣ снабженія всѣмъ необходимымъ (*καὶ πρὸς ἀσφάλειαν καὶ πρὸς εὐτορίαν τῶν ἀναγκαίων*). Аристотель считаетъ вполне естественнымъ, что государство должно организовать отпущку избытковъ за-границу и импортъ недостающихъ товаровъ, лишь бы такая торговля не вырождалась въ безпредѣльную погоню за наживой, а имѣла бы въ виду существенныя цѣли самого государства. Отсюда необходимость въ содержаніи достаточнаго флота (и обезпеченія его необходимымъ личнымъ составомъ) опять-таки въ предѣлахъ, соответствующихъ истинной цѣли государства⁴⁾.

1) τὸ δὲ νομοθέτου τοῦ ἀποδείξει ἐστὶ τὸ θεάσασθαι πόλιν καὶ γένος ἀνθρώπων καὶ πᾶσαν ἄλληλην κοινωνίαν, ζωῆς ἀγαθῆς πῶς μετέσονται καὶ τῆς ἐνδεχομένης αὐτοῖς εὐδαιμονίας. Arist. Politica, VII, 2. 1325a 7—10.

2) Arist. Politica, VII, 4.

3) Тамъ же, 5, 1326b26 и слѣд. Аристотель допускаетъ, однако, возможность и даже необходимость обмѣна избытками съ чужими странами. См. ниже.

4) Arist. Politica, VII, 5.

Граждане совершеннаго государства и у Аристотеля могутъ быть избраны только изъ среды эллиновъ. Варварскіе народы не обладаютъ совокупностью добродѣтелей, необходимыхъ для нормальной государственной жизни. Сѣверные народы мужественны, но имъ недостаетъ интеллектуальныхъ качествъ, азіатскіе народы—имѣютъ достаточныя интеллектуальныя дарованія, но имъ не хватаетъ мужественности. Тогда какъ эллинская раса, находящаяся какъ бы посрединѣ между мѣстностями, занятыми сѣверными и азіатскими варварами, объединяетъ въ себѣ хорошія качества тѣхъ и другихъ. Въ ней имѣются достаточныя аффективныя и разумныя начала (καὶ γὰρ ἔνθεμον καὶ διανοητικὸν ἔστιν). Поэтому она всегда свободна, имѣетъ наилучшее государственное устройство и могла бы владычествовать надъ всѣми, если бы ей случилось объединиться въ единый государственный союз¹⁾.

Государство слагается изъ свободныхъ гражданъ. Это его основные элементы; но подобно другимъ сложнымъ соединеніямъ, оно нуждается еще въ нѣкоторыхъ элементахъ, не характерныхъ для его сущности, а тѣмъ не менѣе необходимыхъ. Инструментъ нуженъ мастеру, но онъ не имѣетъ ничего общаго съ его сущностью, служа ему только средствомъ для его работы. Равнымъ образомъ „государству нужно владѣніе матеріальными благами, но имущество не есть часть государства. Между тѣмъ въ составѣ имущества имѣется много одушевленныхъ существъ“. Эти существа не будутъ элементами государства, отвѣчающими его сущности, „ибо государство есть общеніе равныхъ, ради наилучшей возможной жизни (ἡ δὲ πόλις κοινωμία τίς ἐστι τῶν ὁμοίων, ἕνεκεν δὲ ζωῆς τῆς ἐνδεχομένης ἀρίστης)²⁾. Этими соображеніями Аристотель расчищаетъ путь къ организациі государства, въ которомъ имѣлась бы вся полнота функций сложнаго общественнаго цѣлаго, но исполненіе этихъ функций распредѣлялось бы не между одними членами государственнаго союза въ собственномъ смыслѣ, а между гражданами и несвободными. Аристотель перечисляетъ вкратцѣ необходимыя дѣла въ государствѣ, называя то самый родъ дѣятельности, то получаемый отъ нея результатъ: 1) пища, 2) ремесла, 3) оружіе (въ смыслѣ употребленія его), 4) запасъ хозяйственныхъ благъ для личныхъ и военныхъ нуждъ, 5) забота о религіозномъ культѣ и 6)—самое необходимое—рѣшеніе о полезномъ и справедливомъ въ отношеніяхъ гражданъ другъ къ другу. Такъ естественно намѣчаются и группы людей, выполняющихъ необходимыя функции въ государственной жизни: чтобы быть вполнѣ самодовлѣющимъ, государство должно имѣть группу земледѣльцевъ, доставляющихъ

1) Arist. Politica, VII, 7.

2) Тамъ же 1328a 33—37.

пищу, ремесленниковъ, войско, людей состоятельныхъ, жрецовъ и судей о томъ, что справедливо и полезно ¹⁾.

Эти функціи, съ точки зрѣнія высшей цѣли государственнаго общенія, Аристотель дѣлитъ на двѣ основныхъ категоріи: функціи, достойныя полноправныхъ гражданъ, и функціи, по существу составляющія удѣлъ людей несвободныхъ или зависимыхъ. Смѣшеніе этихъ функцій возможно и въ дѣйствительности часто наблюдается въ существующихъ государствахъ, но въ совершенномъ государствѣ оно недопустимо. Совершенное, наилучшее государство (ἡ ἀρίστη πολιτεία) должно быть и наиболѣе блаженнымъ, блаженства же нельзя имѣть внѣ необходимой добродѣтели, а потому граждане его не должны заниматься дѣлами, несогласными съ добродѣтелью. Граждане не должны вести жизнь ремесленниковъ или торговцевъ, ибо такая жизнь неблагородна и противорѣчитъ добродѣтели, не должны они заниматься и земледѣльческими работами, ибо имъ необходимъ досугъ для развитія добродѣтели и выполнения государственныхъ дѣлъ ²⁾. Гражданину приличествуютъ только военная служба, участіе въ совѣтѣ о полезномъ и въ судѣ о справедливомъ (καὶ τὸ πολεμικὸν καὶ τὸ βουλευτικὸν περὶ τῶν συμφερόντων καὶ κρίνον περὶ τῶν δίκαιων). Эти функціи Аристотель считаетъ желательнымъ не дифференцировать по обособленнымъ социальнымъ группамъ, а поручать всѣмъ гражданамъ, причемъ смолоду цѣлесобразнѣе посвящать себя военному дѣлу, а съ годами, съ ослабленіемъ физическихъ силъ и накопленіемъ жизненнаго опыта и мудрости переходить къ дѣламъ совѣта и суда ³⁾.

¹⁾ Arist. Politica, VII, 7.

²⁾ Въ этомъ требованіи сказалось какъ справедливо отмѣтилъ еще Целлеръ, „чисто-греческое презрѣніе къ физическому труду“. Ed. Zeller. Die Philosophie der Griechen. II Theil, 2-te Abth. 3-te Aufl. Leipzig 1879, стр. 739. Между тѣмъ и Аристотель довольно высоко цѣнилъ земледѣльческія занятія по сравненію съ другими видами хозяйственныхъ работъ. Въ „Экономикѣ“, произведеніи, впрочемъ, мало отражающемъ дѣйствительные взгляды Аристотеля (она неподлинна и частью содержитъ мысли болѣе поздняго времени, частью повторяетъ Ксенофонта), мы находимъ даже весьма теплую оцѣнку земледѣлія, въ частности и какъ занятія, укрѣпляющаго нравственныя силы. Земледѣліе объявляется здѣсь первымъ изъ видовъ приобрѣтенія, согласныхъ съ природой, и наиболѣе справедливымъ, ибо оно ничего не отнимаетъ у людей, ни по доброй волѣ ихъ, какъ торговля и наемничество, ни противъ ихъ воли, какъ военное дѣло. Кромѣ того земля также естественно надѣляетъ людей своими дарами, какъ матери естественно кормитъ дѣтей. Земледѣліе способствуетъ развитію мужества, ибо оно не дѣлаетъ тѣло негоднымъ, какъ ремесленныя занятія, а сообщаетъ способность долго выстоять подъ открытымъ небомъ, переносить труды и опасности въ борьбѣ съ врагами, ибо только у земледѣльцевъ имущество ихъ находится внѣ (городскихъ) укрѣпленій. Экономика, 1343а 25—1343б 6.

³⁾ Изъ среды гражданъ избираются и нѣкоторые лица для отправленія жреческихъ функцій, ибо нельзя же, замѣчаетъ Аристотель, поставить священнослужителемъ ни земледѣльца, ни ремесленника.

Не занимаясь хозяйственнымъ *трудомъ*, эти классы должны, однако, *владѣть имуществомъ*, ибо граждане должны пользоваться и матеріальнымъ благосостояніемъ. Людямъ труда, будутъ ли это ремесленники или какіе-либо другіе спеціально-хозяйственные работники гражданами быть нельзя. Граждане должны быть „деміургами добродѣтели“ и всякій родъ людей, который не ставитъ своимъ прямымъ дѣломъ добродѣтель¹⁾, тѣмъ самымъ исключается изъ круга гражданъ. Даже земледѣльческія работы должны выполняться или рабами, или варварами, допущенными къ поселенію (періэками)²⁾. Нѣсколько дальше Аристотель ближе поясняетъ свою мысль: лучше всего было бы поручать обработку земли рабамъ, подбирая ихъ изъ различныхъ національностей и не очень пылкаго нрава, чтобы они не сговаривались другъ съ другомъ и не затѣвали возмущеній. Рабы, работающіе на частныхъ земляхъ, должны считаться собственностью ихъ владѣльцевъ, на государственныхъ—собственностью государства. Тѣмъ и другимъ въ награду за хорошее выполненіе обязанностей слѣдуетъ обѣщать свободу по истеченіи опредѣленнаго срока службы. Что же касается поселенія періэковъ, то Аристотель рекомендуетъ эту мѣру на второмъ мѣстѣ, т.-е. повидимому, при недостаткѣ необходимаго количества рабовъ, причемъ онъ совѣтуетъ брать ихъ изъ элементовъ, по характеру близкихъ къ рабамъ³⁾.

Такъ опредѣляется личный составъ совершеннаго государства: хотя земледѣльцы, ремесленники и вообще всякаго рода хозяйственные работники необходимы для государства, собственно частями государства оказываются военный и совѣщательный элементы (тѣ те

1) οὐδὲν γένος ἔ μὴ τῆς ἀρετῆς δεμιουργόν ἐστιν. Arist. Politica, VII, 8. 1329a 20—21.

2) Arist. Politica, VII, 8, 1329a 24—26.

3) Тамъ же, 9, 1330a 25—33. И въ „Экономикѣ“ первымъ дѣломъ хорошаго хозяина признается подыскиваніе искусныхъ рабовъ, какъ наиболѣе важной, основной части домашняго имущества. „Первое, самое необходимое, самое лучшее и самое важное для дома имущество—это человекъ“. Рабовъ прежде всего надо хорошо кормить. На свободнаго человека можно вліять честью, на раба—кормомъ. Тогда можно заставить его и работать какъ слѣдуетъ. Необходимо прибѣгать и къ наказанію, но кормить какъ слѣдуетъ всегда нужно. Нельзя начальствовать надъ людьми, не получающими жалованья, жалованье же рабу—его кормъ (βούλη δὲ μισθὸς τροφή). Пища для работающаго такая же необходимая поддержка силъ, какъ лѣкарство для больного, съ той лишь разницей, что она принимается постоянно (ἡ τροφή οὐ φάρμακον διὰ τὸ συνεχές). Полезно назначать срокъ пребыванія въ рабствѣ. Ибо справедливо и выгодно поставить рабамъ наградой свободу. Вѣдь они охотно трудятся, когда у нихъ въ виду награда и конечный срокъ (βούλονται γὰρ ποιεῖν, ἔταν ἢ ἄθλον καὶ ὁ χρόνος ὄρισμένος). Экономика, I, 5, 1344a 23—1344b 17. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ гуманное отношеніе Аристотеля къ своимъ собственнымъ рабамъ. Въ оставленномъ имъ завѣщаніи Аристотель распорядился, чтобы никто изъ рабовъ, лично ему служившихъ, не былъ проданъ, нѣсколько были отпущены на свободу и даже снабжены средствами. Zeller, II, 2, стр. 41.

ὄπλιτικὸν καὶ βουλευτικόν) ¹⁾. Они же являются и землевладельцами, на правах частной собственности, но въ видахъ укрѣпленія между ними дружественныхъ чувствъ и воздержности въ ѣдѣ они обязаны сходиться для совмѣстныхъ обѣдовъ, устраиваемыхъ не на ихъ собственные взносы, а за счетъ доходовъ съ государственныхъ земель. На государственный же счетъ относятся и расходы по религиозному культу. Поэтому вся сельскохозяйственная территория государства дѣлится на двѣ части: одна остается государственной, другая—распредѣляется, какъ частное владѣніе, между гражданами. Каждая изъ этихъ частей дѣлится въ свою очередь надвое: одна половина государственной земли назначается на служеніе богамъ, другая—должна покрывать расходы по устройству сисситій. Частновладельческая земля располагается въ половинной долѣ на границѣ государства и въ половинной же—въ центрѣ, примыкая къ городу, такъ чтобы каждый гражданинъ имѣлъ по надѣлу вблизи города и на окраинѣ государства ²⁾. Здѣсь, какъ и въ другихъ сторонахъ государственнаго устройства, Аристотель непосредственно повторяетъ предложенія (и мотивирующія ихъ соображенія) Платоновыхъ „Законовъ“. Итакъ, граждане должны быть достаточно матеріально обеспечены и ихъ содержаніе должно доставляться трудомъ подневольныхъ людей. Трудовая дѣятельность гражданъ выражается только въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ мирное же время они должны пользоваться досугомъ. И такъ какъ лучшія стороны своей души они могутъ развивать именно при досугѣ, то цѣлью государства должна служить по преимуществу мирная культурная жизнь, посвященная добродѣтели и дающая искуснымъ въ ней людямъ истинное блаженство. „Вся жизнь дѣлится на недосугъ и досугъ (εἰς ἀσχολίαν καὶ εἰς σκολήν), на войну и миръ, а выполняемая дѣла—на необходимыя и полезныя съ одной стороны и на прекрасныя съ другой“... При этомъ необходимо имѣть въ виду, что „войну слѣдуетъ вести ради мира, имѣть недосугъ ради досуга, дѣлать необходимое и полезное ради прекраснаго“. Такой порядокъ цѣлей долженъ устанавливаться и законодатель при устройствѣ государства: можно имѣть недосугъ и вести войну, но лучше пользоваться миромъ и досугомъ; слѣдуетъ дѣлать необходимое и полезное, но лучше—прекрасное. Въ этихъ видахъ надо устраивать и систему воспитанія гражданъ ³⁾. Здѣсь Аристотель опять высказывается противъ Лакедемонской системы воспитанія, имѣющей цѣлью исключительно военную подготовку. Такая система губительна для самого государства, ибо оно въ состояніи держаться, только пока оно ведетъ войны, когда

1) Arist. Politica, VII, 8, 1329a 34—39.

2) Arist. Politica, VII, 9.

3) Arist. Politica, VII, 13, 1333a 30—1333b 5.

же цѣль войны имъ достигнута и оно переходитъ къ мирной жизни, оно не выдерживаетъ выпавшаго на его долю досуга и гибнетъ. Поэтому законодатель больше всего долженъ стремиться научить гражданъ пользоваться досугомъ. Высшая цѣль у людей одинакова въ ихъ частной и общественной жизни; одинъ и тотъ же предѣлъ положенъ лучшему мужу и лучшему государственному устройству, а потому ясно, что въ государствѣ должны быть добродѣтели, имѣющія цѣлью досугъ. Аристотель оговаривается, что для этой конечной цѣли равно полезны и добродѣтели, прямая задача которыхъ—досугъ, и такія, цѣль которыхъ—недосугъ, ибо для того, чтобы пользоваться досугомъ, нужно обладать многими необходимыми предметами. Поэтому государство должно быть благоразумнымъ, храбрымъ и выносливымъ. Мужество и выносливость понадобятся ему во время недосуга, а размышленіе при досугѣ, благоразуміе же и справедливость въ обѣ поры, хотя въ большей степени въ мирное время. Война, по мнѣнію Аристотеля, содѣйствуетъ проявленію благоразумія и справедливости, досугъ же мирнаго времени при матеріальномъ довольствѣ наоборотъ способствуетъ развитію невоздержности и высокомерія. Люди, живущіе, по выраженію поэта, на островахъ блаженныхъ, имѣющіе достаточно досуга и изобильно обеспеченные матеріальными благами, особенно нуждаются въ философіи, благоразуміи и справедливости. Ясно, что всѣми этими добродѣтелями должно обладать и государство, желающее блаженной жизни и совершенства. Ибо позорно не умѣть пользоваться благами, и еще болѣе—не умѣть пользоваться ими во время досуга¹⁾.

Матеріальное довольство гражданъ совершеннаго государства Аристотель понимаетъ въ смыслѣ „средняго“ достатка, т. е. обезпеченія, открывающаго возможность благой жизни въ духѣ добродѣтели. Въ существующихъ формахъ государственнаго устройства правильное выполненіе государственныхъ функцій затрудняется рѣзкимъ дѣленіемъ общества на двѣ крайнія группы: бѣдныхъ и богатыхъ; по преобладающему вліянію на государственную жизнь той или иной группы и складываются двѣ уклоняющіяся отъ правильной формы государственнаго устройства—олигархія и демократія. Правильная же форма государства—„политія“ представляется нѣкоторымъ „смѣшеніемъ“ состоятельныхъ людей и малоимущихъ“, объединяющимъ въ себѣ лучшіе элементы олигархіи и демократіи²⁾. Въ ней нѣтъ двухъ губительныхъ крайностей: чрезмѣрнаго богатства и нищеты. Какъ лучшая жизнь индивидуума есть „средняя“ жизнь, то-есть жизнь, основанная на добродѣтели, умѣнны находятъ во всемъ надлежа-

¹⁾ Arist. Politica, VII, 13.

²⁾ Arist. Politica, IV, 6, 1294a 22—23.

щую „середину“, такъ и въ матеріальномъ отношеніи средней достатокъ гражданъ всего лучше. Аристотель и здѣсь повторяетъ Платона: чрезмѣрное богатство и крайняя бѣдность препятствуютъ личности слѣдовать доводамъ разума. Богачи „становятся наглцами и крупными мерзавцами“, бѣдняки—„злодѣями и мелкими мерзавцами“. Богачи, будучи избалованы съ дѣтства, не привыкли и не желаютъ подчиняться; бѣдняки, будучи постоянно въ крайности, чувствуютъ себя униженными и потому „не умѣютъ властвовать, подчиняться же умѣютъ только деспотической власти, богачи же неспособны подчиняться никакой власти, властвовать же умѣютъ только деспотической властью“. Такимъ образомъ государство, составленное изъ богачей и бѣдняковъ, становится „государствомъ не свободныхъ людей, а рабовъ и господъ, гдѣ одни завидуютъ, а другіе — презираютъ“ ¹). Государство должно стремиться болѣе всего къ тому, чтобы оно слагалось изъ людей одинаковыхъ и равныхъ (ἐξ ἴσων... καὶ ὁμοίων), а такими болѣе всего и являются „средніе“ граждане. Они не стремятся захватить чужого имущества и другіе не будутъ посягать на ихъ собственность, и такимъ образомъ все государство будетъ имѣть наибольшее спокойствіе и безопасность. Аристотелю рисуется типичный для эллинскаго представленія идеаль „дворянской демократіи“, общенія людей, равныхъ другъ другу по благородству и приличной внѣшней обстановкѣ жизни, владѣющихъ землей и рабами въ количествѣ, достаточномъ для жизни человѣка, знающаго себѣ цѣну, воспитаннаго и культурнаго, пользующагося вѣсомъ и вліяніемъ въ общественной жизни. Это вовсе не „средній классъ“ въ современномъ значеніи слова, а именно верхній слой общества, возвышающійся надъ его фундаментомъ, составленнымъ изъ рабовъ и безправныхъ чужеземцевъ ²). Совершенное государство Аристотеля также аристократично, какъ и проекты Платона, и очень близко къ спартанскому строю. Аристотель очень озабоченъ тѣмъ, чтобы люди верхняго слоя не перемѣшались съ низшими, чтобы они не запятнали себя неподходящей ихъ высокому призванію черной будничной работой изъ-за хлѣба насущнаго. Тамъ, гдѣ граждане унижаются до ремесленнаго труда,

¹) Arist. Politica, IV, 9.

²) Какъ мало склонны даже выдающіеся историки экономическихъ идей вдумываться въ сущность возрѣній древнихъ, показываетъ хотя бы примѣръ Авг. Онкева, называющаго Аристотеля „пророкомъ того возрѣнія, которое въ настоящее время написало на своемъ знамени лозунгъ: политика средняго сословія“, и считающаго „принципъ средняго сословія“ „цутеводной звѣздой его социальнаго ученія“. Geschichte der Nationalökonomie, Leipzig 1902, стр. 38 и 41. Найти принципъ средняго сословія у мыслителя, признающаго только одинъ классъ участникомъ государственнаго общенія, можно лишь при крайне поверхностномъ отношеніи къ сущности развѣиваемаго имъ ученія и легкомысленномъ сближеніи терминовъ по ихъ внѣшнему сходству, а не дѣйствительному содержанию обозначаемыхъ ими понятій.

общественный порядокъ устроенъ ненормально, ибо онъ низводитъ свободныхъ людей на положеніе рабовъ. Уже въ вступительныхъ соображеніяхъ къ „Политикѣ“ Аристотель указываетъ, что свободный ремесленникъ, не будучи рабомъ по природѣ, именно въ силу своего занятія оказывается чѣмъ-то вродѣ раба ¹⁾. При опредѣленіи понятія гражданина Аристотель опять напоминаетъ, что ремесленникъ не можетъ обладать добродѣтелью, необходимой для истиннаго гражданина, и что при правильномъ устройствѣ государства ему нѣтъ мѣста въ кругу гражданъ. Гражданской добродѣтелью могутъ обладать лишь тѣ, кто избавленъ отъ необходимыхъ (т.-е. хозяйственныхъ) работъ. Исполненіе такихъ работъ налагаетъ одинаковую печать на трудящихся, и разница между рабами и свободными работниками лишь въ томъ, что „рабы работаютъ на одного, а ремесленники и наемные рабочіе— на все общество (οἱ δὲ κοινῆ βίαν οὐκοῦν καὶ θῆτες)... Невозможно выполнять дѣла добродѣтели человѣку, живущему жизнью ремесленника или наемнаго работника“ ²⁾.

1) ὁ γὰρ βίαν οὐκοῦν τεχνίτης ἀφορισμένην τινὰ ἔχει δουλείαν. Arist. Politica, I, 5, 1260a 41—42.

2) Arist. Politica, III, 3, 1278a 8—21. Казалось бы, трудно выразить яснѣе преритительное отношеніе къ простому хозяйственному труду, чѣмъ это сдѣлано Аристотелемъ въ только что приведенномъ и многочисленномъ рядѣ другихъ мѣстъ „Политики“. И тѣмъ не менѣе Пѣльманъ находитъ возможнымъ, на основаніи одного мѣста „Риторики“, приписать Аристотелю взглядъ на трудъ, сходный съ современными социалистическими убѣжденіями. Въ цитируемомъ имъ мѣстѣ говорится, что людьми справедливыми считаютъ между прочимъ живущихъ не за счетъ другихъ (τοὺς μὴ ἀφ' ἑτέρων ζῶντας) съ поясненіемъ, что такіе люди имѣютъ свое собственное дѣло, а среди нихъ занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ, а изъ другихъ больше всего работающихъ собственными руками (ταῦτοιοι δ' οἱ ἀπὸ τοῦ ἐργάζεσθαι, καὶ τούτων οἱ ἀπὸ γεωργίας καὶ τῶν ἄλλων οἱ αὐτοεργοὶ μάλιστα). (Ars Rhetorica, В. 4, 1381a 22—24). Пѣльманъ толкуетъ это мѣсто въ смыслѣ протеста противъ эксплуатаціи труда, сближая его съ отмѣченнымъ выше, при характеристикѣ взглядовъ Ксенофонта, заявленіемъ Аристарховыхъ родственницъ. Взглядъ, съ сочувствіемъ передаваемый Аристотелемъ въ цитируемомъ отрывкѣ, „очевидно... мотивировался тѣмъ, что, именно занимаясь этого рода трудомъ (NB. т.-е. трудомъ своихъ рукъ), человѣкъ всецѣло „самъ себя“ содержитъ, а не живетъ благодаря другимъ, т.-е. эксплуатируя чужой трудъ, за счетъ чужихъ жизней“. Въ примѣчаніи Пѣльманъ прибавляетъ: „Непостижимо, что до сихъ поръ наука совершенно игнорировала это въ высшей степени важное мѣсто, которое, конечно, несомнѣнимо съ традиціонными взглядами на древнегреческую трудовую жизнь“. Пѣльманъ, указ. соч., стр. 403 и 681. Если даже считать это мѣсто правильнымъ выраженіемъ собственного мнѣнія Аристотеля о непосредственномъ хозяйственномъ трудѣ въ періодъ написанія Риторики, едва ли можно поколебать имъ совершенно опредѣленные и мотивированныя противорѣчающія ему мѣста „Политики“. Осталось бы просто признать противорѣчіе, достаточно, однако, ликвидированное къ времени составленія „Этики“ и „Политики“, гдѣ мнѣніе Аристотеля безъ всякихъ колебаній выражено въ смыслѣ неодобренія труда „своими руками“. Но, быть можетъ, Аристотель имѣлъ здѣсь въ виду подчеркнуть хозяйственную самостоятельность лица, жизнь на свои, а не на чужія средства, полученіе самостоятельнаго дохода, перечисляя затѣмъ возможные формы добыванія такого дохода, считаемыя обычно справедливыми.

Такое дѣленіе государства на гражданъ и людей, занятыхъ хозяйственной дѣятельностью, Аристотель считаетъ необходимымъ признакомъ благоустроеннаго государства при всѣхъ, даже самыхъ примитивныхъ условіяхъ его существованія. Поэтому онъ довольно рѣзко полемизируетъ съ Платономъ, предположившимъ въ первоначальномъ наброскѣ государственной организаціи въ „Политиі“ возможность законченнаго существованія государства при одномъ хозяйственномъ раздѣленіи труда. Аристотель упрекаетъ Платона въ забвеніи истинной цѣли государства, ибо онъ изобразилъ „первоначальное“ государство такъ, какъ будто оно существуетъ только ради необходимыхъ потребностей, а не ради прекраснаго. Вѣдь если въ государствѣ, какъ въ живомъ организмѣ, различать душу и тѣло, то его душой и будетъ часть, выполняющая не хозяйственныя, а военныя, судебныя и совѣщательныя функціи ¹⁾. Едва ли Аристотель правъ въ этихъ нападкахъ. Платонъ предполагалъ возможнымъ государство, ограничивающее свою дѣятельность только хозяйственными функціями, лишь въ патриархальныхъ условіяхъ существованія, не угрожаемаго извнѣ и не нарушаемаго раздорами внутри благодаря простодушію и добросердечію жителей. У Платона это только одна изъ элементарныхъ гипотезъ государственной жизни, приближаясь же къ условіямъ дѣйствительнаго существованія государства, онъ не менѣе Аристотеля выдвигаетъ значеніе военныхъ, судебныхъ и политическихъ функцій.

Какъ бы то ни было, для построенія Аристотеля характерно именно двучленное дѣленіе государства. Такъ какъ хозяйственныя функціи имѣютъ въ его глазахъ второстепенное значеніе, а гражданскія—составляютъ удѣлъ всего верхняго слоя, то Аристотель, по сравненію съ Платономъ, меньше интересуется дальнѣйшимъ дробленіемъ группъ въ системѣ общественнаго раздѣленія труда. Иногда онъ перечисляетъ одни виды занятій, иногда другіе, но въ концѣ концовъ и онъ, подобно Платону, представляетъ себѣ хозяйственный составъ нормальнаго государства въ видѣ системы землевладѣльческихъ ойкосовъ, дополненной раздѣленными на рядъ специализированныхъ отраслей ремесленными и торговыми занятіями. Отсюда мѣновыя отношенія внутри государственнаго союза предполагаютъ совокупность самостоятельныхъ, хозяйственно-автономныхъ единицъ, причѣмъ ойкосы представлены ихъ главами, владѣльцами семейнаго имущества, выступающими на рынкѣ (когда имъ нужно) именно какъ собственники, а не какъ работники.

Болѣе полный перечень хозяйственныхъ занятій Аристотель даетъ въ четвертой книгѣ „Политики“. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ здѣсь „массу людей, занятыхъ добываніемъ пищи, или такъ называемыхъ

¹⁾ Arist. Politica, IV, 3, 1291a.

земледѣльцевъ“, ¹⁾ на второмъ—ремесленниковъ, разграничивая среди нихъ изготовляющихъ предметы необходимости, роскоши и украшенія жизни, на третьемъ—торговцевъ, различая въ торговыхъ занятіяхъ куплю и продажу въ формѣ внѣшней (оптовой) и внутренней (розничной) торговли, и наконецъ на четвертомъ—наемный трудъ (τὸ θητικόν). Дальше слѣдуютъ (нехозяйственные) занятія полноправныхъ гражданъ²⁾. Въ слѣдующей главѣ той же книги, возвращаясь опять къ вопросу о дѣленіи неблагородныхъ занятій, Аристотель присоединяетъ къ только что указаннымъ еще классъ моряковъ, разграничивая среди нихъ служащихъ на военныхъ судахъ, на купеческихъ, перевозчиковъ и рыбаковъ ³⁾. Необходимость раздѣленія труда, и притомъ не только обще-

¹⁾ И Аристотель (какъ было уже показано) ставилъ сельское хозяйство выше другихъ видовъ хозяйственной дѣятельности. Для лучшей формы демократіи онъ считалъ прекраснымъ матеріаломъ земледѣльческое населеніе. Во многихъ отношеніяхъ близко къ земледѣлію и скотоводство; оно также сообщаетъ занимающимся имъ хорошую физическую подготовку къ военной службѣ. Однако, земледѣліе и вообще сельскохозяйственные занятія не представлялись Аристотелю очень полезнымъ дѣломъ, съ точки зрѣнія высшихъ задачъ человѣческой жизни. Поскольку земледѣліе требуетъ отъ занимающагося имъ упорнаго и поглощающаго душевныя силы труда. Аристотель считаетъ его тормазомъ развитію гражданскихъ добродѣтелей. Земледѣльцы готовы, по мнѣнію Аристотеля, не только уклоняться отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ ради своего занятія, доставляющаго имъ матеріальныя выгоды, но и терпѣть самыя несправедливыя формы правленія, лишь бы имъ не мѣшали заниматься своимъ дѣломъ и не отнимали бы ихъ достоинства. Arist. Politica, VI, 2. Вилламовицъ-Мѣллендорфъ полагаетъ, что низкая оцѣнка земледѣлія у Аристотеля объясняется высококомѣрнымъ отношеніемъ культурнаго горожанина къ крестьянину, какая замѣчается напр. въ современномъ доктринерскомъ либерализмѣ. Кромѣ того Вилламовицъ не находитъ у Аристотеля поэтическаго чувства природы, какъ у Платона, или наивнаго, какъ у Ксенофонта. Aristoteles und Athen, I, стр. 357. Но въдѣ и Платонъ устранялъ отъ занятія земледѣліемъ стражей идеальнаго государства, а въ „Законахъ“ оставлялъ для гражданъ только высшее наблюденіе за ходомъ дѣлъ въ землевладѣльческомъ ойкосѣ. Аристотель былъ вынужденъ, разсуждая послѣдовательно, признать, независимо отъ симпатій или антипатій къ той или иной формѣ хозяйственной дѣятельности, исполнительныя земледѣльческія работы дѣломъ, препятствующимъ гражданину достигать въ надлежащей полнотѣ высшихъ цѣлей жизни. Съ этой точки зрѣнія городскія хозяйственныя занятія (ремесла, торговля) представлялись ему еще болѣе вредными.

²⁾ Arist. Politica IV, 3, 1290b 38—1291a 6.

³⁾ Тамъ же, IV, 4, 1291 18—22. Наиболѣе твердымъ принципомъ классификаціи хозяйственныхъ занятій у Аристотеля остается отмѣченное выше ученіе объ ихъ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи природѣ, сообразно съ которымъ всѣ виды хозяйственной дѣятельности распадается на два крайнихъ типа: κτητικὴ κατὰ φύσιν (ὀλιγομερικὴ) на одной сторонѣ и χρηματιστικὴ на другой и промежуточную между ними форму „необходимаго обмѣна“ (ἢ ἀνταγία ἀλλαγῆς). Попытки исчерпывающимъ образомъ заполнить эти основныя рубрики встрѣчающимися у Аристотеля указаніями на конкретныя формы хозяйственныхъ занятій имѣютъ мало значенія для характеристики его экономической системы. См. синоптическія таблицы различныхъ подраздѣленій κτητικὴ Jowett'a и Ashley (последняя представляется намъ болѣе удачной, потому что въ ней послѣ-

ственного, но и технического, принимается Аристотелемъ какъ нѣчто, не требующее особыхъ доказательствъ, и онъ говоритъ о немъ мимоходомъ, при случаѣ, какъ о чемъ-то уже установленномъ и не возбуждающемъ сомнѣній и споровъ. Даже творчество природы имѣеть, по Аристотелю, задачей спеціализацію функцій. „Природа не дѣлаетъ ничего такъ скудно, какъ кузнецы, изготовляющіе Дельфійскій ножъ (NB имѣвшій разныя назначенія), но одно для одного: ибо всякое орудіе всего лучше выполнить свое назначеніе, служа не многимъ цѣлямъ, а одной“. ¹⁾ Критикуя государственный строй Карфагена, Аристотель отмѣчаетъ съ неодобреніемъ, что тамъ одному лицу предоставлено занимать одновременно нѣсколько должностей, высказывая по этому поводу общую сентенцію: „вѣдь одно дѣло лучше всего выполняется однимъ. Законодатель долженъ имѣть это въ виду и не допускать, чтобы одинъ и тотъ же игралъ на флейтѣ и шилъ обувь“ ²⁾.

Дѣленіе хозяйственныхъ профессій покрывается, однако, въ глазахъ Аристотеля ихъ общимъ значеніемъ служебныхъ функцій въ государствѣ. Съ точки зрѣнія высшей цѣли, ради которой существуетъ государственный союзъ, его членами представляются только граждане. Ремесленники-руководители сложныхъ работъ допускаются, скрѣпя сердце, къ хозяйственному общенію съ настоящими гражданами, образуя особую сѣть отношеній внѣ чисто-государственной жизни ³⁾. Что же касается подчиненнаго, непосредственнаго, простаго хозяйственнаго труда, то ему нѣтъ мѣста даже въ этой, сравнительно низшей сѣти отношеній. Типичный представитель такого труда—рабъ есть только вещь, орудіе производства, точнѣе—средство полученія цѣнностей, и къ нему приравниваются свободные наемные рабочіе въ ремесленныхъ производствахъ. А такъ какъ Аристотель склоненъ былъ разсматривать всю хозяйственную дѣятельность по преимуществу какъ приобрѣтеніе или завладѣніе (κτητικὴ) и пользованіе, то взглядъ на трудъ какъ на источникъ пользованія, аналогичный условіямъ внѣшней природы, „бездушной собственности“, давалъ возможность при-

---

довательнѣе выдержанъ основной принципъ дѣленія). В. Jowett. The Politics of Aristotle, II, I, стр. 35. W. J. Ashley. Aristotle's doctrine of barter. Quarterly Journal of Economics, 1895.

¹⁾ Arist. Politica, I, 1, 1252b—5.

²⁾ Тамъ же, II, 8, 1273b 9—12.

³⁾ „Государство, какъ оно есть, остается для него, говоря коротко, *κοινόν, ἕρασος*. Его члены сошлись вмѣстѣ, чтобы найти себѣ благополучную жизнь (das gedeihliche Leben); женщины и дѣти и рабы и зависимые существуютъ только ради членовъ и съ ними обрабаются, какъ этого требуетъ цѣль товарищескаго союза (гражданъ)“. Wilamowitz-Moellendorf, указ. соч., I, стр. 367. Виламовицъ видитъ въ такомъ представленіи какъ бы сколокъ въ товарищеской жизни въ Академіи и Лицеѣ. Проще было бы объяснить взглядъ Аристотеля обобщеніемъ исконныхъ чертъ уклада древнегреческой государственности.

нять при анализѣ мѣновъхъ отношеній между самостоятельными хозяйственными единицами весьма упрощенную схему, совершенно отвлекаясь отъ труда, какъ особеннаго элемента производства.

Опредѣленіемъ рабства какъ явленія, „согласнаго съ природой“, Аристотель логически заканчиваетъ идеальный или нормальный типъ общественной организаціи. Въ немъ все—и вершина, и фундаментъ—оказывается „сообразнымъ природѣ“, все имѣетъ свою, изначала установленную цѣль, стремленіе къ которой составляетъ смыслъ существованія самого государства. А такъ какъ у Аристотеля идеальнo-желательный и идеальнo-логическій типы государства сливаются во-едино, то и при изученіи дѣйствительныхъ социальныхъ отношеній онъ обычно исходитъ изъ понятія государственнаго устройства, основаннаго въ хозяйственномъ отношеніи на рабскомъ трудѣ. Рабы и рабскій трудъ не суть элементы государственной жизни, граждане обезпечиваютъ ими свое существованіе, получая съ ихъ помощью полезныя матеріальныя блага, самый же хозяйственный трудъ, какъ трата человѣческой энергіи, ихъ не занимаетъ. Поэтому при оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ имъ легко отвлечься отъ трудовыхъ процессовъ, какими созданы эти блага, и цѣнить ихъ только по ихъ назначенію, т.е. по ихъ полезности¹⁾. Аристотель дѣлаетъ здѣсь смѣлый теоретическій шагъ, сходный въ извѣстномъ отношеніи съ позднѣйшей попыткой Рикардо упростить при изслѣдованіи цѣнности условія производства, сводя капиталъ къ труду. Аристотель сводитъ всѣ условія оцѣнки хозяйственныхъ благъ къ одной полезности, усматривая въ трудѣ раба лишь нѣсколько замедленный процессъ появленія полезной вещи въ рукахъ его господина. Обладаніе полезнымъ предметомъ возможно путемъ прямого захвата. Но можно захватить на войнѣ не непосредственно самый предметъ по-

1) Рабовладѣльческій характеръ Аристотелевой теоретической экономіи ясно понимаетъ извѣстный *своими странностями, но остроумный и не лишенный проицательности экономистъ-любитель Эфферцъ. Возражая противъ новѣйшихъ попытокъ отождествленія рабочихъ съ средствами производства, Эфферцъ указываетъ, что такая теорія логически могла бы быть вполнѣ допустима, но лишь при условіи, чтобы ея авторы имѣли въ виду разрабатывать не экономику людей вообще, а только капиталистовъ, и въ лицѣ капиталистовъ изображали бы весь „народъ“, а ихъ хозяйство представляли бы какъ народное хозяйство, т.е. начинали бы человѣческую личность только съ капиталиста. „Античные философы прямо объявляли порой, что они желаютъ разсматривать этику и политику свободныхъ, т.е. не рабовъ. Это дѣлаетъ напр. Аристотель (здѣсь Эфферцъ ссылается на „Политику“, VII, 7, 1328a 33—37). Конечно, Аристотеля нельзя упрекать въ нелогичности, если онъ при этихъ дедукціяхъ овеществляетъ рабовъ. Онъ разрабатываетъ сознательно социологию свободныхъ, рабовладѣльцевъ, не рабовъ“. Эфферцъ не дѣлаетъ отсюда только заключенія, что такая рабовладѣльческая экономика необходимо должна была строиться на принципѣ полезности. O. Effertz. Arbeit und Boden. System der Politischen Oekonomie. Berlin 1897, стр. 105—108.

требленія, а живое орудіе его созданія. Дѣло отъ этого мало измѣнится и полученная такъ или иначе вещь пріобрѣтеть въ глазахъ ея владѣльца значеніе все же соотвѣтственно употребленію, какое онъ желаетъ и умѣетъ изъ нея сдѣлать, т.-е. по ея полезности. Исторія экономической мысли даетъ здѣсь любопытный случай вліянія односторонняго нравственнаго и соціальнаго міровоззрѣнія на успѣхъ постановки теоретическаго изслѣдованія. Для анализа природы хозяйственной цѣнности было чрезвычайно важно упростить задачу, взять на первый разъ одну характерную сторону. Когда много вѣковъ спустя вопросъ о полезности какъ факторъ хозяйственной цѣнности былъ снова выдвинутъ на первый планъ съ не меньшей остротою и односторонностью австрійской школой, изслѣдователю цѣнности приходилось насильственно отрывать изученіе отъ разсмотрѣнія условій трудового происхожденія хозяйственныхъ благъ, дѣлать рядъ оговорокъ, условныхъ допущеній, порой прямыхъ натяжекъ, чтобы спасти чистоту и логическую послѣдовательность основного разсужденія. Положеніе Аристотеля было гораздо счастливѣе. Оцѣнка хозяйственныхъ благъ по ихъ назначенію, а не происхожденію, по ихъ полезности подсказывалась ему естественнымъ ходомъ его размышленій о природѣ человѣческаго хозяйства, гармонически сливаясь со всѣмъ его міровоззрѣніемъ²⁾. Отсюда—такая простота и непринужденность въ переходѣ къ изслѣдованію основныхъ принциповъ рыночныхъ отношеній. Мѣновыя акты свободно укладываются въ представленіи Аристотеля въ общемъ ряду межчеловѣческихъ отношеній и оцѣнка хозяйственныхъ благъ включается имъ безъ колебаній въ послѣдовательно развертывающуюся цѣпь человѣческихъ оцѣнокъ.

---

²⁾ Этого никакъ не могли понять новѣйшіе комментаторы Аристотеля, ориентировавшіеся въ экономической теоріи по ученіямъ англійской классической школы, и потому они не улавливали внутренней связи въ отдѣльныхъ разсужденіяхъ Аристотеля по экономическимъ вопросамъ, видя въ нихъ разрозненные мысли, порой удачныя, порой совершенно нелѣпыя. Такъ напр. Вильг. Онкену кажется страннымъ, что Аристотель смотритъ на раба только какъ на предметъ пользованія и отказываетъ ему въ „способности къ созданію новыхъ цѣнностей“. Но вѣдь поскольку рабъ оказывалъ господину полезныя личныя услуги или доставлялъ ему своимъ трудомъ полезныя вещи, онъ и былъ для него, по Аристотелю, источникомъ новыхъ цѣнностей совершенно также, какъ всякіе другіе источники. Дѣло лишь въ томъ, что Аристотеля интересовали не столько источники появленія цѣнныхъ вещей, какъ самый запасъ ихъ по отношенію къ удовлетворенію потребностей членовъ государственнаго союза. Между тѣмъ Онкенъ считаетъ, что такое отношеніе къ человѣческому труду отнимало у экономическихъ разсужденій Аристотеля необходимый базисъ, и потому хотя ему и удавалось въ отдѣльности найти нѣкоторыя остроумныя мысли по экономическимъ вопросамъ, но „сколько-нибудь удовлетворительной законченности онъ не достигалъ и не могъ достигнуть“. И въ заключительной оцѣнкѣ хозяйственнаго ученія Аристотеля Онкенъ опять съ удареніемъ указываетъ на его противорѣчивость, отсутствіе внутренней гармоніи именно изъ-за невниманія къ труду какъ

Для обозначенія понятій цѣнности и цѣны Аристотель пользуется принятыми и до него терминами ἀξία и τιμή, употребляя ихъ одинаково какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ моральномъ смыслѣ. Такъ, въ Риторикѣ, развивая мысль, что высокоуміе оскорбительно, ибо въ немъ проявляется недостатокъ уваженія, низкая оцѣнка лица, Аристотель высказываетъ общее сужденіе: „вѣдь никакой цѣны не имѣетъ то, что не имѣетъ и никакой цѣнности“ (τὸ γὰρ μηδενὸς ἀξίον οὐδεμίαν ἔχει τιμήν) ¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ, касаясь той же темы, онъ отмѣчаетъ, что богатые люди становятся высокоумными и надменными, если они поддаются вліянію своего богатства, и имъ кажется тогда, что они имѣютъ уже всѣ блага, „ибо богатство является какъ бы цѣной достоинства (цѣнности) всего остального“ (ὁ γὰρ πλοῦτος οἷον τιμή τις τῆς ἀξίας τῶν ἄλλων) ²⁾. Наконецъ, въ Риторикѣ же, говоря о томъ, что имѣетъ для людей большую цѣнность, Аристотель сближаетъ получаемыя людьми почести съ оцѣнкой вообще: «равнымъ образомъ (цѣнится больше) то, что доставляетъ большія почести, ибо почестъ есть какъ бы цѣнность (καὶ ὡν αἱ τιμαὶ μείζους, ὡσαύτως: ἢ γὰρ τιμὴ ἀξία τις ἐστίν)» ³⁾.

Однако, употребляя термины τιμή и ἀξία одинаково для обозначенія какъ хозяйственной, такъ и моральной оцѣнки, Аристотель разграничивалъ эти оцѣнки при самомъ анализѣ хозяйственныхъ и моральныхъ явленій. Онъ горячо протестовалъ противъ перевода отношеній высшаго порядка на матеріальные счеты. Дружеская услуга, отеческая забота, помощь въ философскихъ размышленіяхъ „не мѣняются ни на какія хозяйственныя блага, ихъ цѣнности нѣтъ равной цѣны“ (οὐ γὰρ πρὸς χρήμαθ' ἡ ἀξία μετρεῖται, τιμητὶ ἰσορροπος οὐκ ἂν γένοιτο) ⁴⁾; тогда какъ при сравненіи хозяйственныхъ благъ у насъ имѣется очень простая мѣра—деньги. „Хозяйственными благами мы называемъ все, цѣнность чего измѣряется деньгами“ (χρήματα δὲ λέγομεν πάντα ὅσων ἡ ἀξία νομίσματι μετρεῖται) ⁵⁾.

Оцѣнка блага есть правильный выборъ, предпочтеніе большаго блага меньшему ⁶⁾. А такъ какъ въ системѣ Аристотеля хозяйствен-

---

фактору производственной дѣятельности. Невниманіе къ труду, конечно, дѣлало односторонней доктрину Аристотеля, но ее меньше всего можно упрекать въ недостатокъ цѣльности и логической послѣдовательности. См. Staatslehre des Aristoteles, II, стр. 79—80 и 113—113.

¹⁾ Риторика, II, 2, 1378b 31.

²⁾ Тамъ же, 16, 1391a 1.

³⁾ Риторика, I, 7, 1365a 8.

⁴⁾ Ник. этика, IX, I, 7.

⁵⁾ Тамъ же, IV, 1, 2. Ср. конецъ предыд. главы.

⁶⁾ Еще въ „Риторикѣ“ благо опредѣляется какъ то, что „предпочелъ кто-либо разумный или хорошій человекъ, мужчина или женщина“, и „вообще что составляетъ предметъ стремленій (ὅ τῶν φρονίμων τις ἢ τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν προέχρινεν... καὶ ὡς τ' προαιρέτῃ). Риторика, I, 6, 1363a 17—20.

ныя блага поставлены въ рядъ, образуемый всякаго рода благами по нисходящимъ ступенямъ отъ высшаго блага, то и способъ оцѣнки хозяйственныхъ благъ оказывается у него сходнымъ съ оцѣнками благъ иного порядка. И здѣсь оцѣнка коренится въ психической способности человѣка производить отборъ желаемого, предпочитать одно другому. Аристотель не развиваетъ подробно этой мысли въ примѣненіи къ хозяйственнымъ благамъ, но она лежитъ въ основѣ всего его ученія о жизненныхъ благахъ или цѣнностяхъ. Это—очень глубокая идея и ей суждено, повидимому, сыграть видную роль и въ разрѣшеніи современныхъ споровъ о природѣ хозяйственной цѣнности и методахъ ея изслѣдованія ¹⁾.

При оцѣнкѣ хозяйственныхъ благъ основаніемъ для предпочтенія представляется степень полезности предмета, ибо хозяйственныхъ благъ люди желаютъ какъ средствъ ради какой-либо цѣли и цѣнятъ ихъ въ мѣрѣ ихъ пригодности служить ея осуществленію. Эта оцѣнка, какъ всякій выборъ, имѣетъ субъективный характеръ, а потому и хозяйственная цѣнность зиждется всегда на субъективной основѣ. Въ „Риторикѣ“, исходя изъ понятія блага, какъ полезнаго средства для какой-либо цѣли, Аристотель включалъ въ перечень различныхъ признаковъ блага такіе, которые въ особенности характеризуютъ хозяйственное благо и основанія его оцѣнки: благо опредѣляется здѣсь, между прочимъ, какъ „то, къ чему все стремится“ (οὐ ἐφίεται πάντα) ²⁾ и „обладаніе чѣмъ доставляетъ чувство благосостоянія и полного удовлетворенія“ (οὐ παρόντος εἰς διάκειται καὶ αὐτάρκως ἔχει) ³⁾. Развивая аналитически эти положенія, Аристотель могъ бы провести полное отграниченіе хозяйственной оцѣнки отъ моральной, признавая предметы хозяйственно-цѣнными какъ въ случаѣ стремленія къ нимъ ради благой и самодовлѣющей жизни, такъ и тогда, если люди вообще желаютъ имѣть ихъ, признаютъ за ними значеніе съ точки зрѣнія удовлетворенія своихъ потребностей, хотя бы оно было сопряжено для нихъ съ физическимъ

¹⁾ Одинъ изъ тонкихъ теоретиковъ въ вопросѣ о цѣнности справедливо указываетъ, что понятіе оцѣнки какъ предпочтенія правильнѣе, чѣмъ математическое представленіе объ оцѣнкѣ, какъ измѣреніи непрерывныхъ величинъ. „Цѣнность не есть величина въ смыслѣ математики, и то, что нѣчто имѣетъ „высшую цѣнность“, чѣмъ что-нибудь другое, познается не путемъ аналитическихъ сужденій... Величина есть нѣчто, что обнаруживаетъ равныя части: коллективъ или непрерывное; „цѣнность“, достойное любви и предпочтенія—высшая цѣнность—суть ни непрерывныя, ни коллективы, а потому и не величины въ собственномъ смыслѣ... А цѣнно значить, что А есть, поскольку дѣло идетъ о немъ, условіе для правильной любви, предметомъ которой служить А; А болѣе цѣнно, чѣмъ В, значить—оно, поскольку дѣло идетъ о немъ, есть условіе *правильнаго предпочтенія* А—В“. O. Kraus. Zur Theorie des Wertes. Eine Bentham-Studie. Halle a. S. 1902, стр. 24—25.

²⁾ Буквальное воспроизведеніе мысли Платона.

³⁾ Ars Rhetorica, I, 6, 1362a 20 и 23—27.

или моральнымъ вредомъ. Порой онъ подходитъ очень близко къ такому разграниченію. Такъ, въ концѣ шестой главы первой книги „Риторики“ онъ опредѣляетъ благо какъ то, чего люди больше всего добиваются по своимъ склонностямъ, въ томъ числѣ имуществу для любящаго стяжаніе (καὶ μάλιστα ἕκαστοι πρὸς ἃ τοιοῦτοι, ὅσων... οἱ φιλοχρήματοι εἰ χρήματα), хотя самое стремленіе къ наживѣ представляется ему протівоестественнымъ и безправственнымъ. Однако, помѣщая впослѣдствіи ученіе о социально-экономическихъ отношеніяхъ въ общія системы „Этики“ и „Политики“, руководящей мыслью которыхъ была идея „высшаго блага“ какъ для индивидуума, такъ и для государства, Аристотель не могъ отдѣлаться отъ представленія о моральной оцѣнкѣ даже тогда, когда онъ пытался говорить о хозяйственныхъ отношеніяхъ какъ таковыхъ, и его теорія субъективной хозяйственной цѣнности осталась недодѣланной. Отсюда и его колебанія въ указаніи факторовъ оцѣнки хозяйственныхъ благъ: перечисляя ихъ въ отдѣльности, онъ беретъ иногда моменты, характерные именно для хозяйственной оцѣнки, но сейчасъ же переходитъ къ не-хозяйственнымъ соображеніямъ и часто переплетаетъ то и другое.

Во всякомъ случаѣ основой субъективной оцѣнки хозяйственныхъ благъ Аристотель съ неизмѣннымъ постоянствомъ считаетъ полезность ихъ. Обычно онъ не идетъ дальше такого общаго указанія; но тамъ, гдѣ онъ пытается глубже анализировать основанія оцѣнки, онъ заявляетъ совершенно опредѣленно, что полезность хозяйственныхъ благъ находится въ зависимости и отъ имѣющагося запаса ихъ отъ ихъ количества. Такъ, въ седьмой главѣ „Риторики“, посвященной вопросу о сравнительной цѣнности благъ вообще, Аристотель указываетъ, что болѣе рѣдкое, имѣющееся въ сравнительно ограниченномъ количествѣ благо (τὸ σπανιώτερον) цѣнится выше имѣющагося въ изобиліи (τοῦ ἀφθόνοῦ), напр. золото дороже желѣза, хотя оно и менѣе полезно (въ смыслѣ общей полезности—ἀχρηστότερος ὤν). Ибо, поясняетъ Аристотель, владѣніе имъ достается труднѣе, а значитъ и считается большимъ (μεῖζον γὰρ ἢ κτήσις διὰ τὸ χαλεπωτέραν εἶναι). Видимо, Аристотель желалъ бы провести здѣсь разграниченіе между тѣмъ, что въ современныхъ ученіяхъ предѣльной полезности обозначается какъ общая полезность извѣстной категоріи благъ и полезность конкретнаго ихъ количества, ибо непосредственно за указаніемъ на рѣдкость благъ, какъ основу ихъ цѣнности, онъ продолжаетъ: „Съ другой же точки зрѣнія (ἄλλον δὲ τρόπον) изобильное (цѣнится больше) рѣдкаго, такъ какъ его пользованіе (ἢ χρῆσις) преобладаетъ, ибо „часто“ (πολλάκις) преобладаетъ надъ „рѣдко“ (ὀλιγάκις), почему и говорится: „самое лучшее—вода“. Противопоставивъ началу разсужденія эту новую мысль, Аристотель опять возвращается къ нему, пытаясь дать обѣимъ мыслямъ болѣе общую формулировку: „вообще

болѣ трудно достающееся (цѣнится дороже) достающагося болѣ легко, ибо оно имѣется въ болѣ скудномъ количествѣ (καὶ ὁλιγὸς τὸ χαλεπώτερον τοῦ ῥέοντος· σπανιώτερον γάρ). Съ другой же точки зрѣнія болѣ легко достающееся цѣнится дороже достающагося труднѣе, ибо въ немъ есть то, чего мы желаемъ (ἔχει γὰρ ὡς βουλόμεθα)¹⁾. Противопоставленіе остается, однако, не выясненнымъ до конца, и обѣ мысли продолжаютъ быть разорванными, не сближенными логически, и мы напрасно стали бы искать болѣ точнаго выраженія ихъ и въ другихъ произведеніяхъ Аристотеля. Тѣмъ не менѣе мысль объ ограниченности запаса хозяйственныхъ благъ какъ фактора ихъ цѣнности была уже совершенно опредѣленно намѣчена, и какъ бы ни были отрывочны и незакончены заявленія Аристотеля на этотъ счетъ, они открывали путь дальнѣйшему изслѣдованію.

Полезность—въ смыслѣ ли болѣ общемъ, или въ связи съ рѣдкостью—достаточно полно объясняла установленіе цѣнности хозяйственныхъ благъ съ точки зрѣнія общаго міровоззрѣнія Аристотеля. Обращаться къ труду за объясненіемъ хозяйственной цѣнности ему было не нужно. Обыкновенно, говоря о цѣнности хозяйственныхъ благъ, онъ и не вспоминаетъ о трудѣ, но въ его сочиненіяхъ попадаются мѣста, гдѣ указаніе на трудъ содержится и которыя при желаніи можно истолковать и въ смыслѣ признанія Аристотелемъ труда какъ фактора хозяйственной цѣнности. Пожалуй наиболѣе опредѣленнымъ заявленіемъ въ такомъ смыслѣ представляется слѣдующее мѣсто „Риторики“: „(благомъ считается) то, ради чего было понесено много труда и издержекъ“ (οὐ ἕνεκα πολλὰ πεπόνηται ἢ δεδαπάνηται). Но присоединяемое къ этому положенію разъясненіе самого Аристотеля показываетъ, что онъ имѣлъ здѣсь въ виду не хозяйственный трудъ и не хозяйственные цѣли. Благо оказывается въ данномъ случаѣ, по разъясненію Аристотеля, въ великой цѣли, ради которой предпринимаются труды и выносятся тягости, пускаются въ ходъ вообще многія средства, и это то настойчивое стремленіе къ цѣли показываетъ, что она признается благомъ, достойнымъ пожертвованій (καὶ τέλος πολλῶν, τὸ δὲ τέλος ἀγαθόν). Въ видѣ иллюстраціи своей мысли Аристотель ссылается на два мѣста изъ Иліады, вкратцѣ обозначая каждое изъ нихъ однимъ стихомъ (Иліада, II, 160 и 298). Что же говорится въ этихъ мѣстахъ? Въ первомъ Гера убѣждаетъ Аѳѣну уговорить троянцевъ, готовыхъ возвратиться домой, не окончивъ начатаго предпріятія, продолжать войну, ради которой они понесли уже столько жертвъ:

1) Ars Rhetorica I, 7, 1364a 23—30.

„Или со срамомъ обратно въ любезную землю отчизны
Рать Аргивянь побѣжить по хребтамъ безпредѣльнаго моря?
Или на славу Пріаму, на радость гордымъ Троянамъ
Бросятъ Елену Аргивскую; ради которой подъ Троей
Столько Данаевъ погибло, далеко отъ родины милой?“

Во второмъ—то же самое говоритъ Одиссей:

„Царь Агамемнонь! тебѣ, скиptronоцу, готовятъ Ахейцы
Вѣчный позоръ...“

Слово исполнить тебѣ не радѣють,....

... . . . лишь Трою разрушивъ великую, вспять возвратиться..

Тягостна брань, и унылому радостно въ домъ возвратиться...

Намъ... девятый уже исполняется годъ круговратный,

Здѣсь пребывающимъ. Нѣтъ, не могу я роптать, что Ахейцы

Стѣнуютъ сердцемъ, томясь при судахъ. Но, Ахейскіе мужи,

Стыдъ намъ—и медлить такъ долго, и праздно въ дома

возвратиться!

Нѣтъ, потерпите, о други, помедлимъ еще¹⁾...

Труды и пожертвованія явно выступаютъ здѣсь въ видѣ не хозяйственныхъ затратъ, а военныхъ невзгодъ, предпринятыхъ даже безотносительно къ хозяйственнымъ послѣдствіямъ войны, ради восстановления нарушенной справедливости (изъ-за похищенія Елены). Въ такомъ же смыслѣ, наконецъ, употреблена и послѣдняя иллюстрація: „разбить кувшинъ у дверей“ (по пословицѣ), т. е. отказаться отъ достиженія цѣли, послѣ того какъ сдѣлано все, чтобы добиться ея²⁾.

Индивидуальная оцѣнка хозяйственного блага ясна. Отдѣльное лицо цѣнить имѣющуюся у него вещь въ мѣрѣ ея полезности. Но какъ устанавливается оцѣнка при встрѣчѣ двухъ лицъ въ мѣновомъ оборотѣ хозяйственныхъ благъ? Человѣкъ хочетъ имѣть то, въ чемъ онъ нуждается, и ради него отдаетъ свое. Кто же устанавливаетъ цѣнность предмета, спрашиваетъ Аристотель: дающій или получающій? Повидимому, отвѣчаетъ онъ, дающій предоставляет это получателю, какъ, говорятъ, дѣлалъ Протагоръ; онъ предоставлялъ своему ученику опредѣлить, во сколько тотъ цѣнить его трудъ. Дружеская услуга моральнаго характера не оцѣнивается матеріальными благами, но если она выражена именно въ матеріальныхъ благахъ, равноцѣнность которыхъ надо возвратить, то здѣсь не только необходимо, но и справедливо, чтобы цѣнность опредѣлилъ получившій. Если давшій получить обратно столько, насколько получившій извлекъ для себя изъ взятаго пользы или удовольствія, то онъ получить соответственную цѣнность³⁾. И законъ предполагаетъ кое-гдѣ, что опредѣле-

1) Илиада, перев. Гнѣдича, II, 158—162 и 284—299.

2) Ars Rhetorica, I, 6, 1363a 3—7.

3) ὅσον γὰρ οὗτος ἀφελήθη ἢ ἀντὶ ὅσου τὴν ἡδονὴν εἶλετ' αὐτὸν, τοσοῦτον ἀντιλαβὼν ἔξει τὴν παρὰ τοῦτου ἀξίαν. Ник. этика, IX, 1, 7—8.

не цѣнности предмета справедливѣе предоставить тому, кому этотъ предметъ былъ отданъ, чѣмъ тому, кто отдалъ его. Аристотель исходитъ здѣсь изъ соображенія, что получающій (испытывающій потребность въ предметѣ) естественно оцѣниваетъ его по этой потребности, т.-е. по дѣйствительной полезности предмета, тогда какъ дающій его, какъ не нуждающійся въ немъ, опредѣлитъ бы его цѣну произвольно, и вѣроятно, выше чѣмъ слѣдуетъ, потому что свое собственное всемъ кажется очень дорогимъ (*τὰ γὰρ οἰκεῖα... ἐκάστοις φαίνεται πολλοῦ ἀξία*)¹⁾.

Болѣе подробно условія обмѣна однихъ хозяйственныхъ благъ на другія Аристотель разсматриваетъ въ главѣ о справедливости. Нельзя предоставить опредѣленіе цѣнности одному доброму желанію получающаго: въ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ долженъ проявляться опредѣленный принципъ, и такъ какъ вообще принципомъ воздаянія служить справедливость, то и въ мѣновыхъ актахъ, поскольку они совершаются правильно, должна проявиться справедливость. Это не значитъ, что Аристотель усматриваетъ законмѣрность мѣновыхъ отношеній только въ установленіи справедливой цѣны, но онъ считаетъ наиболѣе яркимъ случаемъ такой законмѣрности именно „воздаяніе равнымъ за равное“, т.-е. мѣновые акты, совершаемые безъ какого-бы то ни было давленія одной стороны на другую. Справедливый обмѣнъ совпадаетъ для него съ свободой рыночныхъ отношеній и равенствомъ силъ обмѣнивающихся, гдѣ регуляторомъ обмѣна должно быть нѣчто, одинаково чувствуемое обѣими сторонами. Такой обмѣнъ представляетъ лишь одну изъ формъ распредѣленія благъ между участниками общественнаго цѣлаго; онъ своеобразенъ, но лишь постольку, поскольку своеобразны и сами распредѣляемые блага.

Аристотель отграничиваетъ общее понятіе справедливости въ смыслѣ соблюденія законовъ или жизни согласно общимъ нравственнымъ правиламъ отъ частнаго—равнаго отношенія къ матеріальнымъ и инымъ внѣшнимъ благамъ, соотвѣтственно чему намѣчается и общая форма несправедливости—несоблюденіе законовъ и частная—неравное или неравномѣрное отношеніе къ внѣшнимъ благамъ (*τὸ μὲν δίκαιον ἄρα τὸ νόμιμον καὶ τὸ ἴσον, τὸ δ' ἀδίκον τὸ παράνομον καὶ τὸ ἄμισον*). Аристотель поясняетъ дальше, почему неравенство именно по отношенію къ внѣшнимъ благамъ несправедливо: влеченіе къ матеріальнымъ благамъ напр. выше известной мѣры обманчиво, ибо хотя они сами по себѣ дѣйствительно блага, но для даннаго лица, поскольку имъ превзойденъ надлежащій предѣлъ, они перестаютъ быть благами и стремленіе къ нимъ за этимъ предѣломъ становится несправедливымъ. Человѣка, охваченнаго такимъ стремленіемъ, правильно назы-

¹⁾ Ник. этика. IX, 1, 9.

вають корыстнымъ (πλεονέκτης). Корыстолюбіе человѣка, чрезмѣрное стремленіе къ стяжанію матеріальныхъ благъ и сказывается въ его неравномъ, т. е. несправедливомъ отношеніи къ другимъ лицамъ при обмѣнѣ (ἔστι δ' ἄνισος) ¹⁾.

Въ разсматриваемомъ отдѣлѣ Ником. Этики Аристотель (или повторяющій его мысли ученикъ) ставитъ предметомъ изслѣдованія именно вторую, частную форму справедливости (ἡ κατὰ μέρος δικαιοσύνη). Она подраздѣляется въ свою очередь на два вида: одинъ находитъ себѣ выраженіе при распредѣленіи почестей, или хозяйственныхъ благъ, или чего-нибудь другого, что можетъ быть раздѣлено между участниками государственнаго общенія (τοῖς κοινωνοῦσι τῆς πολιτείας), ибо здѣсь можетъ быть равное или неравное надѣленіе одного предъ другимъ. Другой видъ—выравниваніе при мѣновыхъ отношеніяхъ (ἐν τοῖς συναλλάγμασι διορθωτικόν) ²⁾. Справедливое въ томъ и другомъ случаѣ есть нѣкоторый средній пунктъ. Эта мысль выражена довольно неудачно въ редакціонномъ отношеніи: „въ неравномѣрномъ есть нѣкоторая середина“ (μέσον τί ἐστὶ τοῦ ἄνισου). Составитель этой части текста „Этики“ явно хотѣлъ сказать здѣсь, что тамъ, гдѣ возможна неравномѣрность и неравенство, есть нѣкоторый правильный пунктъ, отъ котораго идутъ отклоненія въ обѣ стороны: большаго и меньшаго. Это и поясняется въ дальнѣйшемъ: середина въ неравномъ „есть равное: ибо во всякомъ дѣйствиіи, гдѣ есть большее или меньшее, есть и равное. Итакъ—несправедливое неравно, справедливое—равно. А разъ равное есть среднее, то и справедливое должно быть чѣмъ-то среднимъ“ ³⁾. Грантъ находитъ, что неясность въ формулировкѣ мысли возникла здѣсь отъ введенія идеи μέσον по отношенію къ справедливости, которая не требовалась этой частью аргументаціи ⁴⁾. Едва ли, однако, правильно считать лишнимъ указаніе на средину въ разсматриваемомъ отрывкѣ, потому что эта идея должна была связывать частное ученіе о справедливомъ въ распредѣленіи и обмѣнѣ внѣшнихъ благъ съ общимъ принципомъ Аристотелевой морали, который именно сводится къ умѣнью (нравственно-совершеннаго человѣка) сдѣлать правильный выборъ, „попасть въ точку“. Эта мысль систематически развивается и въ дальнѣйшемъ изложеніи, хотя формулировка ея и дальше не очень удачна. Въ вопросѣ о справедливомъ надѣленіи благами и обмѣнѣ благъ приходится считаться съ рядомъ двойныхъ, парныхъ, условій: поскольку справедливое есть средній пунктъ, оно предполагаетъ двѣ уклоняющихся отъ него крайности

¹⁾ Ник. этика, V, I, 8—10.

²⁾ „Мѣновыя отношенія“ понимаются здѣсь въ болѣе обширномъ смыслѣ, чѣмъ мѣновыя сдѣлки хозяйственнаго характера. См. ниже.

³⁾ Ник. этика, V, 3, 1—4.

⁴⁾ The Ethics of Aristotle, II, 110.

(большее и меньшее), поскольку оно есть равное, оно предполагает сравнение двух предметов, и наконец, поскольку оно есть справедливое, оно относится къ двумъ лицамъ ¹⁾).

Въ справедливомъ распредѣленіи матеріальныхъ благъ между различными лицами принципомъ дѣленія имѣющей массы предметовъ принимаются заслуги, моральныя качества самихъ лицъ, участвующихъ въ дѣлежѣ, по поговоркѣ: „дѣлить по достоинству“. Всѣ согласны, что справедливость при раздачахъ должна заключаться въ соответствіи съ достоинствомъ ²⁾, но не всѣ одинаково понимаютъ, въ чемъ заключается самое достоинство лица: демократы видятъ его въ свободѣ, олигархи—въ богатствѣ или благородствѣ происхождения, аристократы—въ добродѣтели ³⁾. Эта форма справедливости не имѣетъ никакого отношенія къ экономическому изслѣдованію; надѣленіе всякими виѣшними, въ томъ числѣ и хозяйственными благами, вытекаетъ здѣсь изъ условій, постороннихъ хозяйству и хозяйственной оцѣнкѣ. Зато другой видъ справедливости, проявляющійся въ обмѣнѣ однихъ хозяйственныхъ благъ на другія, приводитъ непосредственно къ экономической проблемѣ, которую Аристотель и пытается разрѣшить. Вступительныя замѣчанія къ этой части разсужденія изложены также довольно запутанно, но основная мысль ясна: прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ основаній самихъ мѣновыхъ отношеній, проводится разграниченіе экономической оцѣнки отъ оцѣнки по моральнымъ качествамъ людей. Въ этихъ замѣчаніяхъ, къ сожалѣнію, вопросы мѣнового оборота перепутаны съ вопросами о преступныхъ дѣйствіяхъ, но особый характеръ чисто-экономической оцѣнки намѣченъ все же достаточно отчетливо.

Выравниеніе въ обмѣнѣ (*τὸ ἐν τοῖς συναλλάγμασι διορθωτικόν*), какъ видъ справедливости, Аристотель дѣлитъ въ свою очередь на два подвиды: выравниеніе въ добровольныхъ и недобровольныхъ дѣйствіяхъ ⁴⁾, при чемъ къ добровольнымъ дѣйствіямъ онъ относитъ хозяйственныя отношенія: куплѣ-продажу, ссуду, поручительство, вкладъ, наемную плату, ко вторымъ—разнаго рода преступления, влекущія за собой соответственныя наказанія, какъ нѣкоторый эквивалентъ. Не останавливаясь на квалификаціи указанныхъ видовъ дѣйствій, какъ добровольныхъ и недобровольныхъ, несущественной съ точки зрѣнія изслѣдо-

¹⁾ Ник. Этика, V, 3, 4—5.

²⁾ *Τὸ γὰρ δίκαιον ἐν ταῖς διανομαῖς ἐμολογεῖται πάντες κατ' ἄξιαν τὰ δέου εἶναι.*

³⁾ Ник. Этика, V, 3, 7.

⁴⁾ *τῶν γὰρ συναλλάγματων τὰ μὲν ἐκούσια ἐστὶ τὰ δ' ἀκούσια.* Ник. этика, изд. Гранта, V, 2, 13. Радловъ переводитъ эти термины выраженіями „произвольныя и непроизвольныя“. Этика Аристотеля, стр. 87. Такая передача едва ли правильна и приводитъ, въ особенности въ дальнѣйшемъ изложеніи, къ затемненію мысли, лежащей въ основѣ разсужденія о воздаяніи.

ванія условій экономическаго распредѣленія и обмѣна, отмѣтимъ чрезвычайно важную мысль, легшую въ основу отграниченія всѣхъ вообще мѣновыхъ отношеній отъ отношеній распредѣленія. Для распредѣленія внѣшнихъ благъ какъ нѣкотораго цѣлага въ цѣлой же группѣ гражданъ, Аристотель считаетъ подходящимъ принципъ пропорціональнаго дѣленія, въ которомъ интересна не его математическая форма, а установленіе извѣстнаго отношенія къ моментамъ нехозяйственнаго характера („распредѣленіе по достоинству“). Здѣсь мы имѣемъ какъ бы противопоставленіе „соціальной теоріи распредѣленія“ и экономической, основывающейся на чисто-хозяйственныхъ факторахъ. Аристотель рассуждаетъ такъ: поскольку блага распредѣляются между людьми внѣ мѣноваго (рыночнаго) оборота, распредѣленіе исходитъ изъ мотивовъ, постороннихъ хозяйственнымъ процессамъ. Даже, если это распредѣленіе опирается на нѣкоторыя основы матеріальнаго характера, оно не имѣетъ ничего общаго съ хозяйственными моментами, относящимися къ распредѣляемымъ благамъ какъ таковымъ. Если распредѣляются хозяйственныя блага, общія (въ данномъ общественномъ союзѣ), то принципомъ распредѣленія могутъ быть взяты размѣры имущественныхъ же взносовъ (въ общественную казну), но такое распредѣленіе будетъ все же относиться къ первому виду справедливости, по геометрической пропорціональности, т.-е. по отношенію между распредѣляемыми хозяйственными благами и значенію отдѣльныхъ гражданъ въ общественномъ союзѣ. Переходъ же продуктовъ изъ однихъ рукъ въ другія при рыночномъ обмѣнѣ регулируется чисто-экономическими основаніями, и соціальная теорія распредѣленія къ нимъ приложенія имѣть не можетъ. Справедливое въ обмѣнахъ есть нѣчто равное, несправедливое—неравное, но не по той пропорціональности (какъ при распредѣленіи), а по непосредственному сравненію величинъ (по арифметической пропорціональности), ибо здѣсь не различаютъ качествъ лицъ, нанесшихъ ущербъ или потерпѣвшихъ его, т.-е. отнялъ ли что-либо у дурнаго человѣка человѣкъ порядочный, или у порядочнаго дурной. Законъ смотритъ здѣсь только на различіе, выразившееся въ матеріальномъ ущербѣ, на людей же смотритъ какъ на равныхъ. Мы имѣемъ значитъ въ такихъ случаяхъ дѣло только съ неравенствомъ матеріальнаго характера, выражающимся въ двухъ крайностяхъ: матеріальномъ ущербѣ (ή ζημία) и матеріальной выгодѣ (τὸ κέρδος), средину между которыми занимаетъ равное и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливое. Такимъ образомъ, заключаетъ Аристотель эту вводную часть о справедливости въ мѣновыхъ отношеніяхъ,—выравнивающая справедливость занимаетъ средній пунктъ между ущербомъ и выгодой (ὡστε τὸ ἐπανορθωτικὸν δίκαιον ἂν εἴη τὸ μέσον ζημίας καὶ κέρδους)¹⁾. Такой справедливости люди ищутъ, когда при-

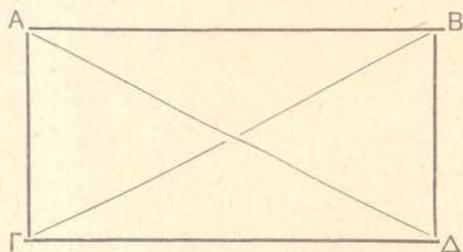
¹⁾ Ник. этика, V, 2, 13 и 4, 1—5.

бѣгаютъ къ судьѣ, ибо судья желаетъ быть какъ бы живою справедливостью. Люди выбираютъ судью, умѣющаго найти средину, и называютъ судей „посредниками“ (μεσίδιους). И дѣйствительно судья производитъ выравниваніе, какъ бы отнимая у линіи, раздѣленной на неравныя части, часть, превышающую половину, и присоединяя ее къ меньшей части. Равное и будетъ такимъ образомъ лежать между большимъ и меньшимъ по ариѳметической пропорціи. Когда мы рѣшаемъ вопросъ, что надо взять у имѣющаго больше, и что надо прибавить имѣющему меньше, мы должны исходить изъ соображенія, что при дѣленіи на двѣ неравныя части большая часть будетъ больше на двойную часть отрѣзка меньшей части, и потому чтобы произвести выравниваніе, вамъ необходимо присоединить къ меньшей части половину превышенія ея большей частью. Иначе говоря, имѣющему меньше надо прибавить столько, насколько большая часть превышаетъ средину, отнимая это отъ имѣющаго больше. Тогда у имѣющаго меньше изгладится ущербъ, у имѣющаго больше не будетъ прибыли. Эти названія: ущербъ и прибыль (выгода) Аристотель, говоря о судебныхъ рѣшеніяхъ, примѣняетъ къ нимъ по аналогіи съ явленіями, наблюдаемыми въ житейскомъ мѣновомъ оборотѣ, гдѣ законъ допускаетъ наживать прибыль и не ограждаетъ (при добровольномъ заключеніи сдѣлки) отъ ущерба. Въ отношеніяхъ, складывающихся недобровольно (подлежащихъ рѣшенію судьи), нельзя допускать ни выгоды, ни ущерба. Но такъ же бываетъ и въ добровольныхъ дѣйствіяхъ. И тамъ, когда никто не получилъ ни больше, ни меньше, а одинаковые (по оцѣнкѣ) предметы обмѣнялись другъ на друга (ἀλλ' αὐτὰ δὲ αὐτῶν γένηται) ¹⁾, тогда говорятъ, что всякій получилъ свое и никто не имѣетъ ни ущерба, ни прибыли. Итакъ въ добровольныхъ дѣйствіяхъ, напр. въ рыночномъ обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ, справедливость занимаетъ средину между прибылью и ущербомъ, проявляется въ томъ, чтобы имѣть равное какъ раньше, такъ и позже ²⁾. Не слѣдуетъ, однако, понимать равное и справедливое въ смыслѣ тождественнаго. Нѣкоторые полагаютъ, что справедливое выражается просто въ тальонѣ, возмездіи тѣмъ же самымъ (τὸ ἀντιτερονθὸς εἶναι ἀπλῶς δίκαιον), какъ утверждали пифагорейцы. Но такое возмездіе („око за око“) не согласуется, по мнѣнію Аристотеля, ни съ справедливостью въ распредѣленіи, ни съ справедливостью въ выравниваніи. Ибо оно во многомъ противорѣчитъ (истинной справедливости). Если напр. начальствующее лицо ударить кого-либо, то ему нельзя возмѣстить такимъ

¹⁾ Это выраженіе вызывало смущеніе старинныхъ комментаторовъ. Смысль его, однако, довольно ясенъ. Грантъ переводить его: „ни больше, не меньше, но равно себѣ самому“. The Ethics of Aristotle, II, стр. 116.

²⁾ Ник. этика, V, 4, 7—14.

же ударомъ, если же кто-либо ударить начальствующее лицо, то ему надо не только возмѣстить нанесенный ударъ, но и сверхъ того назначить нѣкоторое наказаніе. Значить въ „недобровольныхъ“ отношеніяхъ воздаяніе будетъ считаться съ разницей въ общественномъ положеніи лицъ. Въ „добровольныхъ“ мѣновыхъ отношеніяхъ такая разница не должна приниматься въ расчетъ, но и здѣсь справедливое выражается въ воздаяніи не на началахъ тальона, а пропорціональности (κατ'ἀναλογίαν καὶ μὴ κατ'ἰσότητα). Государство сплавается воедино именно воздаяніемъ пропорціональнымъ ¹⁾. Слѣдовательно, то же начало должно регулировать и рыночный обмѣнъ: потому-то и храмы Харитъ ставятъ на рынкахъ, чтобы была взаимность въ обмѣнахъ (ἵν' ἀνταπόδοσις ἦ). Взаимность въ обмѣнѣ, основанную на равнопропорціональномъ воздаяніи, Аристотель иллюстрируетъ графически

сочетаніемъ діагоналей въ четырехугольникъ. Пусть домостроитель будетъ А, сапожникъ В, домъ Γ и обувь Δ. Помѣщая ихъ въ качества вершинъ угловъ четырехугольника, получимъ слѣдующую геометрическую фигуру (см. чертежъ). Чтобы сдѣлать правильнымъ обмѣнъ имѣющихся у домостроителя

и сапожника предметовъ, необходимо приравнять ихъ другъ къ другу, отнеся каждый предметъ проведеніемъ соотвѣтствующей діагонали къ владѣльцу другого предмета. Это уравниваніе *предметовъ* отношеніемъ къ *лицамъ* совершается, какъ было уже объяснено выше, не оцѣнкой моральныхъ или иныхъ достоинствъ этихъ лицъ, въ томъ числѣ и не затратъ ихъ трудовой энергіи, какъ это могло бы показаться при первомъ взглядѣ на приводимую иллюстрацію, а сравненіемъ ихъ *потребностей* въ обмѣниваемыхъ предметахъ. Эта мысль выражена нѣсколько неясно въ самомъ началѣ разсужденія именно благодаря избранной иллюстраціи, гдѣ *владѣльцы* обмѣниваемыхъ предметовъ суть въ то же время и *производители* ихъ. „Домостроитель долженъ принять отъ сапожника его работу (τοῦ ἐκείνου ἔργου) и передать ему взамѣнъ свою работу“. Слово „работа“ (ἔργον) нужно понимать здѣсь не въ смыслѣ *труда* домостроителя или сапожника, а въ смыслѣ результата ихъ труда, какъ это встрѣчается у Аристотеля и въ другихъ мѣстахъ ²⁾. Иначе пришлось бы видѣть въ разсматриваемомъ на-

¹⁾ τῷ ἀντιποσείν γὰρ ἀνάλογον σφικνέει ἡ πόλις.

²⁾ Въ Политикѣ: обученіе рисованію полезно для лучшей оцѣнки произведеній художниковъ (τὰ τῶν τεχνικῶν ἔργα). Pol., VIII, 2, 1338a 19. Въ Ник. Этикѣ: каждый художникъ любить свое произведеніе—πᾶς (подразумѣвается: τεχνίτης) το σικεῖον ἔργον ἀγαπᾷ IX, 7, 3.

чалъ разсужденія противорѣчіе непосредственному продолженію его, гдѣ регуляторомъ обмѣна совершенно опредѣленно признается потребность. При толкованіи же въ нашемъ смыслѣ никакого противорѣчія не оказывается, и все разсужденіе Аристотеля съ начала и до конца остается проникнутымъ единой руководящей идеей. Сказавъ, что работа одного должна быть принята въ обмѣнъ на работу другого, Аристотель продолжаетъ: чтобы такой обмѣнъ состоялся, надо раньше найти пропорціональное равенство и уже затѣмъ, согласно этой нормѣ, произвести воздаяніе (однимъ благомъ за другое). Если же этого не будетъ, т.-е. не будетъ установлено равенство, то не утвердится и взаимная связь, ибо ничто не мѣшаетъ работѣ одного быть значительнѣе работы другого. Значитъ ихъ надо предварительно приравнять. Тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ ремеслахъ или искусствахъ. Ихъ нельзя было бы связать другъ съ другомъ, если бы производящій не производилъ чего-либо опредѣленнаго по количеству и качеству и получающій не принималъ этого какъ именно въ такомъ количествѣ и такого качества (*εἰ μὴ ἐποίει τὸ ποιοῦν καὶ ὅσον καὶ οἷον, καὶ τὸ πάσῃων ἔπασχε τοῦτο καὶ τοσοῦτον καὶ τοιοῦτον*). Ибо изъ двухъ врачей не выйдетъ взаимнаго общенія, но изъ врача и земледѣльца и вообще изъ людей разныхъ и неравныхъ. Ихъ надо, однако, приравнять. Поэтому все, что поступаетъ въ обмѣнъ, должно быть какимъ-то образомъ сравнимо¹⁾. Ради этого и вошла въ оборотъ монета, которая и становится какъ бы посредникомъ (*πῶς μέσον*): ибо она измѣряетъ все, и гдѣ избытокъ, и гдѣ недостатокъ, сколько напр. надо дать какой-нибудь обуви за домъ или пищу. И должно быть такое же отношеніе между домостроителемъ и сапожникомъ, сколько обуви дано за домъ или пищу. Аристотель возвращается здѣсь къ своей основной мысли пропорціональнаго дѣленія: необходимо установить опредѣленное отношеніе не только между предметами, но и между лицами, влаждующими ими и обмѣнивающими ихъ. Если такое отношеніе не установится, между ними не произойдетъ обмѣна и не будетъ общенія (*οὐκ ἔσται ἀλλαγὴ οὐδὲ κοινωνία*). А это отношеніе окажется невозможнымъ, „если у нихъ не будетъ чего-либо какимъ-нибудь образомъ равнаго (*εἰ μὴ ἴσα εἴη πῶς*). Итакъ все должно измѣряться чѣмъ-нибудь однимъ... Этимъ по истинѣ является потребность (*ἡ χρεία*), которая все связываетъ во-едино: если бы люди ни въ чемъ не нуждались, или неодинаково, то не было бы обмѣна, или онъ былъ бы неравный (*ἢ οὐκ ἔσται ἀλλαγὴ ἢ οὐχ ἡ αὐτή*). Монета и явилась какъ бы представительницей потребности по соглашенію (*οἷον δ' ὑπάλλαγμα τῆς χρείας τὸ νόμισμα γέγονε κατὰ συνθήκην*). Аристотель отмѣчаетъ здѣсь появленіе монеты какъ всеобщаго платежнаго средства

¹⁾ διὰ πάντα συμβεβηκὸς δεῖ πῶς εἶναι, ὡν ἐστὶν ἀλλαγὴ.

и потому пригоднаго орудія обращенія, *условно признаннаго* представителя потребности, и чтобы рѣзче отгнѣнить эту специальную функцію денегъ, прибавляетъ: Поэтому то монета (νόμισμα) и имѣетъ такое названіе, что она (является въ своей роли) не по природѣ, а по закону (οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ), и въ нашей власти замѣнить ее (другой монетой) и тѣмъ сдѣлать ее бесполезной (ἄχρηστον). Бесполезность старой монеты понимается здѣсь прежде всего, конечно, въ смыслѣ непригодности ея къ выполнению денежныхъ функцій. Но Аристотель не задумывался глубже надъ судьбой въ хозяйственномъ оборотѣ самаго матеріала упраздненной монеты и склоненъ былъ считать и его потерявшимъ значеніе и цѣнность. Отмѣтивъ функцію денегъ какъ посредника при обмѣнѣ, съ помощью котораго становится возможнымъ уравненіе потребностей лицъ, обмѣнивающихъ своими продуктами, Аристотель продолжаетъ: воздаяніе равнымъ и наступитъ, когда будетъ произведено такое уравненіе (т.-е. какъ вытекаетъ изъ всего предыдущаго, уравненіе потребностей лицъ, участвующихъ въ обмѣнѣ), такъ что какъ земледѣлецъ будетъ относиться къ сапожнику (опять таки слѣдуетъ подразумѣвать: въ смыслѣ ихъ потребностей), такъ и работа сапожника къ работѣ земледѣльца ¹⁾.

Отношеніе между обмѣнивающимися лицами было бы ошибочно понимать въ смыслѣ затраченныхъ ими трудовыхъ усилій. Неправильно видѣть въ отношеніи между ремесленниками или ремесленниками и земледѣльцами и моральную оцѣнку качества ихъ труда, какъ это дѣлаетъ Грантъ, толкуя фразу: „какъ домостроитель (или напр. фермеръ) долженъ относиться къ сапожнику, столько же башмаковъ должно быть по отношенію къ дому или хлѣбу“ въ смыслѣ утвержденія, будто цѣнность продукта опредѣляется качествомъ труда, затраченнаго на него. Сравненіе качествъ земледѣльца и сапожника представляется Гранту связаннымъ съ греческимъ пониманіемъ личнаго достоинства и отвращеніемъ къ βαναυσία. Но вѣдь самъ же Аристотель въ вступительныхъ замѣчаніяхъ къ разсматриваемому разсужденію опредѣленно указываетъ, что при обмѣнѣ хозяйственныхъ благъ сравненіе моральнаго достоинства обмѣнивающихъ лицъ неумѣстно ²⁾. За-

¹⁾ ἔστι δὲ ἀντιπεπονηός, ὅταν ἰσαριθῆ, ὅτε δ' ἄλλοι ἕως ἄλλοι πρὸς σκευοτόμον, τὸ ἔργον τὸ τοῦ σκευοτόμου πρὸς τὸ τοῦ ἕως ἄλλοι. Ник. этика, V, 5, 12. Нельзя не признать чрезвычайно страннымъ утверженіе Гильденбранда, будто Аристотель считалъ принципъ тальона примѣнимымъ именно къ мѣновымъ отношеніямъ. Непониманіе разсматриваемаго разсужденія Аристотеля сказалось у Гильденбранда и въ разъясненіи процесса сравненія обмѣниваемыхъ продуктовъ, при которомъ будто-бы Аристотель считалъ необходимымъ предварительную оцѣнку каждаго производственнаго предпріятія (Produktionsgeschäftes) по всемъ существеннымъ моментамъ. Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie, I, стр. 291—292. Все дѣло въ томъ, что Аристотель исходилъ не изъ производственныхъ условій, а изъ потребностей обмѣнивающихъ лицъ.

²⁾ Въ девятой книгѣ, въ связи съ вопросомъ о дружбѣ, Аристотель проводитъ

чѣмъ же было вводить мимоходомъ такую точку зрѣнія, дѣлая противорѣчивымъ начатое разсужденіе? Несогласованность ея съ непосредственно слѣдующимъ изложеніемъ видитъ и самъ Грантъ, отмѣчая, что тамъ проводится взглядъ, находящійся „въ большемъ согласіи съ политической экономіей“, именно, что всѣ продукты должны быть измѣряемы одной нормой (standard), и что эта норма есть въ дѣйствительности „спросъ“ (терминъ, которымъ Грантъ передаетъ здѣсь слово *χρεία*). И здѣсь, однако, Грантъ, видимо незнакомый съ теоріей предѣльной полезности, не можетъ напасть на истинную мысль, положенную въ основу разсужденія Аристотеля. „Значитъ, продолжаетъ онъ, спросъ, или другими словами рыночный торгъ (the higgling of the market) опредѣляетъ, сколько башмаковъ должно быть дано за домъ“. Но Аристотель говоритъ здѣсь вовсе не о торгѣ, не о борьбѣ между покупщикомъ и продавцомъ, а о нѣкоторой общей нормѣ, признаваемой ими одинаково. Потребность въ вещи, опредѣляющая ея цѣнность въ мѣновомъ оборотѣ, принимается въ настоящемъ разсужденіи какъ нѣкоторая постоянная величина, а не какъ колеблющаяся скала спроса въ рыночномъ торгѣ. Истолкованіе послѣдней фразы изложенной выше части разсужденія Аристотеля въ смыслѣ сравненія предметовъ по потребностямъ лицъ, желающихъ обладать ими, естественно подсказывается самымъ ея построеніемъ. Аристотель формулируетъ свою мысль обратной пропорціей лицъ къ предметамъ: какъ земледѣлецъ будетъ относиться къ сапожнику, такъ работа сапожника будетъ относиться къ работѣ земледѣльца. Если бы регуляторомъ обмѣна были признаны сравнительныя затраты труда на производство обмѣниваемыхъ предметовъ, пропорція лицъ къ предметамъ была бы прямая и работа сапожника относилась бы къ работѣ земледѣльца какъ сапожникъ (въ смыслѣ затраченнаго имъ труда) къ земледѣльцу. Но такъ какъ нормой обмѣна принимается полезность вещи, т.-е. потребность въ ней желающаго вымѣнять ее на свою вещь, то пропорція должна быть обратной: пара сапогъ будетъ такъ

параллель между моральной и экономической оцѣнкой, ссылаясь какъ на нѣчто уже установленное (въ разсужденіи о справедливости), что въ экономической оцѣнкѣ сравниваются не достоинства лицъ, а достоинства вещей (по ихъ отношенію къ потребностямъ лицъ). „Во всѣхъ неравныхъ дружественныхъ союзахъ дружбу уравниваетъ и спасаетъ, какъ было сказано, пропорціональность, подобно тому какъ въ социальныхъ отношеніяхъ (*ἐν τῇ πολιτικῇ*) сапожнику дается за обувь возмѣщеніе по ея достоинству, а также ткачу и остальнымъ. Здѣсь-то и изобрѣтена общая мѣра—деньги, къ которой все относится и которой все измѣряется“. Ник. этика, IX, 1, 1—2. И Грантъ самъ передаетъ мысль Аристотеля въ примѣчаніи къ цитированному мѣсту просто какъ указаніе, что при обмѣнѣ „самые разнородные продукты уравниваются одинъ съ другимъ“, не пытаясь истолковать это мѣсто въ смыслѣ сравненія трудовыхъ качествъ самихъ лицъ. *The Ethics of Aristotle*, II стр. 281.

относиться къ мѣшку хлѣба, какъ потребность земледѣльца (въ сапогахъ) будетъ относиться къ потребности сапожника (въ хлѣбѣ).

Къ этому положенію непосредственно присоединено не требуемое общимъ ходомъ разсужденія дополнительное замѣчаніе, очень темное, допускающее разнорѣчивыя толкованія, но не объясняемое удовлетворительно ни съ точки зрѣнія труда, ни полезности какъ факторовъ цѣнности. „Не слѣдуетъ вносить въ схему пропорціональности, когда стороны уже совершили обмѣнъ, (*ὅταν ἀλλάζωνται*) потому что иначе одинъ изъ краевъ (четыреугольника) будетъ имѣть оба избытка (преимущества), а только тогда, когда стороны будутъ еще имѣть свое. Они тогда равны и имѣютъ общеніе другъ съ другомъ, ибо такое равенство будетъ въ состояніи возникнуть для нихъ. Если земледѣльца обозначить черезъ А, пищу—черезъ Г, сапожника—черезъ В, то его работа, подлежащая уравненію (*τὸ ἰσαμείνον*)¹⁾, обозначится черезъ Δ. Если бы не было такого возмѣщенія, не было бы и общенія“. Грантъ толкуетъ это мѣсто опять въ смыслѣ вліянія качественныхъ различій труда на цѣнность обмѣниваемыхъ предметовъ. „Послѣ того какъ обмѣнъ совершенъ, или, говоря короче, послѣ того какъ цѣна предмета была разъ выражена въ деньгахъ, уже не время говорить о „качествѣ труда“ или какой-либо сторонѣ требовать преимущества въ этомъ отношеніи. Если кто-либо совершилъ обмѣнъ, онъ имѣлъ бы „оба преимущества“ засчитанными въ его пользу, т. е. его собственное превосходство надъ другимъ производителемъ и превосходство его продукта надъ продуктомъ другого. Воспользовавшись уже преимуществомъ цѣны, въ которомъ однимъ элементомъ было качество труда, онъ сталъ бы теперь требовать преимущества труда самого по себѣ (*by itself*), которое такимъ образомъ было бы присчитано ему дважды, ибо *ὅταν ἀλλάζωνται* не можетъ значить ничего иного, кромѣ „когда они совершили обмѣнъ“, *ὅταν* съ аористомъ, подразумевающимъ совершенный актъ. Кажется, нѣтъ надобности утверждать, что цѣнность какой-либо вещи не должна быть устанавливаема послѣ того, какъ она продана. Скорѣе бываетъ, что послѣ того, какъ товары прибыли на рынокъ, и на нихъ обозначилась рыночная цѣна, должны прекратиться соображенія объ ихъ производствѣ. Поэтому (отмѣченное) выраженіе неясно, но вышеприведенное истолкованіе даннаго мѣста представляется наиболѣе естественнымъ, какое можетъ быть дано“²⁾. Но и это истолкованіе мало уясняетъ смыслъ разсматриваемаго отрывка. Допуская, что составитель его хотѣлъ указать на вліяніе качества труда, непонятно, какимъ образомъ получившій уже въ обмѣнъ продуктъ другого сталъ бы еще требовать (съ кого?) „пре-

¹⁾ Радловъ переводитъ: „уравнивающая“, что не отвѣчаетъ общему смыслу разсужденія и не оправдывается грамматическимъ построеніемъ фразы.

²⁾ The Ethics of Aristotle. II, стр. 120—121.

имущества труда самого по себѣ“. Нельзя удовлетворительно истолковать это мѣсто и съ точки зрѣнія полезности какъ фактора цѣнности. Въ немъ ясна только мысль, что послѣ совершенія обмѣна стороны временно, до новой потребности, уже не нуждаются другъ въ другѣ, будучи удовлетворены вполне, и общеніе, завязавшееся было между ними на почвѣ ихъ нужды, прекращается до потребности въ новомъ мѣновомъ актѣ. Въ этомъ слыслѣ можно было упомянуть, что разъ обмѣнъ совершенъ, графической схемы, указывающей на связь между сторонами, строить не слѣдуетъ. Но почему, если бы она была построена, оба преимущества оказались бы на одной сторонѣ? Это непонятно, и въ этомъ чувствуется безцѣльность всего отрывка, производящаго впечатлѣніе совершенно ненужной вставки. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній дѣлать изъ истолкованія этого мѣста подтвержденіе оцѣнки по качеству труда или вообще по труду; основная мысль Аристотеля, что регуляторомъ обмѣна служитъ потребность, видимо не нарушается разсмотрѣннымъ мѣстомъ и вслѣдъ за нимъ она развивается опять съ прежней настойчивостью. „Что потребность связываетъ какъ бы въ единое цѣлое (*ἄσπερ ἐν τῷ ὅν*), ясно изъ того, что если бы двое не нуждались одинъ въ другомъ, ни оба вмѣстѣ, ни кто либо одинъ изъ нихъ, то они и не совершали бы обмѣна, который бываетъ, когда кто-либо нуждается въ томъ, что другой имѣетъ, напр. когда, чтобы получить вино, вывозятъ въ обмѣнъ на него хлѣбъ. А это надо уравнивать“. Уравнителемъ и является нужда, потребность, совершенно явственно проступающая при непосредственной мѣнѣ одного блага на другое. Пользованіе деньгами при наличныхъ расчетахъ опирается на ихъ функціи всеобщаго платежнаго средства и орудія обращенія. Но Аристотель не ограничивается указаніемъ на одни эти функціи, а отмѣчаетъ еще и роль денегъ какъ орудія сохраненія цѣнности. Можетъ случиться, что человѣкъ сейчасъ не нуждается въ чемъ-либо, но будетъ имѣть надобность въ немъ (а значитъ и въ вымѣнѣваніи его на что-либо свое) въ будущемъ. Тогда онъ можетъ предварительно обмѣнять имѣющееся у него въ избыткѣ на деньги, которыя будутъ какъ бы ручательствомъ полученія въ будущемъ необходимаго ему блага (*τὸ νόμισμα οἷον ἐγγυητὴς ἐσθ' ἡμῖν*). Кто принесетъ деньги, тотъ получитъ за нихъ, что ему нужно. Но, конечно, за этотъ промежутокъ времени можетъ наступить измѣненіе цѣнности и самихъ денегъ. „Они не могутъ всегда сохранять одинаковую цѣнность (*οὐ γὰρ αἰεὶ ἴσον δύνανται*), но все же цѣнность ихъ имѣетъ тенденцію держаться тверже. Поэтому-то ими и должно все оцѣнивать, и такимъ образомъ обмѣнъ всегда останется возможнымъ. А если будетъ обмѣнъ, будетъ и общеніе. Итакъ деньги, какъ мѣра, дѣлающая (хозяйственные блага) соизмѣримыми, уравниваетъ ихъ. И какъ об-

щение невозможно безъ обмѣна, а обмѣнъ безъ уравненія, такъ и уравненіе невозможно безъ соизмѣренія. По истинѣ невозможно, чтобы столь различные предметы стали вполне соизмѣримыми, но по отношенію къ потребности это достаточно достижимо (πρὸς δὲ τὴν χρείαν ἐνδέχεται ἰκανῶς)¹⁾. Для этого должно быть взято иѣчто какъ единая мѣра, по условному признанію, почему оно и называется νόμισμα. Аристотель отмѣчаетъ здѣсь опять функцію денегъ какъ всеобщаго платежнаго средства, устанавлиаемаго закономъ или молчаливымъ общимъ признаніемъ. Ибо, продолжаетъ онъ, деньги дѣлаютъ все соизмѣримымъ, и все мѣряется деньгами. Обозначимъ домъ черезъ А, десять минъ черезъ В, ложе—черезъ Г. Пусть А будетъ равно половинѣ В, если домъ стоитъ пяти минъ, т.-е. такова равная цѣнности дома сумма денегъ, а ложе Г—одной десятой В (т.-е. одной мины). Ясно тогда, сколькимъ ложамя равняется домъ, —именно пяти. Ясно, что такимъ же образомъ обмѣнъ происходилъ и раньше денегъ, ибо безразлично, дать ли прямо пять ложъ вмѣсто дома, или деньгами столько, сколько стоятъ пять ложъ“²⁾.

Для теории мѣновой цѣнности Аристотеля характерно, что въ нее включена какъ органической членъ и теорія цѣнности денегъ. Деньги выполняютъ въ мѣновыхъ отношеніяхъ функцію общепризнаннаго „представителя полезности“ и потому они могутъ служить мѣриломъ цѣнности всѣхъ остальныхъ хозяйственныхъ благъ. Въ „Этикѣ“ Аристотель особенно подчеркиваетъ эту сторону денегъ, и хотя по всей видимости онъ подразумѣваетъ подъ νόμισμα монету, изготовленную изъ цѣннаго матеріала, онъ выдвигаетъ въ ней на первый планъ значеніе денежнаго знака, безотносительно къ ея такъ назыв. „внутренней“ цѣнности. Здѣсь онъ идетъ по слѣдамъ Платона, видѣвшаго въ деньгахъ также по преимуществу мѣновой знакъ. Выше было показано, какъ настойчиво Аристотель твердитъ читателю объ этомъ именно свойствѣ монеты: она—представительница потребности „по соглашенію“ (κατὰ συνθήκην) или „по закону“ (νόμῳ), а никакъ не „по природѣ“ (φύσει), и отъ насъ зависитъ сдѣлать ее бесполезной. Связывается ли съ законнымъ и обычнымъ признаніемъ монеты какъ мѣнового знака и ея цѣнность, или она въ свою очередь находится въ зависимости отъ сообщенныхъ ей денежныхъ функцій, въ мѣрѣ ихъ выполнения, этого Аристотель не выясняетъ, и едва ли эта проблема ясно обрисовывалась его умственному взору. Онъ признавалъ, однако, за деньгами уже и въ

¹⁾ Это мѣсто переводится обычно въ смыслѣ „практически достижимаго“, но мнѣ кажется, что было бы правильнѣе видѣть здѣсь указаніе на потребность въ самыхъ хозяйственныхъ благахъ, дѣлающую соизмѣримыми вещи, безконечно различные другъ отъ друга въ иныхъ отношеніяхъ.

²⁾ Ник. этика, V, 5, 1—16.

„Этикъ“ самостоятельную цѣнность, повидимому, въ связи съ цѣнностью матеріала, изъ котораго они изготовлены. На это указываетъ его разсужденіе о возможномъ, съ теченіемъ времени, измѣненіи въ цѣнности монеты, безъ измѣненія ея прежняго характера и наименованія. Во всякомъ случаѣ изъ изложенія Аристотеля не вполне ясно, почему именно монета можетъ быть мѣриломъ цѣнности. И въ дальнѣйшемъ ходѣ разсужденія объ установленіи равенства при обмѣнѣ при помощи монеты, какъ мѣрила цѣнности, Аристотель опять повторяетъ, что мѣрило цѣнности должно быть одно, и именно условленное ($\xi\ \acute{\upsilon}\lambda\omicron\upsilon\epsilon\sigma\epsilon\omega\varsigma$), почему оно и называется νόμισμα¹⁾.

Вопросъ о самостоятельной цѣнности денегъ, независимо отъ ихъ денежныя функцій, а въ связи съ хозяйственнымъ значеніемъ матеріала, изъ котораго они изготовлены, гораздо опредѣленнѣе выясняется Аристотелемъ въ „Политикъ“. Еще Платонъ совершенно отчетливо сознавалъ, что, оставаясь мѣновымъ знакомъ, платежнымъ средствомъ и орудіемъ обращенія, деньги могутъ имѣть различный характеръ, смотря потому, будутъ ли они созданы изъ цѣннаго матеріала, или нѣтъ. Для первыхъ онъ отводилъ болѣе широкой кругъ примѣненія („международныя деньги“), вторыя считалъ способными функционировать только въ замкнутомъ кругу выпустившаго ихъ государства. Аристотель, который обычно подхватываетъ и анализируетъ дальше мысли, брошенныя Платономъ, на этотъ разъ не даетъ сколько-нибудь удовлетворительной разработки вопроса о различныхъ видахъ денегъ, оставляя этимъ самымъ недостаточно выясненнымъ и тѣсно связанный съ нимъ общій вопросъ о природѣ, функціяхъ и цѣнности денегъ. Въ „Политикъ“, изображая схематически дѣйствительный процессъ возникновенія денегъ непосредственно за разграниченіемъ субъективной цѣнности (полезности) и мѣновой цѣнности для всѣхъ вообще хозяйственныхъ благъ, Аристотель принимаетъ уже въ соображеніе и „внутреннюю“ цѣнность денегъ, независимо отъ выполненія ими функцій орудія обращенія. Деньги у него по прежнему орудіе обращенія, созданное сознательно, соглашеніемъ людей, ради устраненія испытываемыхъ ими неудобствъ при непосредственной мѣнѣ²⁾. Но указывая, какіе же именно предметы избирались въ каче-

¹⁾ Ник. этика, V, 5, 15.

²⁾ Мнѣніе, что деньги были созданы сознательнымъ соглашеніемъ людей, не подтверждается новѣйшими историческими и этнографическими изслѣдованіями. См. объ этомъ С. Menger, ст. Geld въ Handw. d. Staatswiss., IV³, стр. 562 и сл. Но въ общей схемѣ Аристотеля оно имѣло значеніе не столько историческаго вывода (оказавшагося невѣрнымъ), сколько теоретическаго допущенія. Понимаемое въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, т.-е. въ видѣ указанія на характеръ денегъ въ логически мыслимомъ общественномъ союзѣ, оно помогаетъ уясненію ихъ спеціальной функціи орудія обращенія, и введеніе его въ послѣдовательно развертываемую цѣнь всего разсужденія нельзя не признать весьма удачнымъ методологическимъ приемомъ.

ствѣ матеріала для денегъ, онъ отмѣчаетъ, что это было каждый разъ нѣчто само по себѣ полезное (*ὁ τῶν χρησίμων αὐτὸ ὄν*) и даже не просто полезное, а особенно требуемое въ жизни, особенно ходкіе предметы (*εἶχε τὴν χρεῖαν εὐμεταχείριστον πρὸς τὸ ζῆν*), какъ напр. желѣзо, серебро или что-либо подобное. И такъ какъ металлы въ общемъ житейскомъ обиходѣ принимались по размѣру и вѣсу, то и употребляя ихъ въ качествѣ денегъ, ихъ сначала каждый разъ взвѣшивали и измѣряли, чтобы опредѣлить ихъ внутреннюю цѣнность. Въ концѣ концовъ, чтобы избавиться отъ постоянной процедуры ихъ измѣренія при мѣновыхъ актахъ, на нихъ стали накладывать знакъ при самомъ выпускѣ ихъ въ обращеніе. Этотъ знакъ не произвольно намѣчалъ ихъ цѣнность, а указывалъ на дѣйствительное содержаніе въ нихъ металла (*τοῦ ποσοῦ σημεῖον*), которое явно опредѣляло ихъ цѣнность какъ орудія обращенія. Переходя послѣ этого къ характеристикѣ торговли и развивающагося при ней стремленія къ безпредѣльной наживѣ, Аристотель, быть можетъ, для того, чтобы рѣзче отгнать неразумность, нецѣлесообразность такого стремленія, напоминаетъ, что деньги могутъ примѣняться исключительно въ качествѣ условнаго орудія обращенія, простого мѣнового знака, который внѣ посреднической функціи не будетъ имѣть никакой цѣнности. „Иногда наоборотъ деньги кажутся пустымъ звукомъ, (имѣющими силу) всецѣло по закону, а не по природѣ (*ἄλλοτε εἶναι δοκεῖ τὸ νόμισμα καὶ νόμος παντάπασι, φύσει δ' οὐθέν*), ибо если пользующіеся ими замѣнять ихъ (другимъ видомъ денегъ), то они теряютъ всякую цѣнность, станутъ совершенно бесполезны для полученія (въ обмѣнъ на нихъ) чего либо необходимаго ¹⁾, и человѣкъ, богатый деньгами, часто не добудетъ себѣ необходимаго пропитанія“. Такое богатство было бы совершенно бессмысленно и обладающій имъ могъ бы погибнуть отъ голода, подобно Мидасу, у котораго отъ жадности къ обогащенію всѣ предлагаемыя ему кушанья превращались въ золото ²⁾. Не смотря на чувствующееся колебаніе въ этомъ разсужденіи, Аристотель не ставитъ опредѣленно вопроса, почему никто не сталъ бы брать золота, послѣ того какъ оно было лишено денежныхъ функцій. Онъ видимо не вдумался достаточно глубоко въ эту сторону дѣла и желая подчеркнуть, что излишняя погоня за золотомъ безцѣльна съ точки зрѣнія правильного жизненнаго строительства, что деньги не могутъ замѣнить собой всего необходимаго, что вымѣнивается на нихъ, формулировалъ эту вѣрную мысль съ чрезмѣрной односторонностью, умѣстной только по отношенію къ деньгамъ, какъ знаку, какъ условному, признанному и оберегаемому закономъ орудію обращенія, не имѣющему иной основы

1) *ὅτι μεταθεμένων τε τῶν χρησίμων οὐθενὸς ἄξιον, οὕτε χρήσιμον πρὸς οὐδὲν τῶν ἀναγκαίων ἔστι.*

2) Arist. Politica, I, 3, 1257a 35—41, 1257b 10—17.

цѣнности, а никакъ не къ золотымъ деньгамъ, т.-е. деньгамъ, изготовленнымъ изъ цѣннаго матеріала. Подойдя къ разграниченію цѣнности денегъ, вытекающей изъ ихъ функціи орудія обращенія, и цѣнности ихъ, обусловленной пригодностью ихъ матеріала для иныхъ потребностей, онъ не провелъ этого разграниченія до конца и не связалъ съ нимъ соответствующихъ видовъ самихъ денегъ (деньги изъ цѣннаго матеріала и деньги только какъ знакъ, случаи примѣненія которыхъ были, однако, у него передъ глазами и съ проектомъ которыхъ въ Платоновыхъ „Законахъ“ онъ не могъ не быть знакомъ). Взявъ для примѣра золотыя деньги (миѣ о Мидасѣ), онъ впалъ въ противорѣчіе съ основной мыслью всего разсужденія въ цитированномъ выше мѣстѣ „Политики“. Было бы, однако, неправильно, исходя изъ признанія такого противорѣчія, умалять значеніе Аристотелевой теоріи денегъ, какъ это дѣлаетъ напр. Бридрэ, авторъ выдающейся монографіи объ извѣстномъ средневѣковомъ продолжателѣ Аристотеля въ денежномъ вопросѣ—Ник. Орезмѣ. Бридрэ отказывается объяснить, почему въ „Политикѣ“ Аристотель говоритъ о деньгахъ не только какъ о мѣновомъ знакѣ, но и признаетъ за ними внутреннюю цѣнность, въ „Этикѣ“ же совершенно не упоминаетъ объ ихъ внутренней цѣнности. Онъ считаетъ его истиннымъ мнѣніемъ только взглядъ на деньги какъ мѣновой знакъ. „Въ основѣ, это всегда одна и та же идея: монета, созданная соглашеніемъ и существующая только по соглашенію. Такова и есть истинная мысль Аристотеля. Только онъ не могъ отрицать, что на дѣлѣ монетное вещество имѣло нѣкоторую собственную полезность, прежде чѣмъ оно было избрано: и тогда, не пытаясь согласовать этотъ фактъ со своей слишкомъ абсолютной доктриной, онъ вышелъ изъ него путемъ противорѣчія“. И потому Бридрэ довольно пренебрежительно отзывается о всей денежной теоріи Аристотеля, видя въ ней мимоходомъ сдѣланный набросокъ, неполный и неудовлетворительный, включающій (въ „Политикѣ“) крупное противорѣчіе, которое невозможно объяснить¹⁾. Конечно, Аристотель не довелъ до конца намѣченной имъ логической нити разсужденія и не рѣшилъ поставленную имъ же самимъ проблему. Но постановка про-

¹⁾ E. Bridrey. Nicole Oresme. Paris 1906, стр. 355—364. Бридрэ становится здѣсь на путь, проложенный до него въ французской литературѣ вопроса, гдѣ мысль Аристотеля объ условномъ характерѣ монеты была чрезмерно подчеркнута, въ ущербъ идеѣ самостоятельной цѣнности денегъ. Ср. P. Janet. Histoire de la science politique, dans ses rapports avec la morale. 3-ème éd. t. 1-er. Paris 1887, стр. 201 и слѣд. A. Schœn. Les théories économiques dans la Grèce antique, стр. 510—511. Напротивъ, J. Zmavc въ небольшомъ, но хорошо продуманномъ этюдѣ о денежной теоріи Аристотеля обнаруживаетъ ясное пониманіе связи ея съ его общей теоріей цѣнности. Die Geldtheorie und ihre Stellung innerhalb der Wirtschafts- und Staatswissenschaftlichen Anschauungen des Aristoteles. Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss., 58 Jahrg. 1902, стр. 67 и слѣд.

блемы цѣнности денегъ у Аристотеля заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія. Онъ совершенно опредѣленно связываетъ ее съ общей проблемой цѣнности хозяйственныхъ благъ, находя объясненіе цѣнности денегъ въ одномъ и томъ же принципѣ полезности, проводимомъ послѣдовательно и для „полновѣсныхъ“ денегъ, взятыхъ изъ группы предметовъ, обладающихъ полезностью и внѣ ихъ мѣновыхъ функций, и для число-условныхъ денегъ, для монеты, какъ исключительно мѣнового знака. Противъ такой постановки проблемы цѣнности денегъ можно спорить, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые новѣйшіе экономисты, но нельзя отрицать за ней крупнаго методологическаго значенія съ избранной Аристотелемъ точки зрѣнія. Бридрэ не замѣчаетъ этой стороны ученія Аристотеля, быть можетъ, потому, что подобно большинству новѣйшихъ изслѣдователей, имѣвшихъ случай касаться экономическихъ идей древнихъ грековъ, беретъ мысли Аристотеля по отдѣльному, интересующему его вопросу внѣ связи съ его общей системой. Вырванные изъ общаго хода разсужденія, онѣ естественно представляются мало понятными и нелогичными. Бридрэ удивляется, почему Аристотель говоритъ о деньгахъ въ „Этикѣ“ такъ, а въ „Политикѣ“ иначе. Но вѣдь въ „Этикѣ“ онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ вопросъ о справедливости въ мѣновыхъ сдѣлкахъ, орудіемъ которыхъ служатъ деньги, и для его цѣли было важно отгѣнить функцию денегъ какъ всеобщаго платежнаго средства, около которой естественно расположились и остальные, отмѣченныя имъ функции (орудія обращенія, мѣрила цѣнности, сохраненія цѣнности). Въ „Политикѣ“ же онъ подошелъ вплотную къ вопросу о природѣ самихъ денегъ, и пытаясь намѣтить главные этапы въ ихъ развитіи, не могъ не остановить своего вниманія на отборѣ денегъ изъ обычныхъ предметовъ мѣнового оборота, обладающихъ собственной специфической полезностью, подобно всѣмъ другимъ хозяйственнымъ благамъ, и притомъ изъ предметовъ, даже болѣе ходкихъ, чѣмъ остальные. Онъ намѣтилъ этимъ новую, ранѣе незатронутую имъ черту въ природѣ денегъ. Ему оставалось согласовать ее съ отмѣченными ранѣе функциональными свойствами денегъ какъ платежнаго средства, орудія обращенія и мѣрила цѣнности—задача чрезвычайно трудная, и неудивительно, что онъ оставилъ ее нерѣшенной. Постановка же проблемы цѣнности денегъ у Аристотеля, повторяемъ, поразительна не только для его времени, и пожалуй мы могли бы отыскать ей параллель въ новѣйшихъ экономическихъ ученіяхъ только у Маркса, съ не менѣе односторонней попыткой рѣшенія ея по существу (хотя и совершенно въ противоположномъ смыслѣ) ¹⁾.

¹⁾ Повидимому, логическій планъ разсужденія Аристотеля оказалъ глубокое

Что касается проскальзывающего въ приведенномъ разсужденіи Аристотеля взгляда на деньги какъ на измѣритель цѣны, опредѣляющей точно, передъ совершеніемъ мѣновой сдѣлки, сравнительныя количества цѣнностной субстанціи, заключенной въ обмѣниваемыхъ товарахъ, то справедливость требуетъ признать, что этотъ взглядъ выраженъ у Аристотеля далеко не съ такой прямолинейностью, какъ у Маркса, и допускаетъ и иное, болѣе широкое толкованіе. Въдѣ Аристотель говорить о равенствѣ въ обмѣнѣ не въ смыслѣ равенства цѣнностной субстанціи вещей, а въ смыслѣ соглашенія контрагентовъ, производимаго добровольно, безъ всякаго давленія ни съ той, ни съ другой стороны, потому что каждая сторона находитъ въ данномъ соотношеніи количество обмѣниваемыхъ предметовъ одинаковое

(хотя, быть можетъ и не ясно сознанное) вліяніе на Маркса при построеніи имъ своего ученія о цѣнности, формахъ обмѣна и роли въ немъ денегъ. Онъ начинаетъ свою „Критику политической экономіи“ ссылкой на Аристотелево разграниченіе субъективной (или, по терминологіи Маркса, „потребительной“) и мѣновой цѣнности (стр. 1 русск. перев.), толкуя это мѣсто дальше, опять таки въ полномъ согласіи съ собственной мыслью, что потребительная цѣнность товара, назначеннаго къ обмѣну, должна быть признана его покупателемъ (стр. 17). При характеристикѣ денегъ какъ мѣрила цѣнности онъ опять ссылается на Аристотеля (стр. 42), считая, однако, его разсужденіе лишь формально правильнымъ, но лишеннымъ объясняющаго цѣнность содержанія (какимъ, съ точки зрѣнія Маркса, должно было быть признаніе опредѣленія цѣнности по количеству овеществленнаго въ деньгахъ (золотѣ) рабочаго времени). Любопытно, что Марксъ совершенно просмотрѣлъ опредѣленное указаніе Аристотеля на потребность какъ начало, связующее во-едино самыя разнообразныя по качеству хозяйственныя блага. „Онъ не скрываетъ, что эти различныя, измѣряемые деньгами, вещи совершенно несоизмѣримыя величины. Онъ ищетъ единства товаровъ, какъ мѣновыхъ цѣнностей, но, какъ античный грекъ, не можетъ найти его. Онъ пытается выйти изъ затрудненія, допуская, что неизмѣримое само по себѣ дѣлается соизмѣримымъ посредствомъ денегъ, насколько это нужно для практической потребности“. Марксъ считаетъ настолько незлой мысль о полезности какъ факторѣ цѣнности, что не видитъ ея у Аристотеля даже тамъ, гдѣ тотъ ясно упоминаетъ о ней (въ цитированномъ выше отрывкѣ объ отборѣ денегъ изъ разныхъ вещей, полезныхъ самихъ по себѣ). „Шевалье, который или не читалъ, или не повѣялъ Аристотеля, цитируетъ это мѣсто, чтобы показать, что, по взгляду Аристотеля, орудіе обращенія должно состоять изъ драгоценнаго вещества. Напротивъ, Аристотель ясно говоритъ, что деньги, исключительно какъ орудіе обращенія, имѣютъ только условное или установленное закономъ существованіе, какъ на это указываетъ ихъ названіе *υδρα* и что въ дѣйствительности ихъ потребительная цѣнность, какъ монетъ, зависитъ только отъ ихъ функціи, а не отъ присущей имъ самимъ потребительной цѣнности“ (стр. 91). Такимъ образомъ отмѣченнаго выше противорѣчія въ ученіи Аристотеля о деньгахъ для Маркса не существуетъ и онъ понимаетъ это ученіе исключительно въ смыслѣ признанія денегъ „символомъ или знакомъ цѣнности“. Совершенно правильно указаніе Маркса, что Аристотель подъ именемъ „экономіи“ и „хрематистики“ развиваетъ въ ихъ противоположности оба процесса обращенія, обозначаемые Марксомъ формулами T—D—T и D—T—D (стр. 112). Аналогію между проводимымъ имъ взглядомъ на форму мѣнового процесса и разсужденіемъ Аристотеля Марксъ отмѣчаетъ и въ „Капиталѣ“ (т. I, стр. 24—25 русск. перев.). Здѣсь онъ опять считаетъ правильной только формальную

удовлетвореніе ея потребности. Это далеко не то, что уравненіе по количеству овеществленнаго въ обмѣнваемыхъ товарахъ абстрактнаго человѣческаго труда, содержащагося, по предположенію, въ равной мѣрѣ и въ суммѣ денегъ, служащей посредникомъ при обмѣнѣ¹⁾.

характеристику мѣнового процесса, объясняя неудачу рѣшенія проблемы по существу отсутствіемъ у Аристотеля „какого-либо представленія о стоимости (т.-е. цѣнности; въ такомъ смыслѣ надо понимать употребляемый переводчикомъ терминъ и дальше). Въ чемъ можетъ заключаться равное, т.-е. нѣчто общее, что позволяло бы кровати выразить свою стоимость въ домѣ? Ничего подобнаго этому „въ дѣйствительности существовать не можетъ“, говоритъ Аристотель. Почему? Домъ представляетъ относительно кровати нѣчто равное, если въ обоихъ, и домѣ и кровати, заключается человѣческій трудъ. Но Аристотель не могъ усмотрѣть въ формѣ стоимости товаровъ того обстоятельства, что въ ней всѣ виды труда считаются однимъ и тѣмъ же человѣческимъ трудомъ и потому выражены какъ равнозначашіе, вслѣдствіе того, что греческое общество основывалось на трудѣ рабовъ, и слѣдовательно имѣло своимъ естественнымъ базисомъ неравенство людей и ихъ труда. Можно проникнуть въ тайну выраженія стоимости—равенство и равное значеніе всѣхъ видовъ труда, настолько, насколько они представляютъ человѣческій трудъ вообще,—только тогда, когда идея равенства людей обладаетъ уже прочностью народнаго обычая. Но это возможно только въ такомъ обществѣ, въ которомъ товарная форма есть общая форма продукта труда, и слѣдовательно отношеніе людей другъ къ другу, какъ товаровладѣльцевъ, есть господствующее социальное отношеніе. Геній Аристотеля въ томъ и виденъ, что онъ въ выраженіи стоимости товаровъ открываетъ отношеніе равенства. Только историческія рамки общества, въ которомъ онъ жилъ, мѣшали ему найти, въ чемъ состоитъ „въ дѣйствительности“ это отношеніе равенства“. Но именно эти историческія рамки, усиленныя и закругленныя въ „идеально-логическій“ типъ общества, построеннаго всецѣло на рабскомъ трудѣ, указывали Аристотелю вполнѣ опредѣленно, что искомое отношеніе равенства состоитъ въ равенствѣ потребностей обмѣнивающихся своими товарами людей. Аристотель не вводилъ труда въ свое объясненіе цѣнности не потому, что онъ представлялся ему разнороднымъ (мы видѣли, что онъ почти одинаково пренебрежительно относился ко всякому непосредственному хозяйственному труду), а потому что онъ считалъ его несущественнымъ факторомъ цѣнности, а объясненіе цѣнности полезностью—вполнѣ исчерпывающимъ. Упорное нежеланіе Маркса понять ученіе Аристотеля въ свѣтѣ идеи полезности представляется любопытнымъ образчикомъ научнаго субъективизма, отказывающагося воспринять несогласную съ собственнымъ убѣжденіемъ чужую мысль даже тамъ, гдѣ она выражена весьма отчетливо. К. Марксъ. Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи. Пер. Румянчева подъ ред. Мануилова, М. 1896 и Капиталь, т. I, пер. Давидьсона, 2-ое изд., Спб. 1898.

¹⁾ Менгеръ, выступающій съ особенно энергичнымъ протестомъ противъ взгляда на деньги какъ на мѣрило, предварительно предлагаемое къ обмѣнивающимся товарамъ, считаетъ Аристотеля столь же наивнымъ и прямолинейнымъ выразителемъ такого взгляда, какъ и его преемниковъ. И Аристотель учитъ, по мнѣнію Менгера, что деньги функціонируютъ въ мѣновомъ оборотѣ, какъ „мѣрило цѣны“ (als Preismesser), какъ абстрактное количество цѣнности, которымъ измѣряются „заключенныя въ другихъ рыночныхъ товарахъ количества цѣнности“ и „создается возможность уравненія ихъ цѣнности при обмѣнѣ“. Ст. Geld въ Handw. d. Staats-Wiss., стр. 582—583. Мысль Аристотеля, какъ было показано выше, въ дѣйствительности гораздо сложнѣе. Но недоговоренность его теоріи денегъ оставляетъ, конечно, совершенно

Ученіемъ о деньгахъ Аристотель замыкаетъ кругъ теоретической экономіи, относящейся къ положительному типу хозяйства, кѣткѣ *κατὰ φύσιν*, гдѣ отношенія между главами хозяйствъ основываются на принципѣ справедливости, замѣнявшемъ Аристотелю методологически гипотезу свободной конкуренціи позднѣйшихъ экономистовъ. Однако, теорія обмѣна непосредственно приводитъ и къ анализу хозяйственныхъ отношеній отрицательнаго типа, „хрематистики“, гдѣ все съ начала до конца строится на обмѣнѣ. Здѣсь руководящимъ началомъ и двигателемъ хозяйственной дѣятельности является стремленіе къ получению наибольшей выгоды, наживѣ ради наживы, деньгамъ ради денегъ. Не случайно, что, пытаясь анализировать этотъ „противный природѣ“ укладъ хозяйства Аристотель отмѣтилъ въ немъ только монопольныя формы: монополію кредита (денежное ростовщичество) и монополію торговли.

Съ основной точки зрѣнія Аристотеля на задачи человѣческаго хозяйства крайне отрицательное отношеніе къ денежному ростовщичеству не требуетъ дальнѣйшихъ поясненій. Можно пожалѣть, что Аристотель не пожелалъ вдуматься глубже въ вопросъ о кредитѣ, его полезной роли въ извѣстныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, его различныхъ формахъ и сѣтовать на препятствія, которые ставило ему на пути такого изслѣдованія его общее моральное міровоззрѣніе. Но нельзя же видѣть въ указаніи Аристотеля на „противоестественность“ денежнаго ростовщичества слѣпоту упрямаго доктринера, отрицающаго, вопреки очевидности, пользу кредита для народнаго хозяйства. Въ той постановкѣ, какая давалась Аристотелю для этого вопроса общими рамками его экономического ученія, иного отвѣта онъ дать не могъ. Кредитная монополія, движимая стремленіемъ къ безпредѣльной наживѣ, правильно представлялась ему злоупотребленіемъ денежными функціями, направленіемъ работы денегъ на ложный путь, не отвѣчающій ихъ прямому назначенію быть честнымъ посредникомъ въ обмѣнѣ полезностями. Какъ бы ни былъ узокъ и односторонень этотъ взглядъ, въ немъ было достаточно логической послѣдовательности и согласованности съ общимъ строемъ намѣченной Аристотелемъ экономической теоріи. Дѣло современнаго критика—не осуждать Аристотеля за то, что онъ не понималъ всѣхъ сторонъ капиталистическихъ отношеній, а уловить логическій ходъ его мысли въ тѣхъ рамкахъ, въ какихъ она могла развертываться въ его время. И потому нельзя не признать наивными жалобы и возгласы негодованія современныхъ ученыхъ, недоумѣвающихъ, какъ могъ Аристотель проглядѣть значеніе такой могучей силы капи-

---

тельной позиціи, которую онъ занялъ бы въ этомъ вопросѣ, если бы онъ отчетливо сталъ передъ нѣмъ.

талистического хозяйства, какъ кредитъ. Поль Жанэ называетъ отношеніе Аристотеля къ хрематистикѣ „страннымъ протестомъ столь положительнаго ума противъ торговли, процента, движенія капиталовъ, всего того, что создаетъ жизнь и цивилизацію современныхъ народовъ“¹⁾. Едва древніе, говоритъ Эспинасъ, обратились къ изысканіямъ относительно условій производства и обмѣна, „какъ ихъ удержало одно соображеніе (*scrupule*). Они спросили себя: справедливо-ли безпредѣльно обогащаться? И всѣ отвѣтили отрицательно на этотъ вопросъ“. Эспинасъ также находитъ „немного странными“ взгляды Аристотеля и считаетъ въ концѣ концовъ его „индивидуализмъ не менѣе опаснымъ, чѣмъ социализмъ Платона“, приносящимъ въ жертву моральному идеалу хозяйственный прогрессъ²⁾. Но вѣдь нельзя же судить древнихъ съ точки зрѣнія задачъ современной народохозяйственной политики. Намъ важно уяснить теоретическое значеніе ихъ взглядовъ при принятыхъ ими допущеніяхъ. А едва ли можно переоцѣнить теоретическую проницательность мыслителя, умѣвшаго уловить духъ не только опредѣлившагося уже вполне уклада хозяйства (ойкоснаго, основаннаго на потребностяхъ), но и лишь начинавшаго намѣчаться (капиталистическаго).

Любопытно, что объединяя обѣ отмѣченныя имъ формы капиталистическаго хозяйства общей рубрикой хрематистики, т.-е. неправильнаго, противнаго природѣ способа приобрѣтенія, Аристотель относится къ сосредоточенію монополій на товары въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ въ явный ущербъ всему обществу съ гораздо меньшимъ осужденіемъ, чѣмъ къ денежному ростовщичеству, въ которомъ онъ видѣлъ именно въ силу чисто-денежной формы отношеній между заимодавцемъ и должникомъ наиболѣе послѣдовательное и потому наиболѣе противоестественное выраженіе отрицательнаго типа хозяйства. Къ другимъ же монополіямъ онъ относится сравнительно благодушно, усматривая въ дѣятельности монополиста проявленіе недюжинныхъ умственныхъ силъ, особый даръ прозорливости, какъ напр. въ разсказѣ о Фалесѣ Милетскомъ, который, предвидя, по научнымъ даннымъ, большой урожай оливокъ, еще зимой законтрактовалъ за дешевую цѣну всѣ маслобойни въ Милетѣ и на Хіосѣ, и потомъ, когда его оживданія оправдались, и возникъ одновременно сильный спросъ на маслобойни, онъ сталъ отдавать ихъ за высокую цѣну и тѣмъ нажилъ много денегъ. Разсказъ этотъ приводился обычно въ доказательство того, что философамъ не трудно было бы нажить состояніе, если бы они желали этого, и самъ Аристотель видитъ въ поступкѣ Фалеса явное

1) P. Janet, указ. соч., стр. 201.

2) A. Espinas. Histoire des doctrines économiques, Paris 1892, стр. 5—6, 46—51.

свидѣтельство его мудрости. Разсказъ о Фалесѣ представляется ему типичнымъ для характеристики монопольнаго установленія цѣнъ и онъ рекомендуетъ отнестись къ нему со вниманіемъ всѣмъ, цѣнящимъ капиталистическіе способы хозяйства (τοῖς τιμῶσι τὴν χρηματιστικὴν). Рядомъ съ нимъ онъ приводитъ примѣръ аналогичной дѣятельности обыкновеннаго капиталиста, нѣкоего сиракузянина, который былъ видимо мѣстнымъ банкиромъ и употребилъ переданныя ему въ качествѣ вкладовъ деньги на скупку всего желѣза изъ рудниковъ, которое и сталъ продавать прибывшимъ купцамъ, хотя и безъ чрезмѣрнаго вздуванія цѣны (οὐ πολλὴν ποιήσας ὑπερβολὴν τῆς τιμῆς), однако сумѣлъ нажить съ помощью этой операціи сто талантовъ на пятьдесятъ.

Въ указаніи на незначительность эксплуатаціи потребителя, не вполне понятную при столь высокой нормѣ прибыли, чувствуется опять особое отношеніе Аристотеля къ этой формѣ наживы. Онъ какъ бы видитъ въ ней не простое хищничество, практикуемое низкими натурами, а результатъ особыхъ умственныхъ дарованій, проникательности, идущей дальше кругозора обыкновеннаго человѣка и потому вознаграждаемой обильнымъ доходомъ. Мудрецъ и капиталистъ выступаютъ здѣсь какъ дѣятели близкаго умственнаго склада¹⁾, и Аристотель даже рекомендуетъ государственнымъ дѣятелямъ обращаться къ такому способу приобрѣтенія для увеличенія государственныхъ доходовъ²⁾.

Аристотель вообще не желаетъ углубляться въ анализъ ненавистнаго ему капиталистическаго хозяйства, и какъ бы онъ ни относился къ отдѣльнымъ формамъ хрематистики, изслѣдованіе ихъ останавливалось у него всегда въ самомъ началѣ. Тѣмъ не менѣе мысли, высказываемыя имъ объ этомъ отрицательномъ типѣ хозяйственныхъ отношеній, глубоки и полны интереса. Повидимому, именно наблюденіе мѣновыхъ отношеній типа хрематистики привело Аристотеля къ признанію самостоятельной проблемы хозяйственной цѣнности, независимой отъ какихъ-бы то ни было стороннихъ соображеній. Здѣсь онъ, однако, еще колебался. Онъ не сомнѣвался въ одномъ—и это было самымъ важнымъ результатомъ его изученія хрематистики—что капиталистическое хозяйство глубоко отлично по самой своей цѣли отъ стараго, патріархальнаго экономическаго строя. Онъ постигъ *духъ капитализма* въ его непрестанной погонѣ за прибылью ради прибыли, и хотя онъ сурово осудилъ его съ точки зрѣнія своего нравственнаго идеала и не желалъ вникать въ детали отношеній, складывающихся въ капиталистическомъ строѣ хозяйства, уже одно

1) τὸ μέντοι ἔραμα Φαλέω καὶ τοῦτο ταῦτ' ἐστίν.

2) Arist. Politica, I, 4.

это пониманіе основного нерва капитализма давало ключъ къ рѣшенію ряда проблемъ, поставить которыя могли только его отдаленные преемники ¹⁾).

Теоретическая экономія Аристотеля почти цѣликомъ замыкается въ рамкахъ положительнаго типа хозяйственной организаціи и потому сливается съ моральнымъ ученіемъ. Такое сліяніе, при допущеніяхъ Аристотеля, было вполне правомѣрнымъ. Современнымъ экономистамъ трудно стать на эту точку зрѣнія. Но вѣдь если мы возьмемъ для теоретическаго изученія идеально-логическій типъ общества, составленнаго изъ людей, руководящихся во всѣхъ формахъ своей дѣятельности принятымъ ими и обязывающимъ ихъ нравственнымъ идеаломъ, то при такомъ (повторяемъ: чисто-гипотетическомъ допущеніи) намъ придется ставить ихъ хозяйственные мотивы и хозяйственные дѣйствія въ прямую зависимость отъ ихъ моральныхъ оцѣнокъ. Нужно ли брать для теоретическаго изслѣдованія экономическихъ отношеній такую гипотезу, это вопросъ другой, о которомъ можно, конечно, много спорить. Но разъ такая гипотеза принята, въ сліяніи чисто-хозяйственной и моральной точекъ зрѣнія при изслѣдованіи экономическихъ проблемъ нѣтъ ничего нелогическаго. Насколько желаніе разрабатывать подобнымъ образомъ теоретическую экономію сильно и въ наше время, показываютъ не заглушія еще попытки (правда, весьма неуклюжія и далеко уступающія прозрачной ясности логическаго построения греческихъ мыслителей) нѣмецкой историко-этической школы. Сознательное или безсознательное сближеніе теоретико-экономическаго анализа съ опредѣленнымъ строемъ моральныхъ идей постоянно встрѣчается даже у наиболѣе абстрактнаго экономическаго направленія— въ школѣ предѣльной полезности, въ частности въ ея математической вѣтви ²⁾.

---

¹⁾ Вильг. Окенъ, которому вообще непонятны основы экономическаго міровоззрѣнія Аристотеля, считаетъ его отвращеніе къ проценту на капиталъ „въ высшей степени страннымъ“ (höchst seltsam) „не только потому, что оно не допускаетъ логическаго обоснованія, но еще и въ силу того, что оно рѣзко противорѣчитъ основному закону античной жизни. Чѣмъ же жили свободные люди древности? Рентой, процентнымъ доходомъ съ капитала, вложеннаго ими въ ихъ работу“... Staatslehre des Aristoteles, II, стр. 107—108. Но вѣдь Аристотель возражалъ не противъ нетрудового дохода вообще, который наоборотъ онъ считалъ самымъ естественнымъ способомъ снабженія гражданъ всѣмъ необходимымъ для „самодовлѣющей“ жизни въ рамкахъ нормальнаго государственнаго общенія, а противъ его *денежной формы*, и то при условіи *безпредѣльнаго стремленія* къ нему, наиболѣе рѣзко выраженнаго въ ростовщичествѣ, т. е. противъ дѣятельности, не укладывающейся въ рамки отвѣчающаго здравымъ моральнымъ принципамъ хозяйственнаго строя.

²⁾ Еще Джевансъ въ своей „Теоріи политической экономіи“ опредѣленно ставилъ себѣ задачей „трактовать экономію какъ исчисленіе удовольствія и непріятности“ (as a Calculus of Pleasure and Pain) и заявлялъ, что онъ „не колеблется при-

Подведемъ итоги. Въ твореніяхъ Аристотеля греческая мысль классическаго періода нашла себѣ наиболѣе полное, законченное выраженіе, въ частности и въ экономическомъ ученіи. Послѣ мистическаго порыва Платона къ таинственному источнику бытія, трезвая разсудительность Аристотеля привела философію опять на родную эллинскую землю и сблизила критически продуманныя положенія теоріи съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ. Въ области экономическихъ идей во многихъ отношеніяхъ Аристотель возвращается назадъ, къ Ксенофону и Сократу, опираясь въ то же время и на Платона, правда, больше на автора „Законовъ“, чѣмъ „Полити“, но, какъ не разъ было отмѣчено выше, многія положенія Аристотеля, при всемъ ихъ отличіи отъ ученія Платона, излагаемаго въ „Полити“, по существу являются ихъ естественнымъ продолженіемъ и развитіемъ. Отъ Сократа до Аристотеля греческая экономическая мысль, исходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ предпосылокъ, продѣлала довольно сложную эволюцію, завершившись тщательно разработанной, порой достигающей

нять утилитарную теорію нравственности, которая ставитъ критеріемъ того, что справедливо и несправедливо (what is right and wrong), его вліяніе на благополучіе человечества“. W. St. Jevons. The Theory of Political Economy. 3-d. ed. London 1888, стр. VI (изъ предисл. къ первому изданію) и 23. Въ разсматриваемомъ отношеніи еще болѣе любопытна мало извѣстная книга Эджворта: Mathematical Psychics. Въ ней чрезвычайно настойчиво проводится идея сближенія экономики и утилитарной морали. Предметъ экономики разсматривается здѣсь съ точки зрѣнія психофизической гипотезы какъ „реализація максимальной общей суммы благополучія (happiness) при извѣстныхъ условіяхъ. „Экономическое исчисленіе изслѣдуетъ равновѣсіе системы гедоническихъ силъ, тяготящихся каждая къ максимальной индивидуальной полезности; утилитарное исчисленіе—равновѣсіе системы, въ которой всѣ и каждый стремятся къ максимуму универсальной полезности“. Въ изслѣдованіи справедливости въ мѣровыхъ сдѣлкахъ Эджвортъ прямо становится на путь, проложенный Аристотелемъ, и признавая, что въ извѣстныхъ случаяхъ свободная конкуренція должна дополняться третейскимъ рѣшеніемъ (arbitration), ищетъ базиса для такого рѣшенія въ опредѣленіи „средняго пункта“ (mean) вполне въ духѣ Аристотеля, сближая экономическое изслѣдованіе съ принципами „утилитарнаго исчисленія“. Самое понятіе Аристотеля о добродѣтели какъ среднѣ между двумя пороками Эджвортъ признаетъ „аналогичнымъ математической теоріи, что максимумъ удовольствія (курсивъ вездѣ Эджворта) есть среднее между двумя минимумами. Такимъ же образомъ, продолжаетъ Эджвортъ, понятіе Аристотеля о двухъ видахъ превосходства (*ἀρετή*), и общее—всѣ случаи, въ которыхъ представляются два (или болѣе) *лучшихъ* путей дѣйствія (употребляя превосходную степень въ смыслѣ, аналогичномъ собственно математическому смыслу „максимума“), могутъ быть случаями *множественныхъ рѣшеній* проблемы въ *вариационномъ исчисленіи*, проблемы *максимальной полезности*“. F. Edgeworth. Mathematical Psychics, London 1881, стр. 11—12, 15—16 и 55—56. Оставляя въ сторонѣ (отмѣченный уже выше) вопросъ о томъ, насколько идея предпочтенія при оцѣнкѣ, выдвинутая Аристотелемъ, допускаетъ математическую формулировку, намъ важно подчеркнуть здѣсь, что въ самомъ сближеніи экономической и моральной оцѣнки съ Аристотелемъ сходится и представитель отвлеченнѣйшаго направленія современной экономической мысли.

филигранной тонкости отдѣлки, теоретической системой. Греческая теоретическая экономія вполне послѣдовательно ориентирована по потребленію, и идея полезности образуетъ ея основной, руководящій принципъ. Историкъ экономической мысли, по мѣрѣ углубленія въ творенія античныхъ философовъ, все отчетливѣе обрисовывается поразительный фактъ, заслуживающій самаго пристального вниманія, что на зарѣ научной работы, при первыхъ попыткахъ систематическаго изслѣдованія явленій человѣческаго хозяйства былъ съ полной отчетливостью сознавъ субъективный характеръ экономической оцѣнки, а полезность и ограниченность запаса хозяйственныхъ благъ выдвигались какъ ея основные факторы. Онъ видитъ, что изъ глубины вѣковъ протягиваются нити, связывающія завѣты мыслителей сѣдой старины съ самыми новѣйшими ученіями современности, и школа предѣльной полезности, только недавно занявшая видное мѣсто среди господствующихъ теченій теоретической экономіи, оказывается для него прямой продолжательницей работы, начатой въ Академіи и Лицеѣ древнихъ Аѳинъ. Связь эта, къ сожалѣнію, сознается и теперь далеко не многими. Во второй половинѣ XVIII в. и первой XIX в., когда закладывались основы новѣйшей политической экономіи, дѣло обстояло еще хуже. Однимъ изъ могущественнѣйшихъ тормозовъ, надолго задержавшимъ нормальное развитіе экономической теоріи въ ближайшее къ намъ время, было пренебреженіе къ ранней исторіи экономической мысли. Имъ одинаково страдали французскіе физиократы и англійская классическая школа. Не говоря уже о Рикардо, стоявшемъ вдали отъ всякихъ философскихъ размышленій, даже Адамъ Смитъ, специально работавшій надъ вопросами нравственной философіи, совершенно не видѣлъ въ твореніяхъ древнихъ мыслителей источника для преемственныхъ изслѣдованій въ области экономической теоріи. Для „Богатства народовъ“ онъ бралъ у своихъ предшественниковъ принципы естественнаго права, пользуясь по преимуществу трудами писателей болѣе близкаго къ нему времени, изъ древнихъ же—ученіями стоиковъ, а не Платона или Аристотеля. В. Гасбахъ, обстоятельно изслѣдовавшій философскія основы сочиненій Ад. Смита, находитъ, что даже въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ онъ опирался болѣе всего на ученіе Шафтсбэри, усердно изучалъ и старался примирить и слить въ стройное цѣлое теоріи его преемниковъ—Гёттесона, Юма, Бутлера и Гартли, изъ древнихъ же и здѣсь для него въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были конгеніальны стоики, но не Платонъ и не Аристотель ¹⁾. Въ противо-

¹⁾ W. Hasbach. Untersuchungen über Ad. Smith und die Entwicklung der Politischen Oekonomie. Leipzig 1891, стр. 82 и 90 и 211—239, а также Die allgemeinen philosophischen Grundlagen der von Fr. Quesnay u. Ad. Smith begründeten politischen Oekonomie. Leipzig 1890.

положность древнимъ, Ад. Смитъ ориентировалъ теоретическую экономію по производству, полагая въ основу своей системы принципъ хозяйственнаго труда. И хотя это была одна изъ плодотворнѣйшихъ мыслей, пущенныхъ имъ въ научный оборотъ, онъ выдвинулъ ее слишкомъ односторонне, далеко не будучи по основнымъ свойствамъ своего ума одностороннимъ мыслителемъ. Незнакомство съ экономической доктриной древне-греческихъ философовъ сыграло здѣсь весьма пагубную роль, ибо при нѣкоторомъ вниманіи къ ней нельзя было бы не посчитаться во всѣхъ основныхъ пунктахъ экономической системы съ идеей полезности, и тогда собственная теорія Ад. Смита и ученія его ближайшихъ преемниковъ значительно выиграли бы въ полнотѣ и критической продуманности ихъ отправныхъ точекъ. Англійская классическая школа какъ бы заслонила собой предыдущее развитіе экономической мысли и надолго отодвинула на второй планъ вопросы субъективной оцѣнки и попытки философскаго обоснованія хозяйственной дѣятельности какъ элемента общей соціальной жизни. И потому возрожденіе идеи полезности въ теоретической экономіи, наступившее, кстати сказать, также внѣ сознанія преемственной связи съ ученіемъ древнихъ, выливалось въ форму оппозиціи господствующей англійской доктринѣ и обострялось въ еще болѣе одностороннюю теорію. Съ годами крайности обоихъ направленій смягчились, и наше время упорно ищетъ синтеза обѣихъ точекъ зрѣнія, нашедшаго уже себѣ достаточно закругленную формулировку въ трудахъ Маршалла, Вальраса и другихъ представителей математическаго направленія. Синтезъ этотъ, однако, далеко еще не законченъ, въ области же философскаго обоснованія исходныхъ пунктовъ экономической теоріи дѣло обстоитъ настолько слабо, что — какъ было показано выше — даже серьезнѣйшіе искатели такого обоснованія находятъ возможнымъ довольствоваться доктриной утилитаризма, представляющей въ моральномъ и философскомъ отношеніяхъ регрессъ по сравненію съ ученіями Платона и Аристотеля, не говоря уже о христіанствѣ. Поэтому экономическое міровоззрѣніе древнихъ грековъ можетъ еще послужить современнымъ изслѣдователямъ путеводной звѣздой въ ихъ скитаніяхъ за поисками высшихъ принциповъ экономической теоріи. Болѣе того: въ собственно-экономическомъ анализѣ, въ особенности въ изслѣдованіи природы экономической оцѣнки, внимательное изученіе древнихъ не разъ заставитъ призадуматься и пересмотрѣть и критически провѣрить послышки, до того казавшіяся самоочевидными.

Греческая экономическая доктрина сохраняетъ т. обр. свою актуальность до нашихъ дней. Но ея изученіе представляется крайне необходимымъ и съ точки зрѣнія проблемы самой исторіи экономической мысли. Не въ укоръ будь сказано труженикамъ въ этой обширной области изслѣдованія, проявившимъ не мало добросовѣстности, талан-

та и остроумія,—до сихъ поръ еще очень мало сдѣлано въ самой постановкѣ проблемы и выработкѣ плана ея рѣшенія. Какъ часто въ работахъ даже выдающихся историковъ экономической мысли мы не находимъ скелета, который скрѣплялъ бы прочною связью отдѣльныя части, и линия историческаго движенія идей изображается ими съ непонятными намъ разрывами, заставляющими предполагать, что мы имѣемъ дѣло не съ беспорядочностью самой исторической эволюціи, а съ неумѣньемъ найти ея дѣйствительный ходъ. Какъ часто мы наблюдаемъ беспомощность изслѣдователя, недоумѣло останавливающагося передъ картиной хозяйственнаго быта и попадающимися ему на глаза блестками экономической мысли той же эпохи, не знающаго, какъ связать ихъ другъ съ другомъ, и выходящаго изъ затрудненія простымъ пересказомъ имѣющихся у него свѣдѣній, причѣмъ для читателя остается совершенно неяснымъ, почему въ исторіи идей даннаго времени нужно было съ такой подробностью передавать эти именно черты хозяйственнаго быта. Такое положеніе науки исторіи политической экономіи объясняется, конечно, многими причинами, которыя сами по себѣ заслуживали бы самаго внимательнаго изслѣдованія. Но объ одной умѣстно упомянуть и здѣсь: отсутствіе строго выдержаннаго плана и ясно сознанной перспективы объясняется, по нашему глубокому убѣжденію, недостаточно отчетливымъ уясненіемъ исходнаго пункта всей работы. Если видѣть въ первыхъ попыткахъ экономического изслѣдованія только случайные обрывки мыслей, то блестящихъ, то неудачныхъ, и считать началомъ систематической научной работы, оперирующей достаточно критическимъ методомъ, только близкое къ намъ время, начинать исторію истинной экономической науки съ физиократовъ, какъ это дѣлаетъ напр. Авг. Онкень, то вся предыдущая исторія экономической мысли превращается въ какую-то старинную кунсткамеру разнаго рода раритетовъ, самихъ по себѣ, быть можетъ и любопытныхъ, но лишенныхъ объединяющей ихъ внутренней связи.

Совсѣмъ иначе рисуется задача изслѣдованія исторіи экономическихъ идей при пониманіи цѣлостности экономического міровоззрѣнія древнихъ. При такомъ взглядѣ на оставленное ими наслѣдство мракъ послѣдующихъ вѣговъ пронизывается для наблюдателя яркими лучами, идущими отъ перваго средоточія свѣта экономического знанія. Экономистъ, интересующійся историческими судьбами своей науки, обратитъ тогда вниманіе на повторявшіяся время отъ времени эпохи ренессанса экономическихъ идей классической древности, и въ запутанномъ лабиринтѣ историческихъ путей человѣческой мысли для него установятся новыя надежныя вѣхи, помогающія прослѣдить совершавшееся движеніе идей. А цѣлостность теоретической системы древнихъ, ея методологическіе корни въ общемъ моральномъ и общественномъ міровоззрѣніи неволью наведутъ его на исканія зачатковъ

несходныхъ, но столь же цѣлостныхъ теоретическихъ построеній. И тогда многое, что раньше казалось случайными и разрозненными обрывками мыслей, брошенными когда-то и гдѣ-то, по какимъ-то поводамъ, объединится въ его пониманіи въ сложныя теоретическія системы, какъ ихъ необходимыя, органическія части, имѣющія за себя глубокія основанія и образующія въ общемъ составѣ стройное, гармоническое и величественное цѣлое. Такія изслѣдованія требуютъ дружной совмѣстной работы экономистовъ и историковъ, работы тяжелой, встрѣчающей многочисленныя препятствія и трудности, но обѣщающей, по нашему глубокому убѣжденію, привести къ открытію новаго и неожиданнаго въ послѣдовательной филиаціи экономическихъ идей и заложить наконецъ прочный фундаментъ для построенія дѣйствительно научной исторіи экономической мысли.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
23	15 сверху	ἀφθονον	ἄφθονον
25	20 снизу	φῖλα	φῖλα
26	13 сверху	ἀπαντα	ἅπαντα
26	10 снизу	Πενίην	πενίην
26	11 снизу	Πλοῦτόν τε	πλοῦτόν τε
51	18 сверху	εἶπερ	εἶπερ
51	3 снизу	ἐπίσταστο	ἐπίσταιτο
55	20 сверху	ἦττον	ἦττον
62	5 сверху	ἔργων	ἔργων
62	6 сверху	εὐμφυλάττοντα	συμφυλάττοντα
62	21 сверху	οἰκονομικῶν	οἰκονομικῶν
87	3 снизу	ὠφέλιμα	ὠφέλιμα
89	2 снизу	ἦρου	ἦρου
89	5 снизу	ἦ	ἦ
97	28 сверху	употребленіе	изготовленіе
110	10 снизу	возвышеннымъ	высокимъ

1p

ція Библиотеки
Убѣдительно просить
писчиковъ:

помарки №№ книгъ, которыя
чь изъ Библиотеки;

пискѣ обязательно написы-
счика и, невозможности, №

K393318---

